

HISTORIA ROSSICA

РУССКАЯ

ИЛЬЯ
ВИНЬКОВЕЦКИЙ

АМЕРИКА

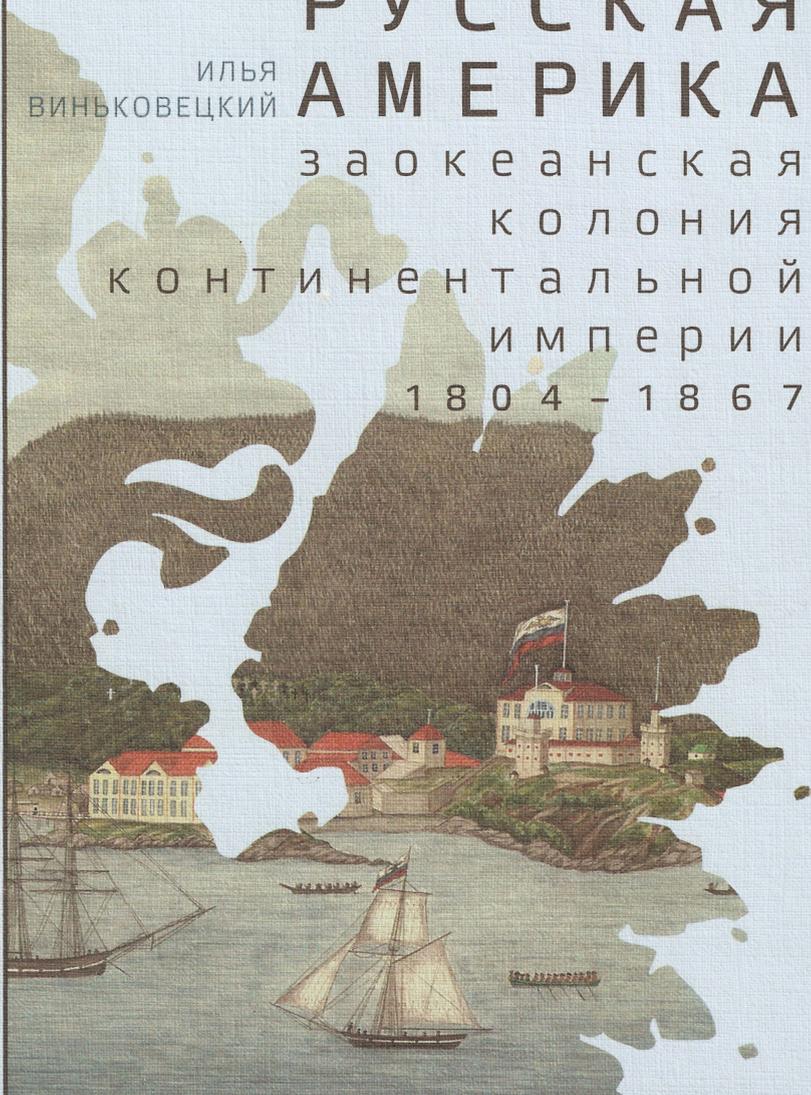
за океанская

колония

континентальной

империи

1804 – 1867

ОКРАИНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

HISTORIA ROSSICA

Окраины Российской империи

Ilya Vinkovetsky

Russian
America

AN OVERSEAS COLONY
OF A CONTINENTAL
EMPIRE

1804-1867

Илья Виньковецкий

Русская Америка

ЗАОКЕАНСКАЯ КОЛОНИЯ
КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ
ИМПЕРИИ

1804–1867

Новое
Литературное
Обозрение

2015

УДК 94([47+57]-52)"1804/1867"

ББК 63.3(2)521-27

B50

Редакционная коллегия серии

HISTORIA ROSSICA

Е. Анисимов, А. Зорин,

А. Каменский, Ю. Слѣзкин, Р. Уортман

Редактор серии

И. Жданова

Редактор подсерии «Окраины Российской империи»

А. Миллер

Виньковецкий, И.

B50 Русская Америка: заокеанская колония континентальной империи, 1804—1867 / Илья Виньковецкий; пер. с англ. С. Константинова; науч. ред. перевода А. Миллер. — М.: Новое литературное обозрение, 2015. — 320 с.: ил. — (Серия HISTORIA ROSSICA)

ISBN 978-5-4448-0286-1

Монография канадского профессора Ильи Виньковецкого (Илья Vinkovetsky, Simon Fraser University, Burnaby), родившегося в России и выросшего в США, представляет собой фундаментальное исследование истории единственной заморской колонии Российской империи. На основе обширной источниковой базы автор раскрывает политические, экономические и социальные аспекты функционирования русско-американской колониальной системы, подводит итоги столетнего владения Аляской для Российской империи, для коренного населения и для экологии и объясняет, почему правительство Александра II в 1867 году неожиданно решило продать Русскую Америку США. По мнению автора, российский империализм продемонстрировал удивительную гибкость и адаптивность в Русской Америке, которая до момента продажи была хотя и уязвимой, но все же жизнеспособной колонией.

УДК 94([47+57]-52)"1804/1867"

В оформлении обложки использован фрагмент акварели А. Ольгина «Вид Ново-Архангельской крепости на о. Ситха», 1837 г.

ББК 63.3(2)521-27

© 2011 by Oxford University Press, Inc.

Russian America: An Overseas Colony of a Continental Empire, 1804—1867. First Edition was originally published in English in 2011. This translation is published by arrangement with Oxford University Press.

© С. Константинова, пер. с английского, 2015

© ООО «Новое литературное обозрение». Оформление, 2015

*Посвящается замечательным женщинам
и выдающимся учителям:
Нэнси Портерфилд Окли
(Блэксберг, штат Виргиния)
и Мэриэнн Лайонс
(Хьюстон, штат Техас).
Они открыли мне Новый Свет.*

Предисловие

Когда мне было лет шестнадцать и я жил со своей семьей в американском штате Техас, мы однажды пересекли границу с Мексикой и провели несколько часов в пограничном городке, а к вечеру вернулись домой. Пересекая Рио-Гранде, я остро ощутил, что перемещаюсь не просто через границу двух стран, а из одной культурной сферы в другую. Пару лет спустя я провел в Мексике уже не несколько часов, а целое лето, когда перед началом двенадцатого класса родители отправили меня изучать испанский язык в городе Гвадалахаре. В тот раз мне посчастливилось попутешествовать по разным краям Мексики, и по возвращении в Соединенные Штаты я был заново поражен различиями между испано-американской и англо-американской культурами. К сожалению, это было мое последнее путешествие в Мексику, однако впечатление от него осталось надолго, а еще через пару лет, уже в университете, я принялся изучать североамериканскую историю. Как в университете, так и до этого в школе Испания и Мексика часто фигурировали в описании истории Соединенных Штатов. Новая Франция и Канада также занимали в ней важное место. А вот Русская Америка упоминалась только мельком, главным образом при кратком обсуждении ее покупки Соединенными Штатами.

Со временем именно эта колония стала объектом моего внимания. С одной стороны, мне было любопытно узнать, какой отпечаток оставило на этой территории, на ее коренном населении и экологии присутствие здесь русских в течение более чем сотни лет. С другой стороны, по мере того как постепенно мои знания общей истории умножались, меня все больше интересовал вопрос: что же именно представляла собой русско-американская колониальная система и чем она отличалась от англо-американской и других систем?

На общих курсах истории Америки и России, которые мне довелось прослушать в американских университетах, о Русской Америке если и упоминали, то только поверхностно. При написании работ и подготовке лекций англоязычные американисты опирались на устаревшую литературу, жалуясь в беседах на то, как мало качественной историографии по вопросам Русской Америки существовало на английском языке на тот момент.

Одновременно с этим, изучая историю Северной Америки в аспирантуре в конце 1990-х и начале 2000-х годов, я был свидетелем того, как относительно новые научные течения, связанные с историей окружающей среды (*environmental history*), историей окраин (*frontier and borderlands history*) и так называемой новой историей североамериканского Запада (*new Western history*), трансформировали научное понимание истории всего североамериканского континента¹. В те же годы изучение истории Российской империи переосмысливалось с позиций так называемой новой имперской истории². Бурно развивались и более широкие направления, например история колониализма и более общая мировая (так называемая глобальная) история. Однако до недавнего времени все эти течения почти не отражались на историографии Русской Америки. В конце XX — начале XXI столетия историей Русской Америки занималось достаточно много ученых, включая ряд весьма талантливых исследователей. Тем не менее почти все эти специалисты опирались в своей работе преимущественно на традиционные историографические методики.

Несмотря на это, данный период был важнейшим этапом в научном изучении Русской Америки. Особенно стоит отметить вклад российского академика Николая Болховитинова, выдающегося историка,

¹ Показательные работы представителей этих течений: *Cronon W. Changes in the Land: Indians, Colonists, and the Ecology of New England*. New York: Hill and Wang, 1983; *Hamalainen P. The Comanche Empire*. New Haven: Yale University Press, 2008; *Hyde A.F. Empires, Nations, and Families: A New History of the American West, 1800—1860*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2011; *Klein K.L. Frontiers of Historical Imagination: Narrating the European Conquest of America, 1890—1990*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1997; *Limerick P. The Legacy of Conquest: The Unbroken Past of the American West*. New York: W.W. Norton, 1987; *White R. The Middle Ground: Indians, Empires, and Republics in the Great Lakes Region, 1650—1815*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1991; *Worster D. Rivers of Empire: Water, Aridity, and the Growth of the American West*. New York; Oxford, UK: Oxford University Press, 1992. Далее см. список избранной литературы в конце книги.

² См. ссылки на эту литературу в первой главе.

работы которого представляют, пожалуй, пик изучения политической и дипломатической истории Русской Америки. Именно под его редакцией в 1990-х годах вышла из печати трехтомная «История Русской Америки» (ИРА), фундаментальный труд, явившийся, на мой взгляд, первой успешной попыткой создания более или менее полного нарратива истории русской колонии в Америке. Над ИРА работал, кроме самого Болховитинова, целый ряд специалистов, как российских, так и американских и канадских, которых я не раз упоминаю в тексте этой книги¹. Как и все исследователи Русской Америки, я многим им обязан. Тем не менее новые историографические течения, упомянутые выше, практически не нашли отражения ни в ИРА, ни в подавляющем большинстве работ по истории Аляски «русского периода», опубликованных до и после трехтомника под редакцией Болховитинова.

Приступая в те годы к диссертации, я задумывал ее как исследование культурной политики колониальных властей по отношению к коренному населению, то есть к индейцам и алеутам. Однако написать подобное исследование у меня не получилось — оно выходило каким-то ограниченным, поскольку лексикон, который я заимствовал из работ исследователей Русской Америки, плохо сочетался с методикой, преваляровавшей среди интереснейших работ тех лет по истории как Российской империи, так и Северной Америки и колониального мира в целом². Написать работу, которая отразила бы место Русской Америки в истории колониального мира, не говоря уже о месте в мировой истории, оказалось более сложной задачей, чем я предполагал. Многие интересовавшие меня вопросы либо вовсе не освещались в историографии, либо в лучшем случае освещались довольно однобоко, и мне приходилось все чаще обращаться к научной литературе, связанной с историей других регионов. Это заставляло искать новые пути.

Через несколько лет после окончания аспирантуры мне очень повезло познакомиться с Ричардом Уортманом, с которым у нас установились продолжительные научные связи на фоне общих интересов,

¹ История Руской Америки, 1732—1867 / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов: В 3 т. М.: Международные отношения, 1997—1999.

² Кроме литературы, касающейся вышеупомянутых течений, имеется в виду и другая, например такие книги о колониализме и империях, как: *Cooper F.* Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History. Berkeley: University of California Press, 2005; *Crosby A.E.* Ecological Expansion of Europe, 900—1900. Cambridge: Cambridge University Press, 2004; *Dening G.* Beach Crossings: Voyaging Across Times, Cultures, and Self. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2004. См. также список избранной литературы в конце книги.

касающихся истории путешествий, особенно кругосветных. Благодаря ему я был приглашен на ряд интереснейших семинаров, на которых история России рассматривалась в перспективе сравнения с историей других империй. На этих семинарах я познакомился с такими исследователями, как Джейн Бурбанк, Пол Верт, Михаил Долбилов, Андреас Каппелер, Алексей Миллер, Анатолий Ремнев, Виллард Сандерланд и Александр Семенов. Беседы с ними и знакомство с их работами сильно повлияли на мой подход к теме книги. В результате мне стало более ясно, как совместить российскую историю и историю ее заморской колонии.

К тому же, пока я дописывал работу, в печати появлялись интереснейшие публикации по теме Русской Америки, и эта тенденция продолжалась и после того, как я сдал английскую версию книги в издательство. В последние годы разнообразные подходы таких талантливых исследователей, как Андрей Гринев и Алексей Ермолаев (Россия), Соня Люрманн (Канада), Бафшеба Демут (США) и Райан Таккер Джонс (Новая Зеландия), значительно обогатили концептуальный каркас изучения истории Русской Америки¹.

Что касается самого словосочетания «Русская Америка», оно, как и подобные ему евроцентричные термины, унаследованные от колониальной эпохи, такие как «Голландская Америка», «Французская Африка», «Британская Колумбия» и т.п., представляет собой отнюдь не нейтральное сочетание слов: прилагательное (Русская) как бы сближает существительное (Америка) с Россией (*Чья Америка? — Русская*). Между тем сами участники колониального проекта в Русской Америке

¹ Андрей Гринев — автор многочисленных трудов, вышедших в том числе и в последние годы. Его будущая книга «Аляска под крылом двуглавого орла: российская колонизация Нового Света в контексте отечественной и мировой истории», основанная на его докторской диссертации, заставит нас увидеть Русскую Америку по-другому. Работа Алексея Ермолаева является самым тщательным анализом деятельности Российско-Американской компании в Азиатской России. См.: *Ермолаев А.Н. Российско-американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке*. Кемерово: Практика, 2013. См. также: *Luehrmann S. Alutiiq Villages under Russian and U.S. Rule*. Fairbanks: University of Alaska Press, 2008; *Eadem. Russian Colonialism and the Asiatic Mode of Production: (Post) Soviet Ethnography Goes to Alaska* // *Slavic Review*. 2005. Vol. 64. No. 4 (Winter). P. 851–871; *Demuth B. More Things on Heaven and Earth: Modernism and Reindeer in Chukotka and Alaska* // *Northscapes: History, Technology, and the Making of Northern Environments* / Eds. D. Jørgensen and S. Sörlin. Vancouver: UBC Press, 2013. P. 174–194; *Jones R.T. Empire of Extinction: Russians and the North Pacific's Strange Beasts of the Sea, 1741–1867*. New York; Oxford, UK: Oxford University Press, 2014.

достаточно четко отмечали ее отдаленность от остальной России. Характерно, что исследователь Лаврентий Загоскин, которого мы не раз встретим на страницах книги, описывал свое путешествие в этот отдаленный край как «поездку на тот свет»¹. «Тот свет» в данном случае означает «Новый Свет», земли Западного полушария, которые русские обозреватели XIX века рассматривали как нечто далекое и экзотическое. Я надеюсь, что эта книга хоть немного демистифицирует Русскую Америку для современного читателя.

¹ Загоскин Л. Поездка на тот свет // Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг. М.: Государственное издательство географической литературы, 1956. С. 328—338.

О терминологии

Термин «аборигены» используется в книге для коллективного обозначения коренных народов, которые населяли Алеутские острова, материковую часть Аляски, северо-западное побережье Северной Америки и Верхнюю (т.е. Северную) Калифорнию. Слово служит для общего обозначения аборигенного населения, которое обычно разделяется специалистами на такие группы, как алеуты, эскимосы/инуиты, кадьякцы, тлинкиты, хайда и др. Термин «индейцы» применяется только по отношению к некоторым из этих народов — специалисты-антропологи обычно не относят к этой группе алеутов, кадьякцев и эскимосов; не рассматривались они в качестве «индейцев Америки» и русскими обозревателями XIX века. Итак, тлинкиты — индейцы, в то время как алеуты и кадьякцы — нет. Все эти народы — коренное население, туземцы, аборигены.

Термины «Аляска», «русская колония в Америке» и «Русская Америка» используются в книге для обозначения территориальных владений Российской империи на Алеутских островах, североамериканском материке и прибрежных островах. Такой подход согласуется с терминологией, которую применяют другие современные специалисты. Сами русские в XIX веке именовали свои владения на Аляске и Алеутских островах во множественном числе, используя такие словосочетания, как «владения России в Америке» и «российские колонии в Америке», однако в данном случае слово «колония» в единственном числе более научно и уместно, поскольку вся эта территория управлялась из единого административного центра. Название «Русская Америка» было и остается лишь удобным неофициальным и условным термином. Название «Аляска» имеет алеутское происхождение; русские употребляли это слово при упоминании полуострова Аляска. В слегка измененной форме оно стало именем для всей территории Аляски (Territory of Alaska) после того, как Соединенные Штаты приобрели ее в 1867 году.

Географическое понятие «северо-западное побережье» (the Northwest Coast) обозначает побережье Северной Америки к северу от Калифорнии, включая и Аляску. «Юго-Восточная Аляска» — это та часть «северо-западного побережья», которая включает южную часть территории, до 1867 года принадлежавшей Российской империи.

Благодарственное слово

Прошло уже десять лет с момента моего приезда в Ванкувер, где я работаю в Университете Саймона Фрейзера. Любопытная символика: Саймон Фрейзер был исследователем, одним из первых пересекшим североамериканский материк. Капитан Джордж Ванкувер, в честь которого назван город, был прославленным «кругосветником». Провинция Канады, в которой расположен город, — Британская Колумбия — была желанным призом, который Соединенные Штаты так и не получили, покупая у Российской империи Аляску. То, что я оказался здесь, иногда кажется мне сказкой. А может быть, это просто случайность.

На более раннем этапе жизни мне повезло оказаться в аспирантуре в Калифорнийском университете в Беркли. О Беркли существует много мифов. Реальность же, по крайней мере во время моей учебы там, состояла в том, что этот университет был замечательным центром для интеллектуального развития. Занимался я там одновременно североамериканской и русской историей. Среди американистов я работал в первую очередь с Гюнтером Бартом, Робертом Мидлкоффом и Кервином Клайном. Среди специалистов по русской истории моими руководителями были Реджинальд Зельник, Юрий Слезкин и Николай Рязановский. Реджинальд Зельник, мой научный руководитель, внимательно читал текст диссертации и давал четкие комментарии. Юрий Слезкин последовательно подталкивал меня к разработке различных идей. С Николаем Рязановским, у которого я долгое время работал в качестве научного ассистента, было много интересных совместных проектов и приятных бесед. Даниэль Броуэр, профессор Калифорнийского университета в Дэвисе, с которым я время от времени встречался в кофейнях Беркли, был для меня важным собеседником: его вопросы побуждали переосмысливать тезисы и переписывать текст. Также в Беркли я слушал лекции географа Дэвида Хьюсона, которые заставили меня посмотреть на империи и колониализм несколько иными глазами. В те же годы Сергей Кан, работавший в Дартмутском колледже на другом побережье континента, стал моим ценным советчиком, любезно делясь своими богатыми познаниями о коренном населении Аляски.

Аспирантура Беркли заслуженно славится научными связями не только между аспирантами и профессорами, но и среди аспирантов. Здесь мне особенно повезло: Ян Плампер, человек, с которым у меня сложилась крепкая дружба, был моим верным читателем и ценнейшим

откровенным критиком. Среди других аспирантов Беркли тех лет, которые читали мои работы и давали на них отзывы, были Джуди Брюс, Виктория Фреде, Артур Мейсон, Джон Рэндольф и Шанти Элиотт. Николай Болховитинов, Светлана Федорова, Александр Петров и Борис Полевой радушно принимали меня во время моих путешествий в Россию. Болховитинов всегда был особенно рад беседам о новой англоязычной исторической литературе, за которой он пристально следил. Диана Виньковецкая и Леонид Перловский многого натерпелись, но всегда поддерживали меня, за что я им глубоко признателен.

Данное исследование было бы невозможно без финансовой поддержки со стороны нескольких организаций. За поддержку, оказанную моей работе, я благодарен как Университету Саймона Фрейзера, так и различным фондам, особенно Научному совету исследований по социальным и гуманитарным наукам Канады (Social Sciences and Humanities Research Council of Canada). Я очень признателен за поддержку Калифорнийскому университету в Беркли (особенно его историческому факультету), Фонду Эндрю Меллона, академическому сообществу Phi Beta Карра, а также Институту Джорджа Кеннана (Вашингтон) и Библиотеке Конгресса США. Мои архивные исследования были проведены на материалах Архива Академии наук (РФА РАН), Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного архива Военно-морского флота (РГАВМФ), которые расположены в Санкт-Петербурге; Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и Российского государственного архива древних актов (РГАДА) в Москве; Библиотеки Конгресса США и Национального архива в Вашингтоне; Библиотеки Бэнкрофта в Беркли (Калифорния, США). Я безмерно благодарен преданным своему делу профессионалам, которые работают в этих архивах. Также хотелось бы поблагодарить за помощь сотрудников библиотеки Университета Саймона Фрейзера, Библиотеки Бэнкрофта в Калифорнийском университете в Беркли, Российской государственной библиотеки в Москве и Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Институт исторических исследований Айзенберга при Мичиганском университете, где я гостил в течение одного семестра, предоставил идеальные условия для работы над книгой.

Специалисты по истории Русской Америки Андрей Знаменский и Андрей Гринев дали массу интересных советов и помогали мне разными способами, в том числе и критикой. Джон Энг, сотрудник географического факультета в Университете Саймона Фрейзера, разработал две карты. Анонимные рецензенты из Издательства Оксфордского

университета внесли ценные предложения. Редактор Сьюзан Фербер проявила значительное терпение и дала мне полезные советы, за которые я буду вечно ей благодарен. Профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге Алексей Миллер инициировал русское издание этой книги и был научным редактором перевода. Я также в долгу перед Ириной Пресняковой, оказавшей огромную помощь с переводом книги с английского языка на русский.

Хочу упомянуть и следующих моих коллег: Марк Бассин, Фелиситас Беккер, Лидия Блэк, Мэри-Эллен Келм, Валери Кивельсон, Томас Кюн, Анатолий Либерман, Джек Литтл, Дэвид Нордландер, Дуг Нортроп, Ирина Паперно, Ричард Пирс, Харша Рам, Билл Розенберг, Вильям Симмонс, Рон Суни, Джеймс Фрузетта — все они так или иначе поддерживали мою работу в разные периоды. Но самой значительной моей удачей стала встреча с Соней Люрманн, партнером по жизни и работе, ставшей моей женой. Эрудированный мыслитель и чудесный человек, она помогла мне больше, чем я могу выразить словами. Мы разделили многие приключения, начиная с аляскинского городка Фэрбанка, где впервые встретились.

Введение

В час дня 16 (28) декабря 1866 года император Александр II, его брат великий князь Константин Николаевич и небольшая группа чиновников высшего ранга из Военно-морского министерства, Министерства иностранных дел и Министерства финансов собрались в парадном кабинете Министерства иностранных дел на Дворцовой площади, чтобы решить судьбу Русской Америки¹. На повестке дня этого особого заседания стоял вопрос о продаже российских колоний в Америке. Решение было скорым и единодушным: все присутствовавшие на встрече чиновники согласились с преимуществами продажи Соединенным Штатам Америки территории, известной как Аляска. Император отметил единодушие собравшихся и поддержал предложение начать секретные переговоры с Вашингтоном. Всего три месяца спустя, 18 (30) марта 1867 года, соглашение о продаже Аляски было обнародовано — к большому удивлению населения и Соединенных Штатов Америки, и Российской империи².

За относительно небольшую сумму в 7,2 миллиона долларов Аляска стала территорией Соединенных Штатов. Ее продажа запустила цепную реакцию, которая впоследствии перекроила политическую карту Северной Америки. С точки зрения Соединенных Штатов, а точнее, госсекретаря Уильяма Генри Сьюарда, который вел переговоры с российским послом, мотивы для покупки Аляски были достаточно прозрачными. Надо заметить, что российские власти и раньше поднимали вопрос о продаже американцам Аляски, но в те былые времена, накануне и во время кровавой и затратной Гражданской войны в Америке (1861—1865), чиновникам Соединенных Штатов было не до территориальных сделок. После окончания войны ситуация изменилась, так как правительство Соединенных Штатов обрело новые перспективы. Получив возможность купить Аляску у России, Сьюард предпочел действовать, чтобы избежать риска ее приобретения британцами. Несмотря на насмешливые эпитеты в некоторых американских газетах, враждебно настроенных к администрации Эндрю Джонсона, — покупка Аляски

¹ Здесь и далее в книге даты даны по юлианскому календарю, действовавшему и в России, и в Русской Америке. Для некоторых событий международного значения сделаны исключения: в скобках указаны их даты по григорианскому стилю.

² *Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834—1867. М.: Наука, 1990. С. 188—202, 218—219.

получила название «прихоть Сьюарда», а к самой территории применялись такие красочные определения, как «парк полярных медведей президента Джонсона», «Моржероссия» [*«Walrussia»*, от walrus — морж и Russia — Россия. — *Прим. переводчика*] и «ледник Сьюарда», — большая часть американской прессы, а также деловые круги и политическая элита приветствовали это приобретение¹.

Покупка Аляски Соединенными Штатами преследовала множество целей: расширение территориальных владений, значительное продление береговой линии, развитие торговли в Азии и на Тихом океане, приобретение природных ресурсов и, кроме того, продвижение республиканских институтов власти взамен европейской монархической модели. Помимо всего прочего, Сьюард хотел использовать Аляску, чтобы «взять в клещи» Британскую Колумбию, тихоокеанскую колонию, которая была изолирована от других британских владений в Северной Америке и граничила с американской территорией Орегон на юге, и убедить ее население вступить в состав Соединенных Штатов. Таким образом, покупка Аляски была бы прологом к приобретению Штатами всего западного побережья Северной Америки к северу от Мексики (т.е. береговой полосы вдоль Тихого океана в пределах не только Аляски, но и нынешней Канады). Такое потенциальное приобретение, по мысли Сьюарда, было полезным как само по себе, так и в качестве трамплина для развития американской торговли на рынках Азии². В случае успеха сделки Сьюарда не только Аляска, но и территория, которая сегодня составляет западную треть Канады, вошли бы в состав Соединенных Штатов, поэтому масштабность данной покупки приравнивалась к приобретению Луизианы Томасом Джефферсоном в начале XIX века. Само собой разумеется, что британцы и их североамериканские подданные быстро осознали геополитический подтекст покупки Аляски Вашингтоном. Образование в 1867 году Канадской Конфедерации и присоединение к ней в 1871 году Британской Колумбии с планами строительства трансконтинентальной железной дороги были своего рода ответным ходом британцев, пытавшихся выбраться

¹ *Welch R.E., Jr. American Public Opinion and the Purchase of Russian America // American Slavic and East European Review. 1958. Vol. 17. No. 4 (December). P. 481—495.*

² *Haycox S. Alaska: An American Colony. Seattle: University of Washington Press, 2002. P. 170—171; Stahr W. Seward: Lincoln's Indispensable Man. New York: Simon & Schuster, 2012. P. 498; Gibson J.R. The Sale of Russian America to the United States // Russia's American Colony / Ed. S.F. Starr. Durham, N.C.: Duke University Press, 1987. P. 272.*

из затруднительного положения, в которое они попали вследствие покупки Аляски Соединенными Штатами. Даже само создание Британского Содружества, произошедшее в более поздние годы, было связано в известной степени с пересмотром стратегии Британской империи вследствие перехода Аляски к американцам¹. Тем не менее, несмотря на ответные ходы Британской империи, Сьюард до конца жизни рассматривал приобретение Аляски как величайшее достижение своей карьеры.

В то время как с американской стороны мотивы этой сделки и геополитический подтекст покупки территории были очевидными, причины продажи Аляски Россией имели более сложный характер. Почему ключевые фигуры политической арены Российской империи не просто хотели, а горячо стремились продать единственную заокеанскую колонию страны? Что говорит нам об этой колонии в частности и об империи в целом их очевидное желание поступиться Аляской? В настоящей работе исследуется контекст принятия решения о продаже заокеанской колонии и в связи с этим — место Аляски в составе Российской империи. При более близком рассмотрении возникает еще несколько вопросов: как чиновники имперской России организовывали деятельность в этой колонии? как они относились к местному населению? как проблемы организации и управления привели к окончательному решению уступить эту территорию?

Данная книга принадлежит к жанру политической истории. На сегодняшний день немислимо писать политическую историю, в которой замешаны судьбы империи и колонии, в изоляции от анализа колониального дискурса, вошедшего в научный обиход в последние десятилетия. Политическая история приобретает более насыщенный контекст, когда вступает в продуктивный диалог с этим дискурсом (или, точнее, дискурсами).

Рассказ начинается в 1804 году, когда первый из двух кораблей в составе первой российской кругосветной экспедиции достиг берегов Русской Америки, и завершается в 1867 году — с уходом России из Нового Света. Институциональной основой для заокеанского колониализма России служила Российско-Американская компания (РАК), основанная в 1799 году в виде совместного предприятия государства и торговых кругов для эксплуатации колониальных ресурсов и расширения имперского влияния России на Тихом океане. Эта привилегированная

¹ Shi D.E. Seward's Attempt to Annex British Columbia, 1865—1869 // Pacific Historical Review. 1978. Vol. 47. No. 2. P. 217—238.

акционерная компания, которая существовала вплоть до продажи Русской Америки, не имела прецедента в имперском опыте России. Ей было предоставлено управление Русской Америкой.

В первой главе анализируется, насколько Русская Америка соответствовала — или не соответствовала — организационной и концептуальной структуре Российской империи. Несмотря на то что архитекторы имперской России руководили огромной континентальной империей-государством с разнообразным населением, у них не было опыта управления заокеанскими территориями и населением¹. Продвижение империи за океан требовало новых адаптаций.

Первая часть книги представляет собой интерпретацию создания и функционирования системы заокеанского колониализма, сложившейся в Русской Америке. Основное внимание уделено описанию политической, экономической и социальной структур североамериканской колонии Российской империи. Наряду с описанием надежд российских мечтателей-империалистов показаны практические ограничения колониальной деятельности, связанные с сопротивлением коренного населения российским амбициям, географическими и идеологическими барьерами, а также давлением со стороны конкурирующих с Россией империй-государств. Во второй главе анализируется влияние кругосветных путешествий, инициированных Петербургом в начале XIX века, на практики заморского колониализма Российской империи. Эти дальние плавания отразились на представлениях россиян о местном населении Русской Америки и способствовали изменению методов взаимодействия Иркутска (административного и делового центра Восточной Сибири) и Петербурга с заокеанской колонией. В третьей главе рассматриваются организационная структура и функции Российско-Американской компании как коммерческого предприятия, имперского подрядчика и колониальной администрации. Здесь же разбираются отношения между РАК и российским правительством. Четвертая глава является попыткой описать взаимосвязь между проблемами организации труда в колонии и ощущением ее уязвимости, которое испытывали русские колонизаторы. Эта глава освещает взаимозависимость колонизаторов и коренного населения и так называемые точки

¹ Термин «империя-государство» взят из работы: *Cooper F. Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History. Berkeley: University of California Press, 2005. P. 174.* В видении американского историка Фредерика Купера, империя-государство — это понятие, бросающее вызов историографиям, для которых современная история определяется возникновением государств-наций.

напряженности между ними. Организация труда в Русской Америке, тесно связанная с добычей мехов морского зверя в северной части Тихого океана, радикально отличалась как от системы распределения труда, преобладающей в других регионах Российской империи, так и от иностранных систем распределения труда, связанных с пушным промыслом. Специфика использования труда аборигенов в экономике Русской Америки стала одной из отличительных черт работы РАК. В то же время сопротивление индейцев тлинкитов российскому вторжению и притязаниям на их территорию установило границы колониальной экспансии. Ощущение русскими колонистами своей уязвимости в заморском краю, связанное с присутствием этих индейцев, повлияло на судьбу российского колониального проекта в целом.

Вторая часть книги привлекает внимание читателя к инициативам колониального правления по аккультурации коренного населения, составлявшего большинство жителей «Русской» Америки. Колониальные власти стремились привести коренных жителей колонии в соответствие с образом лояльных подданных империи. Разумеется, эти попытки культурных изменений были не единственным содержанием взаимоотношений между россиянами и аборигенами, так как взаимодействие с коренным населением неизбежно отражалось и на культуре русских поселенцев Аляски. Тем не менее без подробного освещения стратегий аккультурации, задействованных колониальным правлением, невозможно понять колониальную систему, сложившуюся в Русской Америке. В пятой главе описывается, как колониальные чиновники использовали торговлю и кооптацию аборигенной элиты, чтобы расположить коренное население к принятию российского политического и культурного влияния. Деятельность колонизаторов, направленная на формирование идентичности коренных жителей и на манипулирование ею, рассматривается в шестой главе. Седьмая глава показывает, как колониальные власти пытались использовать православие в целях оказания культурного и политического влияния на коренное население. Взятые вместе, главы второй части книги представляют собой попытку раскрыть инициативы Российско-Американской компании и Русской православной церкви (РПЦ) по вовлечению коренных жителей Русской Америки в российскую имперскую структуру, имевшие целью усиление политического и культурного авторитета России в ее колонии.

Хотя внезапный отказ от единственной заокеанской колонии в момент финансового неблагополучия указывает на наличие пределов влияния Российской империи и ее колониальной политики,

российский империализм продемонстрировал удивительную гибкость и адаптивность в течение десятилетий между началом кругосветных путешествий и передачей Аляски Соединенным Штатам Америки. В течение этих лет Русская Америка была хотя и уязвимой, но все же жизнеспособной колонией.

Глава 1

ЗАОКЕАНСКИЙ КОЛОНИАЛИЗМ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ

Российская империя обычно рассматривается как обширное континентальное государство, состоявшее из сопредельных друг другу территорий, простиравшихся от Балтийского моря до Тихого океана. Существование Русской Америки ставит под вопрос этот привычный образ. Как заокеанская колония вписывалась в состав империи, которая в остальном состояла из смежных земель?

АНОМАЛИЯ? РУССКАЯ АМЕРИКА В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В качестве первой и единственной заокеанской колонии обширной Российской империи Русская Америка была уникальным явлением, и управление ею требовало от инициаторов и исполнителей колониальной политики беспрецедентных стратегий и практик. Имперские территории к востоку от берегов Камчатского полуострова были известны как *Российские колонии в Америке*. Такое название подчеркивало обособленность этой земли, четко и формально определенной как колониальное пространство, располагавшееся отдельно (на другом континенте) от основной (евразийской) части Российской империи. Российских колонизаторов ожидали здесь новые трудности, отличные от тех, что встречались им на других территориях обширной империи. Исходя из специфических условий этой колонии, российские чиновники применяли к аборигенному населению Алеутских островов и Америки политику, резко отличавшуюся от направленной на жителей евразийских территорий. В этом отношении единственная заокеанская колония России была для Петербурга чем-то вроде частично обособленного полигона для испытания управленческих стратегий, которые в те времена больше нигде на обширном пространстве России не использовались¹.

¹ Варианты употребления термина «имперская лаборатория» перечисляются в работе: *Starr S.F. Tsarist Government: The Imperial Dimension // Soviet Nationality Policies and Practices / Ed. J.R. Azrael. New York: Praeger, 1978. P. 30.*

Подобное видение Аляски — как пространства для экспериментов — присутствовало с самого начала. Имперские чиновники понимали, что их влияние на этой территории и распоряжение ее ресурсами весьма ограничены и требуют инновационного подхода. В разработку некоторых из таких инноваций была вовлечена Академия наук, сотрудники которой совершили несколько экспедиций на Аляску; таким образом, вдобавок к практическим соображениям, приказ Петра I об отправке первой морской экспедиции Витуса Беринга в края, сегодня известные как Берингово море и Северный Тихий океан, основывался на научных соображениях¹. Во второй половине XVIII века Российское государство направило несколько секретных экспедиций для исследования Алеутских островов и Аляски и для оценки природных ресурсов этой территории², а начиная с 1803 года кругосветные плавания из Кронштадта стали регулярными. Это были дорогостоящие экспедиции, привлекавшие пристальное внимание имперской и научной элиты. Ученые, художники и исследователи путешествовали вокруг света на самых современных судах России. Им было вверено не только изучение планеты в целом, но и более конкретное исследование ресурсов и описание самых отдаленных частей Российской империи. Во время кругосветных плаваний они посещали российские владения на Аляске и Алеутских островах, проводя наблюдения и привлекая внимание других ученых к северной части Тихого океана.

Географическая изолированность Аляски от остальной части Российской империи подчеркивала ее отличительные черты. Располагаясь

¹ О мотивах Петра I см.: *Fisher R.H. Bering's Voyages: Whither and Why*. Seattle: University of Washington Press, 1977; *Idem. Imperial Russia Moves Overseas: An Overview // Russia in North America: Proceedings of the 2nd International Conference on Russian America*. Sitka, Alaska, August 19—22, 1987 / Ed. R.A. Pierce. Kingston, Ont.: Limestone Press, 1990. P. 71—79. См. также вступительную статью к сборнику: *Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.*: Сборник документов. М.: Наука, 1984. С. 7—20, особенно с. 11.

² Экспедиция Петра Креницына и Михаила Левашева 1764—1769 годов исследовала Алеутские острова Унимак и Уналашка; экспедиция Джозефа Дж. Биллингса и Гавриила Сарычева 1785—1792 годов изучала Уналашку, Кадьяк, пролив Принца Вильгельма, остров Святого Лаврентия и Чукотский полуостров. Канадский историк Глинн Барратт справедливо заметил, что эти экспедиции, профинансированные правительством и широко обсуждавшиеся в Петербурге, «были секретными теоретически, но не на практике». См.: *Barratt G. Russia in Pacific Waters, 1715—1825: A Survey of the Origins of Russia's Naval Presence in the North and South Pacific*. Vancouver: University of British Columbia Press, 1981. P. 77.

на расстоянии почти половины кругосветного путешествия от столицы империи, города Санкт-Петербурга, Аляска была отделена от евразийской равнины, на которой располагалась основная часть территории Российской империи, высокогорьем на восточном побережье Тихого океана и водами самого океана. Доступ России к этой колонии был облегчен к концу 1850-х годов, когда империя приобрела территорию Амурского бассейна и для россиян стал доступен более удобный наземный маршрут между внутренними районами Сибири и тихоокеанским побережьем. Однако к этому времени по ряду причин возможности сохранения Россией своей американской колонии сократились. Физическая труднодоступность и удаленность Аляски от метрополии Российской империи были неизменным источником уязвимости Русской Америки и предметом беспокойства для имперского правительства.

Аляска радикально отличалась от остальной Российской империи и в административном плане. Петербург разработал для этой территории механизм управления, сходный с колониальной стратегией Британской империи, одного из главных геополитических соперников России. Российско-Американская компания, привилегированное предприятие, образованное в 1799 году и просуществовавшее до 1871 года, т.е. пережившее на четыре года продажу Аляски Соединенным Штатам, стала первым российским предприятием, которое совмещало акционерный строй, декретную легитимность и функцию колониального правления. Эти три элемента были на тот момент инновациями. Хотя акционерные компании уже существовали, в России подобная практика экономической организации была введена не так давно, только с середины XVIII века, и была еще мало распространена¹. Устав, данный РАК имперским правительством, был аналогом хартий (charters), которые западноевропейские правительства выдавали своим компаниям, основанным для эксплуатации заморских колониальных ресурсов и являвшимся, таким образом, декретными компаниями (chartered companies). Правительство империи возложило на РАК несколько функций, включая управление Русской Америкой. Строго говоря, то, что Аляска находилась под управлением полукоммерческой организации, не было инновацией в истории имперского правления России. Наиболее известный прецедент такого управления был создан Строгановыми, купеческой семьей, которая некогда контролировала огромную территорию восточной периферии Московского государства

¹ См.: Лапто-Данилевский А.С. Русские промышленные и торговые компании. СПб.: Типография В.С. Балашев и К^о, 1899.

и даже содержала свою собственную частную армию. Однако Российско-Американская компания представляла собой скорее консорциум, чем семейное предприятие. Со временем в этом консорциуме укреплялись позиции морских офицеров, представлявших с 1818 года на Аляске российскую власть; заморская колония была единственной в Российской империи территорией, где флот играл столь существенную административную роль. Само название РАК, напоминая названия колониальных компаний западноевропейских государств, показывало, что архитекторы Российской империи создали эту компанию отчасти по образцам иностранных предприятий. Идея как будто бы коммерческой организации, управляющей заморскими территориями и населением от имени империи, привлекала чиновников, считавших, что такая структура является наиболее рентабельной формой колониализма. В то же время компания могла стать удобным козлом отпущения в случае неудачи¹. Таким образом, создание Российско-Американской компании было невозможно без осознанного поворота Российской империи к западноевропейским образцам управления и предпринимательства².

Находясь в компетенции колониальной компании, основанной на новом наборе принципов, управление Аляской следовало логике и курсу развития, которые были далеки, хотя и не совсем независимы от административных разработок по другую сторону Берингова пролива. Как и прочие современные империи, Россия никогда не имела единой административной системы, объединяющей все ее части, что видно и на примере других российских «исключений» (Финляндии, Польши и, позднее, Средней Азии)³. Тем не менее управление от имени как

¹ См.: Федорова С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии: конец XVIII века — 1867 год. М.: Наука, 1971. С. 122.

² О влиянии моделей западноевропейских деловых компаний на российскую коммерческую деятельность в XVIII веке см.: Лапто-Данилевский А.С. Русские промышленные и торговые компании.

³ В течение последних десятилетий наше понимание имперского прошлого России претерпело значительные изменения. Облегчение доступа в архивы — в так называемой провинции, в прежних имперских поселениях (вроде тех, которые существовали в Русской Америке), а также в Москве и Петербурге — это лишь один из факторов. Другой важный фактор, помогающий создать плодотворный для изучения России как империи климат, — это переосмысление событий, ставшее возможным лишь после того, как историки, живущие в разных странах, начали более активно общаться между собой. Этому плодотворному общению способствовали как конференции, форумы, семинары и презентации, так и сама возможность читать и обсуждать работы коллег. Некоторые из новых подходов к имперской тематике обсуждаются

будто бы коммерческой компании резко отличало Русскую Америку от всех других частей России XIX века. Неудивительно, что общеимперские реформы, особенно Великие реформы 1850—1860-х годов, имели для Русской Америки другие последствия, чем для Евразии. Эти реформы, которые преследовали цель рационализировать и усилить имперскую администрацию на континенте, способствовали возрастающему обособлению заокеанской колонии и в конце концов привели к ее продаже.

Казалось бы, Аляска являлась лишь одной из многих окраин Российской империи, но с точки зрения самих российских деятелей, она не была похожа ни на одну другую. И в самом деле, ее отличие от евразийских частей империи не исчерпывалось тем, что она располагалась за океаном и находилась в административном ведении специально созданной колониальной компании. Не менее существенным было то, что владение ее ресурсами и территорией постоянно оспаривалось соперничавшими с Россией империями и даже отдельными заинтересованными иностранцами (не говоря уже о местных индейцах). Безусловно, и другие части Российской империи были уязвимы, и в некоторых случаях не менее, чем Русская Америка. Однако уязвимость столь отдаленной колонии представляла для Петербурга особую проблему. В Новом Свете, на побережье Северной Америки, колониальные амбиции россиян вступали в непосредственное соперничество с иностранными (испанскими, британскими, американскими и аборигенными американскими) притязаниями, которые не фигурировали в борьбе за Сибирь и российский Дальний Восток. Вызов со стороны Испании исчерпал себя к началу XIX века, но заинтересованные британские и американские мореплаватели и торговцы продолжали посещать берега Русской Америки. Русские колонизаторы иногда вступали с ними в альянсы, но зачастую рассматривали их как опасных конкурентов и соперников. Как бы ни складывались эти

в работах: *Imperial Russia: New Histories for the Empire* / Eds. J. Burbank and D.L. Ransel. Bloomington: Indiana University Press, 1998. P. xi—xxiii; *Suny R.G. The Empire Strikes Out: Imperial Russia, «National» Identity, and Theories of Empire* // *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin* / Eds. R.G. Suny and T. Martin. New York: Oxford University Press, 2001. P. 23—66; *Burbank J., Hagen M. von. Coming into the Territory: Uncertainty and Empire* // *Russian Empire: Space, People, Power, 1700—1930* / Ed. J. Burbank, M. von Hagen, and A. Remnev. Bloomington: Indiana University Press, 2007. P. 1—29; *Sunderland W. What Is Asia to Us? Scholarship on the Tsarist «East» since the 1990s* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2011. Vol. 12. No. 4. P. 817—833.

отношения, само постоянное и настойчивое присутствие иностранных конкурентов было важным элементом беспрецедентной для России системы заокеанского колониализма, образовавшейся в условиях Русской Америки. Отдаленная заокеанская колония, ресурсы которой эксплуатировались колониальной компанией и защищались государственным флотом, была предметом соперничества в необычных для России условиях¹.

Типы колониализма в Евразии и Новом Свете

Необходимо подчеркнуть различие между используемым в этой книге термином «колониализм» и более широкой концепцией империализма². Термины «колониализм» и «империализм», не говоря уже о связанном с ними понятии «империя», могут иметь разные значения,

¹ Своей интерпретацией я во многом обязан работе канадского географа Джеймса Гибсона. См. особенно: *Gibson J.R. Imperial Russia in Frontier America: The Changing Geography of Russian America, 1784—1867*. New York: Oxford University Press, 1976; *Idem. Feeding the Russian Fur Trade: Provisionment of the Okhotsk Seaboard and the Kamchatka Peninsula, 1639—1856*. Madison: University of Wisconsin Press, 1989; *Idem. Russian Dependence upon the Natives of Alaska // Russia's American Colony / Ed. S.F. Starr*. Durham, N.C.: Duke University Press, 1987. P. 77—104; *Idem. Russian Expansion in Siberia and America: Critical Contrasts // Ibidem*. P. 32—40. В трудах Гибсона описаны ограничения, которые накладывались природными условиями на колониальные амбиции, и показана Аляска XIX века как пространство, оспариваемое российскими, американскими и британскими сторонами. Американские и британские интересы в этом крае особенно тщательно анализируются в его книге: *Otter Skins, Boston Ships, and China Goods: The Maritime Fur Trade of the Northwest Coast, 1785—1841*. Seattle: University of Washington Press, 1992.

² Если судить поверхностно, часто цитируемое в научной литературе определение империализма «просто как процесса или стратегии создания империи и управления ею», введенное Майклом Дойлом, может показаться тавтологией. Его «поведенческое» определение империи как «эффективного формального или неформального контроля имперским обществом общества, ему подчиненного» выглядит поразительно неточным. Однако расплывчатые определения Дойла оказались плодотворными — возможно, именно из-за их гибкости. Если взять за основу такое размытое понятие империализма, тогда моя книга однозначно написана об империализме, поскольку рассказывает о создании в Северной Америке колонии Российской империи и управлении ею. См.: *Doyle M.W. Empires*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1986. P. 45, 30. В качестве примера применения определения Дойла в контексте российской истории см.: *Sunderland W. Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2004. P. 3.

часто многосторонние и иногда противоречащие друг другу¹. В научных кругах ведется оживленная дискуссия о том, можно ли применить понятие «империализм» к Российской империи и с какого времени оно становится аналитически обоснованным². Например, для географа Марка Бассина понятие «империализм» тесно связано с ощущением национального мессианизма того типа, который присутствовал в русском восприятии Дальнего Востока в XIX веке³. Хотя интерпретация Бассина, основанная на опыте приобретения Россией Амурского края, и не объясняет восприятия россиянами Аляски, тем не менее как часть империи, расположенная на ином континенте, Русская Америка являлась для российских мыслителей пусть и маленьким, но все же значительным уголком самых восточных окраин империи. Достаточно лишь бросить взгляд на глобус, чтобы сразу получить представление о том, насколько экзотичной и отдаленной представлялась заокеанская российская территория петербургской элите.

С точки зрения трансокеанского сравнения единственная заокеанская колония Российской империи выглядела скорее похожей на заморские колонии других европейских государств, чем на сопредельные друг другу русские территории в Евразии, какими бы отдаленными они ни были. По существу, владение Аляской давало русским возможность

¹ *Bush B.* Imperialism and Postcolonialism. Harlow, U.K.: Pearson Longman, 2006. P. 2.

² В своем широко известном исследовании русского империализма немецкий историк Дитрих Гейер определил империализм как «прямое (или формальное) либо не прямое (или неформальное) правление, которое развитые капиталистические индустриальные государства применяли по отношению к менее развитым регионам и народам». См.: *Geyer D.* Russian Imperialism: The Interaction of Domestic and Foreign Policy, 1860—1914. New Haven: Yale University Press, 1987. P. 2. В интерпретации Гейера, которая представляет собой, пожалуй, самый систематический анализ этого вопроса, русский империализм возник с 1860 года. Такой подход к империализму является частью более широкой дискуссии, связанной главным образом с событиями конца XIX — начала XX века. Он только косвенно применим к изучению русской деятельности на Аляске в период 1804—1867 годов. См.: *Geyer D.* Russland als Problem der vergleichenden Imperialismusforschung // Das Vergangene und die Geschichte: Festschrift für Reinhard Wittram zum 70. Geburtstag / Hrsg. R. von Thaden, G. von Pistohlkors und H. Weiss. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1973. S. 337—368. О теориях империализма см.: *Mommsen W.J.* Theories of Imperialism. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

³ *Bassin M.* Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840—1865. New York: Cambridge University Press, 1999. P. 44, 47—48.

открыто помериться силами с другими имперскими державами, которые стремились колонизовать земли Нового Света.

В своем коротком и схематичном — но тем не менее систематическом — исследовании колониализма Юрген Остерхаммель делает попытку определить империализм и колониализм более четко. Он пишет: «*Империализм* — это концепция, включающая в себя все усилия и действия, способствующие созданию и сохранению *транскOLONиальных империй*». И далее: «Империализм... подразумевает не только *колониальную*, но и *международную* политику, для которой колонии — не вещи в себе, но пешки в играх за глобальное влияние»¹. Империализм планируется и осуществляется канцлерами, министрами иностранных дел и военными министрами, а колониализм — специальными колониальными властями и «людьми на местах»². Колониализм — это нечто большее, чем одно из слагаемых империализма; это комплекс политики и практик, которые иногда противоречат более широким целям империализма. Остерхаммель подчеркивает данное различие:

Типичная черта империалистических идей состоит в том, что колонии используются в компенсирующих сделках между Великими державами, включающих обмен и признание геополитических притязаний на часть территории третьих сторон... «Колониалистский» подход, напротив, подчеркивает достоинства правомерного поглощения, неизменности и ответственности и рассматривает подданных колоний как «вверенных» попечению колонизаторов³.

Аляска была продана Россией Соединенным Штатам отчасти из империалистических соображений, включая желание укрепить континентальную территорию империи. Эта продажа была встречена с возмущением сторонами, имевшими укоренившиеся колониальные интересы, — прежде всего самой Российско-Американской компанией и ее акционерами, но также и Русской православной церковью, к которой принадлежало значительное количество аборигенного и полурусского населения колонии. Во время и после продажи российское правительство, считаясь с актуальностью колониалистских аргументов, лоббировало перед Соединенными Штатами интересы РПЦ по

¹ *Osterhammel J. Colonialism: A Theoretical Overview. Princeton: Markus Wiener Publishers, 1997. P. 21. Выделено в оригинале.*

² *Ibidem. P. 22.*

³ *Ibidem.*

сохранению ее активного присутствия на Аляске, с тем чтобы можно было продолжить служение для коренных жителей, которые приняли православие¹.

Термин «колониализм» используется в этой книге для аналитических целей, однако не стоит забывать и о полемических коннотациях столь многогранного и часто политизируемого термина. Использование понятия «колониализм» в качестве инструмента анализа мотивировано также тем, что его неиспользование при описании Русской Америки означало бы сознательное игнорирование или минимизацию параллелей между Аляской и другими колониальными зонами Нового и Старого Света. Цель данной книги — выявление этих параллелей и сопутствующих им «точек напряжения империи» там, где они имели место². Это поможет нам увидеть российский заокеанский колониализм в более широком контексте и, таким образом, сделать Русскую Америку более доступной для анализа.

Стоит обратить внимание на то, что научный словарь для обсуждения проблемы колониализма сформировался главным образом при изучении так называемых морских колониальных империй. Следовательно, заимствуя терминологию колониальных исследований, необходимо разобраться, в каких случаях и на каком основании возможно ее применение в новом контексте, так как понятие колониальной структуры часто имеет конкретную географическую и временную привязку. Бесспорно, некоторые из общих терминов, описывающих колониализм, вполне подходят для исследования истории Русской Америки и помогают выявить важные связи и провести сравнения. В частности, это относится к изучению взаимоотношений русских поселенцев и коренного населения. Методы, заимствованные из колониальных исследований, дают возможность посмотреть на Русскую Америку свежим взглядом. Эти размышления наводят на мысль, что концепция колониализма может оказаться особенно плодотворной для изучения российскими историками Русской Америки периода 1804—1867 годов, когда она являлась колонией заморского типа. Что касается Российской империи XIX века в целом, то термин «колония», безусловно, применим и к другим ее частям, но каждое такое применение должно быть обосновано.

¹ Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834—1867. М.: Наука, 1990. С. 198.

² О «точках напряжения империи» см.: Stoler A.L., Cooper F. Between Metropole and Colony: Rethinking a Research Agenda // *Tensions of Empire: Colonial Cultures in a Bourgeois World* / Eds. F. Cooper and A.L. Stoler. Berkeley: University of California Press, 1997. P. 1—58.

Очевидно, что далеко не все идеи, тем или иным образом вошедшие в обиход колониальных исследований (т.е. взятые из таких разнообразных контекстов, как Индия под британским правлением, Французский Алжир, Португальская Бразилия и т.д.), одинаково применимы при изучении различных регионов России. Некоторые из этих идей могут плодотворно использоваться при анализе одних исторических проблем, но быть совершенно непригодными при анализе других.

Крупные империи Нового времени, которые находились на территории Европы или имели там свое начало, часто разделяются учеными на два основных типа: династические континентальные и морские колониальные. Различие между этими двумя типами часто оспаривается, в особенности специалистами по российской истории. Династические империи, такие как империя Габсбургов или Османская, располагались в основном, хотя и с некоторыми заметными исключениями, на географически сопредельных территориях, в то время как у морских колониальных империй (французской, английской, голландской и прочих) были заморские (и заокеанские) владения. Значительные водные пространства, отделявшие метрополию от колоний, помогали этим морским империям проводить четкое различие между «ядром метрополии» и колониальной периферией, в то время как в пределах традиционных континентальных империй границы между метрополией и периферией были часто, хотя и не всегда размыты¹. Роднило эти два типа империй то, что подданные и в том, и в другом случае отличались большим разнообразием. Но структура империй все же была различна. Для пересечения океанов требовался капитал и определенный опыт. Океаны также служили препятствием, которое в сочетании с перспективой извлечения прибыли из ресурсов колонии могло оказывать ощутимое влияние на отношения между ядром и периферией. Как показали успешные антиколониальные восстания в обеих Америках, Африке и других местах, связи и механизмы, обеспечивавшие целостность империй, основанных на эксплуатации заморских колоний, были более хрупки и ненадежны, чем подобные связи империй континентальных. Колониальные элиты, упрочив свое благосостояние по ту сторону океана и чувствуя себя находящимися в политически невыгодных условиях по отношению к метрополии, легче отделялись от своих империй,

¹ О русском примере см.: *Gorizontov L. The «Great Circle» of Interior Russia: Representations of the Imperial Center in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries // Russian Empire: Space, People, Power. P. 67—93.*

которым было необходимо содержать дорогостоящий флот, чтобы их контролировать. По словам историка Рэймонда Беттса, «в то время как трансокеанский и трансконтинентальный виды империализма имеют много общих черт, различия также существуют. Смежность или ее отсутствие не всегда являются решающими факторами, но игнорировать их нельзя»¹. Конечно, континентальные империи тоже разваливались — как в начале XX века особенно драматично показал опыт Балканских войн и Первой мировой войны, — однако этот процесс дезинтеграции отличался от заморской деколонизации.

Российская империя являлась гибридом этих двух типов империи по нескольким ключевым параметрам². Во-первых, она славилась своей огромностью, числом и многообразием подвластных территорий. Подобно династиям Габсбургов и Османов, династия Романовых претендовала на легитимность отчасти как сторонница и защитница определенной религиозной конфессии (в случае России — православия)³. В то же время Российская империя была разросшимся многонациональным и мультирелигиозным государством, имевшим миллионы подданных, которые не являлись ни православными, ни русскими⁴. Одно из классических определений династической континентальной империи связано именно с размером и многообразием, и Российская империя, безусловно, отвечала этим критериям⁵.

Тем не менее империя Романовых хорошо подходила и под описание колониальной империи. Конечно, настоящая *заморская* колония была только одна — Русская Америка, однако Российская империя включала в себя большие территории, отделенные от равнинной евразийской части России естественными географическими барьерами,

¹ *Betts R.F. Europe Overseas: Phases of Imperialism.* New York: Basic Books, 1968. P. 7.

² Историк Пол Верт также считает Россию империей гибридного типа — см.: *Werth P. Changing Conceptions of Difference, Assimilation, and Faith in the Volga-Kama Region, 1740—1870 // Russian Empire: Space, People, Power.* P. 170.

³ О России как об империи в сравнительной перспективе см.: *Lieven D. Empire: The Russian Empire and Its Rivals.* New Haven: Yale University Press, 2000.

⁴ См.: *Miller A. The Value and the Limits of a Comparative Approach to the History of Contiguous Empires on the European Periphery // Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire / Ed. K. Matsuzato.* Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2007. P. 19—32.

⁵ *Howe S. Empire: A Very Short Introduction.* Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 14. Хоув определяет империю отчасти как «большую политическую структуру, которая управляет территориями, находящимися за пределами ее изначальной границы».

которые создавали преграды, сравнимые даже с океанами. Например, между Центральной Россией и Туркестаном таким барьером была огромная, тяжелопроходимая до появления железной дороги пустыня. В других регионах особенности местности, например обширные болота, также замедляли темпы передвижения и ограничивали возможность связи. Более того, значительная протяженность страны в *пределах* самой евразийской равнины также была своего рода «заменителем океана», так как некоторые периферийные территории находились очень далеко от того, что называлось Центральной Россией¹.

Географическая обособленность усиливалась большим разнообразием культур. В Российской империи проживало огромное количество людей, которые в культурном отношении были весьма далеки как от имперской элиты Петербурга, так и от простого русского народа. Культурные различия на сопредельных друг другу территориях этой империи были таковы, что она имела собственные Ближний Восток, Дальний Восток и Крайний Север². Возможно, в этом плане *сопредельное*, т.е. составленное из смежных частей, пространство Российской империи было более дифференцированным и многообразным, чем заморские владения большинства колониальных империй. Инаковость не всегда должна быть за океаном, чтобы считаться таковой.

Колониальность можно представить как спектр: не все подчиненные территории Российской империи были колониальными в одинаковой мере. Степень интенсивности колониальных отношений менялась в зависимости от времени и местоположения территории. Таким образом, в некоторых местностях Российской (или любой другой) империи колониальные отношения носили более ярко выраженный характер, чем в других.

¹ Идея «заменителя океана» была подсказана мне ныне покойным историком Даниэлем Броуэром, с которым мне посчастливилось несколько раз беседовать на эту тему. О пустынях как о барьере между Россией и Туркестаном см.: *Brower D. Turkestan and the Fate of the Russian Empire*. London: RoutledgeCurzon, 2003. P. xi; *Sahadeo J. Russian Colonial Society in Tashkent, 1865—1923*. Bloomington: Indiana University Press, 2007.

² О русском Ближнем Востоке, Дальнем Востоке и Крайнем Севере см. соответственно: *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700—1917* / Eds. D.R. Brower and E.J. Lazzerini. Bloomington: Indiana University Press, 1997; *Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока: имперская география власти XIX — начала XX в.* Омск: Издательство Омского государственного университета, 2004; *Slezkine Y. Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1994.

Американский историк Майкл Ходарковский утверждает, что к концу XVIII века Россия фактически превратилась в колониальную империю, т.е. в империю заморского типа. В его интерпретации, превращение степных территорий в колониальную зону и параллельная трансформация России в колониальную империю завершили многовековую борьбу Российского государства за присоединение просторных степей и покорение кочевников, обитающих в них. Непокоренная, степь была для России, в таком видении, «уязвимым фронтиром»; покоренная, она внезапно превращалась в арену колониальных отношений. Здесь нужно отметить, что, в отличие от Аляски, являвшейся для России ресурсной колонией, степь была пространством, экспансия в которое, следуя интерпретации самого Ходарковского, была мотивирована в первую очередь геополитическим интересом покорения воинственных кочевников ради установления порядка в обширной уязвимой пограничной зоне. Иными словами, экспансия в степь не являлась для российских чиновников актом подражания европейским империалистам, стремившимся к приобретению экономических ресурсов. Можно согласиться с Ходарковским, что после того, как российская экспансия в эту область закончилась присоединением земель и политическим и культурным подчинением степных народов, гегемония над завоеванными кочевниками стала напоминать колониальные отношения между западноевропейскими колонизаторами и их заморскими подданными. Но эксплуатация заморских колоний, изначально основанная на меркантильных и капиталистических интересах, была формой правления другого типа, нежели управление подчиненными приграничными зонами степного фронта¹.

Тем не менее на сопредельных территориях, составлявших Российскую империю, существовали и более близкие аналоги заморскому колониализму. Например, очевидно, что русское правление конца XIX века в Туркестане с его огромным нерусским населением представляло собой существенное отклонение от модели управления внутренними российскими провинциями. Подобно тому, как это было в Русской Америке, русские управляющие Туркестаном применяли способы управления, сознательно заимствованные ими из моделей колониального управления, практикуемых заморскими колониальными

¹ *Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500—1800. Bloomington: Indiana University Press, 2002. P. 6.* О степи см. также: *Sunderland W. Taming the Wild Field. О китайском фронтире см.: Perdue P.C. China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press, 2005.*

империями. Разница была в том, что в Туркестане это произошло позже, в более широких масштабах и в отношении гораздо большего количества населения¹.

Размышляя об обширном имперском пространстве России в пределах Евразии, историк Андреас Каппелер высказал мнение, что принятые определения «колониальной державы» не вполне подходят для Российской империи дореформенного времени. Как он утверждает, имперские архитекторы России ставили политические и стратегические факторы выше экономических². Здесь можно возразить, что многие, если не все бесспорно колониальные державы иногда поступали таким же образом. Тем не менее обобщение Каппелера подчеркивает, насколько Русская Америка, находясь под управлением колониальной компании, усложняет наше видение российской империи-государства в целом. Потому что на Аляске, следуя примеру других держав-колонизаторов, Петербург активно стремился создать эффективную систему эксплуатации, дабы извлекать из колонии максимальную прибыль. В американской колонии России экономические соображения редко были второстепенными.

ОДНА КОЛОНИЯ — ДВЕ МЕТРОПОЛИИ

Аляска — не единственная колония, которая была передана одной метрополией во владение другой. Однако уникальным в отношении Русской Америки / Аляски является то, что в XIX веке она была колонией обеих стран, боровшихся за превосходство над миром большую часть XX века. Идеологические императивы холодной войны неизбежно и предсказуемо влияли на историографию этого региона, который возбуждал бурные эмоции в лагерях обеих супердержав³. По

¹ *Brower D.* Turkestan and the Fate of the Russian Empire; *Crews R.D.* For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2006. P. 241—292; *Morrison A.* Russian Rule in Samarkand, 1868—1910: A Comparison with British India. New York: Oxford University Press, 2008; *Sahadeo J.* Russian Colonial Society in Tashkent.

² *Kappeler A.* Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. Munich: C.H. Beck, 1992. S. 138. См. также: *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. С. 30—36.

³ См.: *Wolf E.R.* Europe and the People without History. Berkeley: University of California Press, 1982. P. 7.

одну сторону баррикад поколениям советских школьников твердили, что в 1867 году Аляска была не продана, а «сдана в аренду» Соединенным Штатам, что давало основания ставить вопрос о возврате бывшей колонии. По другую сторону океана даже мысль о *Русской Америке*, с русскими, «оккупировавшими» не только «отдаленную» Аляску, но и теплую Калифорнию (имеется в виду Форт-Росс), вызвала у американцев дрожь. Политика обеих сторон привела к тому, что беспристрастные рассуждения об истории Русской Америки были едва ли возможны.

Несмотря на все это, исследование истории американской колонии Российской империи развивалось под влиянием еще более могущественных и долгосрочных культурных сил, чем холодная война. Дело в том, что популярные исторические нарративы и России, и Соединенных Штатов традиционно концептуализировались сквозь призму географии сопредельных друг другу территорий. Как русские, так и англоамериканцы XIX века (и более позднего периода) обычно рассматривали себя и рассматривались историками в качестве «расширяющихся» стран, но расширяющихся в направлении *сопредельных территорий*¹. Русская Америка / Аляска плохо вписывалась в подобную парадигму.

Вслед за знаменитым историком Фредериком Джексоном Тернером американскую экспансию в течение долгого времени описывали как перемещающийся с востока на запад англо-американский «фронтир»². Аляска, хотя и описывалась романтически в другом контексте как «Последний Фронтир», не соответствовала такому представлению³. К тому же присутствие на карте Северной Америки этого региона, отделенного от сопредельных друг другу территорий Соединенных

¹ Bassin M. Turner, Solov'ev, and the «Frontier Hypothesis»: The Nationalist Signification of Open Spaces // *Journal of Modern History*. 1993. Vol. 65. No. 3 (September). P. 473—511. См. также: Акимов Ю.Г. Северная Америка и Сибирь в конце XVI — середине XVIII в.: очерк сравнительной истории колонизации. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2010.

² См.: Turner F.J. The Significance of the Frontier in American History // *Frontier and Section: Selected Essays of Frederick Jackson Turner*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1961. P. 37—62. О судьбе анализа Тернера см.: Klein K.L. *Frontiers of Historical Imagination: Narrating the European Conquest of Native America, 1890—1990*. Berkeley: University of California Press, 1997.

³ О применении слогана «Аляска: Последний Фронтир» на номерных знаках Аляски см.: Limerick P.N. *The Adventures of the Frontier in the Twentieth Century // The Frontier in American Culture / Ed. J.R. Grossman*. Berkeley: University of California Press, 1994. P. 79.

Штатов, служило напоминанием о провале попытки аннексировать Канаду. Сегодня, как и в прошлом, история Соединенных Штатов часто концептуализируется и преподается с позиций региональной перспективы, что находит отражение в таких названиях курсов лекций, как «История Юга» и «История Запада». В такой парадигме Аляска маргинализируется как аномальный «Север».

Как и в Соединенных Штатах, колониальная экспансия Российской империи, которая была еще более масштабной, происходила главным образом на сопредельных территориях. В XIX веке основное внимание было сосредоточено на восточных регионах, таких как Кавказ, Средняя Азия, Сибирь, Амурский край и Дальний Восток, а также на западных территориях, таких как Польша, Финляндия, Бессарабия и Прибалтика. Русская экспансия в эти районы обычно описывается с других позиций, нежели в отношении Аляски, — ученые разных подходов и школ обычно анализируют и подчеркивают общие черты данных регионов, которые являлись как бы кусочками общей евразийской мозаики.

Есть и более прозаические, административные причины того, что большинство историков-американистов и специалистов по русской истории в США обращают мало внимания на Русскую Аляску. В североамериканском академическом сообществе работа по изучению России организована большей частью по территориальному принципу. При таком подходе «Русская» Америка является аномалией, потому что ее территория находится вне Евразии и тем более вне бывшего Советского Союза. Следовательно, специалисты по русской истории, которые изучают прошлое Аляски, при получении грантов в области страноведения сталкиваются с организационными препятствиями. В то же время американисты, которые специализируются на изучении истории Аляски как территории Соединенных Штатов, часто не обладают необходимыми языковыми познаниями, чтобы использовать русские источники, и поэтому, освещая «доамериканский» период истории Аляски, ссылаются на устаревшую, вторичную литературу. По этим причинам профессиональное, академическое изучение русского периода истории Аляски в США предоставлено главным образом специалистам по культурной антропологии. Некоторые из таких исследований проведены как исторические и отличаются прекрасным качеством исполнения, но, как правило, антропологические исследования фокусируются на конкретных группах коренного населения. Таким образом, ощущается дефицит научных работ, которые обращались бы к истории Русской Америки во всей ее полноте.

В период, предшествовавший продаже Аляски, российские труды по истории Русской Америки отражали политическую борьбу за влияние между различными заинтересованными группами. Результатом наиболее серьезной попытки написать полноценную историю являлось «Историческое обозрение» Петра Тихменева. Работа Тихменева спонсировалась Российско-Американской компанией и, соответственно, отражала ее интересы¹. Классический труд Иоанна Вениаминова, «Записки об островах Уналашкинского отдела», также финансировался РАК². Публикации в журнале «Морской сборник» начала 1860-х годов отражали другую точку зрения — позицию реформаторов, считавших РАК пережитком прошлого, дореформенного периода, уже не подходящим для России. Этот журналистский накал страстей отражал ту активную кампанию внутри самого правительства империи, которая в конечном счете и привела к продаже Аляски.

После продажи этой территории Соединенным Штатам тема «Русской» Америки привлекала в Российской империи значительно меньше внимания. Создается впечатление, что многие россияне желали забыть о бывшей колонии. Только деятельность Русской православной церкви, которая продолжала направлять миссионеров и денежные средства на Аляску вплоть до 1917 года, привлекала значительное внимание — в основном как воодушевляющая история успеха миссионерской деятельности вопреки суровым климатическим условиям и нередким препятствиям со стороны американских властей. Эта история служила дидактическим примером для православных христиан России³. Однако с приходом советской власти поступление денежных средств, отправление миссионеров и в целом интерес к религиозной истории Русской Аляски сошли на нет.

¹ Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ея до настоящего времени. СПб.: Типография Э. Веймара, 1861—1863.

² Вениаминов И.Е. Записки об островах Уналашкинского отдела: В 3 т. СПб.: Типография Императорской Российской Академии, 1840.

³ Внимание, которое Русская православная церковь оказывала истории своей миссии на Аляске, показано в следующих работах: Барсуков И.П. Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский. М.: Синодальная типография, 1883; Административные документы и письма высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа Камчатского по управлению Камчатской епархией и местными духовно-учебными заведениями за 1846—1868 гг. / Ред. В. Крылов. Казань: Центральная типография, 1908; Очерк из истории Американской Православной Духовной Миссии (Кадьякской миссии 1794—1837 годов). СПб.: Типография М. Меркушева, 1894.

В советский период, накануне Второй мировой войны, в тяжелых условиях конца 1930-х годов плодотворное изучение Русской Америки проводилось Семеном Окунем¹. Окунь писал об истории РАК в рамках классического марксистско-ленинского подхода, подчеркивая эксплуатацию работников из числа русского и коренного населения этой компанией. Несмотря на свою ограниченность, обусловленную режимом того времени и чрезмерным стремлением автора продемонстрировать грандиозный план царизма по колонизации Северотихоокеанского края, труд Окуня ценен как научное исследование. К сожалению, работы некоторых других авторов того времени, написанные в рамках марксизма-ленинизма, были сведены представленной в них идеологией почти до карикатуры².

После окончания Второй мировой войны идеологическая волна повернулась в другом направлении. Вместо изучения «эксплуатации во времена царизма» советские ученые принялись подчеркивать и превозносить «прогрессивную» роль, которую сыграли русские в истории своей североамериканской колонии³. Подобный историографический подход сохранялся вплоть до конца советского периода, но в 1960-х годах стали также появляться и научные работы в более эмпирическом стиле, основанные на более глубоком и непредвзятом анализе источников. По отношению к историографии Русской Америки работы таких ученых, как Николай Болховитинов и Светлана Федорова, играли ключевую роль в развитии этой тенденции, и в дальнейшем она развивалась их учениками⁴. Нужно отметить, что именно научное наследие академика Болховитинова, талантливого ученого и человека широких взглядов, положило начало международному резонансу профессионального изучения истории Русской Америки, который наблюдается в последние два десятилетия. Тем не менее прославляющий тон по отношению к российской экспансии на Дальнем Востоке и в Русской Америке, возникший в сталинское время на почве борьбы с «космополитизмом»,

¹ Окунь С.Б. Российско-американская компания. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. Переведено на английский язык: Okun S.B. The Russian-American Company. New York: Octagon Books, 1979.

² См., например: Широкий В.Ф. Из истории хозяйственной деятельности Российско-американской компании // Исторические записки. 1942. Вып. 13. С. 207—221.

³ См.: Гринев А.В. Некоторые тенденции в отечественной историографии российской колонизации Аляски // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 163—167.

⁴ Федорова С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии; Болховитинов Н.Н. Становление русско-американских отношений. М.: Наука, 1966.

оказался устойчивым и в постсоветские времена. Некоторые россияне продолжают работать в этом русле, подчеркивая, что русские сыграли в целом прогрессивную роль в судьбе коренного населения Аляски, которому, таким образом, повезло быть колонизованным именно Россией, а не какой-либо другой державой. С распадом Советского Союза сторонники этого подхода стали использовать мотив о воздействии православной культуры как мощной силе прогресса — мотив, который они не могли развивать в советское время. Эти авторы преподносят своей аудитории хроники героизма и самоотверженности священников-миссионеров, которые принесли аборигенам просвещение и мир. По сути, подобные специалисты добавляют такие досоветские имперские понятия, как «благочестие и цивилизация», к известной «прогрессивной» формуле, которая со времен Второй мировой войны являлась неотъемлемой частью советского видения русской экспансии в Сибирь и на Аляску.

Энтузиасты этой волны косвенно, если не прямо отрицают терминологию, ассоциируемую с колониализмом, империализмом или вообще любым видом доминирования и гегемонии; вместо этого русское вторжение в Северотихоокеанский край представлено ими как *освоение*. Заметим, что для данного русского слова не существует точного эквивалента в английском языке — возможно, лучшим его переводом будет «апроприация» (*appropriation*), но семантика русского термина подразумевает нечто более гармоничное и естественное¹. В этих трудах русский проект преподносится как изучение территории и сотрудничество с коренным населением. Русские по мере возможности описываются как сострадательные братья или самоотверженные просветители аборигенов. Какие-либо конфликты представлены как результат культурного непонимания, «варварства» отдельных аборигенов, неуместного поведения некоторых нетипичных русских или как следствие махинаций и интриг иностранных конкурентов. Система российского колониализма остается без анализа, а репутация русской миссии в Америке представляется незапятнанной.

Любопытно, что некоторые ученые, работающие вне России, развивают аргументы, дополняющие эту же концепцию. Заимствуя идеи из различных дискурсов (связанных, например, с теологией

¹ Классический пример приведен в книге: *Слодкевич В.С. Из истории открытия и освоения русскими Северо-Западной Америки. Петрозаводск: Государственное издательство Карело-Финской ССР, 1956.*

и этническими исследованиями), они рисуют все более и более идиллическую картину, описывая миссионерскую деятельность православных священников и общественные отношения в Русской Америке¹. Результатом синергии между работами этих иностранных ученых и возрожденным в России националистическим подходом к истории является создание романтизированного ревизионизма — того, что лингвист Вячеслав Иванов назвал «новым мифом»².

Справедливости ради стоит отметить, что у этого романтического ревизионизма есть сильные стороны — если его рассматривать как своего рода «поправку» по отношению к некоторым старым историографическим трудам, написанным в Соединенных Штатах и изобразившим отношения русских с коренным населением в стереотипном свете и спорных терминах. Ревизионисты взяли на себя задачу пересмотреть некоторые не вполне обоснованные предположения из устаревших исторических работ и доказали, что они неверны. Но опровержение постулатов слабой, мало профессиональной историографии былых лет — дело нетрудное, а оборонительная позиция, занятая ревизионистами, привела их к другой крайности: они настаивают на том, что русский колониализм, если его вообще можно называть колониализмом, был уникален, поскольку руководствовался добрыми намерениями и оказывал только благотворное влияние³. Как пример исторического романтизма такое описание Русской Америки основывается в большей степени на том, о чем эти исследователи пишут, чем на том, о чем они предпочитают умалчивать.

¹ См.: *Mousalimas S.A. The Transition from Shamanism to Russian Orthodoxy in Alaska*. Oxford: Berghahn Books, 1994; *Oleksa M. Orthodox Alaska: A Theology of Mission*. Crestwood, N.Y.: St. Vladimir's Seminary Press, 1992; *Black L. Orthodoxy in Alaska*. Berkeley: The Patriarch Athenagoras Orthodox Institute at the Graduate Theological Union, [n.d.].

² Словами Иванова: «В некоторых недавних публикациях о русско-алеутской религии и русско-алеутской церкви наблюдается тенденция описывать ситуацию в предыдущем столетии в ностальгической, романтической манере. В этих работах можно заметить новый миф о первоначальной культуре коренного населения, смешанной с русским православием, с образом Вениаминова в качестве культурного героя» (*Ivanov V. The Russian Orthodox Church of Alaska and the Aleutian Islands and Its Relation to Native American Traditions: An Attempt at a Multicultural Society, 1794—1912*. Washington: Library of Congress, 1997. P. 30).

³ Работа американского этнографа Лидии Блэк (Lydia Black) оказала наиболее существенное влияние на распространение ревизионизма. Ее книга «Russians in Alaska, 1741—1867» (Fairbanks: University of Alaska Press, 2001) даст читателю хорошее представление об этой концепции.

Противоположная крайность, отраженная в некоторых трудах американской историографии, ничем не лучше. Необходимо отметить, что ранние американские работы по истории Русской Америки часто были омрачены поверхностными знаниями их авторов о России¹. Движимые нередко религиозным или культурным рвением доказать превосходство англо-американской цивилизации, некоторые из них демонстрировали явный антирусский уклон. В трудах более общего характера русский период истории Аляски изображался как краткая прелюдия к *настоящей* истории, которая начиналась, в видении этих авторов, с прибытием англоамериканцев. Только после того, как Соединенные Штаты получили территорию Аляски, история этого края могла соответствовать знакомому сценарию, в котором американские войска покоряют индейцев, миссионеры-протестанты приносят им просвещение, цивилизацию и культуру, белые поселенцы доблестно противостоят суровым природным условиям, а золотоискатели ищут материального благополучия, символом которого стало золото. Короче говоря, по их мнению, история Аляски началась по-настоящему только после неизбежного и предопределенного участия в ней американцев. Среди американских историков раннего периода выделялся Хьюберт Хоув Бэнкрофт: он, хотя и писал в духе триумфального нарратива прогресса, все же стремился, во-первых, честно посмотреть на оборотную сторону американской экспансии, а во-вторых, подробно и тщательно описать в своем труде русский период истории Аляски². Достоверность исследования Бэнкрофта снизилась из-за фальсификаций его русского помощника и переводчика³, но тем не менее, при всех ее недостатках, его работа стоит гораздо выше работ других, менее известных американских авторов об истории Аляски раннего периода, создававших поверхностные, тенденциозные и пренебрежительные описания Русской Америки. В этом ключе история Русской Америки долго получала спорные описания. Грубые стереотипы омрачали ранние представления

¹ См., например: *Dall W.H. Alaska and Its Resources*. Boston: Lee and Shepard, 1897.

² *Bancroft H.H. History of Alaska*. San Francisco: A.L. Bancroft and Co., 1886. Американец Гектор Шевинье, талантливый журналист и популярный писатель, позднее использовал работу Бэнкрофта в качестве основы для нескольких своих книг. Крупнейшим его трудом была книга: *Chevigny H. Russian America: The Great Alaskan Venture, 1741—1867*. Portland, Oreg.: Binford and Mort, 1965.

³ См.: *Owens K.N. Magnificent Fraud: Ivan Petrov's Docufiction on Russian Fur Hunters and California Missions // Californians: The Magazine of California History*. 1990. Vol. 8. No. 2 (July—August). P. 25—29; *Pierce R.A. New Light on Ivan Petroff, Historian of Alaska // Pacific Northwest Quarterly*. 1968. Vol. 59. No. 1. P. 8—9.

американцев о русских на Аляске, включая предрассудки по отношению к смешанным бракам, религии местных жителей и православию, продолжавшие играть свою роль в протестантской риторике в первой половине XX века.

Переход к более объективному пониманию Русской Америки в Соединенных Штатах произошел в университетах Калифорнии в начале — середине XX века. Работы Фрэнка Голдера, профессора Стэнфордского университета, были важной вехой в начале этого пути¹. Но настоящий перелом произошел в рамках так называемой калифорнийской школы русской истории, существовавшей в Калифорнийском университете в Беркли в 1930—1950-х годах под предводительством Роберта Кернера. Такие ученики Кернера, как Ричард Пирс, Рэймонд Фишер и Василь Дмитришин, оставили наиболее существенный след в изучении Русской Америки². Все эти ученые исследовали экспансию России не только на Аляску, но и на сопредельные территории Евразийского континента³. Необходимо упомянуть, что хотя исследования самого Кернера были ограничены его явно детерминистскими взглядами, это не помешало каждому из его учеников разработать свой личный подход⁴. Пирс известен благодаря издательской работе и многочисленным публикациям его издательства «Лаймстоун пресс», а также обширному количеству его собственных работ. Среди работ Фишера можно отметить его трактовку обоснования путешествий Витуса Беринга⁵. Дмитришин писал об административной деятельности РАК, а также редактировал трехтомную коллекцию документов о русской экспансии

¹ См. особенно: *Golder F.A. The Attitude of the Russian Government toward Alaska.* New York: Macmillan, 1917.

² Об оценке калифорнийской школы с точки зрения советского ученого в период перед холодной войной см.: *Ятсунский В.* Изучение истории СССР в Калифорнийском университете в США // *Вопросы истории.* 1945. № 5—6. С. 186—200.

³ См., например: *Fisher R.H. The Russian Fur Trade, 1550—1700.* Berkeley: University of California Press, 1943; *Lantzeff G.V., Pierce R.A. Eastward to Empire: Exploration and Conquest on the Russian Open Frontier to 1750.* Montreal: McGill-Queen's University Press, 1973; *Pierce R.A. Russian Central Asia, 1867—1917: A Study in Colonial Rule.* Berkeley: University of California Press, 1960.

⁴ См.: *Kerner R.J. The Urge to the Sea: The Course of Russian History: The Role of Rivers, Portages, Ostrogs, Monasteries and Furs.* Berkeley: University of California Press, 1942. Критический анализ этой работы Кернера см. в рецензии на нее, написанной Jesse D. Clarkson (*American Historical Review.* 1942. Vol. 48. No. 1. P. 62—63). Более положительную оценку см. в статье: *Kotkin S. Robert Kerner and the Northeast Asia Seminar* // *Acta Slavica Iaponica.* 1997. Vol. 25. P. 93—113.

⁵ *Fisher R.H. Bering's Voyages.*

в Сибирь и на Аляску¹. Исследования Русской Америки, проведенные учениками Кернера, не похожи одно на другое по стилю и подходу. И поскольку эти работы не всегда соотносятся между собой, а также отличаются от позиции наставника их авторов, в строгом смысле слова едва ли можно говорить в данном случае о «школе». Тем не менее труды этих ученых в течение многих лет составляли значительную часть литературы о Русской Америке в Соединенных Штатах и весьма выгодно контрастировали с предшествовавшими работами.

Авторы недавних исследований пошли значительно дальше. Возможно, ни один труд не иллюстрирует возможности, возникшие с завершением холодной войны, лучше, чем уже упоминавшаяся трехтомная «История Русской Америки», созданная в России в конце 1990-х годов под редакцией Николая Болховитинова. Являясь плодом совместных усилий русских, американских и канадских ученых, эта энциклопедическая работа была написана главным образом все-таки русскими². Несмотря на то что некоторые главы ИРА явно сильнее других, совместный труд коллектива авторов представляет в целом первую успешную попытку написать разностороннюю научную историю русской колонизации Аляски, синтезировав при этом результаты большого числа наиболее известных эмпирических исследований о Русской Америке³. Появление ИРА предоставляет сегодняшним исследователям возможность развивать новые направления. Таким образом, можно надеяться, что их усилия со временем демаргинализируют изучение истории российского заморского колониализма.

В то же время Аляска остается сокровенным мифом для большой аудитории как в России, так и в Америке. Ее продажа болезненно воспринимается российскими националистами, а приобретение и отведенная ей роль «последнего фронта», базы стратегических ресурсов и американского ключа к Арктическому Северу являются важными аргументами для националистов американских. Итак,

¹ *Dmytryshyn B. The Administrative Apparatus of the Russian-American Company, 1798—1867 // Canadian-American Slavic Studies. 1994. Vol. 28. No. 1 (Spring). P. 1—52; To Siberia and Russian America: Three Centuries of Russian Eastward Expansion: 3 vols. / Eds. B. Dmytryshyn, E.A.P. Crownhart-Vaughan, T. Vaughan. Portland, Oreg.: Western Imprints, The Press of the Oregon Historical Society, 1985—1989.*

² Помимо самого Болховитинова, стоит особо отметить вклад в эту работу Андрея Вальтеровича Гринева — автора многих из ее глав.

³ *История Русской Америки, 1732—1867 / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов: В 3 т. М.: Международные отношения, 1997—1999. (Далее во всех главах обозначается как ИРА.)*

история Аляски, кажется, обречена оставаться предметом политических манипуляций.

КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ РУССКОЙ АМЕРИКИ

Колониальная система Русской Америки была создана русскими во взаимодействии с коренным населением региона. Хотя Русская Америка включала и других аборигенов, колонисты основали поселения главным образом на землях алеутов, кадьякцев и тлинкитов и активно взаимодействовали с ними в период 1804—1867 годов. Каждый из этих трех народов продемонстрировал в значительной степени иную реакцию на вторжение, нежели два других.

Алеуты, коренные жители длинной цепи Алеутских островов, первыми вошли в тесный контакт с русскими промышленниками¹. Наречия и культура жителей западных островов отличались от тех, что преобладали на более густонаселенных восточных островах². Численность населения Алеутских островов до прибытия русских остается спорной. Оценки существенно расходятся, но средний показатель составляет от 12 до 15 тыс. человек. Если взять за основу эти цифры, между 1741 и 1800 годами население алеутов сократилось приблизительно на 80%³. В XIX веке под управлением РАК были проведены более точные подсчеты: по переписи 1806 года, на Алеутских островах насчитывалось 2209 алеутов, однако, скорее всего, в это число не вошли алеуты, переселенные русскими в другие районы⁴. В 1834 году Иоанн

¹ В современной научной литературе алеуты также известны под именем «унанган» (Unangan), которое является их самоназванием.

² *Black L.T., Liapunova R.G.* Aleut: Islanders of the North Pacific // *Crossroads of Continents: Cultures of Siberia and Alaska* / Eds. W.W. Fitzhugh and A. Crowell. Washington: Smithsonian Institution Press, 1988. P. 52—53; *Black L.T.* Atka: An Ethnohistory of the Western Aleutians. Kingston, Ont.: Limestone Press, 1984. P. 42.

³ *Veltre D.W.* Perspectives on Aleut Culture Change during the Russian Period // *Russian America: The Forgotten Frontier* / Eds. B.S. Smith and R.J. Barnett. Tacoma, Wash.: Washington State Historical Society, 1990. P. 178. В 1970-х годах Роза Ляпунова оценивала численность алеутского населения доконтактного периода в 16—20 тыс. человек. В 1980-х она пересмотрела эти цифры в пользу численности в 8—9 тыс. См.: *Ляпунова Р.Г.* Очерки по этнографии алеутов. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1975. С. 6; *Она же.* Алеуты: очерки этнической истории. Л.: Наука, 1987.

⁴ *Гринев А.В.* Российские колонии на Аляске (1806—1818) // ИРА. Т. 2. С. 118.

Вениаминов писал о коренном населении численностью 2200 человек¹. Так или иначе, все специалисты сходятся во мнении, что в течение нескольких десятилетий после появления русских на Алеутских островах существовавшая до этого культура алеутов была почти полностью искоренена вместе с традиционной моделью их экономики. Эти перемены сделали невозможной реконструкцию многих элементов алеутской культуры периода до установления контакта с русскими, в особенности связанных с дохристианскими религиозными верованиями².

Местное население острова Кадьяк было известно под разными именами в российский и американский периоды его истории. Русские часто называли жителей этого острова алеутами (иногда — «алеутами острова Кадьяк»), что для некоторых представителей коренного населения стало приемлемым самоназванием и осталось таковым по сей день³. Несмотря на применение названия одного народа к другому, русские колонисты осознавали культурные и языковые различия между коренными жителями острова Кадьяк и Алеутских островов. В XIX веке кадьякцев (эскимосов кониэгмютов) иногда называли конягами. Термин же «алутик» (Alutiiq), который часто используется в более современной этнографической литературе, употребляется по отношению и к кадьякцам, и к чугачам, населяющим побережье пролива Принца Вильгельма⁴.

Кадьяк был захвачен и колонизован русскими в 1780-х годах. Компания Шелихова и Голикова, предшественница РАК, основала здесь постоянное поселение в 1784 году. Кадьяк оставался центром русской колониальной деятельности вплоть до передачи Аляски Соединенным Штатам, а до 1807 года являлся административной столицей

¹ [Вениаминов И.Е.] Опыт грамматики Алеутско-Лисьевского языка. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1846. С. ii—iii.

² Ляпунова Р.Г. Алеуты. С. 8; Lantis M. The Aleut Social System, 1750 to 1819, from Early Historical Sources // Ethnohistory in Southwestern Alaska and the Southern Yukon: Method and Content / Ed. M. Lantis. Lexington: University Press of Kentucky, 1970. P. 139—301.

³ Согласно этнографам, название «алеуты» сегодня стало наиболее предпочтительным для нескольких племен на Аляске: унанганов (жителей Алеутских островов); говорящих на языке алутик жителей острова Кадьяк (конягов/кадьякцев); чугачей, живущих вдоль пролива Принца Вильгельма; а также нескольких групп, говорящих на языке юпик, в восточной части полуострова Аляска. См.: Black L.T., Liapunova R.G. Aleut. P. 52—53.

⁴ Обсуждение этих и других названий коренного населения острова Кадьяк см. в книге: Crowell A.L. Archaeology and the Capitalist World System: A Study from Russian America. New York: Plenum Press, 1997. P. 34—35.

Русской Америки. Подобно алеутам, кадьякцы искусно обращались с байдарками и были мобилизованы русскими для участия в дальних плаваниях с целью охоты на калана. Численность этого народа в период до прибытия русских оценивается в 8 тыс. человек или более¹. Перепись 1800 года зафиксировала 5464 коняга, из них 2750 мужчин и 2714 женщин².

Оценить численность тлинкитов (русские обычно называли их колошами) всегда было значительно сложнее, чем определить численность коренных народов, находившихся под управлением РАК. Оценки на начало XIX века колеблются в интервале 5—10 тыс. тлинкитов³. Последние были рассеяны по островам и юго-восточному побережью материковой Аляски, а также по смежным территориям Канады. Русское селение Ново-Архангельск (ныне — город Ситка), основанное в 1804 году, было расположено как раз посредине территории тлинкитов. Описывая коренные народы Русской Америки, русские наблюдатели часто подчеркивали сходство алеутов и кадьякцев с народами Сибири и российского Дальнего Востока, однако тлинкиты описывались строго как американские индейцы. С точки зрения русских XIX века, юго-восточная Аляска и северо-западное побережье Северной Америки, населенные тлинкитами, представляли собой регион, отличный в культурном плане от Юго-Западной Аляски и Алеутских островов, населенных алеутами и кадьякцами.

Русские наблюдатели XIX века отмечали существенные различия между коренными народами своей колонии, многие из этих различий прошли испытание временем. Тем не менее в 1980 году культурный антрополог Джоан Таунсенд успешно оспорила популярную в течение долгого времени среди этнографов-профессионалов и публики троичную модель «эскимос, алеут и индеец». Взаимодействие между сообществами Южно-Аляскинского края основывалось на альянсах, в которых не было деления на эскимосов (инуитов), алеутов и индейцев. Более того, само понятие этнической принадлежности не существовало для местного населения до установления прочных контактов

¹ *Townsend J.B.* Ranked Societies of the Alaskan Pacific Rim // *Senri Ethnological Studies*. 1980. Vol. 4. P. 131; *Clark D.W.* Pacific Eskimo: Historical Ethnography // *Handbook of North American Indians*. Washington, D.C.: Smithsonian Institution Press, 1984. Vol. 5. P. 187.

² *Гринев А.В.* Русские колонии на Аляске на рубеже XIX в. // *ИРА*. Т. 2. С. 42—43.

³ *Kan S.* Memory Eternal: Tlingit Culture and Russian Christianity, 1794—1994. Seattle: University of Washington Press, 1999. P. 4.

с европейцами. Исследование Таунсенд показало, что все коренные народы Южной Аляски, такие как алеуты, кадьякцы и тлинкиты, а также чугачи, денаина, атна и эяки (т.е. большинство коренных жителей, с которыми русские колонисты имели продолжительные контакты), обладали целым рядом особенностей, которые определяли их как одно целое, отличное от более эгалитарных сообществ коренных народов, проживавших ближе к северу¹.

Важной характеристикой является то, что все сообщества Южной Аляски и Алеутских островов, независимо от того, где они располагались в таксономии «индеец/экимос/алеут», функционировали в соответствии с системой рангов, в которой руководство контролировало перераспределение ресурсов². Как и у большинства коренных народов Северной Америки, место индивидуума в обществе определяло родство. Несмотря на некоторые различия, все народности Южной Аляски имели иерархический общественный строй, члены которого могли быть определены по своему рангу как знать, простолюдины и рабы³. Институт рабства существовал в этом регионе в доконтактный период⁴, так же как и политическая элита (иногда называемая знатью или аристократами), принадлежность к которой была наследственной. Чтобы считаться членом элиты или претендовать на звание вождя, необходимо было родиться в соответствующем «ранге» и обладать хорошей родословной. Хотя каждое общество имело свои собственные правила и критерии выбора «богачей, старших, глав домохозяйств или поселений либо вождей», все эти общества соответствовали единым характеристикам ранговой системы / системы перераспределения⁵. На практике это означало, что во всех местных обществах были наследственные элиты, с которыми русские колонизаторы могли вступать в переговоры и которых они могли вовлекать в политику, хотя и часто на уровне только отдельного поселения или клана, а не всего «племени».

¹ *Townsend J.B.* Ranked Societies of the Alaskan Pacific Rim. P. 123—124.

² *Fried M.H.* The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology. New York: Random House, 1967.

³ *Townsend J.B.* Ranked Societies of the Alaskan Pacific Rim. P. 130.

⁴ Таунсенд отмечает, что рабство практиковалось на всей территории Южной Аляски, и поясняет: «Рабы приобретались посредством захвата и торговли. Кроме этого, время от времени ряды рабов пополняли сироты. Рабы не имели прав и принуждались работать, их могли продавать или приносить в жертву по усмотрению их хозяина» (*Ibidem.* P. 134).

⁵ *Ibidem.* P. 132.

Примером может служить общество алеутов, которое, по данным культурных антропологов, состояло из высшей знати, простого народа и рабов. Вожди алеутов выбирались только из высшей знати. Алеуты восточных островов в зимний период проживали в общих постройках типа полуземлянок, и распределение мест в них, как и выбор места захоронения, также основывалось на ранге — старшему по рангу доставалось наиболее престижное место¹. Подобные модели существовали во всех коренных обществах Южной Аляски².

Разные народы по-разному отреагировали на вторжение русских. Сопротивлению тлинкитов способствовали природные условия. Пышная растительность и многочисленные водные пути их обширной территории в юго-восточной Аляске резко контрастировали с лишенными растительности Алеутскими островами. Поселения алеутов были открытыми и уязвимыми, кроме того, незначительная населенность каждого острова, особенно на западе, дополнительно облегчила русским задачу их подчинения. Хотя и алеуты, и тлинкиты вели оседлый образ жизни только сезонно, модель питания тлинкитов была более стабильной за счет возможности ловить рыбу круглый год, что облегчалось их знанием о ежегодном цикле нереста лосося в многочисленных реках и ручьях. Алеутские же острова были более подвержены суровым штормам, чем северо-западное побережье Америки, что препятствовало продуктивной рыбной ловле в открытом море. То, что тлинкиты могли положиться на местные источники пропитания, улучшало их способность сопротивляться иностранному вторжению и противостоять влиянию колонизаторов.

В сопротивлении кадьякцев географические факторы сыграли иную роль. С одной стороны, ручьи острова Кадьяк обеспечивали местному населению стабильный улов лосося. С другой — все поселения кадьякцев располагались на побережье единственного крупного острова, что было важным отличием от поселений тлинкитов, разбросанных на множестве островов их обширной территории. Узнав, где находятся поселения кадьякцев, русские могли легко и быстро добраться туда и подчинить их.

Общественный строй имел такое же важное значение, как и природные условия. Ни на острове Кадьяк, ни на Алеутских островах

¹ Black L.T., Liapunova R.G. Aleut. P. 53—54.

² О денаина см.: Znamenski A.A. Shamanism and Christianity: Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820—1917. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1999. P. 17. О тлинкитах см.: Laguna F. de. Tlingit: People of the Wolf and Raven // Crossroads of Continents. P. 60—61.

не сохранилось свидетельств существования какой-либо значимой политической интеграции выше уровня единого поселения до прибытия русских. Неспособность местных лидеров сплотить более чем несколько поселений, чтобы дать отпор общему врагу, ослабляла их сопротивление вторжению. Хотя имеются свидетельства общего культурного разделения территории острова Кадьяк на север и юг, которое существовало во времена вторжения русских, это разделение не привело к созданию эффективных коалиций в данных районах. Жители нескольких соседних поселений могли иметь родственные связи, но дальше этого дело не шло. Таким образом, хотя численность населения алеутов и тлинкитов до установления контакта с европейцами была приблизительно одинакова, только общественный строй тлинкитов способствовал организации длительного сопротивления¹. Структура этого строя была матрилинейной, но патрилокальной. Такой строй, при котором весь народ разделялся на две экзогамные группы, гарантировал проживание членов одного клана на обширной территории². Браки у тлинкитов заключались таким образом, что родственники оказывались в разных поселениях и рождались с членами других кланов. Каждый тлинкит принадлежал к одной из двух групп (англ. moiety): одна группа носила название «Ворон», а другая была известна как Орел (в некоторых краях — как Волк). Партнеры для брака выбирались из противоположной группы: Вороны должны были вступать в браки только с Орлами и наоборот. Каждая из двух групп состояла из нескольких кланов. Преданность своему родному клану, принадлежность к которому определялась по материнской линии, считалась среди тлинкитов важнейшим качеством. В подобной системе ответственность за обучение мальчика мужским навыкам лежала в первую очередь не на его отце, а на дяде по материнской линии. Роль дяди была особенно важной в семьях знати: мальчик из влиятельной семьи тлинкитов обычно проживал около двух лет с братом своей матери. Когда ребенок вырос, он женился на девушке из другой половины сообщества, и пара обосновывалась в поселении, где проживал отец мальчика. Хотя между кланами тлинкитов часто бывали разногласия, споры и ссоры с применением насилия и даже со смертельными исходами, тем не менее как до, так и после установления

¹ Таунсенд предполагала, что численность алеутов была 16 тыс. человек, а тлинкитов — 15 тыс. (*Townsend J.B. Ranked Societies of the Alaskan Pacific Rim. P. 131*).

² *Laguna F. de. Tlingit // Handbook of North American Indians. Vol. 7. P. 213—215; Kan S. Memory Eternal. P. 5.*

контактов с русскими они часто образовывали альянсы для реализации общих стратегических целей¹. Эти альянсы, пусть и краткосрочные (как в случае нападения на Михайловскую крепость на острове Ситка в 1802 году), часто оказывались эффективными². Несколько сотен воинов могли стать серьезной угрозой самому существованию Русской Америки. В течение ее истории тлинкиты неоднократно организовывали такие отряды, на что алеуты и кадьякцы были неспособны. Таким образом, клановая система тлинкитов способствовала объединению перед лицом общей угрозы, что было невозможно при общественном строе алеутов и кадьякцев³.

Сопrotивлению, которое тлинкиты оказывали вторжению русских, способствовало и присутствие на северо-западном побережье Америки британских и американских торговцев. Но важен был не сам факт их присутствия, а то, как тлинкиты периодически играли на интересах соперничавших групп европейцев и благодаря этому приобретали оружие (например, ружья, порох и даже пушки), которое позволяло им защищать свою независимость. У кадьякцев и алеутов такой возможности не было, поскольку русские подчинили Алеутские острова и Кадьяк до того, как их европейские и американские соперники начали оспаривать российскую гегемонию в Северной Америке. И если в XVIII веке у алеутов иногда появлялась возможность сыграть на соперничестве конкурирующих российских компаний, то и она исчезла с созданием РАК.

Почему русские уделяли столько внимания ассимиляции коренного населения в североамериканской колонии? Как рассказывает, обсуждая ситуацию в испанской Калифорнии, историк Джеймс Роулз, в определенный момент Испания осознала, что наиболее прочным источником ее благосостояния были местные жители Нового Света⁴. Русские колонизаторы на севере Тихого океана пришли к подобному осознанию относительно обитателей Алеутских островов в годы, предшествовавшие образованию РАК, увидев неповторимую виртуозность,

¹ *Olson W.M.* The Tlingit: An Introduction to Their Culture and History. Auke Bay, Alaska: Heritage Research, 1991. P. 27—32.

² *Гринеv А.В.* Битвы за Ситху и падение Якутата // ИРА. Т. 2. С. 56—57.

³ См.: *Langsdorff G.H. von.* Remarks and Observations on a Voyage around the World from 1803 to 1807. 2 vols. Kingston, Ont.: Limestone Press, 1993. Vol. 2. P. 62—77.

⁴ *Rawls J.R.* Indians of California: The Changing Image. Norman: University of Oklahoma Press, 1984. P. 3.

с которой алеутские мужчины охотились на калана. Охотники из коренного населения всегда оказывались полезными для русских промышленников, заинтересованных в добыче мехов, как в Сибири, так и в Северной Америке, но при промысле калана значение участия местных умельцев возрастало многократно. Алеуты и кадьякцы с детства готовились стать искусными в этом виде охоты. Взрослые русские мужики оказались неспособными приобрести подобные навыки. Следовательно, те русские, у которых был интерес в приобретении шкур морских животных, нуждались в местных охотниках для разработки главного ресурса колонии. Российско-Американская компания имела серьезную заинтересованность в организации такой системы распределения труда, которая позволила бы извлекать преимущества из особых навыков коренного населения.

Как для Российско-Американской компании, так и для ее предшественников на повестке дня стояли не только прибыль, но и выживание. Русский колониальный проект в Америке был немыслим без активного вовлечения коренного населения. Уникальная форма организации труда алеутов и кадьякцев (особенно в охоте на калана, но также и в других видах экономической деятельности, например при забое морских котиков на островах Прибылова) резко выделяла РАК из ряда других (иностраных) компаний, занимавшихся пушным промыслом в Северной Америке. Способ организации пушного промысла в Русской Америке был теснее связан с особенностью главного ресурса, каковым являлся неуловимый и в то же время весьма ценный калан, и с рынком труда, состоявшим из искусных охотников из числа коренного населения, чем с какой-либо традицией промысла, привезенной русскими из Сибири или Европейской России. Таким образом, участие коренных жителей Северотихоокеанского края и цена каланьих мехов на мировом рынке оказали решающее влияние на устройство и развитие нового типа колониализма, который резко контрастировал с прежними русскими практиками.

Часть I

СТРОИТЕЛЬСТВО
КОЛОНИАЛЬНОЙ
СИСТЕМЫ

Глава 2

КРУГОСВЕТНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ И ЗАМОРСКИЙ КОЛОНИАЛИЗМ

Прибытие на Тихий океан кораблей, совершивших первое кругосветное путешествие под флагом Российской империи, сделало 1804 год ключевым для Русской Америки. Первые годы XIX века ознаменовали начало более координированного периода русской колонизации Северной Америки. Североамериканская колония, прежде воспринимавшаяся в Петербурге как самый отдаленный фронт России империи, теперь была связана с европейской частью России радикально новым образом.

В конце 1790-х годов российские предприниматели и правительство образовали Российско-Американскую компанию как акционерное предприятие. РАК, хотя и являлась объединением существовавших сибирских купеческих промысловых компаний, вынужденных в нее вступить, была создана петербургскими чиновниками в чем-то по образцу колониальных компаний западноевропейского типа¹. Ее учреждение в 1799 году положило конец эпохе, когда российское правительство позволяло конкурирующим между собой компаниям сибирских предпринимателей заниматься пушным промыслом на Алеутских островах и материковой Аляске. РАК должна была стать монополией, имеющей непосредственную связь с правительством империи. Первый устав компании указывал, что она находится под покровительством императора и получает эксклюзивные права на управление североамериканскими территориями Российской империи на срок продолжительностью двадцать лет². В 1800 году император Павел приказал РАК перевести ее Главное правление (ГП) из Иркутска в Петербург³. В 1802 году видные

¹ АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 130. Л. 23 об.; Федорова С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии: конец XVIII века — 1867 год. М.: Наука, 1971. С. 123; Wheeler M.E. The Origins and Formation of the Russian American Company: PhD diss. University of North Carolina, Chapel Hill, 1965. P. 181—183.

² См.: Правила для учреждаемой компании // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб.: Типография II Отделения, 1830. Т. 25. С. 700—718.

³ *Tikhmenev P.A.* A History of the Russian-American Company. Seattle: University of Washington Press, 1978. P. 55—56; Петров А.Ю. Образование Российско-американской компании // ИРА. Т. 1. С. 358—359.

представители петербургской аристократии, а также император Александр I и ближайшие члены его семьи стали приобретать акции компании, уменьшая тем самым влияние купцов на ее дела и усиливая влияние дворян и чиновников¹. Но наиболее убедительное свидетельство нового порядка в отношениях России с ее единственной заморской колонией появилось в следующем году, когда Российская империя наконец снарядила и отправила первую кругосветную экспедицию. Теперь русские корабли ходили от одного края империи к другому, обгибая южные оконечности Южной Америки и Африки². Первое морское кругосветное путешествие под флагом России, начавшееся в Кронштадтском порту в 1803 году, было в значительной степени профинансировано РАК и проходило под руководством наиболее опытных офицеров Российского императорского флота. Это долгожданное путешествие изменило отношение Петербурга к Аляске и повлияло на то, как имперская элита стала рассматривать коренное население заморской колонии в частности и империи в целом.

Восприятие коренных жителей Аляски россиянами, имевшими отношение к Русской Америке, с учреждением кругосветных экспедиций стало более современным и европейским. Конечно, подобные взгляды существовали с середины XVIII века, т.е. с самого начала вторжения русских на Алеутские острова и Аляску, одновременно с которым возрастало влияние западноевропейских идей на российскую элиту³. В последующие годы европеизированные ученые и морские офицеры время от времени принимали участие в финансируемых государством и частными лицами экспедициях, которые отправлялись

¹ Среди тех, кто приобрел акции РАК весной 1802 года, были Александр I, вдовствующая императрица Мария Федоровна и государственные деятели Николай Петрович Румянцев, Николай Семенович Мордвинов и Иван Андреевич Вейдемейер. См.: *Bolkhovitinov N.N. The Beginnings of Russian-American Relations, 1775—1815.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1975. P. 169. О сложностях, которые испытывало купеческое сословие при защите своих интересов, см.: *Rieber A.J. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia.* Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982. P. xxii, 23—24.

² Первое кругосветное путешествие было восторженно принято публикой. Сам император Александр I посетил корабли перед их отправлением и после прибытия. См.: [Коробицын Н.И.] Записки приказчика Российско-Американской Компании Н.И. Коробицына, 1795—1807 гг. // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX веках / Ред. А.И. Андреев. М.: Издательство Академии наук, 1944. С. 131, 212.

³ См.: *Slezkine Y. Naturalists Versus Nations: Eighteenth-Century Russian Scholars Confront Ethnic Diversity // Representations.* 1994. Vol. 47 (Summer). P. 170—195.

в Северотихоокеанский край через Сибирь¹. Однако этих ученых и морских офицеров значительно превосходили по численности сибирские промышленники (добытчики пушного зверя). В течение более полувека, в период между путешествиями Беринга—Чирикова и началом кругосветных экспедиций, русские из европейской части России являлись на Тихом океане всего лишь эпизодическими наблюдателями, в то время как сибиряки были главными действующими лицами. Эти вышедшие из народа промышленники, русские сибиряки Дальнего Востока, были одной из наименее европеизированных групп Российской империи. Их видение коренного населения Аляски опиралось в первую очередь на долгий опыт колонизации Россией Северной Евразии.

СИБИРСКИЙ МАРШРУТ

Когда уцелевшие участники экспедиции Витуса Беринга на Аляску вернулись в 1742 году в Россию, меха морских животных, которые они привезли с собой, произвели сенсацию среди сибирских промышленников. Было очевидно, что за такие меха можно выручить огромные деньги и на китайском, и на европейском рынке. Реагируя на спрос, созданный мировым рынком, промышленники и их купеческие поручители незамедлительно стали планировать плавания на Командорские и Алеутские острова для приобретения большого количества столь ценных мехов. Заинтересованные в этих плаваниях предприниматели начали с вербовки нескольких участников экспедиции Беринга и местных жителей в портах Охотска, который в то время был совсем небольшим селением, и Камчатки. На всем тихоокеанском побережье проживало незначительное количество русских, а привозить сюда рабочую силу из других частей империи было дорого и сложно. Поэтому предприниматели, заинтересованные в пушном промысле на Алеутских островах, набирали в команды своих кораблей много мужчин — коренных жителей Сибири, главным образом из числа ительменов (коренных жителей Камчатки), эвенков (тунгусов) и якутов. Исследователи, изучающие промысловые путешествия на Алеутские острова, утверждают, что в первые десятилетия этих плаваний, до 1780-х годов, сибирские аборигены представляли до 50% состава

¹ Помимо экспедиций Беринга и Чирикова (1725—1730; 1733—1741), правительство спонсировало два крупных путешествия в этот регион: первое (1764—1769) возглавляли Петр Креницын и Михаил Левашев, второе (1785—1792) — Джозеф Биллингс и Гавриил Сарычев.

экипажей судов¹. Более того, многие участники этих экипажей, носившие русские имена, появились на свет в результате браков русских мужчин с аборигенками Сибири и были тесно связаны и с коренными народами Сибири, и с русскими поселенцами. Но так как эти люди бикультурного происхождения носили русские имена, отличить их от остальных, так называемых чистокровных русских в перечне имен членов команд не представляется возможным.

Стоит подчеркнуть, что многие русские, занятые в пушном промысле в Восточной Сибири и участвовавшие в ранних морских экспедициях на Алеутские острова, были выходцами из Поморского края Русского Севера. Много поморов было в артелях, занимавшихся пушным промыслом в сибирских лесах. Культура поморов сложилась в крае, расположенном на северной периферии — иными словами, на фронтире «старой» (европейской) Руси, и являлась продуктом многовекового культурного синкретизма и этнического смешения между русскими и финно-угорскими племенами.

Поморы отличались от большинства русских лучшей адаптацией к особо суровому климату и опытом длительных контактов с другими народностями Субарктики и Арктического Севера. Не менее важно и то, что Поморье, как и Сибирь, оказалось мало затронуто крепостным правом, которое в Центральной России, напротив, было широко распространено. Отсутствие крепостного права предоставляло поморам возможности, которых не могли иметь те люди крестьянского сословия, чьи судьбы были связаны с помещиками. Это обстоятельство служит дополнительным объяснением большого числа поморов в артелях, занимавшихся пушным промыслом в отдаленных краях.

Русские женщины редко появлялись в артелях, занятых пушным промыслом в Сибири. Некоторые охотники находили себе жен или наложниц среди коренных жительниц Сибири, оставались там и заводили детей, которые считались русскими, если принимали православие. Также значительная часть русского населения в Восточной Сибири происходила от казаков, принимавших участие в ее завоевании Российской империей, которые оседали там и вступали в браки

¹ См.: *Берх В.Н.* Хронологическая история открытия Алеутских островов, или Подвиги российского купечества. СПб.: Типография Греча, 1823; *Black L.T.* The Story of Russian America // *Crossroads of Continents: Cultures of Siberia and Alaska* / Eds. W.W. Fitzhugh and A. Crowell. Washington: Smithsonian Institution Press, 1988. P. 72; *Wheeler M.E.* The Origins of the Russian-American Company // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1966. Band 14. Nummer 4 (Dezember). S. 486.

с сибирскими аборигенками. Однако мало кто из казаков попал на Алеутские острова. Большинство отправившихся туда русских промышленников раннего периода были вольными (не крепостными) крестьянами и посадскими людьми из Поморья и Сибири¹. Принимая во внимание их происхождение и жизненный опыт, можно утверждать, что все мужчины, прибывшие на Алеутские острова из Охотска и с Камчатки, независимо от их этнической принадлежности, были знакомы с сибирским образом жизни, при котором в быту смешивались элементы русской и местных культур.

Восточная периферия Евразии в тот период не была спокойной. Ительмены, коренные жители Камчатки, оказывали русским отчаянное сопротивление. В одном только 1731 году ительмены организовали несколько восстаний, которые были жестоко подавлены. Эти восстания, так же как и бунты 1741—1742 годов, были в немалой степени вызваны требованиями, предъявленными к местным жителям экспедициями Беринга в 1728 и 1741—1742 годах. В обоих случаях русские принуждали мужчин-ительменов перевозить экспедиционное снаряжение через Камчатку за скудную компенсацию. Вдобавок к тому, что ительмены претерпевали жестокое обращение, они несли убытки, поскольку мужчины были оторваны от рыболовства и охоты. Подавление восстания 1741—1742 годов поставило Камчатку под более или менее стабильный контроль со стороны имперских властей (хотя мелкие бунты и акты сопротивления продолжали иметь место), но негодование покоренных ительменов не угасало. Дурное обращение с коренным населением, наряду с эпидемиями, привело к тому, что, согласно некоторым оценкам, между 1697 и 1738 годами население ительменов сократилось почти на 45%².

Жестокое обращение с коренными жителями Сибири и Камчатки не мешало русским сибирякам вступать в интимные отношения с местными женщинами. Дети, рожденные в результате этих отношений, получали русские имена в случаях, когда сибирячки жили с мужчинами в русских поселениях. Если заключался брак, женщина и дети принимали православие. Столетия жизни бок о бок привели к тому, что русские сибиряки и коренные жители Сибири становились

¹ Федорова С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии. С. 154—155. В данном контексте участниками плаваний раннего периода считаются те, кто путешествовал до 1780-х годов.

² Forsyth J. A History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581—1990. New York: Cambridge University Press, 1992. P. 138—141.

все более похожими друг на друга¹. С развитием связей росла зависимость коренного населения от русских товаров, но и сами русские часто в неменьшей степени зависели от коренных жителей. Похожая модель вскоре была перенесена за океан, на восток.

Тем не менее Аляска все же не являлась простым продолжением Сибири. Конкурирующие группы русских промышленников постепенно продвигались все дальше и дальше вдоль цепи Алеутских островов, однако способ передвижения отличался от привычного. До начала путешествия промышленники, если они не располагали каким-нибудь старым судном, должны были построить корабль. Суда строились либо в окрестностях Охотска, либо на Камчатке. Некоторые строительные материалы, включая железные гвозди, привозились за тысячи километров из таких отдаленных мест, как Иркутск. Что касается опыта плаваний, то многие промышленники зачастую никогда прежде не ходили в море². Опытные моряки были в чрезвычайном дефиците; по словам историка Мэри Уилер, штурманами служили мужчины, «которым просто повезло пережить несколько путешествий и приобрести познания об этих опасных водах, карт для которых не существовало»³. Опытные морские офицеры, прибывавшие на Аляску в более поздний период, удивлялись и даже приходили в ужас, увидев, какие суда, экипажи и приемы мореплавания используются на сибирско-альяскинском маршруте⁴.

В ранние промысловые годы партии промышленников достигали только Ближних островов, названных так потому, что, приближаясь к ним со стороны Евразии, русские посещали их в первую очередь. Ближние острова, составлявшие самую западную группу Алеутских островов, находились вблизи Командорских островов и Камчатки⁵.

¹ См.: *Ерунов И.* Русские старожилы низовьев Колымы: история формирования // *Российский этнограф.* 1993. № 12. С. 108—125.

² *Davydov G.I.* Two Voyages to Russian America, 1802—1807. Kingston, Ont.: Limestone Press, 1977. P. 82; *Давыдов Г.И.* Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним: В 2 ч. СПб.: Морская типография, 1810—1812. Ч. 1. С. 140.

³ *Wheeler M.E.* The Origins of the Russian-American Company. S. 486.

⁴ *Давыдов Г.И.* Двукратное путешествие в Америку. Ч. 1. С. 154—162; *Krusenstern A.J. von.* Voyage round the world, in the years 1803, 1804, 1805, & 1806, by order of His Imperial Majesty Alexander the First, on board the ships Nadezhda and Neva, under the command of Captain A.J. von Krusenstern: 2 vols. London: Printed for C. Roworth for J. Murray, 1813. Vol. 1. P. xxiv, 108—109; *Крузенштерн И.Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях Надежде и Неве: В 3 ч. СПб.: Морская типография, 1809. Ч. 1. С. 136—137.

⁵ [*Головнин В.М.*] Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. Приложение к Морскому Сборнику. СПб.: Типография Морского министерства, 1861. № 1. С. 50.

Чтобы понять, на что шли промышленники, когда решались пуститься в плавание на своих уязвимых судах, необходимо помнить, что, несмотря на существование сложного сухопутного маршрута на полуостров Камчатка из Якутска, русские относились к Камчатке как к острову, до которого можно было добраться морским путем из Охотска. Морские путешествия промышленников на Алеутские острова и, позже, на полуостров Аляска и остров Кадьяк обычно начинались с броска через Охотское море, с последующей остановкой для пополнения запасов на Камчатке. После этой остановки, выходя в открытый океан, суда шли преимущественно вдоль цепи островов, отделяющих северную часть Тихого океана от Берингова моря. Штурманы предпочитали пролагать курс в видимой близости от земли, направляя суда от острова к острову¹. Перед тем как взять курс на Алеутские острова, суда, идущие с Камчатки, часто останавливались на Командорских островах или же использовали их в качестве ориентира. Подобно Камчатке, необитаемые Командорские острова также использовались промышленниками для пополнения запасов провизии. Расстояние, которое они вынуждены были преодолевать по водам Охотского моря и Тихого океана, чтобы достичь пункта назначения в Русской Америке, подчеркивало существенные отличия деятельности промышленников на Алеутских островах и Аляске от их деятельности в Азии. Модели передвижения и эксплуатации ресурсов, использовавшиеся в Сибири, не подходили к условиям островов, отделенных океаном.

Продвижение русских на восток было обусловлено преследованием калана, также известного под названием «морская выдра». Приход промышленников на каждый из Алеутских островов быстро приводил к истреблению там популяции этого морского животного. После исчезновения калана на западных островах промышленники были вынуждены искать его на востоке, продвигаясь все дальше и дальше. Наступление русских, подогреваемое лихорадкой цен и спросом на международном рынке пушной торговли, обернулось для калана катастрофой — его численность в результате интенсивной охоты стремительно снижалась. С продвижением русских в восточном направлении уменьшающаяся популяция калана отступала все дальше².

¹ Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку. Ч. 1. С. 154—161.

² Об экологическом влиянии сокращения популяции калана см.: Richards J.F. *The Unending Frontier: An Environmental History of the Early Modern World*. Berkeley: University of California Press, 2001. P. 543—544.

Прибыв на Алеутские острова, русские быстро обнаружили, что в охоте на калана им не достичь мастерства алеутов. С точки зрения экономической эффективности имело смысл предоставить охоту алеутским мужчинам. Это соображение действовало в течение всей последующей истории Русской Америки и являлось еще одним существенным отличием от сибирской модели, в условиях которой русские и коренные жители имели примерно равные навыки охоты. Пытаясь в короткие сроки максимизировать свою выгоду и не зная об особенностях размножения калана, промышленники требовали от алеутских охотников, чтобы те истребляли как можно больше особей. Каланьи меха переправлялись в Охотск, а затем через Сибирь в Китай и на другие рынки, где купцы получали от их продажи существенную прибыль. Правительство Российской империи тоже имело от этого промысла выгоду — в виде пошлин. Чтобы принудить алеутов охотиться на калана, промышленники прибегали как к телесным наказаниям, так и к материальным вознаграждениям, отправляли на охоту надсмотрщиков и брали заложников¹.

С течением времени, чтобы достичь островов, где можно было добыть нужное количество мехов, промышленники были вынуждены заплывать все дальше. К началу 1760-х годов они обошли все острова Алеутской цепи и достигли полуострова Аляска. Они получали, как и раньше, значительную прибыль, но позволить себе финансировать длительные экспедиции на отдаленные острова и американский материк могли лишь наиболее благополучные торговые компании².

В результате в деле осталось только небольшое количество предприятий, одним из которых была компания Голикова—Шелихова, основанная в 1781 году. Директор этой компании, амбициозный коммерсант Григорий Шелихов, искал способы монополизировать морской пушной промысел, основать постоянные поселения на островах и присоединить их к Российской империи. Именно он организовал вторжение на Кадьяк и принимал участие в покорении его коренного населения, а также наблюдал за созданием там постоянных русских поселений с 1783 по 1786 год. Компания Шелихова сделала

¹ Gibson J.R. Russian Expansion in Siberia and America: Critical Contrasts // Russia's American Colony / Ed. S.F. Starr. Durham: Duke University Press, 1987. P. 33—34; *Idem*. Imperial Russia in Frontier America: The Changing Geography of Russian America, 1784—1867. New York: Oxford University Press, 1976. P. 8.

² См.: Список русских промысловых экспедиций на Командорские и Алеутские острова и Северо-Западное побережье Америки в 1743—1790 // Гринев А.В. Кто есть кто в истории Русской Америки. М.: Academia, 2009. С. 636—641.

себе имя, подчеркивая, что образование постоянных поселений — это часть стратегии эксплуатации морских ресурсов. Такая стратегия подразумевала более интенсивное вмешательство в жизнь коренного населения с целью принудительного использования его труда для реализации коммерческих целей компании. Это были первые реальные шаги россиян на пути колонизации Аляски, хотя и сделанные частными лицами. Однако усилия Шелихова по вовлечению государства в это начинание встретили твердый отпор со стороны правительства Екатерины II.

В 1790 году Шелихов сделал ход, который имел существенные последствия для будущего всего российского колониального дела в Русской Америке, наняв разоренного купца Александра Баранова для управления американскими владениями своей компании. В течение нескольких последующих лет финансовые трудности и политические интриги вынудили почти всех конкурентов Шелихова либо присоединиться к его предприятию, либо отказаться от пушного промысла. В конечном итоге благодаря содействию сторонников Шелихова и правительства империи добыча меха калана и других морских животных в американских водах сосредоточилась в руках единой компании, которая в 1798 году называлась Соединенной Американской компанией. Павел I даровал ей официальную монополию в 1799 году, и бывшая компания Шелихова, поддерживаемая другими оставшимися в тихоокеанском пушном промысле предприятиями, стала ядром Российско-Американской компании. На американской стороне Баранов взял под контроль РАК всех охотников из племен алеутов и кадьякцев. Шелихов умер в 1795 году, но наследники воплотили его мечту о монополизации российского пушного промысла в североамериканских водах.

Несмотря на то что образование Российско-Американской компании представляло собой значительное новшество, а географические особенности сделали российский колониальный опыт в Америке отличным от опыта в Евразии, многие компоненты сибирской модели все-таки сохранились и эволюционировали в североамериканской колонии. Русская Америка была колонизирована в XVIII веке сибиряками, которые принесли на ее землю свои традиции взаимодействия с коренным населением и добычи меха. Хотя между 1740-ми и 1790-ми годами сибиряки были вынуждены приспособливаться к американским условиям, тем не менее на рубеже веков основы отношения русских к местным жителям уже были заложены, и они имели сибирские корни.

Продолжение сибирских традиций по другую сторону океана произошло благодаря тому, что их перенесли туда промышленники¹. Но нельзя говорить, что покорение Русской Америки было всего лишь продолжением завоевания Сибири. Продвижение России за океан не было просто следующим шагом в ее шествии на восток через Сибирь. Для начала вторжения русских на Алеутские острова и Аляску потребовалась имперская воля самого Петра I, выраженная в его приказе по учреждению первой экспедиции Беринга. Таким образом, необходимой предпосылкой для выхода за пределы евразийского пространства было значительное участие государства, выразившееся в мобилизации населения и спонсировании проекта.

Степень участия государства в «открытии» Русской Америки была иной, чем в завоевании большей части Сибири, где охотники за мехами при поддержке частного капитала нередко сами открывали новые территории, оставляя далеко позади себя представителей государственной власти (казаков, сборщиков податей, воевод и их свиту). Русские появились на берегах Тихого океана в 1639 году, менее чем через шестьдесят лет после решающей победы Ермака под Искером, открывшей доступ к огромной территории к востоку от Казани. (Ермак был наемным казаком на службе у состоятельной семьи Строгановых. Его военное начинание являлось частной инициативой, неожиданной для государства и не санкционированной им. Когда Иван Грозный оценил существенную выгоду этого завоевания, Ермак получил официальное одобрение и приобрел легендарную репутацию.) После этого первоначального прорыва фронт добычи меха стал продвигаться по материк с небывалой быстротой, но по достижении океанского побережья в этом продвижении на восток наступил долгий перерыв. Чтобы добраться до Алеутских островов, русским потребовалось еще сто лет и две дорогостоящие экспедиции, снаряженные при поддержке государства. Меха, привезенные в Сибирь после второй из этих экспедиций, вызвали среди промышленников новую волну ажиотажа, однако их рискованные начинания в Северном Тихом океане

¹ *Clifford J. Routes: Travel and Translation in the Late Twentieth Century.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997. P. 304; *Kan S. Russian Orthodox Missionaries at Home and Abroad: The Case of Siberian and Alaskan Indigenous Peoples // Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia / Eds. R.P. Geraci and M. Khodarkovsky.* Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2001. P. 179; *Idem. Memory Eternal: Tlingit Culture and Russian Orthodox Christianity through Two Centuries.* Seattle: University of Washington Press, 1999. P. 34.

представляли собой нечто новое и отличное от пушного промысла на материке Евразии.

С точки зрения управления и взаимодействия с коренным населением одной из фундаментальных инноваций пушного промысла к востоку от берегов Камчатки был способ организации трудовых отношений. В Русской Америке русские мужчины не играли важной роли в самой охоте. Вместо этого они осуществляли надзор за вербовкой мужчин из числа алеутов и кадьякцев в охотничьи экспедиции, которые с годами становились все более дальними. Организация промысловых партий, состоявших из охотников-аборигенов, не имела прецедентов ни в русском, ни в иностранном колониальном опыте. Это было своего рода импровизированное решение проблемы охоты на пушного зверя — морского, главным образом калана, в тихоокеанских водах побережья Алеутских островов и Америки и лесного, такого как соболь, в Сибири¹.

Соблазненные перспективами добычи высокоценных каланьих шкур, сибирские предприниматели и добытчики мехов пытались приспособиться к условиям Северотихоокеанского региона. Они относительно хорошо справлялись на Ближних островах, расположенных не так далеко от Камчатки, но сталкивались с возрастающими расходами и трудностями, продвигаясь далее на восток по Алеутским островам и к берегу американского материка. Когда русские промышленники достигли северо-западного побережья Америки — пушного рынка, оспариваемого американцами и британцами, которые владели современными океанскими кораблями, — наиболее амбициозные из них сделали вывод, что судьба их предприятия зависит от новых мобилизационных усилий, требующих поддержки государства. Старый сибирский маршрут больше не отвечал требованиям времени: множество препятствий, таких как пересечение гористых местностей на пути между Якутском и Охотском, вело к задержкам, а ветхие суда с трудом перемещались между островами Тихого океана.

¹ Болховитинов Н.Н. Континентальная колонизация Сибири и морская колонизация Аляски: сходство и различие // Acta Slavica Iaponica. 2003. Vol. 20. P. 119—122; Введение // ИРА. Т. 3. С. 8—9.

МЕЖОКЕАНСКИЙ МАРШРУТ

Суда «Нева» и «Надежда», отчалив из Кронштадта летом 1803 года, проложили новый маршрут между западом и востоком Российской империи. Теперь у россиян было два основных маршрута между столицей метрополии и Аляскинской колонией. Старый путь, основанный в XVIII веке, пересекал всю Евразию, прежде чем направиться морем вдоль Алеутских островов. Новый, межokeанский был исключительно морским. До первого кругосветного путешествия ни один корабль под флагом Российской империи даже не пересекал линии экватора.

Наличие межokeанского маршрута фундаментально изменило ощущение расстояния между столицей империи и ее единственной заокеанской колонией. Вследствие учреждения кругосветных экспедиций, которые продолжались, хотя и нерегулярно, вплоть до продажи Аляски¹, Русская Америка стала восприниматься российской элитой двояко: с одной стороны, как самый отдаленный край обширной империи, а с другой — как колония, по духу более близкая Петербургу, чем многие города отдаленных краев провинциальной России. В сибирские города, расположенные вдалеке от морей, не прибывали корабли из самой столицы империи, в то время как Ново-Архангельск, административная столица Русской Америки с 1808 года, располагал лучшим портовым оборудованием того времени на всем северном тихоокеанском побережье и принимал российские, британские и американские суда. «В частной, обыкновенной жизни человека смело можно считать Ситку ближе к Петербургу, чем большая часть наших провинциальных городов», — писал очевидец, посещавший Ново-Архангельск в начале 1840-х годов и рассказывавший об образованных людях, музыке, пьесах и концертах в этом городе². До конца 1840-х годов, когда золотая лихорадка в Калифорнии радикально изменила демографию всего региона,

¹ Джеймс Гибсон насчитал шестьдесят пять русских кораблей, плававших между Европой и русским Дальним Востоком / Русской Америкой в период между 1803 и 1866 годами. Однако не все они бросали якорь у берегов Русской Америки (*Gibson J.R. Imperial Russia in Frontier America. P. 78—81*). См. также: *Ивашинцов Н.А. Русские кругосветные путешествия с 1803 по 1849 год. СПб.: Типография Морского министерства, 1872.*

² [Загоскин Л.А.] Статья IV [без названия] // Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг. М.: Государственное издательство географической литературы, 1956. С. 369—370. Русские часто называли Ново-Архангельск Ситкой (иногда Ситхой), так же как и остров, на котором расположено это поселение и который известен сегодня как остров Баранова.

российское колониальное присутствие на северо-западном побережье Северной Америки успешно конкурировало с присутствием других колониальных держав. Можно даже утверждать, что в первой половине XIX века — частично из-за того, что не было альтернатив, — Ново-Архангельск являлся самым космополитическим портом северной части Тихого океана.

В 1804 году один из кораблей в составе первой русской кругосветной экспедиции достиг берегов заморской колонии. Его прибытие сыграло решающую роль в изгнании индейского племени тлинкитов из крепости, расположенной на том месте, где вскоре был основан Ново-Архангельск. В ходе этой стычки и как бы обозначая таким образом приход нового порядка, главный правитель Русской Америки, отдавая дань опыту морского офицера и находящемуся в его распоряжении оружию, передал командование в битве с тлинкитами капитану корабля «Нева»¹. Этот корабль, названный в честь реки, протекающей через Петербург, находился под командованием капитан-лейтенанта Юрия Лисянского. В ранние годы своей карьеры Лисянский был одним из шестнадцати молодых русских элитных морских офицеров, которые стажировались несколько лет в британском флоте². В 1795—1796 годах, во время визита Лисянского в Филадельфию, его принимал сам президент США Джордж Вашингтон. Познания Лисянского в области английского языка были достаточны для того, чтобы переводить книги. Он был первым из высокообразованных морских офицеров, которые прибывали на Аляску, минуя континентальную Сибирь. В отличие от многих других представителей офицерской элиты, служивших в последующие годы на российских кораблях и совершавших на них престижные кругосветные путешествия, Лисянский был этническим русским. Несмотря на это, после трех попыток он не смог добиться от Адмиралтейства публикации своего отчета о кругосветном путешествии. Бюрократия Адмиралтейства отказывала в публикации под предлогом того, что его русский язык якобы недостаточно хорош. Необходимо отметить, что знаний русского языка Лисянского было

¹ *Lisiansky U. A Voyage Round the World in the Years 1803, 4, 5, and 6.* London: J. Booth, 1814. P. 158—159; Лисянский Ю. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5, и 1806 годах на корабле «Неве»: В 2 ч. СПб.: Типография Дрехслера, 1812. Ч. 2. С. 24—25.

² «Нева», шлюп водоизмещением 370 тонн, была британским судном, приобретенным русскими в Лондоне в 1802 году. До переименования шлюп носил название «Темза». См.: *Pierce R.A. Russian America: A Biographical Dictionary.* Kingston, Ont.: Limestone Press, 1990. P. 272.

вполне достаточно для публикации нескольких книг, переведенных им с английского на русский. В обход бюрократии морского ведомства он на частные средства опубликовал русскоязычный отчет о своем кругосветном путешествии 1803—1806 годов, а впоследствии сам перевел эту работу на английский язык¹. В английском варианте его воспоминаний присутствует целый ряд наблюдений, не вошедших в русское издание. Стремление Лисянского преподнести свой труд общеевропейской публике говорит о том, насколько именно эта аудитория была для него важна.

Офицеры, ученые и художники на борту «Невы» и других кораблей, участвовавших в последующих кругосветных путешествиях, разделяли европейскую ориентацию Лисянского. Количество мест на этих кораблях было ограничено, а цели перед экспедициями стояли грандиозные. За право участия в столь престижных вояжах конкурировали самые успешные ученые и офицеры, прошедшие наиболее серьезную подготовку и имевшие связи в столице. Значительное число этих путешественников получили наиболее современное на тот момент европейское образование. Независимо от их политических взглядов, которые варьировались в пределах разрешенного, эти люди ставили себя гораздо выше сибирских промышленников и коренных жителей Аляски в интеллектуальном, моральном и общественном отношении. Также они считали себя людьми, ведущими активный культурный диалог с общеевропейской цивилизацией². Сама программа подготовки к профессии моряка, которую проходили в то время в Кронштадте кадеты, будущие морские офицеры, была полностью скопирована с устоявшихся европейских моделей. Подающие надежды кадеты отправлялись за государственный счет на стажировку в британский флот. В российский флот активно набирали европейских специалистов, особенно британцев, для прохождения службы на русских кораблях и в качестве наставников в Кронштадт³.

¹ *Невский В.В.* Первое путешествие россиян вокруг света. М.: Государственное издательство географической литературы, 1951. С. 193; *Pierce R.A.* Russian America. P. 311—313.

² См.: *Литке Ф.П.* Дневник, веденный во время кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка» // К берегам Нового Света: Из неопубликованных записок русских путешественников начала XIX века / Ред. Л.А. Шур. М.: Наука, 1989. С. 89. См. также: *Wortman R.* Texts of Exploration and Russia's European Identity // *Russia Engages the World, 1453—1825* / Ed. C.H. Whittaker. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003. P. 90—117.

³ Взгляд британского современника на морскую службу в России отражен в книге: *A Voyage to St. Petersburg in 1814, with remarks on the Imperial Russian Navy, by a surgeon in the British Navy.* London: Sir Richard Phillips and Co., 1822.

Офицеры и ученые, участвовавшие в кругосветных экспедициях, были хорошо знакомы с общеевропейской современной литературой о путешествиях, в особенности с английской, французской и немецкой, и каждый из них стремился внести в нее свой вклад¹. Они зачитывались произведениями известных первооткрывателей как на языках оригиналов, так и в популярных русских переводах². В юности они наверняка читали рассказы о приключениях и открытиях, написанные известным немецким писателем Иоахимом Генрихом Кампе, которые были доступны в русском переводе с 1780-х годов. И русские, и иностранные ученые, совершавшие кругосветные путешествия на российских кораблях, чттили достижения своих европейских коллег и хотели внести собственный вклад в общеевропейскую науку³. Стремясь к славе и исповедуя преданность развитию науки и культуры, они следовали образцу более ранних путешественников в создании путевых журналов⁴. Сам Иван Крузенштерн, возглавлявший первое русское кругосветное путешествие на корабле «Надежда», который отправился в Японию и на Камчатку (в то время как «Нева» под командованием Лисянского двигалась вдоль американских берегов), вел свой журнал по образцу журнала Джеймса Кука. Крузенштерн рассматривал знаменитого английского мореплавателя как пример для подражания в своих отношениях с жителями островов южной части Тихого океана⁵.

¹ О важности в Европе начала XIX века такого литературного жанра, как описания путешествий, см.: *Moessner V.J. Translator's Introduction // Langsdorff G.H. von. Remarks and Observations on a Voyage around the World from 1803 to 1807: 2 vols. Kingston, Ont.: Limestone Press, 1993. Vol. 1. P. xi—xxx.*

² *Barratt G. Russia and the South Pacific: 3 vols. Vancouver: University of British Columbia Press, 1988. Vol. 1. P. 20—24.*

³ См.: *Chamisso A. von. A Voyage Around the World with the Romanzov Expedition in the Years 1815—1818 in the Brig Rurik, Captain Otto von Kotzebue. Honolulu: University of Hawaii Press, 1986. P. 14—15; Science Under Sail: Russia's Great Voyages to America, 1728—1867 / Ed. B. Sweetland Smith. Anchorage, Alaska: Anchorage Museum of History and Art, 2000.* Гавриил Иванович Давыдов, прибывший в Русскую Америку в 1802 году, не являлся «кругосветником», но был им по духу. Как и любой другой европеизированный морской офицер, он утверждал, ссылаясь на прочитанные им произведения литературы, что тлинкиты «почти во всем сходствуют с народами живущими в северо-восточной Америке, описание которых можно найти в Ренале, Кампе и других» (см.: *Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку. Ч. 1. С. 199—200*).

⁴ О стремлении морских офицеров к славе и известности см., например: *Литке Ф.П. Дневник. С. 89.*

⁵ *Barratt G. Russia in Pacific Waters, 1715—1825: A Survey of the Origins of Russia's Naval Presence in the North and South Pacific. Vancouver: University of British Columbia Press, 1981. P. 119.*

Читая воспоминания европейских участников прославленных морских путешествий и их отчеты о встречах с коренными жителями различных регионов мира, эти европеизированные россияне воспринимали образы, воплощенные в данной литературе¹. Хотя это не означало, что они обязательно соглашались со всем, что читали, европейской литературе уделялось пристальное внимание. На судне Крузенштерна «Надежда» имелась «узкоспециализированная, но большая библиотека» литературы о путешествиях. Ученые и офицеры на борту «Надежды» и других кораблей последующих кругосветных экспедиций проводили много времени, дискутируя и сверяя этнографические описания своих предшественников². Как и руководители экспедиций, остававшиеся в Петербурге, они были захвачены образами, представленными в работах Руссо, Вольтера и иных именитых европейских писателей³. Более практичную роль для участников российских кругосветных путешествий играли заметки европейских мореплавателей прошлых лет (Кука, Ванкувера, Лаперуза и др.) и наблюдения ученых на борту их кораблей, на которые они часто ссылались в своих отчетах и мемуарах⁴.

В годы стажировки за границей русские офицеры, служившие в британском флоте, усваивали некоторые из взглядов англичан в отношении подданных Соединенного Королевства. Бороздя мировой океан, европеизированные «кругосветники» часто сталкивались с людьми, казавшимися им экзотическими, и с культурами, существенно отличавшимися от культур севера Евразии⁵. Сравнивая свои впечатления

¹ Суть моего аргумента — в том, что европеизированные русские в основном, хотя часто и не полностью разделяли взгляды других европейцев на аборигенное население.

² *Langsdorff G.H. von. Remarks and Observations on a Voyage around the World. Vol. 1. P. 4, 17.*

³ См.: *Лотман Ю.М. Руссо и русская культура XVIII века // Эпоха Просвещения: из истории международных связей русской литературы / Ред. М.П. Алексеев. Л.: Наука, 1967. С. 208—281.*

⁴ См., например: *Golovnin V.M. Around the World on the Kamchatka, 1817—1819. Honolulu: University of Hawaii Press, 1979. P. 146, 148, 153.*

⁵ Особенно яркий пример «экзотичного» аборигена, очаровавшего участников одного из кругосветных путешествий, можно найти в лице Каду — жителя одного из южных островов Тихого океана. Каду подружился с капитаном российского корабля и провел некоторое время в плавании по Тихому океану. См.: *Kotzebue O. von. A Voyage of Discovery into the South Sea and Beering's Straits, for the Purpose of Exploring a North-East Passage, Undertaken in the Years 1815—1818, at the Expense of His Highness the Chancellor of the Empire, Count Romanzoff, in the Ship Rurick, Under the Command of the Lieutenant in the Russian Imperial Navy, Otto von Kotzebue: 3 vols. London: Longman, Hurst,*

от подобных встреч с «экзотическими» аборигенами отдаленных краев света и описания, оставленные европейскими мореплавателями прошлых лет, российские «кругосветники» получали такую точку отсчета для суждений о коренных народах Российской империи и Русской Америки, какой не могло быть у русских сибиряков.

Русские, которые покоряли Сибирь, проходя тысячи километров сухопутным маршрутом, отличались от тех, кто прибывал на Аляску на хорошо оснащенных судах под командованием элиты имперского флота. Сухопутные путешественники имели долгий опыт взаимодействия с коренными народами Сибири, чьи культуры во многом были похожи на культуры тех народов, которых впоследствии эти колонизаторы встретили в Русской Америке. У кругосветных путешественников, прибывавших с совершенно другим культурным багажом, такого опыта не было. Вместо коренных жителей Сибири по пути на Аляску они встречали аборигенов островов Южного Тихого океана, Бразилии, Африки и других частей света.

Учитывая этот опыт, можно не удивляться тому, что россияне, прибывавшие на Аляску из Европы через южные моря, обращали гораздо больше внимания на общественные и расовые различия, чем сибиряки. Европеизированные русские ощущали культурную пропасть между собой и русскими сибиряками, о которых они часто отзывались отрицательно, а также аляскинскими аборигенами, которых они рассматривали как малых детей, нуждавшихся в руководстве. Образ аборигенов в письменных трудах россиян неизменно представлялся с позиций снисходительного патернализма. Туземец описывался либо как *Благородный Дикарь*, либо как недоразвитое человеческое существо, либо как то и другое одновременно, но в любом случае он нуждался в заботе. За грубоватым промышленником требовался тщательный надзор, чтобы он не злоупотреблял своим положением по отношению к аборигену; подобные наблюдательные функции нельзя было доверить купцу, потому что он был склонен ценить наживу выше чести¹. Только заслуженный офицер Российского императорского флота — *благородный аристократ* и преданный слуга государства — был достоин полного доверия царской власти и способен принимать ответственные

Rees, Orme, and Brown, 1821. Vol. 2. P. 121—131, 142, 143, 151—155, 161—163, 166, 173, 176, 211, 213.

¹ О взглядах морских офицеров на *промышленников* см.: *Golovnin V.M. Around the World on the Kamchatka*. P. 116—117; *Давыдов Ю. Головнин*. М.: Молодая гвардия, 1968. С. 89; *Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку*. Ч. 1. С. 154—162.

решения в отдаленной колонии. Так заинтересованные морские офицеры обосновывали усиление влияния Российского императорского флота на Аляске — просвещенный дворянин, преданный идеалам империи и цивилизации, был призван присматривать за наивным Благородным Дикарем.

В целом русские морские офицеры, посещавшие Аляску, были настроены по отношению к ее коренному населению благожелательно. Они высказывали симпатии к аборигенам — при условии, что те знали свое место в имперском порядке. Офицеры с уважением относились к различным умениям и навыкам аборигенов, таким как искусство алеутов в плавании на байдарках и охоте на калана или храбрость тлинкитов в военных столкновениях. Тем не менее они рассматривали аборигенов как особую, «экзотическую» категорию людей, коренным образом отличавшихся от европейцев. С точки зрения «кругосветников», аборигенов Русской Америки нужно было постепенно интегрировать в сферу влияния Российской империи. В процессе интеграции аборигенов следовало изучить, привить им покорность, обратить их в православие и в определенной, но не чрезмерной степени цивилизовать¹. Хотя европеизированные российские офицеры воздерживались от выработки продуманной расистской идеологии наподобие тех, что имели хождение среди некоторых других колонизаторов того времени², они все же были более чувствительны к расовым различиям, чем сибиряки.

Сравним отношения этих групп к смешанным бракам. Сибиряки как в XVIII, так и в XIX веке легко шли на сожительство с женщинами из числа коренного населения, заключали с ними браки и производили потомство. Такие союзы между русскими мужчинами и аборигенными женщинами были на руку Российско-Американской компании, которая поощряла их, так как они улучшали шансы на удержание русских работников в Америке. После нескольких лет совместного проживания с женами из числа местных женщин и детьми мужчинам уже не хотелось покидать семьи, чтобы вернуться в Евразию³. Нет никаких

¹ Об ощущаемом морскими офицерами призвании нести цивилизацию см.: Бильбасов В.А. Введение // Архив графов Мордвиновых: В 10 т. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1902. Т. 5. С. ix.

² Bassin M. *Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840—1865*. New York: Cambridge University Press, 1999. P. 53.

³ Pierce R.A. *Russian and Soviet Eskimo and Indian Policies // Handbook of North American Indians*. Washington: Smithsonian Institution Press, 1988. Vol. 4. P. 122.

свидетельств того, что промышленники более раннего периода вообще размышляли о расовых различиях¹. Их отношения с коренными жителями Северной Америки продолжали сложившуюся в Евразии модель этнического смешения. Нередко сами рожденные от связей между коренными сибирячками и русскими отцами, промышленники не видели ничего необычного в том, чтобы брать коренных жительниц Америки в сожительницы и жены. Адаптируясь к местным условиям и спокойно перенимая у коренного населения его образ жизни, эти мужчины не ставили себе задачу цивилизовать местных жителей. Промышленники не видели противоречия в том, чтобы крестить своих детей и одновременно обращаться к сибирским или американским шаманам за помощью в вопросах здоровья их самих и своих отпрысков. Такой естественный культурный синкретизм характеризовал весь образ жизни промышленников.

Только после начала эпохи кругосветных путешествий дети, рожденные в союзах русских и аборигенов, были выделены в отдельную социальную категорию «креолы», неизвестную прежде. Возможно, Николай Резанов, именитый участник первого кругосветного путешествия, эмиссар Александра I в Японии и чиновник, занимавший самую высокую должность из всех россиян, которые когда-либо посетили Русскую Америку, был первым представителем государства или РАК, который использовал термин «креол» в своей корреспонденции времен первого кругосветного путешествия, упоминая жителей Русской Америки, чьи матери были аборигенками, а отцы — русскими². Однако в те времена использование этого слова носило неформальный характер. В 1810-х годах оно стало использоваться чаще, а второй устав РАК, принятый в 1821 году, но в основном составленный еще во второй половине 1810-х годов, узаконил статус креолов как «особого сословия».

Выделение креолов в качестве особой категории населения свидетельствовало об адаптации колониальной администрации и имперской власти к местным условиям североамериканской колонии и больше нигде в России не имело прецедентов. Особое сословие креолов существовало только в Русской Америке. В Сибири законные дети от смешанных браков считались русскими при условии, что их матерей

¹ Разумеется, отсутствие у них расовых понятий не значит, что сибиряки не были этноцентричны. Об отношении русских к народам Сибири см.: *Stephan J.J. The Russian Far East: A History*. Stanford: Stanford University Press, 1994. P. 25.

² АВПРИ. Ф. 341. Оп. 888. Д. 277. Л. 1—3.

(коренное население в этих брачных союзах было почти неизменно представлено женщинами) обращали в православие, а самих детей крестили. Точные причины формального выделения категории креолов на Аляске до сих пор остаются загадкой, но очевидно, что этот ход, инициированный ГП РАК, служил интересам компании. Выделение креолов в особую категорию и создание регулирующих ее законов давали РАК возможность экономить расходы и помогало удерживать русских работников от отъезда из колонии. Более того, это позволяло сохранять мир с аборигенами и предотвращало отток из колонии их детей и родственников. Колония, таким образом, получала естественно растущее население и рабочую силу, лояльно настроенную по отношению к русским колонизаторам и связанную тесными родственными узами с коренными жителями.

Почему для описания и обозначения этой группы в русский язык был введен новый термин? Можно предположить, что само слово пришло в русский колониальный словарь из испанского (*criollo*), португальского (*crioulos*) или французского (*créole*) языков. До прибытия в Тихий океан корабли первой кругосветной экспедиции делали остановки на Канарских островах и в Бразилии, а в первой половине 1806 года Резанов совершил довольно значимое для Русской Америки путешествие в Калифорнию на судне, принадлежавшем РАК. Во время кругосветных плаваний, начиная с первого из них, русские корабли заходили в порты португальской и испанской Америки. Русские ученые и морские офицеры, сходя там на землю, делали различные наблюдения и производили этнографические описания. Они искали там общения с европейцами и читали различные написанные ими отчеты и дневники, чтобы иметь возможность сравнить свои впечатления¹. Именно там им постоянно встречался термин «креол», который имел разное наполнение в разных контекстах; на Аляске он приобрел значение, близкое, хотя не идентичное тому, которое бытовало в испанской Калифорнии. Прямые контакты между Калифорнией и Аляской начались в 1806 году

¹ Натуралист Георг Генрих фон Лангсдорф (по-русски — Григорий Иванович Лангсдорф), немецкий дворянин, участник первого кругосветного путешествия, в 1812—1830 годах был российским консулом в Бразилии. Лангсдорф не раз принимал кругосветных путешественников из России в своем бразильском поместье, где они обменивались впечатлениями с местными и иностранными видными деятелями. Когда морской офицер и бывший главный правитель РАК Фердинанд Врангель отправился на переговоры в Мексику, он обращался за информацией к немецким и английским литературным источникам, а также полагался в большой мере на советы немецких дипломатов и других членов немецкой колонии в Мехико. См.: К берегам Нового Света. С. 183.

и участились после 1812 года, когда русские основали селение Росс к северу от Сан-Франциско. Заимствование термина «креол» на Аляске в XIX веке и выделение социальной категории населения, которая им обозначалась, показывали более осознанное восприятие русскими различий, существовавших между ними и коренным населением.

После того как категория вошла в обиход, о ней шли постоянные дискуссии. Европеизированные русские высказывали различные суждения о креолах в целом как в общественном, так и в расовом отношении. Приняв современные европейские взгляды о смешении рас, российские кругосветные путешественники были склонны рассматривать само появление креолов как прискорбное, хотя и неизбежное, по всей вероятности, явление¹. Они сожалели о сокращении численности «чистых» коренных жителей, которые считались лучшими охотниками и более подходящими жителями колонии, чем креолы². Такое отношение к креолам сохранялось в дальнейшем, хотя некоторые из них стали вполне успешными людьми как в Русской Америке, так и за ее пределами. Несмотря на социальную мобильность отдельных креолов, в целом они, так же как аборигены, рассматривались ориентированными на европейские идеи русскими отчасти сквозь призму расизма. С годами это отношение все больше превалировало в Русской Америке, что отражало рост популярности расовых идей в Европе и распространение их в России.

Большие различия, бросавшиеся в глаза европейски ориентированным русским морским офицерам XIX века, были незаметны для сибиряков, прибывших в более ранний период. Их отношения с коренными жителями Америки в большой мере определялись опытом общения с коренным населением Сибири. С точки зрения сибиряков, общественные отношения в Новом Свете походили на общественные отношения на востоке Евразии — в этом смысле граница между так называемыми Старым и Новым Светом для них была размыта. Русские, прибывавшие на Алеутские острова со стороны Камчатки, наблюдали общность черт алеутов и коренных народов Сибири и отождествляли алеутов с Азией³. Русские в Сибири, особенно те, которые проживали

¹ Канадский этноисторик Дженнифер Браун заметила использование подобной же модели дифференциации и стереотипирования со стороны чиновников Компании Гудзонова залива в отношении их работников-метисов. См.: *Brown J.S.H. Strangers in Blood: Fur Trade Company Families in Indian Country.* Vancouver: University of British Columbia Press, 1980. P. 206—207.

² *Lisiansky U. A Voyage Round the World.* P. 211.

³ *Вениаминов И.Е. Записки об островах Уналашкинского отдела: В 3 т. СПб.: Типография Императорской Российской Академии, 1840. Т. 1. С. 109—113.*

в селениях на границе освоенных земель и были потенциальными рекрутами для службы в Америке, заимствовали многие черты образа жизни местного населения. В некоторых случаях целые поселения русских в Сибири настолько адаптировались к местным условиям, что даже заимствовали языки коренных жителей и забывали русский¹. Таким образом, столкновение культур при встрече сибиряков и «кругосветников» на берегах североамериканской колонии было неизбежным.

Как и в случае русской колонизации Северной Сибири, промышленники, занимавшиеся пушным промыслом, играли ведущую роль в Русской Америке в течение долгого времени. Представителей государства было мало. После образования РАК и до начала 1818 года таким представителем был главный правитель Баранов. Являясь также и представителем коммерческих интересов, Баранов так долго удерживал эту должность отчасти из-за того, что ГП РАК затруднялось найти ему замену. Появившись в Америке до создания РАК и будучи, таким образом, переходной фигурой между эпохами купеческих компаний и государственной монополии, Баранов устраивал акционеров РАК больше, чем чиновников имперского правительства. После его ухода в колонии был введен новый порядок, согласно которому представителями государственной власти на Аляске стали не воеводы и казаки, как это было при колонизации Сибири, а морские офицеры и профессиональные моряки. Поскольку совершение кругосветных путешествий требовало значительного научного и организационного опыта, морские офицеры, которые осуществляли государственный контроль на Аляске с 1818 года, принадлежали к самому модернизированному слою населения Российской империи. Судя по сохранившимся свидетельствам, эти офицеры не были коррупционерами и по большей части активно стремились сделать жизнь в колонии более организованной. (Один из них зашел настолько далеко, что выразил пожелание, чтобы все жители Ново-Архангельска облачились в военную форму².) Желание установить порядок подталкивало их к более тщательному изучению и классификации аборигенного и креольского населения. Считая себя отличными как от грубых сибиряков, так и от западноевропейцев, которых они встречали в различных частях колониального мира, офи-

¹ *Sunderland W.* Russians into Yakuts? «Going Native» and Problems of Russian National Identity in the Siberian North, 1870s—1914 // *Slavic Review*. 1996. Vol. 55. No. 4 (Winter). P. 806—825.

² *Golovnin V.M.* Around the World on the Kamchatka. P. 130—131.

церы Российского императорского флота стремились более осторожно и гуманно обращаться с коренным населением, чем их предшественники купцы. Преследуя эту цель, офицеры способствовали введению более гуманного — и в то же время более патерналистского — режима в Русской Америке.

НОВЫЕ КОЛОНИСТЫ

Открытие морского пути между Петербургом и Русской Америкой способствовало изменению демографического состава населения колонии в последующие десятилетия. После окончания службы в РАК, длительность которой вследствие контрактов с компанией и имперской политики ограничивалась определенным числом лет, большинство русских мужчин — в Русской Америке почти не было русских женщин — возвращались в Евразию. Число выходцев из России на Аляске было непостоянным и небольшим: в течение всего периода, предшествовавшего продаже Аляски Соединенным Штатам, оно не превышало семисот человек. Открытие кругосветного маршрута, вербовка рабочих в Европе и реформа оплаты труда в РАК, побудившая сибиряков искать удачу в других местах, приводили к тому, что в XIX веке их рабочие места все чаще занимали приезжие из европейской части Российской империи. Такие изменения не означали, что новые колонисты были русскими; для определения этой группы людей скорее подходит термин «россияне» (подданные Российской империи), чем «русские» (этнические русские)¹. Этнический состав рекрутированных РАК рабочих отражал многообразие народов, проживавших на территории Российской империи. Теперь рекруты представляли как самый запад, так и восток империи. (Многие из них все еще передвигались из Европы в Америку по старому, континентальному пути. Он оставался незаменимым для РАК как в восточном направлении, являясь маршрутом поставки материалов и рабочей силы для американской колонии, так и в западном — как основной путь для перевозки американских мехов в Россию и Китай.) К 1830-м годам финны вместе с представленными меньшим числом, но весьма влиятельными балтийскими немцами образовали на Аляске имеющее вес меньшинство, для которого РАК даже построила лютеранскую церковь в Ново-Архангельске. Финны, балтийские немцы

¹ Вениаминов И.Е. Записки об островах Уналашкинского отдела. Т. 1. С. vii.

и этнические русские из европейской части империи постепенно замещали на рабочих местах русских (и небольшое число коренных) сибиряков, многие из которых возвращались обратно в Сибирь¹.

КРУГОСВЕТНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ, КОЛОНИАЛИЗМ И АМБИЦИИ

В начале первого десятилетия XIX века, вскоре после своего создания, РАК вступила в период кризиса. Кораблекрушение судна «Феникс» (1799), а также разрушение индейцами поселений РАК на острове Ситка (1802) и у залива Якутат (1805) сильно ухудшили положение колонистов и перспективы пушной добычи, не говоря уже об ударе по финансам РАК. Другим бременем являлись расходы на первую кругосветную экспедицию, значительная доля которых была возложена на компанию². Из этих соображений возвращение острова Ситка рассматривалось РАК как необходимость для удовлетворения ее краткосрочных и долгосрочных интересов.

Перемещение столицы колонии в Ново-Архангельск открывало для русских колониальных и имперских интересов новые, более амбициозные перспективы. Здесь была создана стратегическая база для отправки партий охотников на калана в южном направлении, где население еще поддерживало интенсивный промысел этого зверя. Создание данного русского поселения и появление в северной части Тихого океана современных русских кораблей позволили россиянам конкурировать с британскими и американскими торговцами на северо-западном побережье Америки. Русские обдумывали дальнейшую экспансию вдоль североамериканского побережья и даже на Гавайские острова. В то же время РАК продолжала лоббировать открытие китайских и японских портов для русских кораблей.

С открытием межокеанского пути, соединившего самую западную и самую восточную точки Российской империи, флоту было отведено новое место в имперских амбициях страны. В морскую политику Александра I входили увеличение числа путешествий из Кронштадта

¹ Наиболее полное исследование русского населения на Аляске уже упоминалось: Федорова С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии.

² Петров А.Ю. Российско-американская компания: деятельность на отечественном и зарубежном рынках, 1799—1867. М.: ИВИ РАН, 2006. С. 64, 67.

на Дальний Восток и расширение русской торговли на Тихом океане¹. Контакты и связи, налаживаемые представителями российского флота в различных портах, в которые заходили русские корабли, совершавшие кругосветные путешествия, образовывали морскую «дорогу империи», подобную гораздо более обширной системе морских связей британского флота². Посещая порты по всему земному шару, русские морские офицеры получали ценные знания и опыт. Флот и РАК налаживали профессиональные и деловые связи с различными европейскими и колониальными фирмами и отдельными людьми³.

Подобно тому как открытие пути через Суэцкий канал имело существенные экономические и социальные последствия для Британской империи и ее колонии в Индии, открытие межокеанского маршрута оставило, хотя и в гораздо меньшем масштабе, след в эволюции русских имперских и колониальных амбиций⁴. Русские участники кругосветных экспедиций стремились внедрить в Российской империи некоторые из практик, увиденных ими в колониях других стран. Наблюдения влиятельных русских путешественников публиковались в ведущих журналах Петербурга и Москвы, оценивались сотрудниками различных министерств и обсуждались в среде чиновников Петербурга. Таким образом, кругосветные путешествия изменили для русской

¹ *Stephan J.J.* Foreword // *Golovnin V.M.* Around the World on the Kamchatka. P. ix.

² *Osterhammel J.* Colonialism: A Theoretical Overview. Princeton: Markus Wiener Publishers, 1997. P. 9—10. См. также: *Farnie D.A.* East and West of Suez: The Suez Canal in History. Oxford: Clarendon Press, 1969. Pt. 3: The Canal as a Highway of Empire. P. 257—470.

³ За исключением работы Глинна Барратта, эти местные договоренности, которые устанавливались РАК и российским флотом по всему миру, остаются в значительной степени неизученными. См.: *Barratt G.* Russia and the South Pacific; *Idem.* Russia in Pacific Waters.

⁴ Перспективы для имперского строительства, возникавшие с открытием межокеанского маршрута между западной и восточной оконечностями Российской империи, остаются неизученными. Напротив, о влиянии изменения морских маршрутов на функционирование Британской империи написано множество трудов. Значительный корпус литературы посвящен дискуссии о том, как открытие Суэцкого маршрута повлияло на улучшение связи Британской империи с Восточной Индией (Бомбеем) за счет Западной Индии (Калькутты), которая из-за течений в Индийском океане была наиболее удобным пунктом назначения по маршруту вокруг мыса Доброй Надежды. О морских маршрутах Британии см.: *Headrick D.R.* The Tools of Empire: Technology and European Imperialism in the Nineteenth Century. New York: Oxford University Press, 1981. P. 129—213. О Суэцком канале см.: *Farnie D.A.* East and West of Suez.

элиты точку отсчета при рассмотрении многонационального населения Российской империи, последствия чего вышли далеко за пределы Тихоокеанского Севера.

Кругосветные экспедиции склонили в сторону более модернизированной и западноевропейской модели восприятие российской элитой различных народов империи и образ действий по отношению к ним. Участники экспедиций продолжали играть свою роль в формировании имперского дискурса России. Они входили в число наиболее влиятельных основателей Императорского Русского географического общества (ИРГО) и его Этнографического отдела, образованного в 1840-х годах¹. Этнографические взгляды этих людей сформировались отчасти в результате длительных путешествий и наблюдений за народами в разных частях света². Отдел долго фигурировал в горячих дискуссиях о значениях национальности и этнографии³. В последующие десятилетия эти дебаты оказали влияние на имперское мышление россиян в том, что касалось политики и стратегии в различных регионах — от Амурского края до Кавказа и от Средней Азии до Маньчжурии.

Но влияние кругосветных путешествий на имперские мышление и практику, связанное с последствиями организации Русского географического общества, проявилось только в середине XIX века. А в начале столетия офицеры флота, принадлежавшие к дворянскому сословию, высказывали возмущение по поводу того, что право руководить единственной заморской колонией России было предоставлено членам менее престижного торгового сословия. Как *заморская* колония и особенно потому, что Русская Америка была изначально «открыта» и объявлена российской территорией офицерами флота (Чириковым и Берингом), Аляска казалась морским офицерам естественной частью сферы влияния именно Адмиралтейства. Тот факт, что британцы (Кук, Ванкувер),

¹ Knight N. Constructing the Science of Nationality: Ethnography in Mid-Nineteenth-Century Russia: PhD diss. Columbia University, 1994. Найт сообщает, что устав Королевского географического общества в Лондоне был использован Федором Литке в качестве модели для устава Императорского Русского географического общества. Помимо Литке, среди основателей Русского географического общества числился бывший главный правитель Русской Америки Фердинанд Врангель.

² См. также: *Idem*. Science, Empire, and Nationality: Ethnography in the Russian Geographical Society, 1845—1855 // *Imperial Russia: New Histories for the Empire* / Eds. J. Burbank and D.L. Ransel. Bloomington: Indiana University Press, 1998. P. 108—141.

³ Slezkine Y. Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1994. P. 75.

французы (Лаперуз) и испанцы (Маласпина) успешно достигли северной части Тихого океана, стартуя из Европы задолго до того, как это сделали русские, уязвляя гордость российских морских офицеров. Апеллируя к необходимости поддерживать престиж России, они стремились увеличить роль отечественного флота на Тихом океане.

Закулисная кампания морских офицеров в Петербурге дала свои плоды в конце 1810-х годов, когда они выиграли крупную концессию, ставшую частью второго устава, дарованного государством РАК¹. Начиная с 1818 года только офицеры Российского императорского флота, назначенные Адмиралтейством и утвержденные ГП РАК, могли занимать должность главного правителя Русской Америки.

Однако Русская Америка не могла оправдать всех надежд представителей российского флота. Большая часть несбывшихся ожиданий может быть объяснена политическими обстоятельствами: по понятным причинам в ранний период существования РАК внимание правительства Александра I занимали наполеоновские войны. Позже, когда на трон взошел Николай I, имперское правительство продемонстрировало отсутствие энтузиазма по отношению к дорогостоящим инициативам в далеком Тихоокеанском регионе. Более того, давление со стороны Британской империи, поддерживавшей свою репутацию ведущей морской империи мира, и со стороны увеличивающихся Соединенных Штатов, подкрепленное в 1820-х годах принятием доктрины Монро, которая пропагандировала необходимость вытеснения всех европейских политических держав из обеих Америк, ставило под вопрос долгосрочное присутствие России на Аляске.

Доля ответственности за несбывшиеся надежды лежала и на самом флоте. Адмиралтейство переоценило свои возможности. Даже при более благоприятных обстоятельствах, выполняя миссию на Тихом океане, которую предполагали для флота его наиболее горячие сторонники, Адмиралтейство столкнулось бы с серьезными препятствиями. При всем престиже длительных трансокеанских путешествий из Петербурга в Ново-Архангельск, они были рискованными и непомерно дорогими. С экономической точки зрения для русских на Аляске имело смысл покупать провизию и другие товары у британских и американских торговцев². Запрет вести торговлю с иностранцами, введенный

¹ О стремлении флота усилить свое влияние в управлении североамериканской колонией России см.: [Головнин В.М.] Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана; Альперович М.С. Россия и Новый Свет (последняя треть XVIII века). М.: Наука, 1993; Barratt G. Russia in Pacific Waters. P. 186.

² См.: Gibson J.R. Imperial Russia in Frontier America. P. 153—173, 199—211.

в водах Русской Америки в начале 1820-х годов, обернулся для колонии абсолютной катастрофой. Он подвергал ее опасности голода, нужды и возрастающей угрозе со стороны тлинкитов, которые были в ярости на русских из-за того, что потеряли возможность вести торговлю с британскими и американскими кораблями¹.

Кроме того, стоит помнить, что для флота и официального Петербурга в целом особая ценность Аляски состояла в первую очередь в том, что она являлась потенциальной базой для торговли с другими странами, особенно с Китаем и Японией. Однако китайцы и японцы не были намерены открывать свои порты для российских кораблей². Географические условия также создавали большие препятствия. Из-за особенностей своего положения Россия не имела выхода к морям, который требовался для сильного флота. Порты Охотска и Петропавловска, закрытые для навигации из-за льдов большую часть года, не отвечали требованиям времени, делая присутствие России на тихоокеанском побережье ненадежным, в результате чего флот не был в состоянии претворять в жизнь имперское волеизъявление России. Замыслы начала XIX века об обращении Тихого океана в «озеро» России, управляемое российским флотом, оказались миражом.

Тем не менее стратегия деятелей российского флота на Тихом океане не являлась совсем неэффективной. Вскоре после того, как владения Российской империи расширились к началу 1860-х годов за счет Амурского края и Приморья, Владивосток стал основным городом-портом России на Тихом океане. Новый порт имел гораздо большее стратегическое значение для амбиций России в Азии, чем Охотский или Аянский, и потому быстро стал приоритетом российской имперской политики. Развитие Владивостока делало Ново-Архангельск все более периферийным. Флот империи, растянувшейся на огромное расстояние, располагал ограниченными ресурсами. На фоне этого в середине 1850-х годов Крымская война подчеркнула уязвимость Русской Америки. После основания Владивостока морское ведомство смотрело на Ново-Архангельск новыми глазами. Если раньше он считался лучшим портом Российской империи на Тихом океане, то теперь,

¹ *Гринев А.В.* Индейцы тлинкиты в период Русской Америки. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991. С. 143—144.

² Россияне вели торговлю с китайцами в Кяхте, но эта торговля была ограничена. Директора РАК осознавали, что для них гораздо выгоднее была бы прямая торговля аляскинскими мехами в портах Китая вместо перевозки их через Сибирь до Кяхты, но доступ в китайские порты для русских кораблей был закрыт.

в сравнении с Владивостоком, все в большей степени казался отдаленным и уязвимым. После присоединения Приморья представители флота все чаще относились к Аляске как к чему-то несущественному, как к колонии, без которой можно было бы обойтись. Притом они, конечно, знали, что, потеряв Россия эту колонию в результате боевых действий с конкурирующей державой, им пришлось бы отвечать. В результате в период Великих реформ представители флота под руководством его командующего, великого князя Константина Николаевича, стали ведущими сторонниками продажи Аляски. Константин и его единомышленники рассматривали этот ход не как сдачу позиций, а как меру, необходимую для укрепления позиций Российской империи на азиатском Дальнем Востоке. С этой точки зрения Ново-Архангельск успешно выполнил свою функцию, удерживая место ключевого порта России на Тихом океане до того, как его занял Владивосток.

Пребывание Русской Америки под управлением морских чинов представляло собой важный концептуальный этап в эволюции российской колониальной практики. Российские морские офицеры начали изменять облик Аляски, используя в качестве примера колонии западного образца. Подобное развитие событий было бы немыслимо без совершения кругосветных экспедиций, которые, начиная с путешествия 1803—1806 годов, проложили межокеанский маршрут между Петербургом и Ново-Архангельском.

Глава 3

ПОДРЯДЧИК ИМПЕРИИ

Компанию сию, по обширности и разнородному кругу ея действий, нельзя ставить в сравнение ни с какою другою. Сверх торговой и промышленной монополии, Правительство уделило ей и часть своей власти по управлению отдаленным и пространным краем, где лежит теперь на ней и на собственных ея способах вся местная администрация. В таком виде Компания есть уже не одно коммерческое сословие, но некоторым образом и власть правительственная, а привилегия ея заключает в себе не одно право, но вместе с ним и обязанность.

Государственный совет, 1841 год¹

Между 1799 и 1867 годами взаимодействие Российского государства и коренного населения Русской Америки осуществлялось через Российско-Американскую компанию. Учреждение РАК ввело в российскую практику новый инструмент колониального правления, не существовавший прежде. С возникновением этого инструмента правительство империи приступило к сознательному строительству колониальной системы на территории своих владений к востоку от Камчатки. После образования РАК вовлеченность Петербурга в судьбу колониального проекта стала гораздо более тесной, чем это было ранее, когда российское правительство предоставляло Тихоокеанский Север в распоряжение сибирских купеческих компаний. В определенной мере РАК являлась совместным предприятием, в котором с самого начала присутствовали и частные, и государственные интересы. Участие государства стало гораздо более ощутимым и конкретным после того, как представители государственной власти начали поступать на службу в РАК и прибывать в Русскую Америку

¹ АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 368. Л. 135—136.

как по сибирскому, так и по трансокеанскому маршруту. Эти деятели стремились теснее интегрировать Аляску в Российскую империю.

Однако более пристальное внимание Петербурга к развитию североамериканской колонии на рубеже XVIII—XIX веков вовсе не вылилось в развернутую кампанию по российской территориальной экспансии и имперскому доминированию в Северной Америке¹. Российские деятели, вовлеченные в строительство империи на Тихоокеанском Севере, имели множество конфликтующих между собой интересов. В то время как некоторые из этих деятелей тешили себя мечтами об обращении Тихого океана в «русское озеро», другие доказывали, добившись в итоге успеха, что Аляска Российской империи вовсе не нужна. В связи с такой разобщенностью взглядов принимаемые стратегические решения были результатом компромиссов между политическими, торговыми и идеологическими интересами. Более того, претворение этих решений в жизнь осложнялось непредвиденными условиями на местах. Российско-Американская компания была сложным институциональным деятелем «с раздвоением личности», так как являлась одновременно и колониальной администрацией, и коммерческим предприятием. Настоящая глава рассказывает о структуре и функциях РАК и представляет собой попытку интерпретировать ее взаимоотношения с государственным аппаратом Российской империи.

В ПЕРИОД ДО ПОЯВЛЕНИЯ РУССКОЙ АМЕРИКИ

Любая попытка интерпретации РАК и заморской колониальной системы России на Аляске не может обойти вопрос пушного промысла — материальной основы, на которой строилось все колониальное предприятие. Достаточно указать, что без экономического императива

¹ О доводах в пользу того, что подобная кампания имела место, см.: Introduction // *To Siberia and Russian America: Three Centuries of Russian Expansion* / Eds. B. Dmytryshyn, E.A.P. Crownhart-Vaughan and T. Vaughan: 3 vols. Portland: Oregon Historical Society Press, 1988—1989. Vol. 3. P. xxvii—lxxx. См. также: Окунь С.Б. Российско-американская компания. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. С. 49 — здесь Окунь упоминает о существовании «грандиозного плана экспансии» имперского правительства России, «в результате которого северная часть Тихого океана должна была превратиться во “внутренние воды” Российской империи». Классический пример цельного видения русской экспансии см. в книге: *Kerner R.J. The Urge to the Sea: The Course of Russian History: The Role of Rivers, Portages, Ostrogs, Monasteries and Furs*. Berkeley: University of California Press, 1942.

пушного промысла русские промышленники XVIII века вряд ли стремились бы попасть на Алеутские острова и Аляску. Методы организации морского пушного промысла на Тихоокеанском Севере сложились между 1740-ми и 1790-ми годами. Впоследствии РАК унаследовала их от сибирских купеческих компаний, из которых была образована.

Задолго до существования Русской Америки пушнина являлась важнейшим компонентом экономической системы Московии и Российской империи. Гонка за мехом, который поставлялся в форме ясака подчиненными народами и добывался самими русскими, была главной движущей силой русской экспансии в Сибири. Как и в других краях при подобных условиях, например на американском и канадском фронтах, сокращение поголовья пушных животных в одних районах, вызванное агрессивными формами добычи, влекло собирателей дани и охотников в другие. Заготовка меха соболя, куницы, горностая, лисицы и прочих животных заставляла промышленников, которые пытались превзойти друг друга в добыче пушнины, пробираться все дальше и дальше на восток. С уменьшением поголовья животных уходил в прошлое и образ жизни коренных жителей Сибири, тесно от них зависевший.

Пушной промысел являлся важным фактором в истории русской экономики и экспансии задолго до колонизации Сибири¹. Пушнина была надежным товаром, который всегда пользовался спросом на внешних рынках; ценные меха играли важную роль в экономике Киева, Новгорода и Москвы². Пушнина также была основным стимулом для британцев инициировать торговлю с Россией в Архангельске в 1555 году, что положило начало прямым торговым отношениям между Россией и Западной Европой. Из всех русских товаров только мех вызывал постоянный интерес китайских потребителей, которые официально торговали с русскими со времен подписания договора

¹ О роли пушного промысла в ранний период русской истории см.: *Martin J. Treasure of the Land of Darkness: The Fur Trade and Its Significance for Medieval Russia*. New York: Cambridge University Press, 1986. О пушном промысле в Сибири см.: *Fisher R.H. The Russian Fur Trade, 1550—1700*. Berkeley: University of California Press, 1943.

² По словам географа Марка Бассина, «мех эффективно выполнял функцию драгоценных металлов... Золото, серебро и другие товары могли быть получены посредством международного обмена на мех — практика, которая долго была важным аспектом русского обмена с Европой и Ближним Востоком». См.: *Bassin M. Expansion and Colonialism on the Eastern Frontier: Views of Siberia and the Far East in Pre-Petrine Russia // Journal of Historical Geography*. 1988. Vol. 14. No. 1. P. 8.

в Нерчинске в 1689 году¹. Таким образом, от наличия пушнины в значительной степени зависела интеграция России в глобальную экономику и на Западе, и на Востоке.

Будучи важнейшей статьёй внешней торговли, продажа пушнины способствовала развитию отношений между российскими и иностранными купцами и тем самым — постепенному проникновению в Россию иностранных технологий и идей. Иностранцы, привлеченные перспективами закупки мехов, приезжали в Россию жить и работать. Российские торговцы стремились вести дела за границей. Зарубежные продукты (от чая и шелка до технических новшеств) и идеи (среди прочих — доктрина меркантилизма) постепенно появлялись в России, по мере того как российские меха продавались за границу. Пушная торговля служила звеном, связывавшим российскую экономику с мировой.

С началом колонизации русскими Сибири роль пушной торговли в русской экономике стала еще более значимой. Меха сибирских животных пользовались существенным спросом на мировом рынке. В то же время протяженность евразийских пространств давала русским, вовлеченным в доходное дело пушного промысла, основание думать, что к сибирской пушнине можно относиться как к ресурсу практически неограниченному. Пушной промысел стал главнейшим стимулом их продвижения по евразийской равнине. Русские охотники, предприниматели, зарабатывавшие на продаже меха, и собиратели подати прочесывали сибирские леса в поисках наживы, оставляя за собой истребленные популяции животных. Сибирский пушной промысел оказался столь эффективной мобилизующей силой именно потому, что добычу меха невозможно было продолжать в течение долгого времени на одном и том же месте. Когда ценные пушные животные были почти полностью истреблены в одном районе — как и происходило везде, где данный промысел оказывался прибыльным, — люди, живущие за его счет, были вынуждены либо менять род своих занятий, либо переселяться туда, где численность животных еще позволяла вести

¹ Россия вела торговлю с китайцами с 1689 года, когда стала первой европейской страной, удостоенной заключения торгового договора с Китаем. Эта торговля была значительно расширена Кяхтинским договором от 1727 года. Но в то время как китайцы обладали многими желанными для русских товарами — двумя важными статьями были чай и шелк, — российские товары привлекали китайцев меньше. Пушнина составляла заметное исключение. Шкурки калана и морского котика, привезенные на китайский рынок с Северного Тихого океана, произвели там сенсацию.

интенсивную охоту. Это привело к тому, что в Западной Сибири популяция ценных пушных животных была истощена к середине XVII века, а в Восточной Сибири — к его концу¹. Наличие пушных животных в большом количестве на востоке и их исчезновение на западе вынуждали промышленников продвигаться к пределу евразийской равнины вдоль долины реки Лены и даже за крутые горные хребты, которые отделяли эту долину от Охотского моря.

Организация поставок меха объединяла русских с кооптированными аборигенами Сибири, попутно видоизменяя ее народы и экосистемы. Можно сказать без преувеличения, что пушная торговля изменила ландшафт и социальную структуру этого огромного региона². С исчезновением животных, от которых зависело их существование, коренные жители Сибири были вынуждены либо мигрировать, пытаться догнать истощавшуюся популяцию (что решало проблему только на короткий срок), либо фундаментально менять свой образ жизни³. Такая организация пушного промысла, основанная не на местном спросе, а на принципах растущего мирового рынка, трансформировала в итоге экологию и демографию Сибири. Одновременно, поскольку у русских мужчин появлялись дети от представительниц коренного населения Сибири, происходило слияние народов, имевшее прямое отношение

¹ *Bassin M.* Expansion and Colonialism on the Eastern Frontier. P. 11. См. также: История Сибири. Л.: Наука, 1968. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. С. 78.

² Показательный пример того, как аналогичные процессы происходили в ходе ранней колонизации Соединенных Штатов, приводится в выдающейся работе американского историка Вильяма Кронона. См.: *Cronon W.* Changes in the Land: Indians, Colonists, and the Ecology of New England. Revised ed. New York: Hill and Wang, 2003.

³ Важных работ о пушном промысле в Северной Америке так много, что указать их все здесь невозможно, но список должен обязательно включать следующие труды: *Innis H.A.* The Fur Trade in Canada: An Introduction to Canadian Economic History. New Haven: Yale University Press, 1930; *Mackie R.S.* Trading Beyond the Mountains: The British Fur Trade on the Pacific, 1793—1843. Vancouver: University of British Columbia Press, 1997; *Ray A.J.* Indians in the Fur Trade: Their Role as Trappers, Hunters, and Middlemen in the Lands Southwest of Hudson Bay, 1660—1870. Toronto: University of Toronto Press, 1974; *Martin C.* Keepers of the Game: Indian-Animal Relationships and the Fur Trade. Berkeley: University of California Press, 1978 (см. ответ на эту книгу: *Indians, Animals, and the Fur Trade: A Critique of Keepers of the Game* / Ed. S. Krech III. Athens, Ga.: University of Georgia Press, 1981); *Podruchny C.* Making the Voyageur World: Travelers and Traders in the North American Fur Trade. Toronto: University of Toronto Press, 2006.

к ремеслу пушного промысла¹. Дети русских мужчин и сибирских женщин способствовали покорению Сибири Российским государством и облегчали ее управление. Выросшие в сибирских селениях и адаптированные к местным условиям жизни, они, как правило, были искусными охотниками и помогали русским подчинять и ассимилировать другие народы региона.

Доходы от продажи сибирских мехов играли важную и, нужно отметить, недооцененную историками роль в развитии Российского государства. Еще в середине XVII века более 30% всех доходов казны Московского государства поступало от продажи мехов, добытых в Восточной Сибири². Значимость пушного промысла не ограничивалась экономикой. По утверждениям некоторых ученых, существование сибирского пушного промысла имело самые обширные последствия непосредственно для политической системы, так как доходы от него обеспечивали экономическую основу роста могущества Московского государства. С этой точки зрения, движимая главным образом доходами от торговли мехом, русская экспансия XVII века к Тихому океану являлась территориальным и колониальным дополнением к институциональной консолидации автократической политической власти в европейской части России³.

Подобные размышления предполагают, что существовала определенная преемственность между пушным промыслом в Сибири и в Русской Америке. Однако стоит помнить, что американская практика пушного промысла и сибирская коренным образом различались: первая основывалась на добыче мехов в основном морских, а не сухопутных животных, зависела почти исключительно от умений охотников из числа коренных жителей, требовала больших капиталовложений от инвесторов и осуществлялась в заокеанском регионе, где гегемония России активно оспаривалась иностранными торговцами и конкурирующими империями. В конечном счете эти различия привели Петербург к созданию компании нового типа.

¹ О параллелях с Северной Америкой см.: *Brown J.S.H. Strangers in Blood: Fur Trade Company Families in Indian Country.* Vancouver: University of British Columbia Press, 1980; *Van Kirk S. Many Tender Ties: Women in Fur-Trade Society, 1670—1870.* Norman: University of Oklahoma Press, 1983.

² *Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича.* СПб.: Археографическая комиссия, 1884. С. 104.

³ См.: *Wood A. Introduction: Siberia's Role in Russian History // The History of Siberia: From Russian Conquest to Revolution / Ed. A. Wood.* New York: Routledge, 1991. P. 4—5.

СТРУКТУРА КОМПАНИИ

Как упоминалось выше, Российско-Американская компания получила свой первый устав в 1799 году. Это была акционерная компания под покровительством императора, которая обладала эксклюзивным правом, дарованным ей на двадцать лет, управлять ресурсами североамериканской колонии Российской империи¹. Приобретя такой устав, РАК превратилась в так называемую декретную компанию (*chartered company*) — наподобие западноевропейских компаний, организованных на основании правительственных концессий с целью эксплуатации колониальных ресурсов. На мой взгляд, устав РАК представлял собой контракт между империей и компанией. После того как истек срок действия первого такого контракта, РАК получала новые — это были уставы, вошедшие в действие в 1821, 1844 и 1861 годах. Являясь, таким образом, «контрактором», или «подрядчиком», Российской империи, РАК продолжала управлять российской заокеанской колонией до тех пор, пока последняя не была передана Соединенным Штатам.

Теоретически любой подданный России имел право приобрести акции РАК, но в действительности ее акционерами были почти исключительно купцы и дворяне, причем число купцов со временем сокращалось, а дворян — увеличивалось. Акционеры, владевшие как минимум десятью акциями, имели право голосовать на ежегодном общем собрании. Большинство голосов они избирали четырех, а в более поздний период — пятерых директоров, которые возглавляли Главное правление компании, расположенное с 1801 года в Петербурге. Эти директора руководили коллективом сотрудников ГП РАК и координировали всю деятельность компании. Один из них выступал в роли первенствующего директора, т.е. занимал высшую административную позицию в РАК, являясь, в сущности, председателем совета директоров. Общие собрания акционеров компании проходили в Петербурге, там же подсчитывались прибыли и расходы. В обязанности ГП входило регулярное информирование властей империи о деятельности РАК. Оно же организовывало кругосветные экспедиции РАК и, что было наиболее важным, давало приказы и рекомендации колониальному правлению в Русской Америке, которое ему подчинялось².

¹ Правила для учреждаемой компании // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб.: Типография II Отделения, 1830. Т. 25. С. 699—718.

² Там же; *Dmytryshyn B. The Administrative Apparatus of the Russian-American Company, 1798—1867 // Canadian-American Slavic Studies. 1994. Vol. 28.*

Заокеанская территория компании располагалась на Алеутских и Курильских островах, а также вдоль той части побережья Северной Америки, которая считалась собственностью Российской империи. В сущности, Российская империя сдала свои территории в аренду РАК по условиям упомянутых выше контрактов сроком на двадцать лет. Русская Америка имела единый административный центр, из которого она управлялась, перенесенный в 1808 году с острова Кадьяк в Ново-Архангельск. Колония была поделена на семь административных отделов, каждый со своим местным правлением: отделы с центрами на островах Ситка, Кадьяк, Уналашка, Атха, отдел на Курильских островах, особенно обширный Северный отдел, правление которого располагалось в Михайловском редуте, и, между 1812 и 1841 годами, поселение Росс в Северной Калифорнии. В 1850 году РАК открыла также отделение в Сан-Франциско, где проходило обсуждение сделок с американскими компаниями. Приказчиков, управлявших отделами, назначал главный правитель колонии, которому они и подчинялись и аппарат которого располагался в Ново-Архангельске. Для управления различными поселениями и форпостами, разбросанными по огромной территории отделов, у приказчиков имелись свои подчиненные. Все эти подразделения были подотчетны главному правителю. В 1831 году была официально создана должность заместителя главного правителя, обязанности которого ранее неформально выполнял купец Кирилл Хлебников. Эту официальную должность мог занимать только морской офицер, избранный директорами РАК из перечня квалифицированных кандидатов, предоставлявшегося Адмиралтейством¹. Таким образом, процедура назначения заместителя была такой же, как и избрание самого главного правителя.

Российско-Американская компания обладала обширной инфраструктурой и за пределами Русской Америки. Помимо Главного правления, в евразийской части России располагалась целая сеть контор РАК. Кяхтинская контора на границе с Китаем состояла только из ее управляющего, конторщика и, по надобности, писарей, но ее малый размер не отражает того, какое большое значение Кяхта имела для РАК. Именно через Кяхту, а до открытия морских портов Китая для

No. 1 (Spring). P. 39; *Ермолаев А.Н.* Главное правление Российско-американской компании: состав, функции, взаимоотношения с правительством, 1799—1871 // *Американский ежегодник*, 2003. М.: Наука, 2005. С. 272—273; Introduction // *To Siberia and Russian America*. Vol. 3. P. xxxvii.

¹ *To Siberia and Russian America*. Vol. 3. P. xl; *Dmytryshyn B.* The Administrative Apparatus of the Russian-American Company. P. 29.

русских кораблей в 1840-х годах — только через Кяхту РАК имела право вести прямой непосредственный обмен с китайскими купцами. Через кяхтинскую контору РАК поставляла китайцам североамериканские меха в обмен на различные продукты, включая в первую очередь чай. Торговля в Кяхте была нестабильной: китайские власти могли приостановить ее без каких-либо объяснений. РАК предлагала к обмену и другие товары, но меха из Америки были самым важным пунктом¹.

Товары доставлялись в Кяхту и отправлялись из нее через иркутскую контору РАК, где до 1800 года располагалось Главное правление компании. Эта контора, значительно более крупная, чем кяхтинская, координировала все деловые связи РАК на востоке Евразии. Иркутск был важным перевалочным пунктом коммерческих маршрутов компании по России и наземного маршрута в Китай. Конторы компании в Якутске, Охотске и на Камчатке, а также томский комиссионер РАК подчинялись иркутской конторе. В обязанности иркутского правления входила организация поставки снабжения для Русской Америки по сибирскому маршруту и получение и сортировка пушнины, ввозимой из Америки через Охотск и Якутск. Из Иркутска эти товары направлялись либо на китайский рынок через Кяхту, либо по сибирскому тракту далее на запад, на внутренний российский рынок.

Контора в Охотске, куда прибывали груженные мехами корабли из Русской Америки, отвечала за учет количества мехов и урегулирование расчетов с теми подчиненными, которые возвращались из Америки и покидали службу РАК — в тех случаях, когда они не отправлялись морем напрямую в Кронштадт. (С теми, кто плыл в Кронштадт, компания рассчитывалась в Петербурге.) В обязанности охотской конторы также входило наблюдение за комиссионером в Гижиге, который, в свою очередь, контролировал субподрядчика в РАК в Анадыре, где велась торговля с чукчами. Гижигский комиссионер закупал в Восточной Сибири небольшое количество мехов, оленьей кожи и одежды, которые РАК иногда отправляла для продажи в американскую колонию. В 1840-х годах место Охотска в структуре РАК занял Аян — другой порт на побережье Охотского моря. Кроме того, у компании было представительство на Камчатке².

¹ Исторический календарь Российско-Американской компании (1817 год) // К истории Российско-Американской компании: Сборник документальных материалов / Ред. А.И. Блинов, И.М. Кураев, О.Н. Мухина и др. Красноярск: Красноярский государственный педагогический институт, 1957. С. 29—30.

² Там же. С. 26—31.

В Москве располагалась третья крупная контора РАК, в добавление к конторам в Петербурге и Иркутске. Московская контора направляла в Петербург отчеты, поступающие из других частей страны, и была основным поставщиком оборудования и снабжения для сибирских и американского отделений компании. Кроме того, московская контора отвечала за продажу китайских товаров и американских мехов на внутреннем рынке России. Меха, предназначенные для российского рынка, продавались главным образом на Макарьевской и Ирбитской ярмарках, а также в Москве, Петербурге, Казани и иногда Тюмени.

Другие региональные представительства РАК, расположенные в основном по маршруту между Петербургом и Охотском, занимались обслуживанием обширных транспортных сетей компании, по которым перемещались люди и перевозились меха, чай и прочие товары и припасы. Обязанность нанимать кучеров и рабочих, составлять договоры с владельцами речных судов и т.п. лежала на конторах и комиссионерах в Казани, Тюмени и иных пунктах¹. Вдобавок к широкой сети в Евразии, компания имела представителей и завязывала деловые контакты в различных заграничных морских портах.

Огромные расстояния пролегли между подразделениями компании, а риски и стоимость перевозок иногда были обескураживающе высокими. Задержки в коммуникации между ГП РАК и обширной сетью его представителей и контор в Евразии и Америке являлись предметом постоянной озабоченности. Логистические соображения сыграли свою роль в перемещении администрации РАК из Иркутска в Петербург. Инициатива переезда принадлежала представителям интересов так называемого клана Шелиховых и его сторонникам, а одним из непосредственных мотивов было устранение конкурентов в среде акционеров РАК². Купцам, компании которых располагались в Сибири, было сложно и затратно приезжать в Петербург для участия в проводимых там собраниях, поэтому они были вынуждены отказаться от своего влияния (и акций) в пользу Шелиховых и их союзников³.

¹ Там же. С. 26—31, 34.

² *Альперович М.С.* Россия и Новый Свет (последняя треть XVIII века). М.: Наука, 1993. С. 201—202. Об амбициях и могуществе Шелиховых, влиятельнейшего клана в среде акционеров РАК, члены которого имели родственные связи как в купеческом, так и в дворянском сословии, см.: *Петров А.Ю.* Российско-американская компания: деятельность на общественном и зарубежном рынках, 1799—1867. М.: ИВИ РАН, 2006. С. 133—139.

³ *Ермолаев А.Н.* Главное правление Российско-американской компании. С. 288—289.

Вдобавок к приближению к имперской метрополии и правительству в прямом смысле, перевод ГП РАК в Петербург сделал возможным решение ряда задач, которые гораздо сложнее или вовсе невозможно было решить, пока правление находилось в Иркутске. Речь идет в первую очередь о привлечении столичных дворян в число акционеров РАК и о координации кругосветных экспедиций¹. В то же время, покидая Иркутск, директора компании в какой-то мере отдалились от торговли в Кяхте, надеясь компенсировать это открытием морской торговли в Кантоне². Ожидание скорого открытия Кантонского порта оказалось неоправданным, но Петербург действительно был более подходящим, чем Иркутск, местом для организации кругосветных путешествий. Сторонники переезда утверждали, что он облегчил для РАК доступ к капитальным вложениям и привлечение новых акционеров. Они ссылались на то, что новое местоположение ГП РАК было ближе к главным ярмаркам России, а также на другие преимущества расположения в европейской части страны³.

Перемещение ГП РАК из Иркутска в Петербург иногда рассматривается историками как свидетельство того, что правительство империи взяло управление компанией в свои руки. В этом есть доля правды: после переезда Главного правления в столицу правительству империи было гораздо удобнее следить за действиями РАК. Иными словами, государственным чиновникам стало легче осуществлять наблюдение за делами компании и вмешиваться в них, чем в тот период, когда ее правление находилось в Сибири. При основании РАК в 1799 году Коммерц-коллегия получила инструкции от императора заниматься именно этими вопросами⁴. Имперскому аппарату России, как и правительственным органам западноевропейских колониальных компаний, которые тоже предпочитали размещать правления в государственных столицах, было удобнее вести дела, имея директоров РАК рядом с собой.

В то же время нужно учесть, что вовлечение столичного дворянства в дела РАК значительно повысило уровень доверия к ней и ее статус в глазах государства и акционеров. Привлечение влиятельных

¹ РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 167. Л. 3—4.

² АВПРИ. Ф. Главный архив, 1—7. Оп. 2. Д. 1. Л. 8—9.

³ РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 167. Л. 3—4.

⁴ Указ Павла I Сенату о переводе Главного управления РАК из Иркутска в С.-Петербург, 19 октября, 1800 // Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799—1815: Сборник документов. М.: Наука, 1994. С. 25.

людей было важным политическим шагом со стороны тех предпринимателей, которые хотели повысить престиж компании и улучшить ее перспективы. Переезд Главного правления привел к потере влияния одних акционеров на дела РАК, но помог продвижению интересов других. С точки зрения предпринимателей, предоставление дворянам и придворным права получать дивиденды от деятельности РАК благодаря ее механизму акционерной компании было продуманной деловой стратегией. Подобная практика уже давно была распространена в Великобритании и во всей Западной Европе¹. Наконец, расположение ГП РАК в столице империи дало руководству компании возможность войти в непосредственный диалог с влиятельными членами государственного аппарата и продвигать свои интересы в коридорах министерств и светских салонах. Кроме всего прочего, принятие важных решений, касающихся компании, без консультации с ее руководством, что ранее иногда происходило по причине задержек в сообщении между Петербургом и Иркутском, теперь было невозможно².

КОММЕРЧЕСКИЙ ПАТРИОТИЗМ

С наступлением эпохи кругосветных путешествий Российско-Американская компания стала не просто подрядчиком Российской империи для эксплуатации колониальных ресурсов, но приобрела особое значение в качестве механизма для продвижения более широких интересов империи, как территориальных, так и коммерческих³. Российская империя стремилась стать более активным участником в борьбе за присутствие на дальневосточном рынке, и РАК виделась архитекторам империи подходящим инструментом для осуществления этой цели. Еще до образования данной компании купец Григорий Шелихов параллельно со своими замыслами по колонизации Америки и эксплуатации ресурсов Северного Тихого океана разрабатывал другие амбициозные проекты. Например, он хотел добиться от государства

¹ Jones S.R.H., *Ville S.P.* Efficient Transactors or Rent-Seeking Monopolists? The Rationale for Early Chartered Trading Companies // *Journal of Economic History*. 1996. Vol. 56. No. 4 (December). P. 913.

² АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 130. Л. 6 об.

³ В этом отношении Российско-Американская компания была аналогична британским акционерным компаниям. См.: *Cain P.J., Hopkins A.G.* Gentlemanly Capitalism and British Expansion Overseas. I. The Old Colonial System, 1688—1850 // *Economic History Review*. New Series. 1986. Vol. 39. No. 4 (November). P. 520.

разрешения отправлять торговые суда в Кантон, Макао и на Филиппины. В рамках другого проекта Шелихов предлагал услуги своей компании для исследований района реки Амур¹. А Юрий Лисянский в отчете о первой кругосветной экспедиции предсказывал, что «ситкинские деревья могут приносить не малую выгоду, когда наши суда будут чаще ходить в Кантон»². Таким образом, сама осуществимость частых вояжей между Русской Америкой и Китаем не подвергалась сомнению — вопрос был лишь в том, *когда* это случится.

В умах российских имперских прожектеров первой половины правления Александра I Русская Америка являлась лишь небольшой частью гораздо более масштабного плана, видная роль в котором отводилась Китаю и Японии³. Примечательно, что Николай Резанов отправлялся в кругосветное путешествие 1803—1806 годов в роли русского посланника в Японию, в то время как главной задачей Ивана Крузенштерна было обсудить условия, на которых российские торговые корабли могли бы ходить в порт Кантон. На внеочередном общем собрании РАК, устроенном после возвращения кораблей «Нева» и «Надежда» в Петербург летом 1806 года, собравшихся акционеров больше всего интересовало, каких договоренностей удалось достичь в Кантоне⁴.

Коммерческие интересы были тесно переплетены с патриотическими с первых лет существования РАК. Сама идея совершить первую русскую кругосветную экспедицию исходила в значительной степени от морского офицера, который позднее и возглавил ее. Предложение Крузенштерна о кругосветном путешествии было связано с его страстным желанием добиться от имперского правительства активной поддержки российского купечества. «Одним словом, купеческое состояние нужно было облагородить», — писал Крузенштерн, указывая на Петра I как на начинателя этого «облагораживающего» проекта⁵.

¹ Окунь С.Б. Российско-американская компания. С. 35; АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 127. Л. 21.

² Лисянский Ю. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5, и 1806 годах на корабле «Неве»: В 2 ч. СПб.: Типография Дрехслера, 1812. Ч. 2. С. 140—141.

³ АВПРИ. Ф. Главный архив, 1—7. Оп. 2. Д. 1. Л. 2, 8—9, 10—13.

⁴ [Коробицын Н.И.] Записки приказчика Российско-Американской Компании Н.И. Коробицына, 1795—1807 гг. // Русские открытия в Тихом Океане и Северной Америке в XVIII—XIX веках / Ред. А.И. Андреев. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1944. С. 211.

⁵ Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях Надежде и Неве: В 3 ч. СПб.: Морская типография, 1809. Ч. 1. С. vii.

С позиций экономического патриотизма Крузенштерн пытался доказать, что у Александра I имелась уникальная возможность завершить дело, начатое Петром I:

Такое, начатое Петром Великим преобразование своего народа предоставлено, по видимому, настоящему правлению. Теперь наступило, кажется, время к свержению ига, налагаемого на нас в торговле иностранцами, которые, приобретая в России на щет [т.е. счет] ея великия богатства, оставляют наше Государство для того, чтобы проживать оныя на своей родине, и таким образом лишают Россию капиталов, кои оставаясь в нашем отечестве разливали бы повсеместное благосостояние, если бы природным Россиянам предстояли средства, могущия оживлять общий дух и рвение. Но таковой общий дух и таковое рвение в Государстве, зависящем от воли единого, могут быть возбуждены только им же самим; в разсуждении чего правление Нашего благомыслящаго Монарха, обращающаго власть свою единственно на пользу своих подданных и изъявляющаго ежедневно наилучшия доказательства человеколюбия и ревнования ко благу Государства, отличается преимущественно¹.

С точки зрения Крузенштерна, российские купцы могли бы быть героическими бойцами первой линии фронта в экономической войне против иностранцев, искавших возможности эксплуатировать Россию для выгоды своих стран. Он сознавал важное значение владений России на Дальнем Востоке: «Владение Камчаткою и Алеутскими островами подаст, уповательно, средство к пробуждению Российской торговли от дремоты, в коей искусная политика торгующих Европейских Держав старалась долгое время усыплять ее с удачным успехом»². Таким образом, для Крузенштерна был важен не столько сам факт владения этими территориями (Камчаткой и Алеутскими островами), сколько их роль как рычагов давления в амбициозной имперской стратегии, целью которой было открытие японских и китайских портов для российских кораблей.

Крузенштерн призывал россиян противостоять коммерческому заговору иностранцев против России с помощью их же способов. Так, он горячо доказывал, что для развития России жизненно важна заморская торговля. Подчеркивая значимость выводов о деятельности

¹ Там же. С. vii—viii.

² Там же. С. v—vi.

британцев в Азии, он писал: «Служив в Англинском флоте во время войны с 1793-го до 1799-го года смотрел я неравнодушно на обширность их коммерции, наипаче же на важность Ост-Индской и Китайской, которые привлекли особенное мое внимание»¹. «Участие Россиян в торговле морем с Китаем и Индией казалось мне не невозможным, — продолжал Крузенштерн. — Торгующия Европейския нации участвуют почти все в оной; успевшия же в том преимущественно достигли высочайшей степени благосостояния, находя богатства в странах, обилующих разными естественными произведениями. Таковы были сначала Португальцы, потом Голландцы, а ныне Англичане»².

Призывая правительство активно поддерживать развитие иностранной торговли российскими купцами, Крузенштерн особенно отмечал необходимость строительства более совершенных морских судов и воспитания способных капитанов и моряков. Описывая плавания промышленников на Алеутские острова, он утверждал, что «торг пушным товаром мог бы приносить Российским купцам и еще гораздо большую выгоду, естли [т.е. если] бы правительство подкрепило их и спомоществовало к построению судов надежнейших, которые управлялись бы искусными начальниками. До сего времени малосведение и неопытность начальников судов были причиною, что из трех судов обыкновенно каждой год погибало одно»³. Его позицию можно интерпретировать как отрицание идеологической приверженности философии свободной торговли, которая в период длительного правления Екатерины II мешала имперскому правительству принимать реальные шаги по продвижению интересов России не только на Алеутских островах и на Аляске, но и по всему Дальнему Востоку. Он считал нехватку людей, способных командовать торговыми судами и имеющих опыт судоходства в восточных морях, самым главным препятствием в развитии азиатской торговли России. В период стажировки в британском флоте Крузенштерн совершил путешествия в Индию и Китай, где во время своего пребывания в Кантоне в 1798—1799 годах увидел как-то раз британский корабль, доставлявший меха с северо-западного побережья Америки — территории, на которую Россия претендовала, но которую не контролировала. Появление судна с этим грузом навело

¹ *Крузенштерн И. Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях Надежде и Неве: В 3 ч. СПб.: Морская типография, 1809. Ч. 1. С. xviii.

² Там же.

³ Там же. С. xiii.

его на размышления о том, почему бы россиянам не совершать подобные плавания, получая от этого значительную выгоду¹.

Крузенштерн стремился к созданию в Российской империи полноценного торгового флота. Для достижения этой цели он предлагал, чтобы в Морской кадетский корпус принимались не только дворяне, но и молодые люди из других сословий, которые по окончании учебы были бы назначены «служить на купеческих кораблях»². Сама идея готовить простолоудинов для исполнения роли капитанов и офицеров дальнего плавания на кораблях, участвующих в международной торговле, была для России того времени новаторской. Вдобавок Крузенштерн настаивал, чтобы эти молодые люди учились в Кронштадте на тех же условиях, что и дворяне, стремившиеся попасть в военный флот. Характерно, что для поддержки своей позиции Крузенштерн приводил примеры из британской и французской практики, доказывая: Кук, Бугенвиль и Нельсон «не сделались бы никогда таковыми, каковыми явились в своем отечестве, если бы выбирали людей по одному только рождению»³. В видении Крузенштерна, корабли торгового флота России могли бы перевозить меха напрямую из североамериканской колонии в Кантон и переправлять оттуда китайские товары в Россию, делая остановки в различных иностранных портах⁴. Он писал: «Вообще непрерывное сообщение между Европейскими Российскими гаванями и Американскими селениями Компании, особливо же торговлю в Кантоне почитаю я единым средством, могущим привести в цветущее состояние торговлю Российско-Американской компании»⁵. Крузенштерн доказывал, что инвестиции и активная деятельность в Тихоокеанском регионе принесут обширные дивиденды не только компании, но и всей империи:

Чрез сие можно было достигнуть до того, чтобы мы не имели более надобности платить Англичанам, Датчанам и Шведам великия суммы за Ост-Индские и Китайские товары. При таковых мерах скоро бы пришли Россияне в состояние снабжать сими товарами и Немецкую землю дешевле, нежели Агличане, Датчане и Шведы; потому что для

¹ Там же. С. xix.

² Там же. С. xx.

³ Там же.

⁴ Там же. С. xxi—xxvii.

⁵ Там же. С. xxi.

них построение, оснастка и содержание судов стоит гораздо дороже и что они покупают товары за наличные деньги¹.

Крузенштерн мечтал о полном пересмотре колониальных приоритетов России. Однако реализация его проекта требовала гораздо больше внимания, социального реформирования и финансирования, чем те меры, которыми желало бы ограничиться имперское правительство России. Поэтому, хотя Крузенштерн и имел таких влиятельных сторонников, как граф Николай Румянцев и адмирал Николай Мордвинов, его грандиозному проекту суждено было потерпеть неудачу². Тем не менее кругосветная экспедиция, за проведение которой Крузенштерн так горячо ратовал, действительно состоялась и в корне изменила если не общую коммерческую деятельность России, то по крайней мере ее отношения с заморской колонией.

В целом Крузенштерну удалось донести до имперского правительства идею о том, каким образом Российско-Американская компания (которую он желал перестроить) могла бы «облагородить» российскую коммерцию. Подобно колониальным акционерным компаниям западноевропейских держав, РАК была задумана в качестве механизма для привлечения к заморской коммерции представителей благородного сословия³. Крузенштерну удалось показать представителям российской элиты, что коммерческая деятельность на Тихом океане имеет огромное значение для интересов не только отдельных купцов, но и всей страны.

ИМПЕРСКИЙ ФАКТОР

Начиная с Александра Баранова, все главные правители Русской Америки, хотя и не забывали коммерческих интересов РАК, честно и усердно продвигали геополитические интересы Российской империи. Сетую на замедление продвижения РАК на юг по североамериканскому побережью, вызванное разрушением в 1802 году Михайловской

¹ *Крузенштерн И.Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях Надежде и Неве: В 3 ч. СПб.: Морская типография, 1809. Ч. 1. С. xxii.

² Там же. С. xxiv.

³ *Jones S.R.H., Ville S.P.* Efficient Transactors or Rent-Seeking Monopolists? P. 913.

крепости индейцами тлинкитами, Баранов писал промышленникам, состоявшим на службе компании:

Но всего более то, что цели и предметы государственные, как предписывает монаршее о том благоволение, о протяжении сколько можно далее под Нутку российских занятий от сего несчастного с нами под Ситкою приключения воспрепятствованы, и ежели умедлим новым на то покушением, может быть и вовсе отечество лишится тех полезных мест, кои великими прибытками и выгодами не токмо компании, но и государству нашему обнадеживают, и есть действительно, сколько мы опытностью извели, и не менее от приходящих вояжеров английской нации и Соединенных Американских Провинций республиканцев, кои оттоль более 15 лет богаты свои отчества, выменивая на тех берегах мягкую рухлядь, отвозя и променивая в Кантоне, хотя выгоды те по всем народным правам в рассуждении первых открытий единственно в пользу российских подданных принадлежательны¹.

Как в установлении базы на острове Ситка, так и во многих других делах интересы компании и государства не просто совпадали по отдельным аспектам, но фактически составляли одно целое.

Граница между правительством и компанией была размытой на всем протяжении существования последней. С течением времени РАК становилась все более связанной с аппаратом государства. С начала 1850-х годов, после того как Калифорния стала частью Соединенных Штатов, вице-консул в Сан-Франциско представлял интересы Российской империи и одновременно служил представителем Российско-Американской компании. В его обязанности входило ведение переговоров между РАК и американскими фирмами, за что он получал от компании жалованье и бесплатное жилье². Очевидно, что интересы РАК и Российской империи были переплетены, тем не менее компания являлась

¹ Сообщение А.А. Баранова о тяжелом финансовом положении компании и предложение промышленным людям о новых условиях вступления в компанию. 15 февраля 1803 года // К истории Российско-Американской компании. С. 125.

² Письмо П.Н. Головина от 13 (25) октября, 1860 г. // Морской сборник. 1863. Т. 66. № 5. Неофициальный отдел. С. 163. Российский вице-консул Петр Степанович Костромитинов проживал с женой и шестью детьми в Сан-Франциско, в помещении, которое им предоставила РАК. В 1839—1847 годах этот купеческий сын из Великого Устюга служил правителем Ново-Архангельской конторы: *Гривев А.В.* Кто есть кто в истории Русской Америки. М.: Academia, 2009. С. 259.

коммерческой структурой, приносящей прибыль акционерам, а не только фасадом, за которым скрывались имперские и колониальные амбиции Российской империи¹.

Интересы имперского правительства по многим пунктам совпадали с интересами РАК и ее акционеров. Государство получало доходы от пушной торговли компании через взимание пошлин и другие доходные статьи². Чем больше мехов поступало в РАК и чем дороже они продавались, тем больше выгоды было для государственной казны. Тем не менее имперское правительство опасалось, что какие-либо ошибочные решения руководства РАК или представителей компании в далеком Ново-Архангельске могут вовлечь Россию в международные споры. Чиновники Министерства иностранных дел были особенно чувствительны на этот счет. Широкомасштабное продвижение России в восточном направлении, которое продолжалось несколько столетий и имело целью добычу меха, происходило в условиях относительной изоляции Северной Евразии, на сопредельных друг другу территориях, которые не оспаривались (или оспаривались в незначительной степени) иными европейскими державами. Колониальное предприятие на другом континенте, отделенном от евразийской равнины массивным горным хребтом и океаном, казалось особенно уязвимым с точки зрения рисков иностранного соперничества и вторжения.

Вдобавок к исполнению функций коммерческого предприятия и колониальной администрации, Петербург периодически требовал от РАК выполнения явно некоммерческих задач в области строительства империи. После принятия в 1844 году третьего устава РАК частота привлечения компании для решения подобных задач еще более возросла. Например, после перемещения в 1840-х годах основного тихоокеанского порта на евразийском материке из Охотска южнее, в Аян, РАК получила новое задание содействовать распространению влияния России и ее территориальной экспансии на Дальнем Востоке. В 1849 году, в ходе секретного исследования в устье реки Амур, РАК направила

¹ Своими доводами я оспариваю заявления тех ученых, которые подчеркивают, что Российско-Американская компания была «не частным предприятием... но учреждением Русского Имперского правительства» (см.: *Dmytryshyn B. The Administrative Apparatus of the Russian-American Company*. P. 52. Идея о том, что РАК являлась «...вспомогательным устройством [auxiliary] имперского русского правительства», развивалась также в: *Introduction // To Siberia and Russian America*. Vol. 3. P. xxxiv).

² Краткое историческое обозрение образования и действий Российско-Американской Компании с самого начала учреждения оной, и до настоящего времени. СПб.: Литография Н. Диле, 1861. С. 20.

корабли в воды, принадлежавшие Китаю. Сотрудники компании составили карту данного района и сагитировали местное население принять имперское правление России¹. Эта деятельность послужила основанием для образования незаконных русских поселений в устье реки Амур и, позднее, для аннексии региона Российской империей². Другой задачей подобного толка было поручение Петербурга организовать исследование острова Сахалин. В 1853 году Николай I даже передал этот остров под управление РАК; в том же году там было образовано поселение, но Крымская война приостановила данную инициативу. После окончания войны новый император, Александр II, вернул Сахалин под юрисдикцию имперского правительства³.

Важность РАК как подрядчика российского империализма сделалась отчетливо видна после передачи Аляски Соединенным Штатам, когда проявилось одно из неожиданных последствий данного шага — заметное уменьшение русского влияния на северо-восточной окраине Азии. Тогда стало очевидно, какую большую роль играли в прошлом инвестиции компании в поддержание дорожной инфраструктуры и системы перевозки грузов в столь отдаленном регионе. После 1867 года Аянский тракт (горная дорога между Якутском и Аяном) был закрыт, а русское население, размещенное вдоль него, переселено в Южно-Уссурийский край. Теперь из-за разрушения этого тракта и других инфраструктурных изъянов обширный регион, включая побережье Охотского моря, Камчатку, Курильские, Командорские острова и Чукотский полуостров, большую часть года был отрезан от остальной России. Как писал историк Анатолий Ремнев, «Охотско-Камчатский край остался большую часть года недоступным для поездок и почтового сообщения, а русские моряки, по словам приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского, даже на рубеже XIX—XX веков были вынуждены пользоваться английскими, американскими и японскими картами»⁴. В результате в течение нескольких последующих десятилетий регион в целом и Чукотка в особенности оказались под возрастающим американским влиянием. Русские власти были обеспокоены

¹ *Гринева А.В.* Географические исследования Российско-американской компании в 1825—1860-х гг. // ИРА. Т. 2. С. 114—115.

² АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 334.

³ *Ермолаев А.Н.* Главное правление Российско-американской компании. С. 288; АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 389.

⁴ *Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока: имперская география власти XIX — начала XX в. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2004. С. 399—400.

перспективой потери Чукотки в пользу Соединенных Штатов¹. Такое развитие событий в конце XIX — начале XX века стало запоздалым подтверждением значения РАК в качестве колониального подрядчика как в Азии, так и в Америке.

КОММЕРЧЕСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ И КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПОДРЯДЧИК

В то время как Российско-Американская компания активно, а временами даже агрессивно искала возможности получать прибыль и выплачивать дивиденды своим акционерам, правительство наблюдало за ее деятельностью. Компания была обязана регулярно предоставлять государственным чиновникам отчеты, исполнять правительственные приказы, а также решать различные имперские задачи. Такое положение вещей не было необычным: правительства европейских держав накладывали подобные условия и обязательства на свои колониальные компании, организованные на основании правительственных концессий (как уже говорилось, так называемые декретные компании — *chartered companies*). Например, британское правительство следило за деятельностью Гудзонбейской компании (Компании Гудзонова залива, или КГЗ) и регулярно вмешивалось в ее дела. В 1821 году британское Министерство по делам колоний потребовало объединения КГЗ с Северо-Западной компанией, оказывая давление на органы правления обеих компаний. Объединение произошло — несмотря на возмущение и сопротивление директоров КГЗ². Таким образом, вмешательство западноевропейских правительств в дела колониальных компаний, уполномоченных этими правительствами заведовать «принадлежащими им» территориями и ресурсами, было относительно частой колониальной практикой. Само существование всех этих «периферийных» предприятий напрямую зависело от расположения к ним «метропольных» правительств.

Гораздо более неожиданной является та относительная свобода действий, которую РАК на практике получила от российского правительства для управления своими коммерческими делами, несмотря на

¹ Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока: имперская география власти XIX — начала XX в. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2004. С. 399—410.

² Galbraith J.S. Hudson's Bay Company as an Imperial Factor, 1821—1869. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1957. P. 6—8.

экономический и социальный консерватизм дореформенной России XIX века. Контраст между традиционным экономическим порядком в евразийском пространстве России и выраженной коммерческой ориентацией в заокеанских владениях, управляемых РАК, был, пожалуй, более резким, чем различие между метрополиями и колониями западноевропейских держав того времени.

Механизмы, с помощью которых российское правительство осуществляло контроль за управлением Русской Америкой, значительно отличались от тех, что применялись для наблюдения за губернскими органами правления в континентальной России. В 1811 году РАК была помещена под надзор департамента мануфактур и внутренней торговли, который тогда был частью Министерства внутренних дел. В 1817 году этот департамент (а с ним и компания) был переведен в ведомство Министерства финансов. Место компании в структуре бюрократического аппарата империи говорит об ожиданиях правительства, что управлению американской колонией и ведению в ней дел будет сопутствовать извлечение прибыли¹.

Как упоминалось выше, в силу позиции РАК в имперской системе ее надлежит рассматривать как подрядчика российского имперского правительства. В этом качестве она получала от империи ограниченные рядом условий контракты (согласно уставам 1799, 1821 и 1844 годов) на определенное количество лет, дававшие ей право распоряжаться территорией и ресурсами — в том числе человеческими — на Северном Тихом океане к востоку от побережья Камчатки. Стоит особенно обратить внимание на то, что каждый раз, когда приходило время обновлять контракты, их условия обсуждались заново. За влияние на определение будущего колонии соперничали различные группы, и не раз это будущее ставилось под вопрос. В такие моменты РАК была вынуждена отстаивать свои позиции². Суть отношений между правительством и компанией как его подрядчиком становилась очевидной во время обсуждения условий уставов. Эти дискуссии были продолжительными и накаленными, и по некоторым позициям компания была вынуждена уступать.

Российская империя не сразу доверила управление своей заокеанской колонией полукоммерческому подрядчику. Но к концу XVIII века, когда была создана РАК, россияне уступали в соперничестве

¹ АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 288. Л. 147, 150—151.

² Там же. Д. 288; Там же. Д. 368; Там же. Д. 375; Там же. Д. 403; Там же. Д. 404; Там же. Д. 405.

за пушные ресурсы северо-западного побережья Северной Америки британским и американским конкурентам. Одновременно с этим к северу и западу от тлинкитских территорий российские промысловые компании активно конкурировали друг с другом. Следуя принципам меркантилизма, сторонники создания единой монополистической компании, среди которых были и члены Коммерц-коллегии, видели преимущества в объединении российских конкурирующих компаний, что при поддержке государства должно было привести к укреплению позиций русских в северотихоокеанском пушном промысле. Важная предпосылка для создания монополии заключалась в том, что правительство императора Павла не следовало идеологии экономического невмешательства, как это было в случае с правительством Екатерины II. Любопытно, что члены Коммерц-коллегии, которые редактировали устав Российско-Американской компании и тем самым формировали ее структуру, отрицали, что создают монополию. Они утверждали, что новая компания, строго говоря, не является монополистической, поскольку купцы добровольно согласились стать ее членами¹.

В то же время модель декретной акционерной компании, к тому моменту давно реализованная в западноевропейских морских империях, была готовым примером для подражания — например, такие успешные декретные акционерные компании, как Ост-Индская и Гудзонбейская, существовали уже более ста пятидесяти лет. Московская компания, открывшая в XVI столетии торговлю между Англией и Россией через Архангельск, была более близким примером. В целом в Западной Европе модель декретной компании имела долгую историю. Великобритания, Нидерланды, Франция и другие страны использовали декретные компании в качестве механизма для развития различных колониальных и коммерческих проектов.

Модель декретной компании была особенно привлекательна для империй-государств тем, что снижала риски и затраты, обычно сопутствовавшие колониализму. Декретная акционерная компания не слала ответственность за финансирование дел в колонии и управление ими, т.е. риски брали на себя частные лица. Согласно акционерному соглашению, уставной капитал компании обеспечивался акционерами, которые и получали прибыль, в государственную же казну поступали пошлины. Государство могло наложить на компанию и другие обязательства, которые приносили в казну дополнительный доход. Подобный способ управления отдаленными колониальными владениями

¹ АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 130. Л. 23 об.

позволял государству расширять империю, сохранять ресурсы и сокращать риски.

Декретная колониальная компания была удобной ширмой — государство могло дистанцироваться от ее деятельности или, наоборот, воспользоваться ею, в зависимости от текущих интересов. Побуждая компанию — или приказывая ей — приобретать новые территории, государство могло получить новые земли и ресурсы. Возлагая эту щепетильную задачу на компанию, государство оставалось в выгодном положении: в случае успеха оно могло заявить о своих правах на новую территорию, а в случае неудачи — умыть руки и указать на видимую независимость предприятия. С точки зрения петербургской бюрократии, адаптация модели декретной компании для управления отдаленной территорией Тихоокеанского Севера была подходящим на тот момент заимствованием из опыта морских колониальных империй¹.

РАК тоже получала преимущества от подобного положения дел. Прежде всего, нахождение под «покровительством» российского императора означало, что иностранные конкуренты и имперские державы не так уж охотно бросали ей прямой вызов. Внутри страны протекция государства обеспечивала РАК монополистические привилегии и значительный престиж. Имперская протекция давала привилегированному подрядчику ряд преимуществ, которые нередко возмущали конкурентов. Что касается более обыденного уровня, то предприниматели высшего ранга в структуре РАК, как, например, члены клана Шелиховых, приобретали значительный социальный статус — некоторые из них были возведены в дворянство и переехали из Сибири в Европейскую Россию. Эти привилегированные коммерсанты получали выгоду от растущих связей между компанией и государством как в социальном, так и в финансовом отношении, так что их заинтересованность в развитии подобных связей была очевидной².

Правда, эти коммерсанты были вынуждены уступать часть своего влияния. Имперское правительство желало установить социальный и политический порядок в Русской Америке отчасти при помощи вовлечения в ее дела военных офицеров. Со своей стороны, РАК приветствовала участие военных в ее деятельности, надеясь, что это обеспечит лучшую обороноспособность колонии и предоставит самой

¹ О межимперских трансферах см.: *Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи, 1700—1917* / Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

² Об амбициях клана Шелиховых см.: *Петров А.Ю. Российско-американская компания. С. 133—139.*

компании новые возможности извлечения выгоды. В связи с заокеанским положением Русской Америки выбор естественным образом пал на военных моряков. Вскоре после формирования РАК вышел императорский указ, по которому морские офицеры, нанимавшиеся на работу в эту компанию, сохраняли звание и получали половину флотского жалованья вдобавок к тому, что платила им компания¹. Лейтенант Николай Хвостов и мичман Гавриил Давыдов, поступившие на службу в РАК в 1802 году, стали первыми морскими офицерами, которые воспользовались этой возможностью². Морские офицеры и гражданские чиновники, работавшие в РАК, классифицировались как лица, находящиеся на действительной государственной службе, и попадали под действие соответствующих гражданских, военных и военно-морских регламентов³.

Как уже упоминалось, в Британской империи модель декретной акционерной компании, ведущей деятельность в колониальном пространстве, имела к тому времени долгую историю. Например, Гудзонбейская компания, основной конкурент РАК в пушном промысле в Северной Америке, существовала с 1649 года. Однако для Российской империи РАК представляла собой новую структуру — не столько из-за того, что являлась акционерной компанией, сколько потому, что была одновременно *акционерной, декретной и колониальной*. К началу XIX века правительство Британской империи обладало большим опытом работы с подобными колониальными структурами — у России такого опыта не было. Важное различие заключалось и в том, что в Британской империи того времени существовал довольно мощный класс коммерческих предпринимателей, политическое влияние которых со временем все возрастало, так что правительственная бюрократия Лондона была вынуждена считаться с их интересами. Как раз такие предприниматели и являлись акционерами Гудзонбейской, Ост-Индской и других декретных компаний Британской империи.

Принимая в расчет различия в традициях имперской организации и правления в Российской и Британской империях, а также разное отношение правительства и общества в этих странах к предпринимательской деятельности, можно предположить, что Российско-Американская

¹ РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 1. Д. 3060. Л. 1.

² Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним: В 2 ч. СПб.: Морская типография, 1810—1812. Ч. 1. С. 2, 161.

³ Dmytryshyn B. The Administrative Apparatus of the Russian-American Company. P. 38.

компания находилась под более строгим государственным надзором, чем ее британский конкурент. В 1804 году российское правительство учредило Особый совет для осуществления наблюдения за политической деятельностью РАК, но любопытно, что этот совет был учрежден по инициативе директоров РАК, а не правительства. Именно компания (или по меньшей мере ее влиятельные члены) искала более тесных связей с имперским правительством, а не наоборот. Особый совет являлся посредником между РАК и правительством при возникновении споров, и в большинстве случаев члены совета оказывались на стороне компании¹. В добавление к обязанности предоставлять регулярные отчеты, РАК должна была отчитываться перед Министерством финансов по любому вопросу, который так или иначе касался общих интересов России.

Растущее количество ограничений и обязательств ослабляло коммерческую эффективность компании. Одно из установлений правительства, вступившее в силу после 1818 года, заключалось в том, что главным правителем Русской Америки должен был быть офицер Российского императорского флота. По мнению Джеймса Дугласа, видного предпринимателя Гудзонбейской компании, морские офицеры российского флота составляли «класс людей, совершенно не разбиравшихся [в коммерции] и, в силу своего образа жизни, совсем не подходящих для управления коммерческими делами»². Несмотря на то что некоторые из морских офицеров, занимавших должность главного правителя, особенно те, кто имел существенный опыт работы в Русской Америке до своего назначения, заведовали делами РАК относительно компетентно, само наличие подобного установления значительно ограничивало круг кандидатов на эту весьма нелегкую должность. К тому же срок пребывания в ней — пять лет — предоставлял новым правителям слишком мало времени, чтобы развить навыки управления. (Для сравнения: Баранов, при котором эксплуатационная деятельность РАК шла намного успешнее, чем под управлением морских офицеров, провел в должности главного правителя Русской Америки двадцать семь лет. Да и в Америку он прибыл с огромным опытом работы в пушном промысле Сибири.) Впрочем, безусловно, морские офицеры, занимавшие эту должность, хорошо выполняли

¹ Ермолаев А.Н. Временный комитет и особый совет Российско-американской компании: контролирующие или совещательные органы (1803—1844)? // Американский ежегодник, 2000. М.: Наука, 2002. С. 232—249.

² Джеймс Дуглас процитирован в: *Galbraith J.S. Hudson's Bay Company as an Imperial Factor*. P. 115.

приказы и сохраняли в колонии порядок. Сложно сказать, насколько иной была бы колониальная эксплуатация в Русской Америке, если бы должность главных правителей занимали купцы. Стоит отметить, что после 1856 года в ГП РАК купцов вообще не осталось¹.

Вмешательство правительства не могло препятствовать РАК в успешном ведении коммерческой деятельности. Тем не менее важно отметить, что Особый совет был уполномочен вмешиваться только в политические аспекты деятельности компании. Сугубо коммерческие дела оставались вне сферы его влияния, а после 1844 года само существование совета посчитали излишним и он был расформирован, поскольку военные и государственные чиновники составляли в ГП РАК большинство². Государство обязывало этих государственных и военных бюрократов содействовать РАК в торговых делах. Так, в уставе 1844 года указывалось, что они должны быть акционерами компании, хорошо осведомленными как в коммерческих, так и в колониальных вопросах. В целом Российско-Американская компания в определенной степени сохраняла свою идентичность как коммерческое предприятие: хотя она и получала иногда денежные вливания от государства, предполагалось, что ее североамериканская колония, наряду с остальным бизнесом, должна приносить ей доход.

Будучи коммерческой структурой, обязанной платить дивиденды акционерам-инвесторам, РАК настойчиво противилась расходам, которые налагало на нее государство. С разной степенью успеха компания выступала против открытия в Русской Америке большинства новых церковных миссий, потому что их содержание осуществлялось за ее счет³. Показательно также то, что правление компании в Русской Америке не принесло России значительных территориальных приобретений на североамериканском побережье. Упор делался на добычу пушнины, а не на приобретение земель, потому что именно пушнина приносила немедленный доход.

Ориентация на извлечение выгоды сохранялась и во время управления Баранова, и после его ухода, когда пост главного правителя Русской Америки стали занимать морские офицеры. Преемник Баранова, Леонтий Гагемейстер, писал в Петербург, что преимущества и выгоды

¹ Ермолаев А.Н. Главное правление Российско-американской компании. С. 288—289.

² Sarafian W.L. Russian-American Company Employee Policies and Practices, 1799—1867: PhD diss. University of California, Los Angeles, 1971. P. 4.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 19. Д. 42968. Л. 2 об.

компании жизненно зависят от охоты на пушных животных, а не от приращения земельных владений¹. Едва ли это сообщение было откровением для ГП РАК, которое постоянно искало пути увеличения доходности. Так, в то самое время, когда Гагемейстер писал свое донесение, чиновники РАК обдумывали введение различных способов поощрения аборигенных охотников для повышения производительности их труда². Принимая во внимание затраты РАК, Гагемейстер рекомендовал иметь в колонии как можно меньше русских³. Он подчеркивал, что школы, открытые РАК, должны обучать местных детей тем навыкам, которые сделают их наиболее полезными для деятельности компании⁴. Двадцать лет спустя главный правитель Адольф Этолин также пытался поднять эффективность РАК, сократив количество русских работников в колонии⁵. Его администрация стремилась вовлечь тлинкитов в более широкие торговые отношения с РАК, чтобы существенно увеличить поступление мехов, что было частью все той же стратегии повышения эффективности и доходности компании.

Компания была заинтересована не просто в поступлении американских мехов в Россию (и доходов в российскую экономику), но в получении прибыли от каждой проданной шкурки. С Аляски часть мехов попадала на Камчатку, где они часто оказывались в руках сибирских конкурентов РАК, что было источником постоянной озабоченности компании. РАК беспокоило существование сети пушной торговли, которую коренное население Северной Аляски и Чукотки осуществляло через Берингов пролив. По этому каналу меха из Америки попадали в Сибирь — по мнению компании, контрабандой. Проследить пути, по которым американские меха перевозились на Чукотку, было одной из главных задач экспедиции Лаврентия Загоскина на Аляску в начале 1840-х годов⁶. Это начинание РАК показывает, что у нее были собственные интересы, которые стояли особняком от интересов государства и которые она отстаивала.

¹ Там же. Ф. 994. Оп. 2. Д. 838. Л. 1.

² Там же. Л. 1 об.

³ Там же. Л. 2—2 об.

⁴ Там же. Л. 3.

⁵ Отчет Российско-Американской компании главного правления за два года, по 1-ое января 1842 года. СПб., 1843. С. 56.

⁶ [Загоскин Л.А.] Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг. М.: Государственное издательство географической литературы, 1956. С. 48.

В последние десятилетия существования компании ей удалось разнообразить свой бизнес. В результате ослабления суверенитета Китая вследствие первой «опиумной» войны начала 1840-х годов компания наконец достигла долгожданной цели, получив прямой доступ к китайским портам, и начала ввозить в Россию значительные объемы чая морским путем (до тех пор РАК ввозила чай только через Кяхту). С начала 1850-х годов Российско-Американская компания импортировала 30% китайского чая, поступавшего в Россию морским путем. В эти годы чайная торговля стала главным источником ее доходов¹.

Об упадке доли пушной торговли в доходах РАК свидетельствует также то, что к концу 1850-х годов компания получала больший доход от продажи товаров, которые она ввозила в колонию и продавала по установленным ценам русским, креолам и коренному населению Русской Америки (301 030 рублей в год), чем от продажи вывезенных американских мехов (208 682 рубля)². К этому времени РАК занималась в основном импортом чая, а североамериканская колония воспринималась как сравнительно меньшая и не самая доходная часть ее бизнеса.

Так как управление колонией было делом дорогостоящим, компания, чтобы получить доход от своих инвестиций, использовала имевшуюся у нее монополию на поставку товаров первой необходимости для своей же рабочей силы. Обвинение в эксплуатации населения колонии станет ключевым аргументом в дебатах 1860-х годов о том, стоит ли Российской империи оставлять РАК на месте привилегированного подрядчика.

Одновременно с таким развитием событий компания продолжала спонсировать публикации и выпускать официальные отчеты, в которых выражалась крайняя озабоченность благополучием империи и демонстрировалось полное внимание к колониальным задачам и имперской миссии, порученной РАК правительством. Нет ничего удивительного в том, что в своих публикациях, предназначенных для принимавших решения политиков Петербурга, компания не стеснялась напомнить о той поддержке, которую оказывала империи в реализации

¹ Согласно данным историка С.Б. Окуня, ежегодный валовой доход РАК в период между 1857 и 1861 годами в среднем составлял 952 275 рублей серебром, из которых 421 912 рублей было получено от торговли чаем. См.: Окунь С.Б. Российско-американская компания. С. 217. Дополнительную статистику о финансовых делах РАК см. в работе: Петров А.Ю. Российско-американская компания. С. 276—315.

² Окунь С.Б. Российско-американская компания. С. 217.

ее интересов. РАК и ее сторонники были обязаны и даже вынуждены многократно демонстрировать уважение к империи и имперскому порядку. Эта демонстрация заключалась в использовании соответствующей риторики. Например, в документах компании ее деловые амбиции отодвигались на задний план, а выгода для всей империи, наоборот, подчеркивалась — в отличие от преимуществ, которые приобретали только акционеры компании.

В конце 1820-х годов, когда РАК ходатайствовала перед правительством о разрешении построить торговый пост на Гаити и лоббировала свое предложение освободить от пошлин товары, которые она планировала импортировать оттуда в Россию, представители и сторонники компании подчеркивали, насколько выгодным будет подобное решение для благосостояния России в целом. Адмирал Николай Мордвинов, один из акционеров РАК, написал прошение в поддержку этого начинания. Как сказано выше, компания просила правительство предоставить ей право импортировать «колониальные продукты» с Гаити в Россию без взимания пошлин. Адмирал предложил даровать ей такое право сроком на десять лет. В описании этого предложения РАК ссылались на британскую коммерческую политику как на пример для подражания. Идея состояла в том, что дарование определенных привилегий на короткий срок могло в перспективе принести в правительственную казну значительный доход. В прошении неоднократно утверждалось, что на кону находилось скорее благосостояние России, чем прибыль компании¹. «Американская Компания не испрашивает исключительных для себя одной по Гаитской торговле прав, — подчеркивали директора РАК. — Она признает необходимость дарования оных всем вообще, кто пожелает употребить капиталы свои на распространение внешней Российской торговли за пределы, ныне для нее существующие»². Авторы этого прошения осознавали, что компания воспринималась в Петербурге как полунезависимое коммерческое предприятие со своей собственной повесткой, которая не обязательно соотносилась с целями правительства, поэтому их доводы были направлены на противодействие подобным представлениям. В случае с гаитянской торговлей замысел оказался несостоятельным: правительство отклонило запрос на освобождение товаров от пошлин, и компания отказалась от идеи учреждения фактории³.

¹ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 853. Л. 10 об. — 14 об.

² Там же. Л. 14 об.

³ АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 334. Л. 21.

Несмотря на большое число имперских функционеров в руководстве компании, правительство по-прежнему относилось к ней с подозрением. Она так никогда и не стала полноценной частью бюрократического аппарата империи-государства.

Российско-Американская компания была в прямом смысле результатом перестройки сибирской купеческой компании в совершенно новую структуру, созданную по подобию западноевропейских колониальных предприятий. В своей коммерческой и имперской деятельности РАК объединила черты западноевропейского меркантилизма и капитализма с более традиционной экономической практикой русской пушной торговли. В случае Русской Америки это смешение отражало гибридность и адаптивность русского империализма и послужило основой российского варианта заморской колониальной системы.

Глава 4

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ И УЯЗВИМОСТЬ КОЛОНИИ

Ново-Архангельск по положению своему, конечно, не может быть укреплен так, чтобы противостоять нападению сильного фрегата, если не будет иметь для своей защиты военного судна; но какое же другое место можно здесь укрепить так сильно средствами компании? Я думаю, что никакого.

Федор Литке. «Путешествие вокруг света на военном шлюпе “Сенявин” в 1826—1829 годах» (1835)

От начала до конца существования Русской Америки ни правительство империи, ни Российско-Американская компания не разрабатывали стратегии для привлечения в американскую колонию большего количества постоянных жителей из Евразии. Русская Америка являлась для Российской империи заморской базой для добычи пушных ресурсов, и имперские чиновники относились к ней соответственно. Малочисленность колонистов в сравнении с относительно большим числом коренных жителей устанавливала ограничения на геополитические и коммерческие амбиции русских и влияла на формирование колониального общества.

Труд аборигенного населения составлял ядро экономической системы Русской Америки. Охотничьи навыки коренных жителей и их техника управления байдарками в сочетании с принесенными россиянами технологиями и большим спросом на пушнину на мировом рынке привели к созданию такой системы организации труда, которая радикально отличалась как от существовавшей в Сибири, так и от тех, что были в американских колониях других держав. Другой примечательной чертой Русской Америки в период после начала кругосветных экспедиций являлось месторасположение ее административного центра.

Ново-Архангельск был основан на земле, отвоеванной у тлинкитов в сражении, которое стало известно как «битва за Ситку». Несмотря на то что индейцы были вынуждены покинуть это место, они продолжали считать себя хозяевами обширной территории, в то время как россияне считали ее частью Российской империи. С 1804 года и до самой продажи Аляски над жителями Ново-Архангельска нависала угроза начала военных действий. Хотя с течением времени это чувство уязвимости и притупилось, оно все же присутствовало у колонистов Русской Америки на протяжении всего существования колонии и вместе с ощущением географической оторванности от других частей Российской империи сыграло немаловажную роль в принятии решения о прекращении колониального эксперимента.

То, что русские поставили себя и свою заморскую колониальную систему в зависимость от труда одних аборигенов, одновременно будучи под угрозой со стороны других, не является удивительным. Другой факт делает это сочетание значимым, а именно то, что колониальная система разделения труда, опиравшаяся на коренное население как на основную рабочую силу, в комбинации с чувством уязвимости и изоляции русских колонистов привели к тому, что колониальные власти Русской Америки продолжали увеличивать репертуар стратегий для умиротворения и ассимиляции аборигенов. Таким образом, неотъемлемыми составляющими русской заморской колониальной системы были как взаимозависимость между русскими колонизаторами и коренным населением Русской Америки, так и напряженность в их отношениях.

КОЛОНИАЛЬНЫЙ ТРУД

Определяющей чертой русского колониализма в Америке было использование труда коренного населения. Возможность привлекать множество коренных жителей в качестве рабочей силы устранило необходимость привлекать большое количество колонистов из Евразии. Это рассматривалось чиновниками РАК как необходимое условие для функционирования колонии. По данным, приведенным этнографом Светланой Федоровой, примерно 80% русских, проживавших в колонии, служили в администрации, осуществляли обслуживание кораблей или работали в обороне¹. Их деятельность в основном заключалась

¹ Федорова С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии: конец XVIII века — 1867 год. М.: Наука, 1971. С. 46.

в руководстве аборигенными работниками и членами их семей, завозе снабжения в американскую колонию и вывозе шкур пушных животных в Евразию. С учетом этих фактов Русская Америка соответствовала модели «эксплуатационной колонии», описанной немецким ученым Юргеном Остерхаммелем. Главная цель колоний такого типа состояла в экономической эксплуатации каких-либо естественных ресурсов. Число колонистов, присутствовавших в эксплуатационных колониях, обычно оставалось относительно небольшим. Это были, как правило, не поселенцы, приехавшие на постоянное жительство, а чиновники и военные, возвращавшиеся на родину после выполнения своих «колониальных» заданий. К колониям эксплуатационного типа можно отнести Британскую Индию, Французский Индокитай и, позже, Американские Филиппины и Немецкое Того¹. По своей экономической структуре Русская Америка также была эксплуатационной колонией.

Колониальные чиновники относили коренных жителей Русской Америки к одной из двух широких категорий: зависимое от колонии население и независимое. Самой большой и, с точки зрения русских, проблематичной группой «независимых» аборигенов были тлинкиты. «Зависимая» группа состояла в начале XIX века из коренных народов, которые жили в русских поселениях или находились под прямым политическим влиянием русских, — это были главным образом алеуты, кадьякцы, некоторые из коренных жителей полуострова Аляска, чутачи и денаина².

Зависимое (или «зависящее») коренное население подразделялось на каюров, чье положение и статус были сравнимы с положением рабов, и так называемых вольных алеутов³. Каюры обоих полов работали либо на Российско-Американскую компанию в целом, либо в качестве прислуги для ее отдельных должностных лиц; в обоих случаях они формально находились в коллективной собственности ПАК⁴. Часто

¹ *Osterhammel J. Colonialism: A Theoretical Overview. Princeton: Markus Wiener Publishers, 1997. P. 11.*

² *Гринев А.В. Русские колонии на Аляске на рубеже XIX в. // ИРА. Т. 2. С. 25.* В реальности чутачи и денаина не были настолько вовлечены в колониальную систему Русской Америки, насколько алеуты и кадьякцы. Соответственно, некоторые обозреватели и, позднее, ученые называли их полузависимыми. Тем не менее название «полузависимый» оставалось неформальным, в то время как категория «зависимый» была официально кодифицирована.

³ *Гринев А.В. Русские колонии на Аляске на рубеже XIX в. С. 25, 28.*

⁴ Гавриил Давыдов указывал, что слово «каюр» попало в лексикон Русской Америки с Камчатки, где оно означало «наемный работник» (см.: *Давыдов Г.И.*

это были люди, которых компания либо отвоевала, либо «купила» у коренных жителей, а в некоторых случаях это были беглые рабы («кальги») других аборигенов¹. Каюры занимались самой тяжелой работой (добычей и обработкой рыбы, вырубкой леса и перевозкой древесины, греблей на байдарах²) и не получали за свой труд никакой компенсации, кроме простейшей одежды и еды. В зимнее время каюры, чей труд не был востребован, часто отсылались на проживание в алеутские селения, чтобы компании не пришлось их кормить³. Характерно, что использование рабов практиковалось среди коренных жителей Русской Америки и до прибытия русских. В частности, каюрство было унаследовано РАК от других русских компаний — ее предшественников на Аляске.

В Русской Америке эпохи РАК экономическая выгода от эксплуатации рабского труда не была значительной и компания особенно не стремилась расширять категорию каюров. Главные доходы в РАК поступали от труда аборигенов, которые не являлись рабами. Тем не менее, когда возникала экономическая потребность, ряды каюров пополнялись. Как заметил морской офицер, посещавший Кадьяк в первом десятилетии XIX века, для пополнения численности каюров, когда она падала, «стали набирать в оные из островитян за некоторые проступки; и разумеется, что с того времени число преступников на Кадьяке должно было увеличиться»⁴. В начале XIX века каюры составляли примерно одну десятую часть работавшего зависимого коренного населения — всего приблизительно семьсот человек. Каюрство вышло из практики к 1820-м годам, а прежние каюры стали известны как «служащие алеуты». Они продолжали выполнять тяжелую работу за скудную символическую плату, но теперь считались сезонными работниками, а не рабами⁵.

Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним: В 2 ч. СПб.: Морская типография, 1810—1812. Ч. 2. С. 115).

¹ Там же. С. 114—115.

² Байдара (множественное число — байдары) заметно отличалась от байдарки. Байдара — это более крупное открытое судно, требующее для передвижения нескольких гребцов.

³ Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку. Ч. 2. С. 121.

⁴ Там же. С. 115; *Davydov G.I. Two Voyages to Russian America, 1802—1807.* Kingston, Ont.: Limestone Press, 1977. P. 191.

⁵ *Гринев А.В. Русские колонии на Аляске на рубеже XIX в. С. 27—28; Он же. Туземцы Аляски, русские промышленники и Российско-Американская компания: система экономических отношений // Этнографическое обозрение.*

Основная масса зависимого от компании коренного населения состояла из так называемых вольных алеутов. Стоит отметить, что в неофициальных и официальных документах РАК термин «алеут» обычно применялся по отношению к любому коренному жителю, состоявшему на службе компании, независимо от его этнического происхождения. Компания организовывала большую часть мужчин этой категории в партии, занимавшиеся промыслом калана¹. Все мужчины определенного возраста из числа алеутов и кадьякцев были обязаны принимать участие в этих партиях; другие жители периодически участвовали в них для отработки долгов перед РАК. Компания платила охотникам из коренного населения компенсацию за добытые каланы шкурки согласно перечню фиксированных цен, который определялся в Петербурге — в ГП РАК². Платеж обычно осуществлялся не деньгами, а товарами эквивалентной ценности (в реальности часто завышенной)³. Излишне говорить, что уровень компенсации был очень низким⁴. Кроме того, компания постоянно обременяла охотников долгами: до отправки в экспедиции их обязывали приобретать в долг вещи, необходимые для охоты. По возвращении партии производился расчет всех охотников, которые нередко оставались должны и, следовательно, были обязаны участвовать в новых экспедициях. Если охотник умирал, долг переходил к его родственникам⁵. Таким образом, долг использовался РАК как орудие контроля над «вольными алеутами». Распространенное обвинение в том, что русские поработили алеутов, технически не является верным, за исключением ситуации с каюрами. Тем не менее положение коренных жителей, которых РАК причисляла

2000. № 3. С. 78—79; *Sarafian W.L.* Russian-American Company Employee Policies and Practices, 1799—1867: PhD diss. University of California, Los Angeles, 1971. P. 174.

¹ Обсуждение организации этих охотничьих партий представлено в: *Давыдов Г.И.* Двукратное путешествие в Америку. Ч. 2. С. 122—126.

² РГИА. Ф. 18. Оп. 5. Д. 1268. Л. 28 об. — 29.

³ *Sarafian W.L.* Russian-American Company Employee Policies and Practices. P. 165—166.

⁴ Introduction // *To Siberia and Russian America: Three Centuries of Russian Expansion* / Eds. B. Dmytryshyn, E.A.P. Crownhart-Vaughan and T. Vaughan: 3 vols. Portland, Oreg.: Oregon Historical Society Press, 1988—1989. Vol. 3. P. xlvii; [*Головнин В.М.*] Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана // Приложение к Морскому сборнику. СПб.: Типография Морского министерства, 1861. № 1. С. 123.

⁵ *Зеленой И.* Из записок о кругосветном плавании, 1861—1864 годы // *Морской сборник*. 1865. Т. 80. № 9. Неофициальный отдел. С. 57; *Гринев А.В.* Русские колонии на Аляске на рубеже XIX в. С. 28.

к категориям «зависимые» и «вольные», было похожим, так как обе эти группы зависели от компании и не были вольными в полном смысле этого слова. Георг Генрих фон Лангсдорф, участник первой кругосветной экспедиции, в 1805 году назвал положение алеутов, находившихся на службе компании, худшим, чем положение африканских рабов в Бразилии¹. Хотя такое сравнение было, скорее всего, преувеличением (во время своего краткого визита в Русскую Америку Лангсдорф не понимал ни русского, ни алеутского языка, а писал в эмоциональном тоне), сам факт подобного заявления говорит немало об обращении русских с алеутами в те времена, когда в водах Аляски водилось много каланов, чьи шкурки приносили хороший доход². Лангсдорф был не единственным наблюдателем, который сравнил положение алеутских охотников на службе у РАК с положением рабов³. «Алеуты обращены в рабов, в полном смысле этого слова, потому что их положение хуже, чем положение негров на плантациях Америки», — писал министр государственных имуществ в 1862 году в официальном обращении к министру финансов⁴.

Жесткость, с которой компания использовала долги для принуждения коренных жителей к работе, смягчилась в 1830-х годах после пылкого обращения главного правителя Фердинанда Врангеля к компании. Он подсчитал, что охотники-аборигены получали меньше денег, чем было необходимо для покрытия их самых основных потребностей, — неудивительно, что они оставались должными компании. Врангель был не первым среди тех, кто аргументировал необходимость повышения оплаты труда охотников. В конце 1810-х годов Леонтий Гагемейстер,

¹ *Гринев А.В.* Русские колонии на Аляске на рубеже XIX в. С. 33.

² Юрий Лисянский, который находился в Русской Америке примерно в это же время, оспаривал достоверность некоторых свидетельств Лангсдорфа о русских и аборигенах на острове Кадьяк. Русский морской офицер заявлял, что немецкий ученый не обладал необходимым опытом, чтобы контекстуализировать увиденное. Тем не менее и сам Лисянский отметил, что, по его мнению, «самый большой повод жалоб со стороны бедных алеутов — это жесткий труд, требуемый от них, и тяготы, которые они вынуждены терпеть во время длительных плаваний» (*Lisiansky U. A Voyage Round the World in the Years 1803, 4, 5, and 6.* London: J. Booth, 1814. P. 215). Это наблюдение отсутствует в русском издании его воспоминаний: *Лисянский Ю.* Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5, и 1806 годах на корабле «Неве»: В 2 ч. СПб.: Типография Дрехслера, 1812.

³ См., например: *Давыдов Г.И.* Двукратное путешествие в Америку. Ч. 2. С. 122.

⁴ Выдержка из отношения Министра Государственных Имуществ к Министру Финансов, от 2 ноября 1862 г., № 241 // РГИА. Ф. 18. Оп. 5. Д. 13476. Л. 34.

морской офицер, кратковременно занимавший пост главного правителя Русской Америки (февраль—ноябрь 1818 года), привел ГП РАК красноречивые доводы, основанные на чисто экономических выкладках, в пользу удваивания платы аборигенным морским охотникам и введения других видов поощрения их труда¹. Его начинание осталось нереализованным, но через двадцать лет воззвание Врангеля возымело действие. В 1836 году долги охотников были списаны, а компенсация, которую они получали за каждую добытую шкуру калана, возросла примерно на одну треть². В результате этой реформы материальное положение охотников улучшилось, но они все еще обязывались участвовать в экспедициях, организованных РАК. Вплоть до продажи Аляски компанию продолжали критиковать за низкий уровень компенсации алеутским и кадьякским охотникам³.

Одно из отличий Русской Америки от Сибири заключалось в том, что практика сбора ясака, или дани мехом, была в Америке отменена — указом Екатерины II в 1788 году. С точки зрения государства, отмена ясака являлась прагматичным шагом, так как для русских было выгоднее использовать алеутов и кадьякцев, находившихся под их контролем, в качестве вынужденных участников длительных охотничьих экспедиций на калана⁴. Что касается тех зависимых аборигенов, кто не практиковал морскую охоту или для кого она не была основным родом деятельности (например, индейцы денаина), то они были обязаны сдавать в РАК шкуры сухопутных пушных животных по установленным ценам.

Аборигенные женщины, за исключением жен вождей (тойонов, или тоёнов), также были обязаны работать на РАК. Компания ставила перед ними определенные задачи: например, на Кадьяке коренные жительницы должны были ежегодно поставлять РАК определенное количество корзин различных ягод и сараны (съедобного корневища лилий)⁵. Выполнение этих норм не всегда было простым — многие

¹ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 838. Л. 1 об.

² *Гринев А.В.* Торгово-промысловая деятельность Российско-американской компании в 1825—1840 гг. // ИРА. Т. 3. С. 35—36.

³ *Зеленой И.* Из записок о кругосветном плавании. С. 56—57.

⁴ Канадский географ Джеймс Гибсон уподобляет условия их работы барщине крепостных: *Gibson J.R.* Russian Dependence upon the Natives of Alaska // *Russia's American Colony* / Ed. S.F. Starr. Durham, N.C.: Duke University Press, 1987. P. 80.

⁵ Записки иеромонаха Гедеона о Первом русском кругосветном путешествии и Русской Америки, 1803—1808 гг. // *Русская Америка: по личным впечатлениям*

женщины, особенно беременные, с маленькими детьми или больные, были вынуждены покупать ягоды и сарану у других, чтобы выполнить норму, установленную компанией. Другой обязанностью женщин было копчение рыбы и шитье парок из птичьих и еврашечьих шкурок, которые носили охотники в экспедициях. РАК извлекала прибыль, продавая аборигенным охотникам-мужчинам эти парки, сшитые их же женами, сестрами и матерями¹. Все эти работы были обязательными; подобно каюрам, женщины не получали компенсации². Женские повинности такого рода сохранялись и после того, как был упразднен институт каюрства, хотя в более поздний период женщины часто получали за этот труд минимальную компенсацию³.

И аборигенные женщины, которые изготавливали парки для охотников и снабжали продуктами жителей колонии на островах, и мужчины — участники охотничьих экспедиций обеспечивали доходы РАК и ее инвесторам непосредственным образом. Вдобавок к этому они помогали компании косвенно — поддерживая свои семьи, поставлявшие для РАК трудовые кадры. Таким образом, доходность компании обеспечивалась традиционным товарообменом и натуральным хозяйством коренного населения⁴.

Другим источником доходов РАК была добыча меха морских котиков. Весной 1786 года алеутский проводник впервые указал путь к островам Прибылова штурману из Охотска Гавриилу Прибылову. Лежбища на прежде не населенных островах Святого Павла и Святого Георгия, расположенных в Беринговом море значительно севернее цепи Алеутских островов, оказались для РАК настоящей находкой. В последующие годы компания основала на обоих островах небольшие постоянные поселения, жителями которых были главным образом алеуты с острова Уналашка. Русские привлекали работников-алеутов для охоты, которая не требовала особых навыков: в отличие от калана беззащитные морские котики забивались дубинками прямо на лежбище.

миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев / Ред. А.Д. Дриздо и Р.В. Кинжалов. М.: Мысль, 1994. С. 83.

¹ National Archives and Records Service. Washington DC. Records of Russian-American Company. Correspondence Sent (далее — NARS-RRAC. CS). Roll 27. Folios 8—9.

² *Давыдов Г.И.* Двукратное путешествие в Америку. Ч. 2. С. 128—129; *Гринев А.В.* Русские колонии на Аляске на рубеже XIX в. С. 31.

³ АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 368. Л. 119.

⁴ Ср. с: *Hurtado A.L.* Indian Survival on the California Frontier. New Haven: Yale University Press, 1988. P. 9.

Время от времени компания была вынуждена сдерживать такую охоту, чтобы предотвратить полное исчезновение популяции котиков¹.

Практически все аборигенные мужчины и женщины, которым состояние здоровья позволяло трудиться, обязаны были работать на РАК. В последующие годы существования колонии ряды работников из зависимого коренного населения пополнялись небольшим числом аборигенов, которые нанимались на работу добровольно за фиксированную плату². Однако эти наемные работники являлись скорее исключением, чем правилом. Они были представителями независимого коренного населения, например племени тлинкитов, мужчин которого нанимали на работы в порту Ново-Архангельска и иногда брали работать на суда компании. Их труд оплачивался выше, чем труд зависимых работников.

Для более полного описания положения рабочей силы в Русской Америке необходимо отметить, что большинство русских колонистов являлись выходцами из простого народа и их материальное положение было немногим лучше, чем у коренных жителей. Главное различие между приезжими колонистами из Евразии и рабочими из числа коренного населения заключалось в том виде труда, который они выполняли. Долг же служил удобным инструментом манипуляции не только аборигенами, но и русскими. Компания нередко делала должниками и русских, чтобы удержать их на службе.

В колонии также присутствовало уже упоминавшееся растущее население креолов (людей смешанного происхождения от связей русских мужчин и местных женщин), которые от коренных жителей отличались тем, что не обладали охотничьими навыками, а от русских — тем, что не заключали контракта на службу в компании. Креолы не выполняли работ, ассоциировавшихся с коренными жителями. Так, мальчики из числа креолов даже не обучались охоте на калана. Их отправляли в школу и поощряли приобретение ими знаний, которые сделали бы этих людей полезными для компании. Многие креолы трудились на компанию, занимая такие же рабочие места и выполняя ту же работу, что и русские, но получая меньшую компенсацию от РАК.

РАК держала все рычаги местной экономики. С одной стороны, она определяла оплату труда работников. С другой — имела монополию на поставку жизненно необходимых товаров, которые продавались в магазинах колонии. Используя в качестве оправдания

¹ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 859. Л. 4 об. — 5.

² Гринев А.В. Русские колонии на Аляске на рубеже XIX в. С. 30, 33—34.

транспортные расходы, компания устанавливала завышенные цены на товары, которые продавала колонистам. «Приложены все усилия, чтобы они никогда не смогли освободиться от долгов» — так комментировал ситуацию один из путешественников, посетивших колонию¹. В результате для многих русских, прибывших на работу в Русскую Америку, было сложно или даже невозможно освободиться от долгов РАК и вернуться в Евразию. В английском издании своих воспоминаний капитан «Невы» писал о людях, наблюдавших за отплытием его корабля с острова Кадьяк: «Я уверен, среди них были многие, чьи сердца хотели бы быть среди нас; желая еще раз увидеть свою родину, изгнанными из которой их делала, возможно, только нищета»².

В колониальной иерархии Русской Америки над этой массой зависимых аборигенных работников и простых русских располагалась небольшая группа местных чиновников, приказчиков и штурманов. На самом верху социальной лестницы находились «знатные лица» — управляющие колонией, штабные офицеры и офицеры, командовавшие судами компании³.

Простолюдины из России, приезжавшие в колонию, были известны своей неотесанностью и отчаянным поведением. Чиновники РАК нередко испытывали трудности, пытаясь заставить их трудиться на благо компании. Большинство прибывших оказывались не подготовленными к тем видам труда, от которых колония получала выгоду. В результате чиновники РАК рассматривали многих из них не в качестве актива, а скорее как обузу и даже жаловались на обязательство держать их в колонии в течение всего срока, указанного в заключенных ими контрактах⁴. Даже местные начальники разбросанных по обширной территории постов и редутов вызывали у высокого начальства опасения: в 1820 году сибирский генерал-губернатор Михаил Сперанский характеризовал их как людей по большей части грубых, которые «в Америке и по островам не редко бывают Компаниею назначаемы из простолюдинов разпутного поведения — за неимением лучших»⁵.

¹ *Chamisso A. von. A Voyage Around the World with the Romanzov Expedition in the Years 1815—1818 in the Brig Rurik, Captain Otto von Kotzebue.* Honolulu: University of Hawaii Press, 1986. P. 96.

² *Lisiansky U. A Voyage Round the World.* P. 216. Это наблюдение отсутствует в русской версии (см.: *Лисянский Ю. Путешествие вокруг света.* Ч. 2. С. 110).

³ Introduction // *To Siberia and Russian America.* Vol. 3. P. xliv.

⁴ *Костливец С.А. Отчет по обозрению Российско-Американских колоний, произведенному по распоряжению Господина Министра Финансов.* СПб.: Типография департамента внешней торговли, 1863. С. 19—20.

⁵ АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 288. Л. 200 об.

В 1852 году бывший главный правитель жаловался на то, как трудно привлечь в колонию хороших работников¹. Проблему усугубляло чрезмерное пристрастие многих колонистов к спиртному².

Итак, несмотря на усилия РАК по рекрутированию, качество рабочей силы из числа русских в Америке оставалось низким. Хотя работникам, рискнувшим переехать из России в Америку, иногда предлагали весьма выгодные условия, большинство из них покидало колонию после пяти или семи лет, отбытых там согласно договору³. По мнению многих, удаленность этой территории, тяжелые условия труда, плохое питание, суровый климат, заболевания и опасности, которым работники подвергались в колонии, значительно перевешивали получаемую компенсацию⁴. Крепостные крестьяне не могли привозиться в Америку, так как были «прикреплены» к земле. Это условие тоже ограничивало набор потенциальных колонистов. Из-за нехватки молодых кадров компания была вынуждена держать на работе пожилых, в том числе тех, кто был, по мнению начальства, уже мало работоспособен⁵.

Также производительность труда прибывавших в колонию русских уменьшалась из-за частых болезней. В среднем колонист из Евразии привыкал к климату колонии около двух лет и большую часть этого времени проводил, сражаясь с болезнями. В конце 1820-х годов главный правитель Петр Чистяков жаловался, что почти треть его русских работников нетрудоспособны из-за болезней. Часто встречались тиф, легочные и венерические заболевания, а врача до конца 1820-х годов в Ново-Архангельске не было⁶. Стоит отметить, однако, что в более позднее время ситуация заметно улучшилась.

В целом система организации труда, установившаяся в Русской Америке, являлась результатом адаптации и импровизации. Она резко отличалась от подобных систем в других частях как Российской империи, так и всего колониального мира. Примечательно, что РАК

¹ Слова Михаила Дмитриевича Тебенькова цитируются в работе: *Gibson J.R. Russian Dependence upon the Natives of Alaska*. P. 101.

² *Golovin P.N. Civil and Savage Encounters: The Worldly Travel Letters of an Imperial Russian Navy Officer, 1860—1861*. Portland, Oreg.: Oregon Historical Society, 1983. P. 116.

³ *Костликов С.А.* Отчет по обозрению Российско-Американских колоний. С. 9.

⁴ *Gibson J. Imperial Russia in Frontier America: The Changing Geography of Russian America, 1784—1867*. New York: Oxford University Press, 1976. P. 99.

⁵ АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 288. Л. 70—70 об.

⁶ *Gibson J.R. Russian Dependence upon the Natives of Alaska*. P. 99.

больше всего зависела именно от того коренного населения, которое классифицировала как зависимое от нее. Коренные жители являлись источником необходимой жизненной силы для деятельности колониальной компании. С точки зрения РАК, исходя из интересов акционеров и учитывая реалии морского пушного промысла, имело гораздо больший смысл облагать обязательствами и контролировать аборигенных охотников, которых с детства учили навыкам охоты на калана их собственные родственники — мужчины, что не стоило компании ни копейки, чем набирать за океаном русских, тратить деньги на их перевозку и затем учить выполнять сложные, незнакомые им и зачастую опасные задачи. Охотников из числа алеутов и кадьякцев компания организовывала в охотничьи партии и отправляла на север и юг вдоль западного побережья Северной Америки. Иногда РАК даже одалживала этих охотников — алеутов и кадьякцев — капитанам британских и американских кораблей, которые по возвращении в Русскую Америку после месяцев плавания расплачивались с РАК за услуги предоставленных им аборигенных работников мехами калана. В результате такого сотрудничества некоторые из алеутских и кадьякских охотников проводили годы вдали от родных островов. Адельберт фон Шамиссо, ботаник французского происхождения, совершивший кругосветное плавание на русском корабле «Рюрик», вспоминал о встрече с кадьякцами, которые более семи лет провели в калифорнийской тюрьме — после того, как были задержаны испанскими чиновниками за незаконную охоту на калана в испанских водах, которой они занимались по приказанию американского капитана¹. И этот случай был не единственным. «Русские не только неправильно обращаются с этими северными народами, они также разрешают другим обращаться с ними подобным образом», — писал Шамиссо, указывая, что встречал живущих вдали от родины кадьякцев и на Гавайских островах².

Итак, заокеанский колониализм Российской империи XIX века отличался беспрецедентным использованием труда коренного населения, а именно жителей Алеутских островов и Кадьяка. Такая форма организации труда отличалась от организации пушного промысла в Сибири, где русские сами охотились на пушных животных, а с коренного

¹ Охота на калана в калифорнийских водах была открытым и сознательным нарушением испанских законов. Таким образом, это было своего рода пиратством и браконьерством, которое подвергало охотников также опасности ареста со стороны испанских властей. См.: *Golovnin V.M. Around the World on the Kamchatka, 1817—1819*. Honolulu: University of Hawaii Press, 1979. P. 154.

² *Chamisso A. von. A Voyage Around the World*. P. 107.

населения собирали ясак. Отличалась она и от систем организации труда, принятых в других частях Северной Америки, где голландские, французские, британские и американские компании, занятые пушным промыслом, обменивали недорогие привозные промышленные товары на добытые аборигенными охотниками меха, не устанавливая при этом прямого политического контроля над местным населением¹. В сравнении с другими традициями мирового пушного промысла случай с Русской Америкой выделяется беспрецедентной степенью вмешательства компании в жизнь ее аборигенных работников. У этой формы эксплуатации не было прямых аналогов в современном мире. Тем не менее она возникла не на пустом месте: похоже, что это была некая адаптация сибирской модели охотничьих артелей, смешанная с традиционной практикой алеутской охоты и принудительной формой труда, привезенной на Алеутские острова русскими захватчиками XVIII века и навязанной ими местным жителям еще до появления РАК. Отношение компании к своим аборигенным работникам скорее напоминало трудовые отношения, связанные с сельским хозяйством и другими формами принудительного труда, чем с экономическими устоями, преваляровавшими в пушном промысле на суше. Таким образом, понятно, почему наблюдатели нередко сравнивали положение алеутов в Русской Америке с положением рабов или крепостных крестьян. В рабстве Нового Света и крепостничестве России присутствовали элементы системы принуждения, схожие с той, которую русские навязали алеутам и кадьякцам. Однако был и ряд особенностей, отличавших труд в «зависимых» алеутских сообществах и в охотничьих экспедициях компании от рабства и крепостничества. Использование труда аборигенов в Русской Америке являлось гибридной формой эксплуатации, не имевшей прецедентов в иных местах.

Эта гибридная система организации рабочей силы была ответом как на условия глобального рынка, так и на местные условия. Новая форма эксплуатации проистекала из сочетания двух факторов: один из них — необычайно высокая стоимость каланьих шкур на китайском рынке, другой — уникальные охотничьи навыки алеутов и кадьякцев². Многие места обитания калана, популяция которого была рассеяна вдоль всего тихоокеанского побережья североамериканского

¹ *Wolf E.* Europe and the People without History. Berkeley: University of California Press, 1982. P. 158; *Crowell A.L.* Archaeology and the Capitalist World System: A Study from Russian America. New York: Plenum Press, 1997. P. 7.

² О ценности каланьих шкурок см.: *Richards J.F.* The Unending Frontier: An Environmental History of the Early Modern World. Berkeley: University of California

континента, находились далеко от мест проживания алеутов и кадьякцев. Несмотря на это, именно они были самыми искусными добытчиками меха калана¹.

Как показывает работа этнографа Сони Люрманн, долги были лишь одним из орудий контроля, с помощью которого русские принуждали аборигенное население работать на РАК². Грубая сила также играла роль, особенно в ранние годы на Алеутских островах, где плотность коренного населения была меньше, чем на Кадьяке. Тем не менее, как мы увидим в следующих главах, в Русской Америке колонизаторы не могли позволить себе рассчитывать *только* на насильственное принуждение коренных народов к труду. С помощью ряда приемов РАК удалось установить эффективную и (в ранние годы) высокодоходную систему принудительного труда.

БОРЬБА ЗА СИТКУ

Интересы морского пушного промысла сформировали зависимость РАК от труда коренного населения. Эти же интересы подтолкнули русских перевести свою базу с Кадьяка с целью обосноваться на северо-западном побережье Северной Америки, где они столкнулись с аборигенами другого типа. Сражение за Ситку осенью 1804 года, которое по времени совпало с прибытием в колонию первой русской кругосветной экспедиции, положило начало новой фазе в отношениях между русскими колонизаторами и коренным населением. Русские инициативы по умиротворению местного населения приобрели новое значение после того, как на традиционной территории тлинкитов было основано постоянное русское поселение.

Удобное расположение острова Ситка, а главное, наличие гавани, подходящей для принятия больших кораблей, давно привлекали внимание русских промышленников и архитекторов империи. В качестве более широкого политического мотива можно указать их желание расширить территориальные владения империи (равно как и деятельность

Press, 2001. P. 543; Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку. Ч. 2. С. 182—186.

¹ О роли алеутов см.: Jones R.T. Running into Whales: The History of the North Pacific from below the Waves // American Historical Review. 2013. Vol. 118. No. 2 (April). P. 360—366.

² Luehrmann S. Alutiiq Villages under Russian and U.S. Rule. Fairbanks: University of Alaska Press, 2008. P. 72—81.

РАК) на юг — по возможности ближе к заливу Нутка¹. Однако главная причина, по которой компания стремилась основать порт на острове Ситка, была экономической: наличие большой популяции калана в этом районе, которая могла компенсировать истощение популяций к северу и западу. Также компания стремилась оспорить или даже остановить деятельность британских и американских конкурентов по добыче меха вдоль северо-западного побережья Америки. РАК была создана именно в надежде разрешить задачи этого рода, что было невозможно сделать силами отдельных, более слабых да еще и конкурирующих друг с другом купеческих компаний.

В том же 1799 году, когда была образована Российско-Американская компания, русские прибыли на остров Ситка, заключили «соглашение» с местными тлинкитами об основании русского поселения на их территории и начали строительство крепости, известной как Михайловская. Три года спустя, в июне 1802 года, тлинкиты ее разрушили. Сегодня большинство специалистов считают, что в резне летом 1802 года в русской крепости на острове Ситка принимали участие представители многих, хотя и не всех кланов тлинкитов и даже некоторые представители племен хайда и цимшиан². Создание настолько обширной военной коалиции было для тлинкитов делом необычным. Его причина крылась в том, что у тлинкитов, живших по соседству с Михайловской крепостью на острове Ситка, накопилось много претензий к русским и подчиненным им аборигенам. По мнению тлинкитов, русские попирали тлинкитские традиции, нарушали границы их территории (и, по некоторым устным показаниям, насиловали их женщин), не оказывали должного уважения племенной знати³. Тлинкиты и их союзники подожгли и ограбили селение, забрав со склада русских около 3 тыс. шкур калана. Около двадцати русских и ста тридцати зависимых аборигенов были убиты или пропали без

¹ Хлебников К.Т. Историческое обозрение о занятии острова Ситхи, с известиями о иностранных кораблях, 1831 г. июня 21 // Из истории освоения русскими острова Ситха (Баранова) / Ред. А.Р. Артемьев. Владивосток: Российская академия наук, Дальневосточное отделение; Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 1994. С. 13.

² Гринева А.В. Битвы за Ситху и падение Якутата // ИРА. Т. 2. С. 56—57; Kan S. Memory Eternal: Tlingit Culture and Russian Christianity, 1794—1994. Seattle: University of Washington Press, 1999. P. 59.

³ Об устных рассказах тлинкитов касательно этого события см.: Anóoshi Lingít Aaní Ká: Russians in Tlingit America: The Battles of Sitka, 1802 and 1804 / Eds. N.M. Dauenhauer, R. Dauenhauer and L.T. Black. Seattle: University of Washington Press, 2007. P. xxx.

вести. Русское присутствие на острове Ситка было в прямом смысле устранено. Всего лишь несколько человек, переживших резню, были выкуплены у тлинкитов неким британским капитаном и перепроданы на Кадьяке Александру Баранову¹. Разгром Михайловской крепости стал самой крупной и последовательной военной операцией, осуществленной коренным населением за всю историю Русской Америки.

Разрушение Михайловской крепости было лишь одним из серьезных ударов по амбициям недавно сформированной РАК. В 1799 году корабль компании «Феникс» затонул по пути между Камчаткой и Кадьяком. В 1802 году аборигены перерезали участников одной из экспедиций по добыче меха, а в 1805-м разрушили поселение русских в заливе Якутат. Взятые вместе, эти потери значительно ослабили позиции РАК и остудили ее колонизаторские амбиции. Если бы не сопротивление, оказанное тлинкитами и их союзниками, геополитическая карта северо-западного побережья могла бы выглядеть совершенно по-другому уже в середине правления Александра I.

Баранов рассматривал восстановление русского присутствия на острове Ситка как одну из ключевых задач того периода. Но, беря в расчет незначительное количество русского населения в колонии, он не решился сразу выступать против хорошо вооруженных огнестрельным оружием тлинкитов, тем более что РАК опасалась мятежа, подобного ситкинскому, со стороны коренных жителей Кадьяка. Только в сентябре 1804 года, в ожидании прибытия в колонию «Невы», Баранов собрал силы и отправился с Кадьяка на Ситку с целью реванша.

Присутствие «Невы» в Ситкинском заливе заметно подбодрило русских и дало им решающее преимущество над тлинкитами. Четырнадцатипушечный шлюп «Нева» являлся самым современным из судов, которые русские к тому времени посылали к берегам Русской Америки. Когда корабль подошел ближе к берегу, с палубы прогремели первые пушечные выстрелы, однако крепость тлинкитов размещалась так, что пушечный огонь с корабля не мог повредить ее стен. Русские переместили артиллерию на берег и ударили по поселению тлинкитов залповым огнем, убив несколько человек и продемонстрировав уязвимость индейских укреплений². Согласно свидетельствам русских, когда тлинкиты осознали, что поражение неизбежно, они приняли

¹ Хлебников К.Т. Историческое обозрение о занятии острова Ситхи. С. 19.

² [Коробицын Н.И.] Записки приказчика Российско-Американской Компании Н.И. Коробицына, 1795—1807 гг. // Русские открытия в Тихом Океане и Северной Америке в XVIII—XIX веках / Ред. А.И. Андреев. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1944. С. 182.

решение отступать и ночью оставили свои позиции¹. На рассвете следующего дня русские вошли в покинутую тлинкитами крепость, найдя там несколько тел детей и пожилых людей. Существует несколько объяснений того, почему тлинкиты убили своих соплеменников: это могло быть вызвано внутриклановыми разногласиями или желанием облегчить отступление². До сих пор нет достоверных данных о потерях тлинкитов в этой стычке. По меньшей мере от двадцати до тридцати человек погибли в ходе сражения в крепости, были жертвы и во время отступления индейцев на другую оконечность острова и ухода с него. Каковы бы ни были цифры, тогда, осенью 1804 года, казалось, что русские обрели контроль над заливом и островом Ситка.

Юрий Лисянский утверждал, что само присутствие его корабля произвело сильное впечатление на тлинкитов, вселив в них страх. Вспоминая предшествовавший сражению день, он заметил: «Наше оборудование выглядело угрожающим и, казалось, обеспокоило наших врагов»³. Перед началом атаки Лисянский и Баранов предложили тлинкитам заключить мир — при условии немедленной сдачи крепости и уступления русским всей местности. Тлинкиты отказались принять такие условия⁴.

Сражение за Ситку осенью 1804 года ознаменовало для Русской Америки начало новой эры, явившись первым случаем перехода власти в колонии от представителей купцов к морским офицерам. В начале битвы за военную стратегию отвечал Баранов, однако после того, как он был ранен, командование принял Лисянский. В своих воспоминаниях Лисянский утверждал, что, если бы его плану проведения битвы следовали с самого начала, потерь со стороны русских можно было бы избежать⁵. Кроме нескольких промышленников и алеутов, в сражении было убито трое матросов с судна «Нева», а еще несколько человек из

¹ *Kan S. Memory Eternal*. P. 63.

² Различные интерпретации проанализированы и изложены в: *Ibidem*. P. 63—65. См. также: *Зорин А.В. Индейская война в Русской Америке: русско-тлинкитское военное противоборство*. Курск, 2002. С. 185—186. О других русских и тлинкитских интерпретациях этого конфликта см.: *Anóoshi Lingit Aani Ká*.

³ *Lisiansky U. A Voyage Round the World*. P. 154. Перевод с английского. В русском издании это предложение отсутствует.

⁴ *Tikhmenev P.A. A History of the Russian-American Company*. Seattle: University of Washington Press, 1978. P. 74; *Лисянский Ю. Путешествие вокруг света*. Ч. 2. С. 18—19.

⁵ *Lisiansky U. A Voyage Round the World*. P. 164; *Лисянский Ю. Путешествие вокруг света*. Ч. 2. С. 31.

команды (лейтенант, подштурман, помощник врача, интендант и восемь матросов) получили ранения¹. Также Лисянский заявлял, что именно во время битвы за Ситку холм, на котором впоследствии была построена Ново-Архангельская крепость, ставшая центром города и позднее известная как дом главного правителя, получил свое имя. Именно он, офицер флота, придумал название «Ново-Архангельск»². Оно закрепилось и стало названием города.

РУССКАЯ СТОЛИЦА — ТЛИНКИТСКАЯ ЗЕМЛЯ

На первый взгляд казалось, что русские одержали решающую победу, но в действительности все было сложнее. С одной стороны, россиянам удалось создать для Русской Америки новый центр — поселение и порт в стратегически удачном месте. Сравнивая ключевое положение Ново-Архангельска в русской колонии с другим классическим примером колониализма, один морской офицер назвал этот город «Гибралтаром Компании»³. Однако с другой стороны, россияне могли обеспечить контроль лишь на обнесённой частоколом территории Ново-Архангельска. За исключением Озерского редута, построенного позже, вся остальная обширная территория острова Ситка оставалась вне их контроля. Как высказался по этому вопросу современный ученый из племени тлинкитов, «несмотря на то что Ситка стала известна как столица Русской Америки, у них было мало власти или ее не было вообще за частоколом, который они поставили для собственной защиты»⁴. Тлинкиты, чья численность составляла примерно 10 тыс. человек, вскоре после завершения военных действий

¹ [Коробицын Н.И.] Записки приказчика Российско-Американской Компании. С. 182.

² *Lisiansky U. A Voyage Round the World*. P. 155; *Лисянский Ю.* Путешествие вокруг света. Ч. 2. С. 19. В английской версии своих воспоминаний Лисянский более прямолинейно представляет собственную роль в названии Ново-Архангельска: «...the hill, to which I gave the name New Archangel» («...холм, которому я дал имя “Ново-Архангельск”»). Строение, сооруженное на этом холме, упоминалось под разными названиями: «крепость Баранова», «дом главного правителя» и «Ново-Архангельская крепость».

³ *Golovnin V.M. Around the World on the Kamchatka*. P. 124.

⁴ *Jacobs M., Jr. Early Encounters between the Tlingit and the Russians // Russia in North America: Proceedings of the 2nd International Conference on Russian America: Sitka, Alaska, August 19—22, 1987 / Ed. R.A. Pierce. Kingston, Ont.: Limestone Press, 1990. P. 3.*

вернулись на остров Ситка. Их постоянная неприкрытая воинственность ставила под угрозу безопасность русских и подчиненных им аборигенов, если те решались покинуть пределы города. Традиции тлинкитского сообщества (и даже сама его структура) продолжали влиять на русско-тлинкитские отношения в течение долгого времени после столкновения 1804 года.

Русским было непросто понять реакцию тлинкитов. Сама социальная структура этого сообщества казалась русским более сложной, чем общественный строй алеутов или кадьякцев¹. Тлинкиты подразделялись на множество кланов; характерными чертами их социального порядка были развитая клановая идентичность и лояльность, что находило отражение в символах и ритуалах². Члены одного клана могли проживать в различных поселениях, раскиданных по большой территории, и при этом — бок о бок с членами других кланов. Нападение русских на относительно крупное поселение, как было в случае с Ситкой, вызвало у большого числа тлинкитов желание отомстить; более того, они были *обязаны* совершить положенные акты мести. Все члены пострадавшего клана считали своим долгом выражать чувство гнева по отношению к обидчикам, а тот, кто этого не делал, считался предателем³.

Действия русских, которые уничтожили поселение тлинкитов, изгнали их с земель, принадлежавших их предкам, и основали Ново-Архангельск, запустили цепную реакцию враждебности со стороны тлинкитов, что продолжало наносить ущерб колониальным амбициям россиян до самого конца существования колонии. Россияне не только вторглись на территорию тлинкитов, но также убили их родственников и осквернили могилы предков. Некоторые кланы пострадали в этом сражении больше других, так что между ними и русскими сохранялось особенно сильное чувство неприязни⁴. Вдобавок к этому Ново-Архангельск был основан поблизости от места ловли сельди, где тлинкиты продолжали собираться каждую весну, что служило им напоминанием о трагических событиях. Большое сборище тлинкитских мужчин под частоколом столицы Русской Америки заставляло колониальные власти задуматься.

¹ *Laguna F. de. Tlingit // Handbook of North American Indians. Washington, D.C.: Smithsonian Institution Press, 1990. Vol. 7. P. 223.*

² *Ibidem. P. 213; Kan S. Memory Eternal. P. 5.*

³ *Laguna F. de. Tlingit. P. 215.*

⁴ *Jacobs M., Jr. Early Encounters between the Tlingit and the Russians. P. 3.*

Само место, выбранное для основания нового русского поселения, было дополнительным поводом для раздражения тлинкитов. Ново-Архангельск был построен не вместо Михайловской крепости, разрушенной тлинкитами в 1802 году, а на холме, где раньше находилось поселение тлинкитов¹. По свидетельству Лисянского, Баранов «еще при первом своем заселении, намерен был занять сие место; но как Ситкинцы обошлись с ним тогда весьма дружелюбно; то он, не желая показать им, что покушается притеснить их, довольствовался только тем местом, на которое за два года пред сим тутошние жители напали»². После основания Ново-Архангельска, стремясь обезопасить русское поселение, Баранов запретил тлинкитам жить на острове, но из-за размеров последнего исполнение этого запрета невозможно было контролировать. Более того, многие тлинкиты так или иначе проживали в непосредственной близости — на соседних островах архипелага.

В первые годы после основания Ново-Архангельска его застройка шла под руководством Ивана Кускова, опытного помощника Баранова. К 1808 году, когда сюда было перенесено с Кадьяка колониальное правление РАК и Ново-Архангельск превратился в неформальную столицу Русской Америки, этот окруженный частоколом и укрепленный пушками город стал «настоящим Кремлем»³. Но, несмотря на укрепления, его обитатели продолжали опасаться потенциальных нападений тлинкитов⁴.

Многие наблюдатели отмечали это чувство уязвимости, которое хотя и притупилось с годами, но все же имело место как в периоды улучшения отношений с тлинкитами, так и при обострениях враждебности между ними и русскими. Во время своего пребывания в Ново-Архангельске в 1806 году Николай Резанов выражал опасения по поводу возможной атаки тлинкитов⁵. Десятью годами позже морской офицер, посещавший город, отмечал, что его обитатели, рискнувшие выйти за частокол, могли быть похищены или убиты тлинкитами⁶.

¹ *Tikhmenev P.A.* A History of the Russian-American Company. P. 75; *Kan S.* Memory Eternal. P. 63.

² *Лисянский Ю.* Путешествие вокруг света. Ч. 2. С. 19.

³ *Chevigny H.* Lord of Alaska: Baranov and the Russian Adventure. New York: Viking Press, 1942. P. 230—231.

⁴ *Golovin P.N.* Civil and Savage Encounters. P. 85.

⁵ A Confidential Report from Nikolai P. Rezanov to Minister of Commerce Nikolai P. Rumiantsev, Concerning Trade and Other Relations Between Russian America, Spanish California and Hawaii. June 17, 1806 // To Siberia and Russian America. Vol. 3. P. 142—143.

⁶ *Golovnin V.M.* Around the World on the Kamchatka. P. 125—126.

В 1821 году, идя вразрез с политикой Баранова, но руководствуясь желанием решить острые проблемы со снабжением Ново-Архангельска, главный правитель Матвей Муравьев разрешил тлинкитам вернуться на Ситку и поселиться прямо за частоколом, окружавшим Ново-Архангельск. Федор Литке позже писал, что Муравьев, приглашая тлинкитов вернуться, руководствовался соображениями безопасности, так как, находясь в непосредственной близости, они были и на прицеле у русских¹. Индейцы клана киксади, члены которого также были вовлечены в события 1804 года, вернулись на Ситку из-за пролива Чатам и обосновались здесь на постоянное жительство. Они заново отстроили свои зимние жилища вдоль залива, прямо рядом с русским городом². План Муравьева увенчался успехом, и вскоре на остров возвратились и другие тлинкиты. С этого времени роль тлинкитов как основных поставщиков свежей провизии для русских обитателей города продолжала возрастать. Все больше и больше индейцев прибывало на Ситку, некоторые — чтобы поселиться на острове, другие — просто чтобы вести торговлю с русскими.

Несмотря на эти обстоятельства, напряженность между русскими и тлинкитами сохранялась, а охрана Ново-Архангельска обходилась компании дорого. В 1820-х годах русские даже рассматривали возможность переноса колониального правления обратно на Кадьяк, главным образом из-за опасений по поводу безопасности своего поселения на Ситке. Члены ГП РАК обсуждали проект разрушения Ново-Архангельска и прекращения охоты на калана на территориях тлинкитов, имевший целью искоренить их враждебность по отношению к русским³. Идея переноса столицы была отвергнута по нескольким причинам, и в том числе ввиду надежды, что с течением времени индейцы станут более дружелюбными⁴. Но сам факт, что проект полного отступления

¹ Литке Ф.П. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин», 1826, 1827, 1828, 1829 гг. СПб.: Типография Х. Гинзе, 1835. С. 92.

² Kap S. Memory Eternal. P. 73.

³ ГП РАК Матвеем И. Муравьеву, 13 августа 1825 г. // NARS-RRAC. CS. Roll 4. Folio 503.

⁴ Другими значимыми причинами для нежелания переезда были нехватка рабочей силы для постройки новой столицы, плохое состояние места, предложенного для нее на Кадьяке, и соображение, что если русские отступят с Юго-Восточной Аляски, их место займут британцы и американцы (Гринев А.В. Торгово-промышленная деятельность Российско-американской компании. С. 20). См. также: Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени. СПб.: Типография Э. Веймара, 1861—1863. Ч. 1. С. 272—274; Gibson J. Sitka

с территорий Юго-Восточной Аляски рассматривался, говорил о серьезности сопротивления тлинкитов и нестабильности положения русских на острове Ситка.

Посетив Ситку во второй половине 1820-х годов, Федор Литке, будущий адмирал и основатель Русского географического общества, признал, что тлинкиты «долго еще ревнивым глазом будут смотреть на утверждающуюся оседлость русских, русские — долго остерегаться их, как опасных соседей, но из этого отнюдь не следует, чтобы вражда была вечной или непримиримой»¹. Резюмируя свои наблюдения, Литке определял позицию русских в отношении тлинкитов как, с одной стороны, предполагавшую хорошее отношение к ним, а с другой — требовавшую постоянных мер предосторожности².

После периода относительного покоя 1840-х годов, когда, хотя небольшие стычки и имели место, в целом отношения между тлинкитами и русскими постоянно улучшались, возникла новая напряженность. В 1852 году тлинкиты-стикинцы атаковали небольшое русское поселение Горячие Ключи, состоявшее из трех домов. Из девяти сотрудников РАК, проживавших там, один был убит и один ранен. Само поселение было разграблено и сожжено. Стикинцы, совершившие набег, объясняли, что ошиблись в определении, кому поселение принадлежало. Они думали, что мстят не русским, а тлинкитам острова Ситка, с которыми в то время враждовали³. Так или иначе, но этот инцидент снова испортил отношения между тлинкитами в целом и русскими.

Гораздо более угрожающее событие произошло в марте 1855 года, когда сценарий, которого так опасались целые поколения обитателей Ново-Архангельска, стал реальностью: тлинкиты совершили нападение на город. Двое русских были убиты и девятнадцать ранены; с противоположной стороны насчитывалось от шестидесяти до восьмидесяти жертв. Инцидент начался, когда индейцы напали на русского матроса, охранявшего склад пилотериалов, принадлежавший РАК. Эта стычка внезапно переросла в полномасштабный набег на город⁴. И хотя он

versus Kodiak: Countering the Tlingit Threat and Situating the Colonial Capital in Russian America // *Pacific Historical Review*. 1998. Vol. 67. No. 1. P. 67—98.

¹ Литке Ф.П. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин» в 1826—1829 годах. СПб.: Типография III Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1835. С. 329.

² Там же.

³ Кан С. *Memory Eternal*. P. 139; Гринев А.В. Русская Америка в 1850-е гг.: РАК и Крымская война // ИРА. Т. 3. С. 330—331.

⁴ Отчет Российско-Американской компании за 1854-й и 1855-й годы. СПб., 1856. С. 33—36; Gibson J.R. *Russian Dependence upon the Natives of Alaska*.

уцелел, его жители полагали, что им сильно повезло выйти из ситуации со столь незначительными потерями.

В 1857 году, ввиду опасений новых нападений, в Ново-Архангельск из Сибири было передислоцировано сто русских рядовых солдат и четыре офицера. Российско-Американская компания оплачивала их присутствие. Им также была предоставлена возможность работать на компанию в свободное от службы время за определенную доплату¹. Присутствие военных успокоило страхи горожан, но и без того высокие затраты компании на оборону города возросли еще больше. Предполагаемое убийство алеута в начале 1860-х годов было последним эпизодом насилия со смертельным исходом в череде стычек между русскими подданными и тлинкитами, однако безопасность города продолжала оставаться спорной и после передачи его американцам.

Возможно, ревизоры Сергей Костликов и Павел Головин, посетившие колонию в 1860 году, преувеличивали опасность нападения тлинкитов на Ново-Архангельск. Они писали отчеты для руководства, которое на тот момент решительно склонялось к идее ликвидации РАК и лишь искало дополнительные аргументы в пользу этого решения. Как бы то ни было, описанная в их отчетах постоянная угроза со стороны тлинкитов для безопасности города и казны РАК соответствовала описаниям ситуации, представленным в документах более раннего периода². «Гарнизона, ныне содержимого в колониях на счет Компании, видимо недостаточно, — делал вывод Комитет об устройстве русских американских колоний, рассматривавший положение в 1862 году, — безопасность ее главного учреждения — Новоархангельска — конечно опирается гораздо более на мирные торговые отношения, которые компанейское правление старается поддерживать с колошами, нежели на оборонительные средства, в его расположении состоящая»³.

Р. 85; *Гринев А.В.* Индейцы тлинкиты в период Русской Америки, 1741—1867. Новосибирск: Наука, 1991. С. 167. Сергей Кан представляет несколько иную версию причин, стоявших за атакой тлинкитов: *Кан S. Memory Eternal*. P. 139—140.

¹ *Федорова С.Г.* Русское население Аляски и Калифорнии. С. 145—146.

² *Головин П.Н.* Обзор русских колоний в Северной Америке // *Морской сборник*. 1862. Т. 57. № 3. С. 19—192; *Костликов С.А.* Отчет по обозрению Российско-Американских колоний. См. другую интерпретацию: *Гринев А.В.* Индейцы тлинкиты в период Русской Америки. С. 170—171.

³ Журнал заседаний комитета об устройстве русских американских колоний, 3 и 30 мая 1862 года. СПб.: Типография департамента внешней торговли, 1863. С. 5.

Ситуация в Ново-Архангельске имела политические и экономические последствия для колониального предприятия в целом. На политическом уровне пробуксовка на острове Ситка, являющемся частью архипелага Александра, затруднила продвижение русских в другие части Северной Америки как в северном, так и в южном направлении. Подобная задержка имела особое значение в первые десятилетия XIX века, когда большая часть тихоокеанского побережья Северной Америки все еще оставалась вне сферы влияния держав-конкурентов. Русские, первыми начавшие «освоение» этого региона, обладали тогда относительным преимуществом перед другими колонизаторами. Исползованию этого преимущества помешало то, что часть рабочей силы, которая могла бы быть использована с большей выгодой в других местах, направлялась Российско-Американской компанией на защиту своей столицы. Также компания должна была нести дополнительные расходы на обеспечение безопасности своих сотрудников, когда те работали на территории тлинкитов. Например, отправляя в начале 1850-х годов лесорубов заготавливать лес для постройки корабля на острове Ситка, РАК была вынуждена учитывать в составе расходов на экспедицию круглосуточную охрану и услуги переводчика в качестве мер предосторожности, чтобы избежать столкновений с независимыми тлинкитами¹. Вследствие драматических событий 1802 и 1804 годов Ситка имела особое значение как для русских, так и для тлинкитов. Вдобавок к тому, что Ново-Архангельск располагался на чтимой тлинкитами земле предков клана киксади, в этом месте весной, во время нереста сельди, проводились, как уже отмечалось, ежегодные сборы нескольких тлинкитских кланов. Из-за этого каждой весной русской колониальной администрации приходилось готовиться к возможной атаке индейцев на Ново-Архангельск². Спорная территория, на которой стоял город, вызывала сильные эмоции как у обитателей Ново-Архангельска, так и у тлинкитов, живших по соседству. Хотя различные кланы тлинкитов по-разному объясняли события 1804 года, все они сходились во мнении, что «битва за Ситку» являлась трагическим моментом для тлинкитского народа в целом³. С другой стороны, русские жили с коллективной памятью резни 1802 года. Распространенные среди русских описания тлинкитов как жестоких и диких варваров

¹ РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 10. Л. 2 об. — 3.

² *Гринев А.В.* Индейцы тлинкиты в период Русской Америки. С. 136.

³ *Кап S.* Memory Eternal. P. 63—65.

способствовали поддержанию опасений относительно таких соседей¹. Стоит отметить, что русские из Евразии никогда не представляли большинства обитателей этого «русского» города: в Ново-Архангельске всегда жило немало алеутов, кадьякцев, креолов и финнов. Каждое из этих меньшинств имело собственную версию событий 1802—1804 годов, но, так или иначе, все жители Ново-Архангельска были заинтересованы в мирных инициативах колониальных властей по отношению к тлинкитам.

АКТУАЛЬНОСТЬ УМИРОТВОРЕНИЯ

Принимая во внимание протяженность территории Российской империи и разнообразие ее подданных, можно не удивляться тому, что Петербург был вынужден постоянно заботиться об обеспечении стабильности. Сохранение территориального, политического и социального спокойствия в мультиэтнической империи требовало широкой интеграционной политики и гибкого подхода². Механизмами, скреплявшими огромную империю в одно целое, были система сословий и династический принцип преданности самодержцу. Система сословий обеспечивала основу для общественных отношений внутри империи, в то время как династический идеал легитимизировал власть над подданными³. В обществе, основанном на этих принципах, дворяне из разных этнических групп имели много общего, в то время как мало что связывало их с крестьянами, принадлежавшими к тому же этносу. От всех подданных, и в первую очередь от принадлежавших к высшим классам, строители здания русской имперской политики ожидали выражения лояльности императору в частности и династии Романовых в целом.

Наличие стратегий по умиротворению народов играло важнейшую роль в экспансии и регулировании отношений в Российской империи. Государственные чиновники остро осознавали, что для поддержания в империи порядка представители разных этносов должны активно сотрудничать. На властях лежала обязанность предотвращать

¹ См., например: *Давыдов Г.И.* Двукратное путешествие в Америку. Ч. 1. С. 199—200.

² *Kappeler A.* Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. Munich: C.H. Beck, 1992. S. 198—199.

³ *Ibidem.* S. 135—136; *Freeze G.L.* The Soslovie (Estate) Paradigm in Russian Social History // *American Historical Review.* 1986. Vol. 91. P. 11—36.

возникновение каких-либо нестабильных ситуаций среди подданных обширной империи. Для достижения этой цели государство культивировало проявления имперского патриотизма как среди народа, так и среди элиты¹.

Что касается Русской Америки, то малое число российских колонистов заставило РАК не только полагаться на аборигенов и креолов как на основную рабочую силу, но и прибегать к их услугам в вопросах обороны и военных операций. В целом в XIX веке поддержание и укрепление связей с алеутами и кадьяками, а также другими покоренными аборигенами оставались для РАК приоритетом. Умиротворение предположительно подчиненных народов не считалось само собой разумеющимся. Однако на рубеже веков, когда россияне боролись за то, чтобы закрепиться на северо-западном побережье Северной Америки, умиротворение вовсе не покоренных тлинкитов представляло для них более трудную задачу.

Ни имперское правительство, ни РАК не предпринимали серьезных мер для привлечения существенного количества новых колонистов из Евразии. Хотя такое очевидное пренебрежение демографической проблемой может показаться парадоксальным, не стоит забывать, что компания сталкивалась с трудностями, пытаясь прокормить и обеспечить даже тех поселенцев, которые уже находились в колонии. Кроме того, было чрезвычайно трудно найти в России работников, которые хотели бы поехать в земли, о которых шла слава как об изолированном и опасном месте. Рядовые колонисты, как и руководящее звено, обычно приезжали из Евразии в колонию на срок, определенный их договором с РАК, и по его истечении уезжали обратно на родину. За всю историю существования североамериканской колонии население колонистов из России никогда не превышало девятисот человек. Даже вместе с растущим числом креолов они составляли лишь малую долю населения Русской Америки. Более того, количественное соотношение колонистов к коренному населению на территории Аляски, на которую претендовала Российская империя, составляло один к двадцати, причем все русское население Аляски было сосредоточено на двух островах. Даже в 1860 году — т.е. к концу российского «освоения» территории колонии — примерно девять из десяти русских проживали на островах Ситка и Кадьяк, но даже там аборигены превосходили

¹ Как заметил Андреас Каппелер, не следует путать этот официальный имперский патриотизм, основанный на лояльности населения императору, с русским национальным движением (*Kappeler A. Russland als Vielvölkerreich. S. 199*).

их численностью; большая же часть обширной территории Аляски русских вообще не знала¹.

Вдобавок к малочисленности русских колонизаторов, ситуация на Аляске осложнялась ее удаленностью от остальной России, и особенно от столицы империи. Необходимость обеспечения снабжения и поддержания коммуникации через океан являлась беспрецедентным вызовом для Российской империи. Колониальные власти не имели отечественных образцов для подражания. Проблемы со снабжением колонии приходилось решать на месте разными способами²: чтобы компенсировать ненадежность поставок из России, колониальные чиновники договаривались с британскими и американскими торговыми кораблями, использовали базу в Калифорнии, сотрудничали с КГЗ, отправляли корабли РАК к Гавайским островам и в другие места. Но и в сфере снабжения ключевой для российских колонистов была опора на труд зависимого коренного населения и «мену» с независимым.

С точки зрения властей и архитекторов Российской империи, проблема умиротворения населения за пределами континента выглядела иначе, чем на других фронтах страны. Например, возьмем моральный подъем русских колонистов, вызванный прибытием на Кадык корабля «Святая Елизавета», который в ноябре 1802 года привез туда русских морских офицеров Гавриила Давыдова и Николая Хвостова, первыми среди офицеров записавшихся на службу в РАК. Это был первый русский корабль, прибывший на остров (как и вообще в Русскую Америку) за пять лет. По свидетельству лейтенанта Давыдова, «на Кадыке дикие, не видя пять лет ни одного судна приходящего из Охотска, начинали думать, что уже все Русские к ним приехали и что стоило только истребить сих последних, дабы освободиться на всегда от их власти»³. «По всем сим причинам прибытие наше в Америку, — продолжал лейтенант, — было великой важности для дел компании»⁴. Даже принимая во внимание возможную предвзятость суждений этого

¹ *Гринева А.В.* Русские колонии на Аляске на рубеже XIX в. С. 25; *Федорова С.Г.* Русское население Аляски и Калифорнии. С. 246.

² Проблемы снабжения и коммуникации, которые проистекали из изолированности колонии, представлены в работах канадского географа Джеймса Гибсона. См. особенно: *Gibson J.R.* Feeding the Russian Fur Trade: Provisionment of the Okhotsk Seaboard and the Kamchatka Peninsula, 1639—1856. Madison: University of Wisconsin Press, 1969; *Idem.* Imperial Russia in Frontier America.

³ *Давыдов Г.И.* Двукратное путешествие в Америку. Ч. 1. С. 196.

⁴ Там же. С. 197.

морского офицера, его свидетельство подчеркивает, насколько русские колонизаторы в Америке зависели от морской связи через Охотск накануне эпохи кругосветных экспедиций. Оно показывает, почему колониальные чиновники считали развитие действенных стратегий умиротворения коренных жителей столь важным делом. Претворение этих стратегий в жизнь требовало непрерывного притока ресурсов (например, кораблей), а сами методы должны были постоянно подтверждаться руководством и подкрепляться практикой, чтобы оставаться действенными.

ВДАЛЕКЕ ОТ МЕТРОПОЛИИ

Находясь на расстоянии почти половины кругосветного путешествия от Петербурга и будучи отделены Тихим океаном от изолированных портов евразийского побережья Петропавловска-Камчатского, Охотска и, позже, Аяна, русские в Ново-Архангельске XIX века остро ощущали непрочность своего положения. Оспорить колониальные владения России в Северной Америке мог целый ряд конкурирующих держав, таких как Испания, Великобритания и Соединенные Штаты.

Угроза со стороны Испании Русской Америке XIX века была незначительной, а после успешного завершения мексиканского мятежа в 1821 году Испания вообще перестала быть значимым конкурентом. Помимо физического присутствия испанцев в области залива Сан-Франциско (что сдерживало продвижение русских в этом направлении), их претензии ограничивались выражением недовольства касательно русского поселения Росс в Верхней Калифорнии. Испанские колониальные чиновники смотрели сквозь пальцы на существование поселения Росс и наличие русских кораблей, торговавших вдоль побережья Верхней Калифорнии, главным образом потому, что испанская Калифорния, подобно Русской Аляске, являлась крайне отдаленным форпостом и без того «перерастянутой» империи¹. Эти чиновники резко ощущали, что родина делала для их удаленной колонии слишком мало. Испанцы в Калифорнии страдали от недостатка многих

¹ О концепции «перерастянутой империи» (*overextended empire*) см.: *Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. New York: Random House, 1987.* О поселении Росс см.: *Россия в Калифорнии: русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях, 1803—1850: В 2 т. / Сост. А.А. Истомина, Дж.Р. Гибсон, В.А. Тишков. М.: Наука, 2005; 2012.*

промышленных товаров, что было на руку русским колонистам Аляски, которые могли эти товары испанцам поставлять. С другой стороны, русские на Аляске отчаянно нуждались в продуктах питания и охотно покупали в Северной Калифорнии масло, сушеное мясо и особенно зерно. В 1830-х годах Русская Америка на некоторое время стала главным рынком сбыта зерна, выращенного в Калифорнии (при том что русские успешно развивали и свое хозяйство в районе селения Росс)¹. Однако и значительно раньше, еще во время путешествия Николая Резанова в Сан-Франциско в 1806 году, испанцы (а после 1821 года — мексиканцы) Верхней Калифорнии, несмотря на запреты, установленные Мадридом, находили торговлю с РАК слишком заманчивой, чтобы от нее отказываться. Двусторонние взаимовыгодные торговые отношения между русскими и калифорнийцами уменьшали опасения испанцев, появившиеся вследствие основания поселения Росс и браконьерской охоты на калана в испанских водах, которой занимались его жители. С целью более близкого надзора над русским поселением к северу от залива Сан-Франциско были основаны первые католические миссии — в Сан-Рафаэле (в 1817 году) и Сономе (в 1823 году). Население этих миссий также пользовалось продукцией, которую поставляли русские, что еще более способствовало расширению контактов и увеличению товарообмена². Продажа Форт-Росса в 1841 году Джону Саттеру, частному лицу швейцарского происхождения и мексиканскому гражданину, произошла не из-за давления со стороны калифорнийцев, а потому, что РАК нашла более экономически выгодный путь организации поставок провианта и снабжения на Аляску — через британскую Компанию Гудзонова залива.

Итак, на первый взгляд Испания, а после 1821 года Мексика имели ограниченное влияние на русские амбиции XIX века на Тихом океане. Тем не менее нельзя не заметить, что само присутствие испанских миссий в Верхней Калифорнии (на территории сегодняшнего штата Калифорния), и в особенности поблизости от залива Сан-Франциско, лишило русских теоретической возможности колонизировать эту территорию. Именно угроза экспансионизма — не только русского, но и американского и английского — побудила испанцев к заселению Верхней Калифорнии в 1770-х годах.

В отличие от «перерастянутой» Испании, для которой наступал закат колониальной эпохи, Великобритания и Соединенные Штаты

¹ *Gibson J. Imperial Russia in Frontier America. P. 185, 189.*

² *Ibidem. P. 185.*

оставались серьезными конкурентами России за имперское влияние на северо-западном побережье Северной Америки. На рубеже XVIII—XIX веков коммерческие корабли под флагами этих двух государств часто заходили в северные воды Тихого океана. Со времен прославленного вояжа Джеймса Кука в 1770-х годах британские и американские корабли регулярно посещали северо-западное побережье Америки, где члены их экипажей охотно скупали меха у коренных жителей, в особенности у тлинкитов. Товары, которые они предлагали аборигенам в обмен на шкурки животных, в целом воспринимались как более привлекательные и имевшие более выгодную цену по сравнению с теми, что предлагали русские. До эпохи русских кругосветных экспедиций суда британцев и американцев, ходившие в этих водах, были лучше, чем русские. К тому же они располагали гораздо более удобным и прямым доступом к китайским и европейским портам. Таким образом, британские и американские торговцы были конкурентами, с которыми РАК приходилось считаться начиная с ее основания и как минимум до подписания пакта о сотрудничестве с Гудзонбейской компанией в 1839 году.

Действия отдельных британских и американских капитанов и членов их команд иногда приводили сотрудников РАК в ярость. Самый впечатляющий пример датируется началом XIX века: русские винили американских торговцев в том, что те поставляли огнестрельное оружие тлинкитам, штурмовавшим Михайловскую крепость в 1802 году, и подстрекали их к восстанию¹. Подозрения и обвинения в адрес американских и британских торговцев, как и в адрес их правительств, были предметом продолжительного обсуждения в русской колонии и позднее.

Любопытно, что, возможно, главное препятствие для британских торговцев в этом регионе было создано для них не Россией или Америкой, а самой Великобританией. Британские торговцы сократили свое участие в пушном промысле северо-западного побережья к концу XVIII века из-за привилегий, дарованных монополистам — Ост-Индской компании и Компании Южных морей. Последняя хотя и являлась на тот момент практически нежизнеспособной, тем не менее обладала эксклюзивным правом вести британскую торговлю в Тихом океане. Ост-Индская же компания имела эксклюзивное право

¹ A report from the Main Administration of the Russian American Company concerning current trade with the North Americans. December 23, 1816 // To Siberia and Russian America. Vol. 3. P. 224.

на британскую торговлю в Китае. Следовательно, закупка каланых шкурок контролировалась одним монополистом, а продажа — другим. Некоторые британские торговцы получали патенты от обеих компаний, в то время как другие действовали нелегально, под угрозой конфискации¹. Интересно заметить, что примерно в то время, когда российские купцы и правительство образовали РАК, приняв монополистический подход к пушному промыслу на северо-западном побережье, британский промысел в этом регионе столкнулся с трудностями, связанными с организационным несоответствием между монополиями.

Североамериканская война 1812 года нанесла по британцам новый удар, но к концу 1820-х годов они смогли вернуться в юго-восточные воды Аляски с новой энергией — под флагом Гудзонбейской компании. В то время главной целью этой компании на северо-западном побережье было вытеснение американских пушных торговцев. Для выполнения этой задачи КГЗ искала сотрудничества с РАК. Гудзонбейская компания рассматривала американцев как непосредственных конкурентов в торговле мехами сухопутных животных, тогда как специализация РАК на мехах морских животных и сфера ее действия дальше к северу не вызывали у КГЗ особых возражений. В 1829 году КГЗ предложила русским подписать договор, в результате которого она взяла бы на себя организацию снабжения РАК. Главный правитель Русской Америки Петр Чистяков одобрил эту идею. В предложении сотрудничества между двумя компаниями он видел возможность для русской колонии сохранить нейтралитет в случае англо-русской войны и укрепить свою безопасность против угрозы со стороны тлинкитов, равно как и возможность для обеих компаний получить финансовые выгоды. Однако преемники Чистякова, Фердинанд Врангель и Иван Купреянов, были против подобного сотрудничества с КГЗ, а ГП РАК отнеслось к нему скептически, и соглашение с КГЗ не было подписано еще десять лет.

Сложившаяся в российской колонии социально-экономическая ситуация, где свои роли играли российское правительство, Российско-Американская компания, колонисты из Евразии и коренное население Русской Америки, была самой сутью русского заморского колониализма. Такая модель не была принесена из-за океана — скорее

¹ *Gibson J.R.* Otter Skins, Boston Ships, and China Goods. Seattle: University of Washington Press, 1992. P. 25; *Kushner H.I.* Conflict on the Northwest Coast: American-Russian Rivalry in the Pacific Northwest, 1790—1867. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1975. P. 6.

она представляла собой гибридную форму, развившуюся и эволюционировавшую в Русской Америке в ходе взаимодействия между русскими и коренными жителями. Особенности такого гибрида были тесно связаны со спецификой основного ресурса этой эксплуатационной колонии, которым являлись шкурки морских животных, в особенности калана. Аборигены обладали уникальными навыками в его добыче, что делало их труд особенно ценным для процветания колониализма. В экономике, сложившейся в Русской Америке, роль алеутов и кадьякцев была ключевой и абсолютно необходимой. Русские выполняли роль организаторов, формируя охотничьи партии и рассылая их в разные части Тихого океана. Высокие цены на меха, установленные международным рынком, были движущей силой для чиновников РАК, как и для их британских и американских коллег, в использовании навыков алеутов и кадьякцев для охоты на калана в столь отдаленных от их родины краях. Тот же самый экономический стимул, вместе с резким сокращением популяции калана, помогает объяснить упорство россиян в колонизации острова Ситка. Но отпор, который русские получили от живших там тлинкитов, вынудил колонизаторов разрабатывать новые подходы к умиротворению и аккультурации коренного населения колонии.

Часть II

ОБРУСЕНИЕ АБОРИГЕННОГО
НАСЕЛЕНИЯ

В течение всего периода существования североамериканской колонии россияне пытались оказывать влияние на ее коренных жителей, чтобы привести их в соответствие с образом лояльных подданных Российской империи. В период после 1804 года динамика аккультурации стала иной, отражая возникновение новых проблем и изменения в контингенте управленческих кадров колонии. Вторая часть настоящей книги посвящена рассмотрению деятельности русских по аккультурации коренных жителей Русской Америки в эпоху кругосветных экспедиций, включая цели, стоявшие за стратегиями аккультурации, и то, какую реакцию со стороны аборигенов эти действия вызвали.

Такие широкие понятия, как кооптация, христианизация и обрусение, представляют собой призму для рассмотрения инициатив по аккультурации и социальной интеграции. С их помощью становится возможным анализ восприятия россиянами коренного населения и их действий по отношению к нему. Хотя эти понятия взаимосвязаны, в историографии Русской Америки обозначаемые ими колониальные начинания обычно рассматриваются в изоляции друг от друга. Однако нужно помнить, что торговые отношения, кооптация элиты и простых людей, распространение христианства и усилия по вовлечению аборигенов в российские социальные и политические структуры как в качестве подданных, так и в качестве активных их участников составляли взаимосвязанные и взаимовлияющие аспекты стратегии управления, применяемой русскими.

Кооптация элиты и простолюдинов представителями колонизирующего государства является практикой, которая издавна широко применялась по всему миру. В Русской Америке кооптация была важным компонентом умиротворения, т.е. усилий, прилагаемых россиянами для преодоления сопротивления аборигенов русскому вторжению и для превращения их в послушных подданных, восприимчивых к политическому влиянию со стороны русских. Умиротворение может быть как насильственным (военное подчинение), так и мирным (соглашение,

достигнутое при посредничестве третьей стороны; торговля; кооптация элит и населения). В любом случае в Русской Америке умиротворение было необходимым условием для установления продолжительного влияния русских на коренных жителей, а также предпосылкой для христианизации и обрусения. С точки зрения русских, кооптация представляла собой набор стратегий для привлечения влиятельных лиц из числа коренного населения и обеспечения их лояльности, с тем чтобы превратить их в союзников или партнеров. Христианизация означала обращение коренных жителей в православие и их приверженность этой религии.

Обрусение являлось формой аккультурации, при которой русские стремились не превратить аборигенов в русских в буквальном смысле этого слова, но сделать их *более похожими* на русских в определенных чертах, значимых для российских колониальных и духовных властей. При этом стоит иметь в виду значительное различие между *обрусением* и *русификацией*, которая являлась государственной политикой, разработанной во второй половине XIX века в западных районах империи. *Русификация* — это агрессивная скоординированная политика, имевшая целью культурную трансформацию; *обрусение* — это интерактивный культурный процесс, который не обязательно находился под контролем государственной власти. Как комплекс политических мер русификация возникла во время польского восстания 1863—1864 годов, значительно расширившись в период 1880-х годов. Русификация состояла в проведении государством ряда агрессивных мероприятий и применении карательных мер, нацеленных, с одной стороны, на подавление нерусских культур, а с другой — на продвижение и поддержку культуры русской¹. Безусловно, существовали и иные, в разной степени принудительные способы аккультурации, которые использовались представителями Российской империи в различных регионах в другие периоды. Ученые иногда неформально также ссылаются на них как на «русификацию», но, на мой взгляд, подобное использование этого термина является неточным и излишне широким. К сожалению,

¹ О политике русификации в западных провинциях Российской империи см.: Weeks T.R. Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863—1914. DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 1996; Thaden E.C. Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855—1914. Princeton: Princeton University Press, 1981; Dolbilov M. Russification and the Bureaucratic Mind in the Russian Empire's Northwestern Region in the 1860s // Kritika. 2004. Vol. 5. No. 2 (Spring). P. 245—271; Kappeler A. The Ambiguities of Russification // Ibidem. P. 291—297; Hosking G. Russia: People and Empire. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997. P. 367—397.

термин «русификация» нередко применяется в науке по отношению ко многим культурным и даже административным инициативам имперского правительства гораздо менее аккуратно, чем предполагалось при создании этой концепции во второй половине XIX века¹. В некоторых случаях такое новое использование данного термина привело к положительным результатам. Однако из-за того, что он стал употребляться повсеместно, его аналитическая ценность значительно уменьшилась. Применительно к Русской Америке и ее коренному населению термин «русификация» современниками не использовался — вместо него в ходу были слова «обрусить/обрусеть/обрусевший», которые, таким образом, являются исторически более оправданными и передают богатые смысловые оттенки.

В глазах современников обрусение как ряд изменений, происшедших с коренным населением, и как комплекс русских инициатив, поощрявших и поддерживавших культурные перемены, было неотъемлемой чертой заморской колониальной системы России. Такое объяснение противоречит утверждениям в литературе о том, что русские колонизаторы Аляски, в отличие от других колонизаторов по всему миру, либо совершенно не боролись за изменение культуры коренных жителей, либо, наоборот, боролись, но только чтобы изменить ее в лучшую сторону².

Призыв покориться обрусению не означал, что аборигены приглашались или принуждались превратиться в представителей русской

¹ Ученые часто не различают термины «русификация» и «обрусение», используя их как синонимы. См., например: *Thaden E.C. Russification in the Baltic Provinces and Finland*. P. 7—9. Однако понятие *русификации* можно гораздо более четко проанализировать в историческом контексте событий конца XIX века, бок о бок с политикой *пруссификации* в Германской империи и *мадьяризации* [англ. *Magyarization*. — Прим. переводчика] на венгерской территории Австро-Венгерской империи, в то время как *обрусение* — это культурный феномен, корни которого уходят в глубь веков. По поводу этой проблемы см.: *Миллер А. Русификация — классифицировать и понять // Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 133—148.

² Примеры этого направления в литературе о Русской Аляске см. в работах: *Black L.T. Russians in Alaska, 1741—1867*. Fairbanks: University of Alaska Press, 2001; *Mousalimas S.A. The Transition from Shamanism to Russian Orthodoxy in Alaska*. Oxford: Berghahn Books, 1994. Критику см. в книге: *Ivanov V. The Russian Orthodox Church of Alaska and the Aleutian Islands and Its Relation to Native American Traditions: An Attempt at a Multicultural Society, 1794—1912*. Washington, D.C.: Library of Congress, 1997. Более широкий обзор использования мифологизированного прошлого Аляски в постсоветское время см. в статье: *Znamenski A. History with an Attitude: Alaska in Modern Russian Patriotic Rhetoric // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2009. Band 57. S. 346—372.

нации. Целью русских колонизаторов было превращение коренных жителей в послушных подданных Российской империи в культурном и политическом отношениях. Культивирование осознания принадлежности к империи и патриотизма способствовало продвижению умиротворения и укреплению повиновения и лояльности среди местных жителей. Российские колонизаторы хотели привить аборигенам ограниченное число желанных для них, колонизаторов, конкретных качеств, а не уничтожить полностью аборигенный образ жизни доконтактного периода. Для Российско-Американской компании был важен поиск равновесия между импортированием «русскости» и поддержанием традиционной культуры. Дело было не только в том, что доходы компании зависели от некоторых аборигенных традиций и навыков, но и в самих морских офицерах, которые управляли РАК, — их собственное восприятие происходившего все более сближалось с романтизированными европейскими идеями о необходимости сохранения коренной культуры в как можно более первозданном виде.

Подобно христианизации, обрусение — это длительный двусторонний процесс. Как православный христианин был обязан укреплять свою приверженность вере посредством ежедневных ритуалов и более глубокого понимания вероучения, так и от обрусевшего аборигена ожидали, что он проникнется русским бытом, языком и культурой. Обращение в христианство и постепенное принятие определенных русских обычаев, манеры одеваться и способа мышления были этапами одного и того же непрерывного процесса, которые зачастую накладывались друг на друга. Результаты этого процесса не всегда удовлетворяли ожиданиям русских. Эффективность умиротворения, христианизации и обрусения зависела от постоянных мер по их поддержанию, а русские не всегда могли достичь между собой согласия по поводу подходящих тактик и методов. Анализируя эти взаимосвязанные процессы, мы попытаемся в настоящем разделе книги разобраться в том, как русские влияли на реконструкцию личности местных жителей, чтобы те продолжали верно служить практическим целям Российско-Американской компании и Российской империи.

Православная христианизация аборигенов Аляски продолжилась и даже усилилась после передачи этой территории Соединенным Штатам. Многие коренные жители Аляски являются православными и сегодня. Примечательно, что православие нередко упоминается аляскинскими алеутами и индейцами как «местная» религия — в противовес протестантизму так называемых белых людей. Однако этот феномен более позднего времени, связанный с современной

этнической политикой Соединенных Штатов, не должен отвлекать нас от того факта, что в период между 1804 и 1867 годами пропаганда православного христианства в Русской Америке велась главным образом с целью продвижения обрусения.

Русские инициативы по укреплению колониального влияния на аборигенов были стратегической реакцией на проблемы в сферах демографии, снабжения и обороны, а также ответом на потребности системы организации труда. Российские колонизаторы Аляски, понимая полную зависимость своей колониальной системы от сотрудничества со стороны аборигенного населения, стремились оказывать влияние на его культуру, преследуя интересы компании и империи.

Глава 5

МЕНА И КООПТАЦИЯ

Коммерция же необходима потому, что смягчая нравы диких не престанным с Русскими обращением, нечувствительно полагает начала заведению тамо всякаго рода довольствия от земледелия и ремесл. И исподоволя приучает те народы к образу мыслей Россиян, полагающих благо свое в Монархическом Правлении, а потому обещает со временем и из них верных и безмятежных подданных.

Наталья Шелихова, 1797 год¹

Развитие торговых отношений и кооптация элиты являлись компонентами колониальной стратегии, целью которой было по-новому определить лояльность, идентичность и правящие структуры аборигенов. Россияне вели торговую «мену» с коренными жителями не только ради экономической выгоды, но и для того, чтобы укрепить зависимость, в которую попали аборигены. Имеется в виду не просто зависимость от конкретных продуктов, поставляемых русскими, хотя и эта материальная основа, безусловно, имела место. В процессе торговых отношений развивались взаимные связи между русскими и аборигенами, что способствовало умиротворению коренных жителей и вовлечению их в российскую сферу политического и культурного влияния. Стратегии, с помощью которых русские добивались кооптации аборигенной элиты на Аляске, во многом основывались на сибирском наследии, однако после начала эры кругосветных плаваний немало приемов россияне также заимствовали у колониалистов-конкурентов.

В условиях соперничества с британцами и американцами на северо-западном побережье Северной Америки русские ощущали острую необходимость найти стратегических партнеров среди коренного населения, тогда как в не оспариваемом иностранными конкурентами пространстве Восточной Сибири и островов Северотихоокеанского края подобное сотрудничество не было сколько-нибудь значимым.

¹ АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 127. Л. 2.

Преследуя эту цель, Российско-Американская компания регулярно награждала тех аборигенных вождей, которые с ней сотрудничали, и тем самым поощряла их к дальнейшему содействию. РАК обхаживала элиту и присматривала за ней, а иногда даже сознательно ее создавала, что расценивалось компанией как обеспечение кода доступа к контролю над коренными жителями, потому что элита помогала колониальным властям в управлении рядовым населением. РАК оказывала влияние на общество коренных жителей через избранных вождей, которым даровала привилегии. Такое манипулирование подчиненными зависимыми островитянами было относительно эффективным, однако что касается независимых тлинкитских кланов, то русским не удалось повлиять на их иерархию так сильно, как они того хотели.

После отставки Александра Баранова, т.е. с приходом морских офицеров на руководящие посты, в колонии установился более патерналистский и аристократический порядок взаимодействия с коренными жителями. Пытаясь снять постоянную напряженность в отношениях с тлинкитами, морские офицеры установили правило: спрашивать у тлинкитских вождей разрешения, перед тем как направить в их воды партии охотников на калана. Придя к власти, эти морские офицеры предоставили тлинкитам доступ (хотя и ограниченный) к Ново-Архангельску и значительно увеличили объемы мены с ними. Примечательно, что к этому времени популяции калана и других морских животных, ранее приносивших РАК существенную прибыль, резко сократились. Истребление морских животных побудило компанию уделить больше внимания промыслу сухопутных. В результате РАК увеличивала объем закупок меха сухопутных пушных животных у независимых аборигенов, что напоминало стратегию ее английских и американских конкурентов. В начале 1839 года РАК достигла соглашения с Гудзонской компанией, что способствовало разделению всей Юго-Восточной Аляски на сферы влияния этих двух компаний — к выгоде обеих и в ущерб экономическим интересам тлинкитов. Сделка между двумя компаниями-монополистами способствовала установлению более близкого взаимодействия, как коммерческого, так и культурного, между россиянами и северными тлинкитами. Культурное сближение сопровождалось развитием торговли и новыми инициативами по кооптации. Несмотря на антагонизм, проявившийся в 1850-е годы, общая тональность взаимоотношений между русскими и тлинкитами, заданная в 1840-х годах, сохранялась вплоть до 1867 года.

ТОРГОВЛЯ, НО НЕ ТОЛЬКО ВО ИМЯ ТОРГОВЛИ

Мена с тлинкитами занимала особое место в обеспечении социальной стабильности русской колонии. Ново-Архангельский рынок, служивший базой для коммерции между русскими и тлинкитами, был похож на рынки, существовавшие на пограничных территориях других областей Российской империи XIX века. Например, казаки на Кавказе гораздо более эффективно удовлетворяли свои потребности по снабжению на местных базарах, чем через поставки из Центральной России¹. В Русской Америке и жители Ситки, и торговцы-тлинкиты, и колониальные чиновники — все получали свою выгоду в случае успешного проведения торговых сделок. Масштаб и продолжительность торговых отношений в целом, а также наличие торговых связей между отдельными людьми по обе стороны частокола свидетельствовали о существовании своего рода «срединности» между русскими и тлинкитами, жившими на земле, на которую оба этих народа претендовали². Условия и границы этой «срединности» постепенно менялись, так как во взаимоотношениях русских и тлинкитов чередовались периоды сближения и отдаления. Тем не менее рыночные отношения между поселенцами Ново-Архангельска и их соседями сохранялись, потому что несли стратегическую и экономическую выгоду для обеих сторон.

Чиновники РАК поощряли развитие торговых отношений с независимым коренным населением не только потому, что полученные от него товары облегчали быт колонистов и способствовали продвижению бизнеса Российско-Американской компании. Русские рассматривали мену с индейцами как механизм для умиротворения потенциально враждебного аборигенного населения, необходимый для обеспечения большей терпимости со стороны независимых аборигенов к присутствию русских.

Значимость торговых отношений с тлинкитами можно проиллюстрировать примером событий начала 1820-х годов. Имперское правительство, обеспокоенное деятельностью иностранных мореплавателей,

¹ Barrett T.M. At the Edge of Empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700—1860. Boulder, Color.: Westview Press, 1999. P. 123.

² Метафора «срединности» взята из следующей работы: White R. The Middle Ground: Indians, Empires, and Republics in the Great Lakes Region, 1650—1815. New York: Cambridge University Press, 1991. С концепцией Ричарда Уайта можно познакомиться в русском переводе: Уайт Р. Срединность / Пер. В. Макарова // Ab Imperio. 2010. № 3. С. 27—77.

запретило американским и британским кораблям вести торговлю в Русской Америке как с русскими, так и с коренными жителями. Такая политика имела негативные последствия для всех сторон. Главный правитель Матвей Муравьев осознавал, какую опасность для поддержания мира в колонии несет данное решение, и высказал это в недвусмысленных выражениях в послании в Петербург, в Главное правление РАК. Муравьев понимал — когда тлинкиты узнают, что русские не подпускают к ним американских торговцев, сокращая тем самым их, тлинкитов, торговые возможности, они будут рассержены и станут еще более опасны для русских. Русский мораторий мог послужить для индейцев поводом к заключению военного альянса с американскими торговцами. Если бы индейцы и американцы объединились для нападения на русских, колонии бы угрожала серьезная опасность. Муравьев доказывал, и некоторые из чиновников компании ему вторили, что более мудрым решением было бы наладить поставку большего количества товаров из России для торговли с тлинкитами. Муравьев и согласные с ним чиновники считали, что существенное расширение торговли помогло бы уберечь Ново-Архангельск от потенциальной атаки¹.

Запрет на торговлю обнажил уязвимость русской колонии и продемонстрировал ненадежность и дороговизну межокеанских и сибирских маршрутов для поставок снабжения из Евразии. Поскольку провизия прибывала из России редко, колонисты находились на грани голода, и зависимость русской колонии от британских и американских поставщиков, а также от аборигенных торговцев стала еще более очевидной. Такая ситуация и тот факт, что запрет настраивал тлинкитов, чьи торговые возможности сократились, против русских, были весомыми аргументами в пользу отмены этого запрета.

Конвенции 1824 года с Соединенными Штатами Америки и 1825 года с Великобританией положили конец подобным запретам и привели к более либеральному порядку торговли. Иностранным кораблям разрешили свободно ходить в водах Русской Америки и причаливать к ее берегам без предварительного согласования с российскими властями, за исключением территорий, на которых располагались русские поселения². Это разрешение, действовавшее в прибрежных

¹ АВПРИ. Ф. Министерства иностранных дел, канцелярия, 1823 г. Д. 3646. Л. 19—21.

² Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени: В 2 т. СПб.: Типография Э. Веймара, 1861—1863. Т. 1: Приложения. С. 61—66.

водах Русской Америки, резко контрастировало с ограничениями, налагавшимися на нахождение иностранных судов у берегов материковой части Российской империи. Такие уступки служили доказательством слабости положения России в этом регионе.

Срочный запрос Муравьева в Петербург в начале 1820-х годов о предоставлении большого количества товаров для торговли с тлинкитами свидетельствует, что русские чиновники осознавали, насколько спокойствие в колонии зависит от состояния торговли¹. Также служащие РАК понимали, что растущая приязнь индейцев и их зависимость от импортируемой русскими продукции могут способствовать принятию ими присутствия русских в регионе.

Однако спокойствие имело свою цену. Для поддержания успешной конкуренции с американцами и британцами на северо-западном побережье и сохранения торговли с тлинкитами русским приходилось платить последним более высокую цену за каланьи меха, чем алеутам и кадьякцам. Фердинанд фон Врангель был не единственным чиновником компании, который озвучивал мнение, что тлинкитов «избаловала» высокая плата за шкурки калана, установленная британцами и американцами. Правилось это чиновникам РАК или нет, но они были вынуждены считаться с тем, что компания обычно платила тлинкитам за каждую шкурку калана в три — пять раз больше, чем алеутам и кадьякцам, а иногда за такие же шкурки тлинкиты получали даже в десять — пятнадцать раз больше, чем зависимые аборигены². Чтобы быть конкурентоспособными в пушном промысле Юго-Восточной Аляски, русские должны были приспособливаться к условиям местного рынка.

ТОРГОВЛЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РУССКИМИ И ТЛИНКИТАМИ

Тлинкиты, сохранявшие независимость благодаря своей большой численности, стратегическому расположению территории, а также

¹ АВПИР. Ф. Министерства иностранных дел, канцелярия, 1823 г. Д. 3646. Л. 21.

² Kan S. *Memory Eternal: Tlingit Culture and Russian Orthodox Christianity through Two Centuries*. Seattle: University of Washington Press, 1999. P. 73; Гринев А. В. Торгово-промысловая деятельность Российско-американской компании в 1825—1840 гг. // ИРА. Т. 3. С. 23—24, 44; Luehrmann S. *Alutiiq Villages under Russian and U.S. Rule*. Fairbanks: University of Alaska Press, 2008. P. 82—83.

ряду социальных факторов, бросали безопасности колонии самый большой вызов из всех независимых аборигенных групп. Колониальное правление остро ощущало важность поддержания мирных отношений с ними. Рассуждая о вопросах обороны и безопасности, главный правитель Муравьев в 1825 году подчеркивал значение торговой мены РАК с тлинкитами, отмечая, что следует «сею торговлей рассчитывать не одни барыши компании, но от оной и та польза что может [компания] приобрести от колош дружество и расположение к русским»¹. Такие торговые отношения, однако, требовали постоянной корректировки с обеих сторон.

В период между 1804 годом и началом 1820-х отношения между русскими и тлинкитами оставались холодными и отчужденными. Русские и тлинкиты относились друг к другу с мрачным подозрением. Торговля велась, но в ограниченных масштабах и крайне нерегулярно. Тлинкиты предпочитали вести торговлю с представителями других держав — британцы и американцы часто предлагали им товары более высокого качества, чем русские. К тому же русские обычно отказывались продавать тлинкитам алкоголь и огнестрельное оружие — товары, наиболее ими востребованные. Такие инициативы русских, как хождение корабля «Кадык» по проливам Юго-Восточной Аляски в целях ведения торговли с тлинкитами, воспринимались ими холодно².

Торговые отношения начали улучшаться в 1820-х годах, когда морские офицеры, заменившие Баранова на посту главного правителя, взяли более решительный курс на улучшение отношений с тлинкитами. Самые значимые изменения произошли в 1820 году — тогда колониальные власти позволили тлинкитам создать поселение рядом с Ново-Архангельском. К середине 1820-х годов в поселении тлинкитов круглогодично проживало пятьсот человек, что по общей численности населения было сравнимо с самим городом. Тлинкиты-ситкинцы, проживавшие в непосредственной близости от Ново-Архангельска, быстро стали постоянными торговыми партнерами горожан. В этот период русские продавали тлинкитам такие товары, как чугунная и медная посуда, шерстяные одеяла и табак. Русские колонисты также научили тлинкитов выращивать картофель. Любопытно, что в последующие десятилетия картофель стал одним из основных продуктов, который

¹ [Хлебников К.Т.] Русская Америка в записках К.Т. Хлебникова: Ново-Архангельск. М.: Наука, 1985. С. 135.

² Гринев А.В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки, 1741—1867. Новосибирск: Наука, 1991. С. 134, 137—138.

русские закупали у индейцев¹. Таким образом, под руководством морских офицеров в 1820-х годах РАК начала новый этап в торговле с тлинкитами.

В последующее десятилетие эта торговля продолжала расширяться. Чтобы способствовать ее развитию, в 1831 году русские чиновники отвели в Ново-Архангельске место для «колошенского» рынка. Торговля в Ново-Архангельске была особенно удобна для тех аборигенов, кто жил поблизости. Это обстоятельство усиливало позицию тлинкитов-ситкинцев, так как они становились все более важными посредниками в торговле между русскими и другими аборигенами. В 1833 году русские предприняли большие усилия, чтобы расширить число аборигенных торговых партнеров и вовлечь в торговлю южных тлинкитов, которые чаще имели дело с британскими и американскими торговцами. В этом же году Врангель отправил бриг «Чичагов» (под командованием будущего главного правителя колонии, Адольфа Этолина) в район острова Принца Уэльского и устья реки Стикин, чтобы познакомиться с коренным населением и инициировать торговые отношения с ним. Эта инициатива упрочила репутацию русских в глазах южных тлинкитов². В 1833—1834 годах такое улучшение отношений позволило русским построить Дионисиевский редут в устье реки Стикин. Земля, на которой был построен этот торговый пост, была приобретена русскими у одного из индейских вождей района Стикин в обмен на серебряную медаль³. Контакты русских с южными тлинкитами достигли пика в период между 1834 и 1839 годами, когда русские торговые суда регулярно ходили через проливы Юго-Восточной Аляски.

Вдобавок к расширению торговых отношений с аборигенами, РАК принимала меры к урегулированию розничной торговли между русскими и тлинкитами, которая находилась вне ее контроля. В первой половине десятилетия компания, стремясь стать эксклюзивным посредником в торговле между жителями Ново-Архангельска и индейцами, пыталась полностью запретить прямую торговлю между этими группами, покупая товары у тлинкитов и продавая их колонистам.

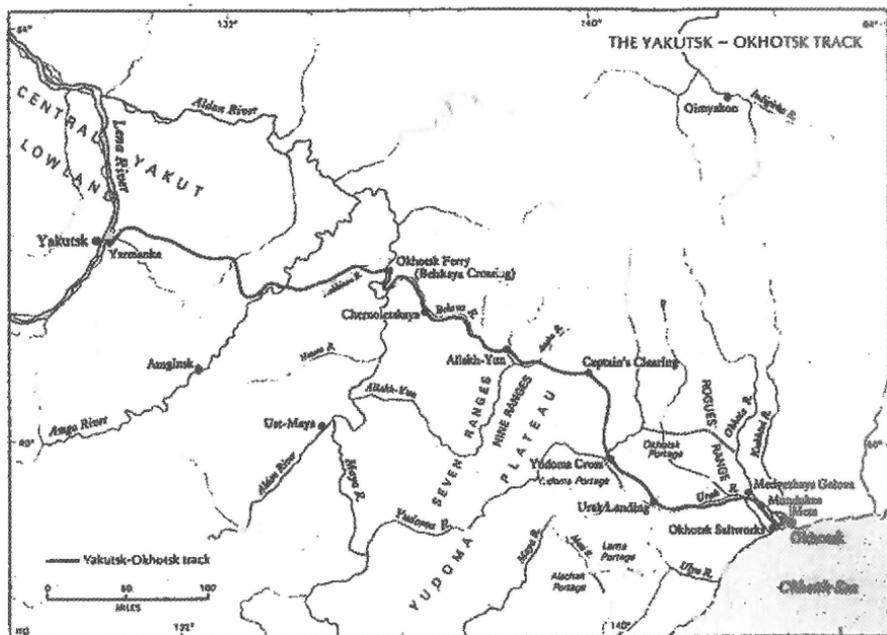
¹ [Хлебников К.Т.] Русская Америка в записках. С. 140—141; Gibson J.R. Russian Dependence upon the Natives of Alaska // *Russia's American Colony* / Ed. S.F. Starr. Durham: Duke University Press, 1987. P. 85; Гринев А.В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки. С. 188.

² АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 351. Л. 30—30 об.

³ Kan S. Symbolic Immortality: The Tlingit Potlatch of the Nineteenth Century. Washington, D.C.: Smithsonian Institution Press, 1989. P. 28; Гринев А.В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки. С. 148.

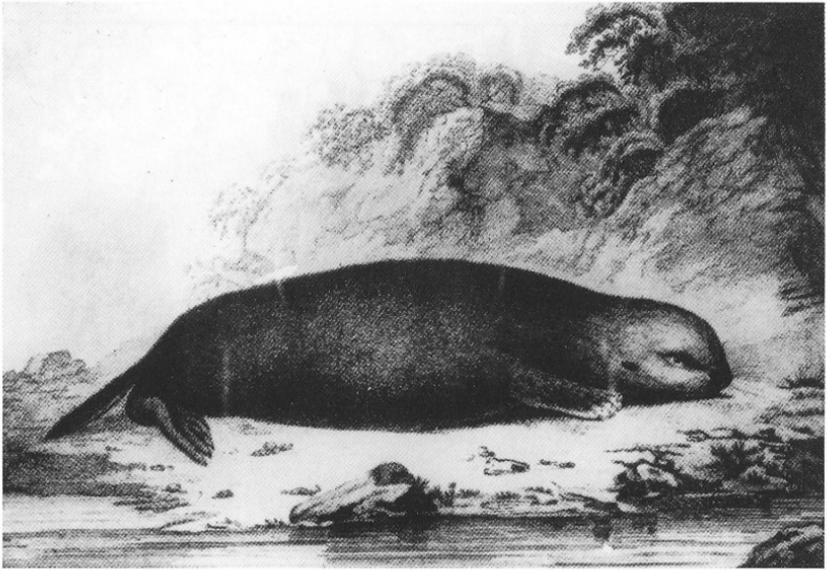
Сибирский тракт. Для путешественников из европейской части России в Русскую Америку Сибирский тракт — это только начало длинного пути.
Источник: US Library of Congress.

Якутско-Охотский тракт. Карту составил Миклош Пинтер.
 Источник: Gibson J.R. Imperial Russia in Frontier America: The Changing Geography of Supply of Russian America, 1784—1867 // Ed. J. Berry and L. Burton. New York, 1976. P. 58. Публикуется с разрешения Oxford University Press.

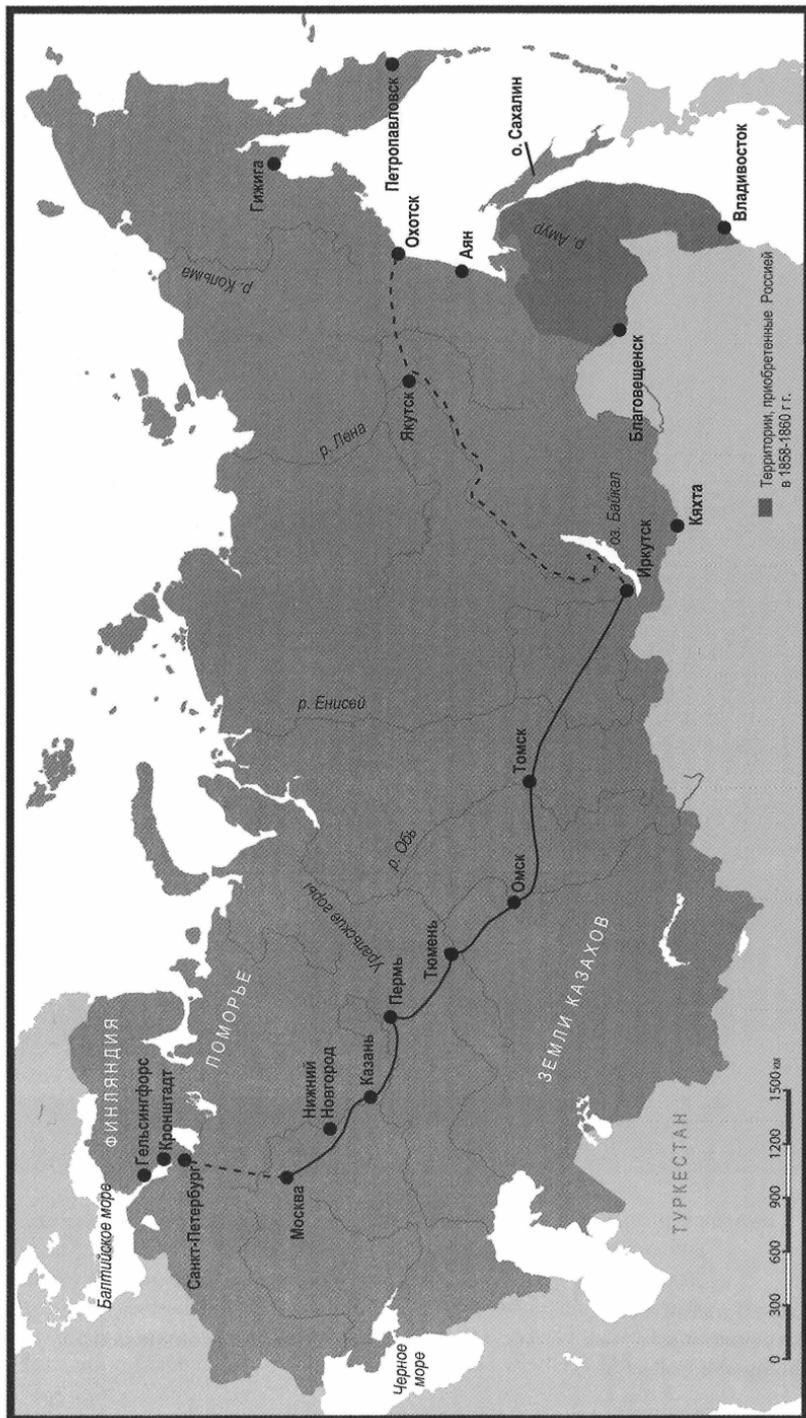

В Петербурге Главное правление Российско-Американской компании разместилось в доме 72 по набережной Мойки, недалеко от правительственных зданий. Переезд правления из Иркутска в Петербург в 1800 году подвинул РАК ближе к правительству Российской империи и увеличил возможности компании привлекать капиталы из Петербурга и Москвы и организовывать кругосветные путешествия. Фотография сделана Андреем Гриневым (публикуется с его разрешения).

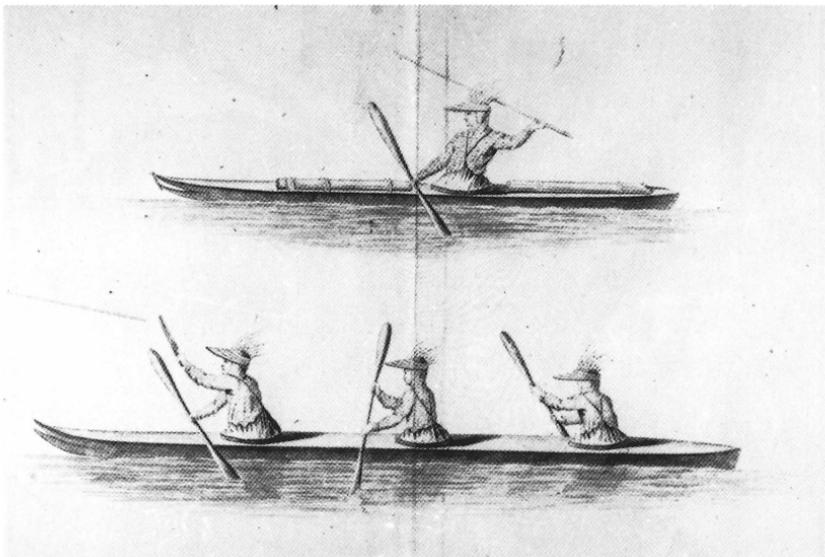

Калан.

Источник: Alaska State Library. Alaska Purchase Centennial Commission
Photograph Collection.

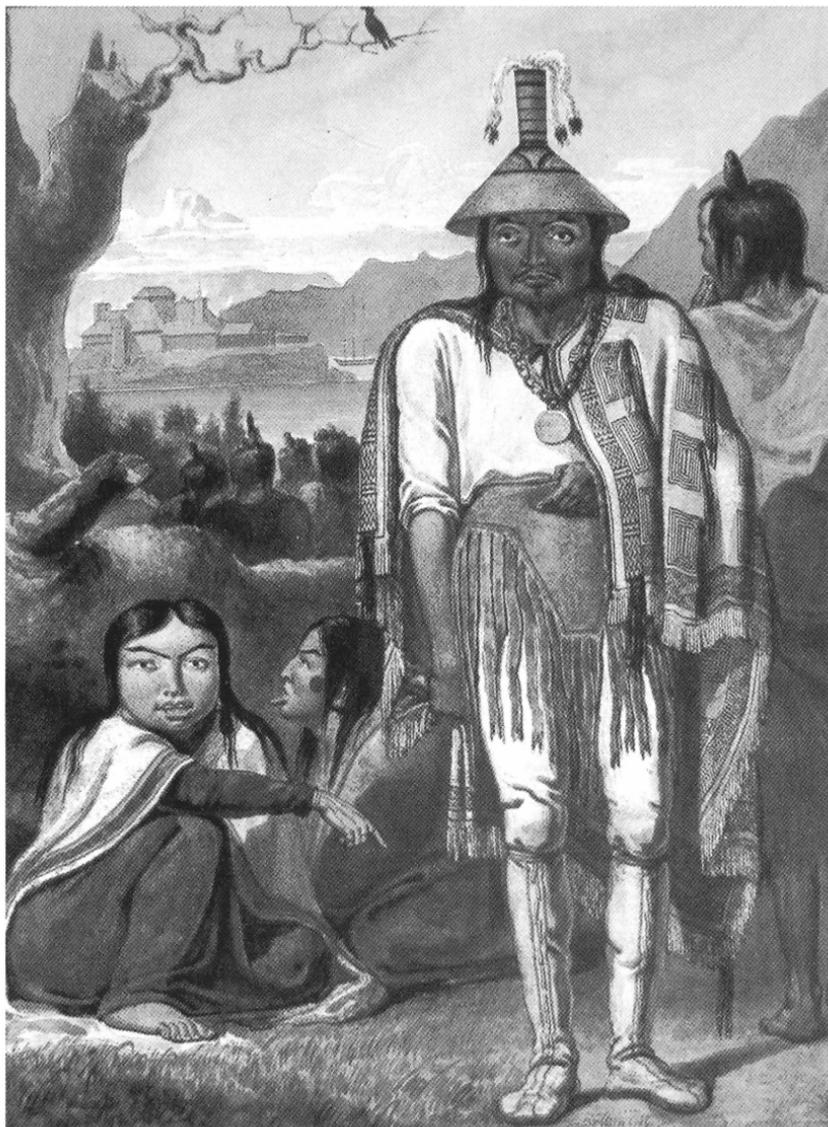

Значимые для РАК места и дороги России. Карту составил Джон Энн.

Алеуты на байдарках.

Источник: Alaska State Library. Alaska Purchase Centennial Commission
Photograph Collection.

Катлиан, знаменитый вождь индейцев тлинкитов, с другими тлинкитами на острове Ситка. На заднем плане — Ново-Архангельск. Рисунок сделан Михаилом Тихановым летом 1818 года. В 1817—1819 годах Тиханов участвовал в кругосветном плавании на шлюпе «Камчатка» под командованием Василия Головнина.

Источник: *Головнин В.М. Сочинения.* М.; Л., 1949. С. 335.

Абориген передает звериную шкуру белому. Этот фантастический рисунок служил фронтисписом книги Григория Шелихова, вышедшей в 1791 году, в которой он описывал свое путешествие на остров Кадьяк в 1783—1787 годах. Шелихов нравилось, когда его сравнивали с Христофором Колумбом. Источник: Alaska State Library. Alaska Purchase Centennial Commission Photograph Collection.

Коренные жители Алеутских островов. Интересный контраст между традиционной одеждой мужчины и европейской одеждой женщины. Рисунок Людвига Хориса, участника кругосветной экспедиции 1815—1818 годов на бриге «Рюрик» под командованием Отто фон Коцебу. Источник: *Voyages pittoresque autour du monde, avec des portraits de sauvages d'Amerique, d'Asie, d'Afrique, et des iles du Grand ocean; des paysages, des vues maritimes, et plusieurs objets d'histoire naturelle; accompagne de descriptions par m. le baron Cuvier, et m. A. de Chamisso, et d'observationssur les cranes humains, par m. le docteur Gall. Par m. Louis Choris, peintre. Paris: Impr. de Firmin Didot, 1822. Atrium Exhibit. B0083-79. Archives. University of Alaska Fairbanks.*

Митрополит Иннокентий с сыном (скорее всего, Гавриилом Вениаминовым) и внуком.

Источник: Alaska State Library, Michael Z. Vinokouroff Photograph Collection.

Ситка. Рисунок Фредерика Уимпера.

Источник: *Wympet F. An Artist in Alaska* // Harper's Magazine. 1869. Vol. 38. No. 227. P. 590.

Накладывая подобные ограничения, РАК намеревалась не только получить дополнительный доход, но и предотвратить возникновение различных споров и перебранок между жителями Ново-Архангельска и индейцами. Такой запрет являлся также реакцией компании на слухи о незаконной торговле другого рода: тлинкиты, которые покупали ром с американских кораблей, иногда перепродавали его жителям Ново-Архангельска¹. Контрабандный провоз индейцами американского рома в Ново-Архангельск не только способствовал разложению рабочих РАК, но и подрывал монополию компании на продажу спиртного. Обладая эксклюзивным правом на закупку меха, добытого алеутами и кадьяками, РАК стремилась начиная с 1830-х годов полностью контролировать всю русско-тлинкитскую торговлю.

В начале 1839 года представители РАК и британской Компании Гудзонова залива встретились в Гамбурге для обсуждения сотрудничества, направленного на создание совместной монополии в пушном промысле северо-западного побережья. Гамбургское соглашение позволило РАК и КГЗ разделить между собой сферы влияния, полностью устранив американских конкурентов. Другим плюсом было то, что обе компании согласились исключить из списка товаров, предназначавшихся на продажу аборигенам, алкоголь, полностью запретив его к 1842 году².

В свете этого соглашения РАК пересмотрела свои отношения с тлинкитами. Она уступила КГЗ первенство в торговле с южными тлинкитами в обмен на выплаты и различные концессии, сосредоточившись на расширении торговли и улучшении отношений с тлинкитами северными. Таким образом, в 1840-х годах территория торговли РАК с индейцами уменьшилась, но в то же время возросла интенсивность торговли в районе острова Ситка и на севере. Гамбургское соглашение, которое с российской стороны было подписано Врангелем, оказалось выгодным для Российско-Американской компании: оно помогло увеличить прибыль от торговли на севере, а также покинуть труднодоступный рынок на юге, который к тому же был менее прибыльным (в 1830-х годах, до заключения соглашения с КГЗ, РАК платила южным

¹ *Гринев А.В.* Торгово-промысловая деятельность Российско-американской компании. С. 33.

² *Gibson J.R.* The «Russian Contract»: The Agreement of 1838 between the Hudson's Bay and Russian-American Companies // *Russia in North America: Proceedings of the 2nd International Conference on Russian America: Sitka, Alaska, August 19—22, 1987* / Ed. R.A. Pierce. Kingston, Ont.: Limestone Press, 1990. P. 166; *Гринев А.В.* Россия, Великобритания и США на Тихоокеанском Севере в середине XIX в.: соперничество и сотрудничество // *ИРА. Т. 3. С. 175.*

тлинкитам — стикинцам за каждую каланью шкурку на 25% больше, чем северным тлинкитам в Ново-Архангельске)¹.

Не менее важным итогом соглашения 1839 года было активное сотрудничество РАК и КГЗ, пришедшее на смену конкуренции между ними. Сотрудничество позволяло обеим компаниям платить тлинкитам меньшую цену за меха и другие товары; таким образом, и британская, и российская компания были в выигрыше, в то время как индейцы находились в невыгодном положении. Также Российско-Американская компания заключила с Гудзонбейской компанией договор об организации поставок продовольствия и других товаров в Ново-Архангельск, решив на определенное время эту постоянную проблему. Соглашение с КГЗ убедило руководство РАК завершить ее сельскохозяйственные эксперименты в Калифорнии, в результате чего в 1841 году Форт-Росс был продан. Уход с территории южных тлинкитов и продажа калифорнийской базы стали свидетельством как прагматичности РАК, так и нежелания правительства Николая I продолжать колониальную экспансию в столь отдаленном регионе. К 1839 году морские офицеры, руководившие заморской колонией, и российское правительство в целом осознали пределы сферы влияния Российской империи, что являло собой разительный контраст с амбициями начала XIX века.

Итак, договор между РАК и КГЗ оказался выгодным для обеих сторон и держав, стоявших за ними. В 1849 году, когда срок его действия истек, он был благополучно продлен еще на девять лет. Признавая взаимную выгоду от сотрудничества, равно как и разделяя опасения об агрессии аборигенов, Великобритания и Россия даже подписали секретное соглашение, которое запрещало вести какие-либо военные операции на северо-западном побережье Америки в годы Крымской войны (1853—1856). В Северотихоокеанском регионе колониальные интересы, заключавшиеся в пушном промысле, были приоритетными для обеих империй-государств и их подрядчиков и превалировали над другими соображениями.

Соглашение помогло и той, и другой компании достичь относительной стабильности в отношениях с тлинкитами. КГЗ основала в Юго-Восточной Аляске Форт-Стикин, а в 1840—1843 годах — Форт-Таку, но в целом предпочитала торговать с тлинкитами непосредственно со своих кораблей. Форт-Стикин функционировал до 1848 года, но благодаря присутствию кораблей КГЗ британское коммерческое

¹ АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 1004. Л. 76.

доминирование в этом регионе сохранялось еще два десятилетия после его закрытия. Достигнув стабильности на северо-западном побережье Аляски, КГЗ смогла направить свои силы на борьбу с американскими и независимыми британскими торговцами в других частях огромной территории, на которой стремилась доминировать.

Не меньшее значение имело соглашение и для РАК, так как ее колониальная столица находилась в центре территории тлинкитов. В 1840-х годах ГП РАК в своих отчетах Министерству финансов продолжало представлять тлинкитов как «самое многочисленное, свирепое и недавно еще опаснейшее из независимых соседних племен»¹. Без стабильности на северо-западном побережье функционирование уязвимой российской эксплуатационной колонии оказывалось под вопросом. Тлинкиты могли представлять реальную угрозу для колонии при обострении отношений, однако пока все было благополучно, те же индейцы снабжали колонистов провизией и даже нанимались на работу в РАК².

Главный правитель Этолин (1840—1845) активно искал пути для расширения торговли и укрепления культурных связей с тлинкитами. Он поставил задачу способствовать сближению с независимыми аборигенами через развитие более доверительных отношений между тлинкитами и русскими. В правление Этолина первый пароход, построенный в Ново-Архангельске (1839), «Николай I», помог значительно увеличить объемы торговли между русскими и индейцами, доставляя русские товары на продажу прямо в их поселения³. «Николай I» предназначался для конкуренции с британским пароходом «Бивер», который до этого давал КГЗ значительное превосходство над русскими парусными судами в маневрировании вдоль изрезанных берегов проливов Юго-Восточной Аляски.

В 1841 году Этолин основал «игрушку» — ежегодную весеннюю торговую ярмарку, которая проводилась возле Ново-Архангельска, сразу за частоколом города. «Игрушка» способствовала поддержанию хороших отношений с тлинкитами и приносила побочную выгоду в виде поставок свежего продовольствия в город. В 1842 году РАК впервые наняла около пятидесяти работников-тлинкитов. Некоторые из

¹ Отчет Российско-Американской компании главного правления за один год, по 1-ое января 1843 года. СПб., 1844. С. 30.

² Gibson J.R. The «Russian Contract». P. 173.

³ Гринев А.В. Торгово-промышленная деятельность Российско-американской компании. С. 47; Он же. Расцвет Русской Америки // ИРА. Т. 3. С. 70.

них трудились в порту Ново-Архангельска, другие служили в качестве матросов на кораблях компании. Привлечение тлинкитов в качестве рабочей силы позволило РАК отправлять больше алеутов на пушной промысел. Этолин был настолько доволен работой тлинкитов, что выразил надежду на замену со временем тлинкитами не только алеутов, но и русских на их рабочих местах. Со своей стороны, тлинкиты охотно соглашались работать на РАК¹.

Расцвет торговых и общественных отношений РАК с тлинкитами пришелся на 1840-е годы. Сменивший Этолина главный правитель Михаил Тебеньков (1845—1850) продолжил его политику по расширению торговых и культурных связей. В эти годы русские приобретали у индейцев главным образом меха, картофель и другую провизию. В апреле 1846 года ярмарку-«игрушку» возле Ново-Архангельска посетило около 1,5 тыс. «почетных колошей». Хотя в этот раз тлинкиты привезли на продажу мало мехов, зато они доставили много съестных припасов². Несмотря на значительные затраты РАК на организацию ярмарки, последняя оказалась выгодным вложением средств. К следующему году затраты окупились, поскольку еще более расширившаяся после ярмарки интенсивная торговля с тлинкитами принесла компании меха стоимостью 10 398 рублей 50 копеек, из которых почти 3 тыс. рублей составляли чистую прибыль³.

Однако в 1850-х годах отношения между русскими и тлинкитами ухудшились. В годы, предшествовавшие Крымской войне, как и во время войны, в которой Великобритания была одним из неприятелей России, объем мены с тлинкитами был значительно сокращен. Пароход «Николай I» почти десять лет стоял на причале в порту Ново-Архангельска, прекратив хождение по проливам Юго-Восточной Аляски и ведение торговли с тлинкитами. Выше уже говорилось, что Российская и Британская империи заключили секретное соглашение, исключившее Северную Америку из театра действий Крымской войны. Но в Ново-Архангельске об этом соглашении не было известно даже главному правителю — так что пароход стоял на приколе из-за

¹ Отчет Российско-Американской компании главного правления за один год, по 1-ое января 1847 года. СПб., 1848. С. 40, 45; *Мамышев В.Н.* Американские владения России // Библиотека для чтения. 1855. Т. 130. № 2. С. 246—247; Отчет Российско-Американской компании главного правления за два года, по 1-ое января 1842 года. СПб., 1843. С. 45—46.

² Письмо главного правителя Михаила Д. Тебенькова в ГП РАК, 5 мая 1846 г. // NARS-RRAC. CS. Roll 51. Folios 206—207, 317.

³ NARS-RRAC. CS. Roll 51. Folios 354—354 ob.

опасения возможной британской атаки¹. Ссылаясь на озабоченность общей безопасностью, главный правитель Николай фон Розенберг (1850—1853) почти полностью прекратил наем местных тлинкитов на работу в порту; ярмарка-«игрушка» перестала проводиться после 1851 года; россияне практически прекратили покупать меха у тлинкитских охотников и посредников². РАК в одностороннем порядке отменила культурные и коммерческие инициативы, которые способствовали налаживанию отношений с индейцами, — и последствия такого шага не заставили себя ждать. Наиболее серьезное столкновение, повлекшее за собой разрушение тлинкитами-стикинцами небольшого поселения русских Горячие Ключи, произошло в июне 1852 года. Растущие недоверие и напряженность в Юго-Восточной Аляске во время пребывания Розенберга на посту главного правителя сделали этот период сложным временем для русско-тлинкитских отношений.

Ситуация не улучшилась и после того, как Розенберг покинул свой пост. Ссылаясь в основном на экономические причины, Степан Воеводский, главный правитель с 1854 по 1859 год, ввел дополнительные ограничения на отношения с тлинкитами. Он отказался нанимать тлинкитов на работу, обосновав это решение тем, что, когда индейцы получают деньги за работу, они поставляют в Ново-Архангельск меньше провизии на продажу. Колониальное правление полагало, что эта мера будет способствовать увеличению объема торговли. Однако по соображениям безопасности Воеводский также наложил новые ограничения на въезд в Ново-Архангельск тлинкитских вождей, которые прибывали на городской рынок как раз для ведения торговли. Эти ограничения нарушили установившиеся традиции и были восприняты тлинкитами как оскорбление. Одновременно русские чувствовали необходимость направлять все больше рабочей силы и ресурсов для укрепления обороны Ново-Архангельска. Напряжение достигло критического уровня, когда в марте 1855 года тлинкиты совершили неудачное, но получившее большой резонанс нападение на город³.

При главном правителе Иване Фуругельме (1859—1864) РАК вернулась к политике сближения. Компания снова принимала меры к поощрению мены и увеличивала товарооборот. Индейцы, в свою

¹ АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 392.

² *Гринев А.В.* Индейцы тлинкиты в период Русской Америки. С. 162.

³ *Кап S.* Memory Eternal. P. 139—140, 142—143; *Гринев А.В.* Индейцы тлинкиты в период Русской Америки. С. 166—167; Отчет Российско-Американской компании за 1854-й и 1855-й годы. СПб., 1856. С. 33—36.

очередь, стали покупать больше товаров у русских, особенно увеличив закупки муки¹. Пароход «Николай I» возобновил в 1860 году торговые путешествия, РАК снова стала зачислять тлинкитов на службу. Фуругельм принимал тлинкитских вождей в своем доме и путешествовал по тлинкитским селениям в сопровождении только переводчика и аборигенных гребцов². Тлинкиты, несомненно, оценили такую демонстрацию, с одной стороны, доверия, с другой — храбрости, а также приветствовали значительный рост торговли.

Надо отметить, что главные правители, предпринимавшие наиболее смелые шаги по сближению русских и тлинкитов, увенчавшиеся успехом, оба были уроженцами Финляндии. И Этолин, и Фуругельм имели значительный опыт работы в Русской Америке до того, как заняли руководящие посты. Этолин прибыл в колонию в 1818 году на судне, совершавшем кругосветное плавание, и до своего назначения главным правителем набирался опыта, взаимодействуя с коренными жителями, руководя кораблями компании и помогая своему наставнику Врангелю. Этолину даже довелось выполнять в Ново-Архангельске обязанности главного правителя, пока Врангель совершал продолжительные инспекционные поездки по владениям РАК летом 1833 и 1834 годов. В 1833 году Врангель отправил Этолина торговать с тлинкитами и хайда в проливах Юго-Восточной Аляски и разведывать места для будущих торговых точек — это была миссия, ставшая важной вехой в отношениях русских и индейцев³. Еще одно достижение Этолина заключалось в урегулировании деликатного вопроса с тлинкитами-стикинцами и британцами в ходе так называемого инцидента на реке Стикин в 1834 году. Что касается Фуругельма, то он получил рекомендацию для службы в компании от Этолина, своего товарища, который тоже являлся финским шведом, лютеранином и уроженцем Гельсингфорса. Перед тем как отправиться в 1850 году в Русскую Америку, Фуругельм в течение нескольких лет работал в ГП РАК в Петербурге. Письма Фуругельма из Ситки показывают, что он не соглашался с политикой Розенберга в отношении тлинкитов. В 1851—1859 годах в его колониальные обязанности входило командование кораблями компании и руководство портами Ново-Архангельска, Охотска и Аяна⁴.

¹ Головин П.Н. Обзор русских колоний в Северной Америке // Морской сборник. 1862. Т. 57. № 3. С. 49—50.

² Там же. С. 133; Pierce R.A. Russian America: A Biographical Dictionary. Kingston, Ont.: Limestone Press, 1990. P. 155.

³ АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 995. Л. 49.

⁴ Pierce R.A. Russian America. P. 136—140, 152—156.

В мае 1866 года последний главный правитель Русской Америки, князь Дмитрий Максutow (1864—1867), сообщил в Петербург, что у русских колонистов сложились мирные отношения со «всеми» тлинкитами¹. К этому времени русские действительно преуспели в установлении с тлинкитами относительно мирных, если не дружеских отношений, основанных на взаимных торговых интересах. Тем не менее за пределами Ново-Архангельска Юго-Восточная Аляска неизменно оставалась землей тлинкитов, а не русских. Эти индейцы никогда не рассматривали себя в качестве подданных Российской империи, и русские, с точки зрения тлинкитов, оставались нарушителями их границ и чужаками.

Торговля, аккультурация и экономические соображения

В XIX веке русские наблюдатели на Аляске остро осознавали, что аборигены играли важную, а иногда даже ключевую роль в судьбе региона. Во второй половине 1820-х годов тлинкиты, стремясь укрепить собственные позиции на рынке в качестве независимых торговцев, приглашали русских основывать торговые посты на своих территориях — с тем, чтобы русские составили конкуренцию британским торговцам. Наличие выбора между торговыми партнерами давало аборигенам преимущество при проведении переговоров. Таким образом, аборигенные торговцы играли все возрастающую роль в импортировании не только коммерческих продуктов, но и русского культурного влияния в аборигенные сообщества. Тлинкиты активно конкурировали друг с другом за участие во внешней торговле. Наиболее успешные из них добились высокого уровня доходов и приобрели весомый статус благодаря торговле с русскими.

Южные тлинкиты понимали, что присутствие британского форта вверх по течению реки Стикин (на территории племени атапасков, их соперников) угрожало бы их роли посредников между европейскими торговцами с побережья и индейцами внутренних территорий. В 1834 году с помощью русских, к которым тлинкитские вожди обратились за содействием, тлинкиты воспрепятствовали попыткам британцев подняться вверх по реке и построить там торговый пост: так называемый инцидент на реке Стикин заставил британцев отказаться

¹ АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 1027. Л. 7 об. — 8, 52 об.

от своих планов¹. Вожди тлинкитов-стикинцев стратегически использовали альянс с русскими к собственной выгоде. Даже после того, как в результате Гамбургского соглашения 1839 года Гудзонбейская компания получила доступ в этот регион, ее торговые посты находились только на прибрежной территории, а стикинцы оставались посредниками между европейцами и индейскими племенами, которые населяли внутренние территории. Таким образом, в то время как русские пытались использовать торговлю с индейцами, чтобы поставить в зависимость от себя аборигенов на территории всей колонии, тлинкиты успешно использовали торговлю с русскими, чтобы уравновесить влияние британцев и укрепить свою независимость и от британцев, и от русских. Эта тактика работала до тех пор, пока у индейцев была возможность лавировать между разными конкурентами.

«Срединность» между русскими и тлинкитами проявлялась по-разному. Например, в письмах Купреянова в ГП РАК от 1838 года говорится, что компания искала помощи индейцев при поимке трех дезертиров — двоих русских и одного креола. Скрываясь в районе проливов Юго-Восточной Аляски, беглецы вступали в стычки с тлинкитами и убили нескольких из них. После того как дезертиры сдались русским у Дионисиевского редута, РАК была вынуждена заплатить тлинкитам компенсацию за убитых индейцев, чтобы предотвратить развитие конфликта². Неудивительно, что поведение дезертиров, убивших тлинкитов, вызвало напряженность в отношениях между индейцами и русскими. Примечательно другое — то, что РАК и родственники погибших смогли договориться о размере компенсации и успешно урегулировать этот спор.

Хотя торговля между русскими и тлинкитами велась прежде всего ради сохранения мира и для постепенного культурного сближения, она, безусловно, имела и определенное хозяйственное и экономическое значение. Кроме снабжения мехами, индейцы поставляли в Ново-Архангельск продукты питания. В рационе обитателей этого города значительную роль играла рыба, которую привозили тлинкиты. Наибольшей популярностью пользовался палтус, но также тлинкиты поставляли лосося, моллюсков и сельдь. Только благодаря тлинкитам жителям русского селения было доступно свежее мясо, главным образом оленина³. Поставляли тлинкиты и мясо диких баранов (дели-

¹ АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 351. Л. 25 об.

² Письма главного правителя Ивана А. Купреянова в ГП РАК; 19 мая 1838 г. и 30 апреля 1839 г. // NARS-RRAC. CS. Roll 41. Folios 84, 222—228.

³ Gibson J.R. Russian Dependence upon the Natives of Alaska. P. 89.

катес, который могли себе позволить только наиболее состоятельные колонисты), диких козлов, снежного барана, яйца диких птиц, ягоды, травы и съедобные коренья. Эти продукты являлись более вкусной и здоровой альтернативой сушеной рыбе, которая была основным продуктом питания многих горожан даже и в 1860-х годах — особенно в те моменты, когда из-за разногласий между русскими и тлинкитами их торговые отношения расстраивались¹.

Благодаря наличию спроса среди горожан и сотрудников компании аборигенные торговцы могли устанавливать высокие цены на некоторые виды продуктов, однако РАК, со своей стороны, налагала на них определенные ограничения. Тлинкитам не разрешалось свободно перемещаться по Ново-Архангельску — они должны были прибывать на специальный рынок РАК, расположенный непосредственно у входа в город, и продавать там привезенные товары по заранее оговоренным ценам. С наступлением комендантского часа тлинкиты должны были покидать огороженную частоколом территорию и выходить за пределы города; с этого момента торговый пост РАК начинал продавать товары, доставленные индейцами, по более высоким ценам². Очевидно, что, составляя правила торговли с тлинкитами, РАК руководствовалась как соображениями безопасности, так и экономическими мотивами.

Такие торговые правила компании и наценки на перепродаваемые продукты привели к тому, что и горожане, и тлинкиты старались их обойти. Личные знакомства между отдельными лицами, проживавшими по разные стороны городского частокола, служили каналом незаконной торговли, особенно прибыльной в отношении алкоголя. Судя по всему, подобные неформальные торговые связи были обширными. Эти личные контакты, которые были выгодны как русским, так и тлинкитам и упрочивали их зависимость друг от друга, также помогают объяснить, почему тлинкиты не совершали новых попыток сровнять город с землей³.

¹ Костливицов С.А. Отчет по обозрению Российско-Американских колоний, произведенному по распоряжению Господина Министра Финансов. СПб.: Типография департамента внешней торговли, 1863. С. 58; Gibson J. Imperial Russia in Frontier America: The Changing Geography of Russian America, 1784—1867. New York: Oxford University Press, 1976. P. 13; *Idem*. Russian Dependence upon the Natives of Alaska. P. 91; Golovin P.N. Civil and Savage Encounters: The Worldly Travel Letters of an Imperial Russian Navy Officer, 1860—1861. Portland: Oregon Historical Society, 1983. P. 95.

² Golovin P.N. Civil and Savage Encounters. P. 85; Из путевых писем П.Н. Головина // Морской сборник. Т. 66. № 5. Неофициальный отдел. С. 181.

³ Из путевых писем П.Н. Головина. С. 84, 116—117.

Так получилось, что торговля с тлинкитами стала более важным инструментом аккультурации в те годы, когда Русская Америка управлялась морскими офицерами. Придя на руководящие позиции, они принесли новый стиль управления. Порядок осуществления руководства, установившийся после ухода Баранова, был кодифицирован во втором уставе РАК, составленном в конце 1810-х годов. На бумаге русские, казалось, умилили свои амбиции в отношении потенциального влияния на политический и общественный строй тлинкитских кланов. Согласно уставу, с независимыми аборигенами Русской Америки следовало построить новые отношения — РАК предписывалось не предпринимать попыток установить непосредственный контроль над обитателями североамериканского побережья (т.е. тлинкитами). Напротив, колониальные власти должны были использовать все средства, чтобы поддерживать доброжелательные отношения со своими тлинкитскими соседями¹.

Однако, несмотря на содержание устава, компания в период после отставки Баранова на самом деле не ослабляла, а усиливала свое влияние на социальную и политическую жизнь тлинкитов. Ключевую роль в этой более далекоидущей стратегии играло установление мирных, доверительных отношений с тлинкитами и культурное сближение с ними. РАК обязалась наконец обеспечить присутствие священника в Ново-Архангельске, важной составляющей деятельности которого должно было стать духовное и социальное влияние на тлинкитов, живших по соседству с городом. Священнику следовало развивать культурные связи с индейцами и мотивировать их на установление более тесных культурных связей с русскими вообще. Однако деятельность первого священника, получившего это нелегкое задание, оказалась неэффективной. Однако в середине 1830-х годов в Ново-Архангельск прибыл гораздо более умелый миссионер Иоанн Вениаминов. Тем не менее, как уже упоминалось выше, русско-тлинкитские отношения успешно развивались и до прибытия этого священника — благодаря интенсивному расширению торговых отношений.

Приобретение влияния в аборигенном сообществе посредством торговли, т.е. через создание новых потребностей или новых объектов желания и престижа для аборигенной элиты, было проверенной и надежной тактикой колонизаторов Старого и Нового Света. Знаменитый британский капитан Джеймс Кук однажды отметил, что, несмотря на

¹ См.: *Kan S. Memory Eternal. P. 72; Tikhmenev P.A. A History of the Russian-American Company. Seattle: University of Washington Press, 1978. P. 160.*

кажущуюся самостоятельность индейцев, «торговля с иностранцами увеличивает их запросы, вводя в обиход новые роскошества, ради приобретения которых они вынуждены быть более усердными в добыче шкур»¹. Подобно другим колонизаторам, русские понимали, что, увеличив запросы аборигенов и познакомив их с новыми предметами роскоши, они могут укрепить свою власть над ними. Однако то обстоятельство, что у тлинкитов были и другие поставщики привозных товаров, а также то, что индейцы полностью осознавали свою выгоду от борьбы конкурирующих колонизаторов друг с другом, не позволяло русским консолидировать контроль над ними.

МЕХАНИЗМЫ КООПТАЦИИ

Протяженность страны и недостаток рабочей силы заставляли местные администрации регионов Российской империи полагаться на коренное население. Среди историков, изучающих Российскую империю, бытует мнение о важности института посредников в управлении ею. С. Фредерик Старр подчеркивает, что кооптация аборигенных элит была одной из устойчивых черт, характеризовавших управление народами империи². Джейн Бурбанк соглашается с этой точкой зрения, замечая, что на всей территории страны «государство столетиями функционировало, даря высшие права посредникам и держа их под угрозой отнятия таких прав»³. Причем, кроме привлечения представителей элиты из местных этнических групп на имперскую службу в регионах, империя Романовых выдвигала ассимилированных представителей различных национальностей и на посты общеимперского значения.

Особо важную роль в этой общеимперской системе играли балтийские немцы, которых политолог Джон Армстронг назвал «мобилизованной диаспорой». В основном лютеране по вероисповеданию, они составляли поместное дворянство балтийских провинций, а в пределах Российской империи были освобождены от уплаты налогов и пользовались другими привилегиями, которых не было у представителей

¹ Фраза Кука цитируется по: *Gibson J.R. Otter Skins, Boston Ships, and China Goods: The Maritime Fur Trade of the Northwest Coast, 1785—1841.* Seattle: University of Washington Press, 1992. P. 22.

² *Starr S.F. Tsarist Government: The Imperial Dimension // Soviet Nationality Policies and Practices / Ed. J.R. Azrael.* New York: Praeger, 1978. P. 9.

³ *Burbank J. An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire // Kritika.* 2006. Vol. 7. No. 3 (Summer). P. 416.

дворянства из числа этнических русских. Балтийские немцы ощущали себя в условиях империи Романовых довольно комфортно: они получали образование в русских и немецких университетах, среди которых особенно славился высоким качеством образования Дорпатский (или Дерптский) университет, и могли свободно выбирать жен как среди православных (в основном русских) женщин, так и среди лютеранок. Балтийских немцев отличали близость к немецкой культуре и преданность российской династии. До объединения Германии в 1871 году балтийские немцы считали своей удачей то, что они проживают в империи — стабильной по сравнению с маленькими уязвимыми немецкими государствами. Многие из них занимали высокие посты в бюрократическом аппарате Российской империи, а также составляли известную часть российской элиты на Дальнем Востоке и Аляске. Кроме этого, много балтийских немцев было в рядах высшего офицерского состава российского флота¹.

В различных регионах Российской империи была широко распространена кооптация представителей этнических элит. В обмен на политическую преданность они получали преимущества на местах и ряд привилегий². Тактика кооптации имела особое значение там, где присутствие имперской власти было слабым, а власть местных элит — относительно сильной, как в случае с коренным населением Русской Америки. После того как империя-государство кооптировала местные элиты, она полагалась на них в вопросах контроля над простыми людьми. В таких условиях колонизаторы активно искали, а иногда даже создавали так называемых ответственных партнеров среди коренного населения³.

Русский имперский вариант кооптации развивался в определенной окружающей среде, и специфика этого развития обуславливала отличия от способов кооптации, которые практиковали другие

¹ *Armstrong J.A.* Mobilized Diaspora in Tsarist Russia: The Case of the Baltic Germans // *Soviet Nationality Policies and Practices*. P. 63—104. О немцах в военноморском флоте Российской империи см.: *Копелев Д.Н.* На службе Империи: немцы и Российский флот в первой половине XIX века. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010.

² См., например: *Suny R.G.* *The Making of the Georgian Nation*. Bloomington: Indiana University Press, 1988. P. 63—95. См. также: *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода Империи (XVIII — начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. С. 30—31.

³ *Osterhammel J.* *Colonialism: A Theoretical Overview*. Princeton: Markus Wiener Publishers, 1997. P. 66—67.

европейские колониальные державы. Многовековой опыт экспансии на евразийской равнине, избирательное поглощение элементов предшествовавших ей монгольской и татарской моделей, географическая сопредельность центра России и ее континентальных периферий и выборочное заимствование из западноевропейского колониального мышления — все это придавало российской практике кооптации особые черты. Сибирские казаки на службе Российской империи, подобно своим предшественникам монголам и татарам, захватили евразийскую равнину с поразительной скоростью. Но для того, чтобы действительно принять в свой состав земли, «захваченные» казаками, и ассимилировать их население, Российскому государству понадобилось несколько столетий. Для эффективного покорения Сибири требовалось создание сложных систем связи, военное присутствие и организованное управление. Некоторые из этих систем имели корни в российской истории. Например, расположение таких старейших восточнославянских городов, как Новгород и Киев, на речных маршрутах между Скандинавией и Византией способствовало развитию навыков речной навигации, которые позже были перенесены в Сибирь. Русский Север открыл для русских арктическое мореплавание. Вдобавок к этому, способы умиротворения, применявшиеся русскими, как и стратегия колонизации в целом, развивались под воздействием других культур, при помощи ряда корректировок на местах. В более ранний период русское судоходство было подвержено влиянию скандинавов и греков, а арктическое мореплавание развивалось под влиянием угро-финнов. Система коммуникации, применявшаяся русскими в Сибири и игравшая жизненно важную роль в поддержании империи, была изначально развита монголами и другими народами Евразии¹. От монголов русские унаследовали практику ясака — налога пушниной, который налагался на коренное население Сибири.

Кооптация приобрела особую актуальность в условиях конкуренции, с которой столкнулись русские колонизаторы Северной Америки. РАК активно искала подходы к туземной элите, чтобы приобрести рычаги воздействия на коренных жителей в целом. Компания с готовностью награждала тех вождей, которые соглашались с ней сотрудничать, давая им стимул для продолжения сотрудничества. Посредством привилегий, которые повышали статус избранных

¹ См.: *Vernadsky G. The Mongols and Russia. New Haven: Yale University Press, 1953. P. 335—358; Ostrowski D. Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304—1589. New York: Cambridge University Press, 2002.*

тойонов (вождей), Российско-Американская компания перестраивала аборигенные иерархии¹.

В отличие от прочих зависимых аборигенов, тойоны фактически имели особый ранг в структуре РАК. На каждом из них, как на главе поселения, лежала ответственность по снабжению русских мехами и продуктами питания, а также по надзору за соблюдением правил компании подвластными этому тойону жителями². «Звание тойонов наследственное и соответствует званию дворянина», — писал правительственный инспектор в последнее десятилетие существования Русской Америки, добавляя, что в прежние времена у всех тойонов были рабы. Тойоны назначались компанией из числа аборигенных «вождей», которые имели право на этот титул по наследству. Среди соображений, которые учитывались при выборе, были происхождение, организаторские способности и охотничьи навыки кандидата, но самыми важными качествами считались надежность и преданность компании³.

РАК привлекала тойонов для организации аборигенов в качестве рабочей силы — наиболее важной задачей этих помощников компании был набор людей в экспедиции для охоты на калана. В начале столетия тойоны обладали относительно небольшим количеством привилегий. Обычно они работали наравне с остальными аборигенами, однако иногда компания выделяла их среди прочих, награждая подарками⁴. Среди способов поощрения, которые использовали русские для кооптации элит, были обряды крещения, выдача знаков отличия и медалей, раздача привилегий и титулов, а также проведение праздников. В качестве подарков для аборигенной знати часто фигурировали деньги, табак и алкоголь. Последний находился под запретом для простого населения, однако был доступен аборигенам высоких рангов. Доступ к алкоголю был поощрением, которое подчеркивало особое положение привилегированной элиты, и являлся одним из самых эффективных

¹ Этот уже упоминавшийся в предыдущей главе термин — «тойон» (или «тоён») — был, вероятно, якутского происхождения и появился на Аляске после прибытия русских.

² *Crowell A.L. Archaeology and the Capitalist World System: A Study from Russian America. New York: Plenum Press, 1997. P. 37.*

³ *Костливец С.А. Отчет по обозрению Российско-Американских колоний. С. 47.*

⁴ *Окунь С.Б. Российско-американская компания. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. С. 186—188; Litke F.P. A Voyage Around the World, 1826—1829. Kingston, Ont.: Limestone Press, 1987. P. 75—76; Гринев А.В. Русские колонии на Аляске на рубеже XIX века // ИРА. Т. 2. С. 33.*

рычагов давления в репертуаре компании. Юрий Лисянский так описывал прием, который он устроил для вождей на борту корабля «Нева» осенью 1804 года:

Сего дня, так как и вчера, корабль наполнен был нашими Американцами. Я нарочно велел пускать их всех, чем они крайне были довольны. Им никогда не случалось видеть такого корабля, и потому дивились им чрезвычайно. Пушки, ядра и прочие снаряды приводили их в изумление. Тайонов [так в тексте] подчивал я водкою в каюте; и они конечно уехали с теми мыслями, что на корабле моем собраны самая лучшая сокровища; ибо стулья, столы и моя койка превышали их воображение¹.

Русский капитан также угостил своих гостей табаком².

В более поздний период Российско-Американская компания выработала стратегию по укреплению положения избранных аборигенных лидеров, чтобы усилить их влияние среди соплеменников, так как вследствие этого возрастало и влияние РАК. Компания начала выдавать тойонам зависимых племен зарплату за службу в качестве управляющих рабочей силой³. Наличие управляющих-аборигенов и незначительное участие русских промышленников в повседневной жизни аборигенных сообществ создавало в аборигенных поселениях определенные условия для самоуправления. Члены привилегированной местной аристократии выступали в качестве посредников между колониальными чиновниками и коренным населением. К 1860-м годам тойоны, служившие в РАК, получали по 250 рублей в год, а также подарки и медали. Их деятельность, однако, находилась под пристальным надзором старших чинов компании⁴.

Система косвенного управления с помощью кооптированных и подконтрольных местных вождей давала РАК ряд преимуществ. Позволение зависимым аборигенам заниматься своими внутренними делами без привлечения ресурсов РАК отвечало экономическим

¹ Лисянский Ю. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5, и 1806 годах на корабле «Неве»: В 2 ч. СПб.: Типография Дрехслера, 1812. Ч. 2. С. 16.

² Там же. С. 17.

³ Этолин разработал правила касательно этих зарплат на Кадьяке в 1840-х годах. См.: Гринев А.В. Расцвет Русской Америки. С. 73.

⁴ Костликов С.А. Отчет по обозрению Российско-Американских колоний. С. 47.

и общественным интересам компании¹. Вдобавок к экономии денег и трудовых ресурсов, косвенное управление предоставляло РАК и другие преимущества. Стратегия управления, при которой компания делила власть с местными элитами, помогала ей стабилизировать собственную власть и увеличивать собственное влияние, поскольку уважаемые аборигенами старейшины склоняли и других членов своих сообществ к принятию гегемонии русских. Как выразился морской офицер, посетивший Кадык в первое десятилетие XIX века, вожди представляли собой для компании «пружины утеснения» других островитян². В этом смысле РАК, являвшаяся подрядчиком Российской империи, в свою очередь нанимала субподрядчиков из представителей аборигенной элиты для управления аборигенными сообществами.

Кооптация была возможна только тогда, когда аборигенные элиты положительно реагировали на инициативы русских. Те, кто выражал готовность сотрудничать с русскими, ожидали получить что-то взамен. Такой расклад соответствовал общей модели обоюдной выгоды в других частях колониального мира. С точки зрения местных элит, мотивация для подобного взаимного сотрудничества была сходна с традиционным поиском покровителя³.

Кооптация элит играла важную стратегическую роль, потому что, принимая сторону русских, влиятельные местные лидеры часто убеждали своих соплеменников поступать так же, привлекая их посулами или принуждая. Не зря Баранов и его преемники предпринимали столько усилий для выделения и награждения лояльных компании представителей аборигенной элиты. К тому же у РАК были конкретные экономические причины желать привлечения местной аристократии: кооптация аборигенных элит способствовала более успешному ведению пушного промысла. Чиновники компании понимали, что лидеры аборигенов северо-западного побережья были «вождями, которые привлекали своих сторонников и личных знакомых

¹ Донесения капитана Воеводенского Главному правлению Р. А. Компании по управлению российскими колониями в Америке. 1856—1857 // АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 396. Л. 5 об.

² Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним: В 2 ч. СПб.: Морская типография, 1810—1812. Ч. 2. С. 116. О стратегии предоставления аборигенным элитам доли полномочий для стабилизации власти в колониальных поселениях других империй см.: *Osterhammel J. Colonialism*. P. 51—52.

³ См.: *Osterhammel J. Colonialism*. P. 66.

для добычи и поставки шкур калана и чья власть росла с развитием торговли»¹. Чтобы гарантировать империи доступ к желанным мехам, русские морские офицеры предусмотрительно образовывали альянсы с теми аборигенами, которых они считали наиболее эффективными организаторами и посредниками.

СОЗДАНИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

Подарки и угощения играли не только символическую роль. Например, осенью 1806 года тлинкиты спланировали нападение на Ново-Архангельск. О заговоре узнал Иван Кусков, который тогда отвечал за Ситку, являясь заместителем Баранова в течение продолжительного срока. Кусков решил помешать этим планам, сыграв на тщеславии тлинкитской аристократии. Он устроил для одного из наиболее влиятельных вождей, участвовавшего в заговоре, пышный прием с угощениями и подарками, а затем убедил его покинуть местность вместе с воинами. Другие заговорщики были явно деморализованы внезапным отъездом этого вождя, и заговор распался сам собой².

Пытаясь «оказать уважение» аборигенам, в особенности тлинкитам, русские организовывали масштабные праздники и ярмарки. Ярмарки-«игрушки», которые русские устраивали для индейцев, также были известны как «русские потлачи»³. Русские колониальные чиновники прямо заявляли, что эти двухдневные ярмарки нужны были для демонстрации «нашей приязни и расположения» по отношению к тлинкитам⁴. На «игрушке», устроенной возле Ново-Архангельска в апреле 1846 года, присутствовало около 1,5 тыс. гостей, и ее организация стоила компании значительных средств. Согласившись с предложением своего предшественника, главный правитель Тебенков постановил, что мероприятие такого масштаба должно проводиться не чаще чем один раз в пять лет. Таким образом, каждый главный правитель был

¹ Wolf E.R. *Europe and the People without History*. Berkeley: University of California Press, 1982. P. 185.

² Хлебников К. Т. *Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, главного правителя российских колоний в Америке*. СПб.: Морская типография, 1835. С. 115—116.

³ Гринев А. В. *Расцвет Русской Америки*. С. 70; *Он же*. *Индейцы тлинкиты в период Русской Америки*. С. 158.

⁴ О Колошенской игрушке // АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 1013. Л. 206 об.

бы ответственным за проведение только одной «игрушки»¹. «Игрушка» представляла собой наиболее впечатляющий пример того, как русские пытались привлекать аборигенов; кроме этого, существовали ярмарки более мелкого масштаба, предназначавшиеся как для независимых, так и для зависимых аборигенных групп.

Русские устраивали также демонстрации боевой мощи, что производило сильное впечатление на аборигенов. Такие показы иногда носили угрожающий характер и предпринимались с очевидной целью устрашения коренных жителей. Фридрих-Генрих фон Киттлици, немецкий натуралист на русской службе, посетил колонию в 1820-х годах. Комментируя стратегическую демонстрацию огневой мощи возле Ново-Архангельска, он отметил, что пальба произвела, по его мнению, сильное впечатление на тлинкитов и в результате они «ощущали превосходство русских таким образом, который скорее должен был подавить, чем породить в них желание сражаться» с ними². Другой обозреватель припоминал, что в 1840-х годах русские иногда стреляли из пушек поверх поселения тлинкитов, расположенного возле Ново-Архангельска, с целью запугать их. Русские колониальные чиновники пытались не допускать возникновения у индейцев мыслей о возможной военной агрессии³. После того как в 1831—1832 годах Фердинанд фон Врангель усовершенствовал укрепления Ново-Архангельска, он гордо сообщил в ГП РАК, что новый частокол произвел на тлинкитов соответствующее впечатление, так что их отношение к русским стало более мирным и осмотрительным⁴. В целом русские считали крайне важным предстать перед тлинкитами как сильный противник.

НАСЛЕДИЕ И ИМПРОВИЗАЦИЯ

На всей территории Русской Америки частью стратегии русских при установлении контакта с каждой новой группой коренного населения было намеренное создание путаницы в умах аборигенов. Применяя такую же тактику, как при завоевании Сибири, русские стремились поддерживать неопределенность в своих делах с коренными жителями,

¹ О Колошенской игрушке // АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 1013. Л. 206 об. — 207.

² Friedrich Heinrich Baron von Kittlitz // Litke F.P. A Voyage Around the World. Appendix. P. 141.

³ Марков А. Русские на Восточном океане. СПб., 1856. С. 72—73.

⁴ NARS-RRAC. CS. Roll 33. Folio 213.

зная, что аборигены понимали условия взаимных соглашений иначе, чем русские¹. Изначальная двусмысленность позволяла колонизаторам вводить своих аборигенных партнеров в заблуждение и в дальнейшем интерпретировать условия договоренностей в свою пользу².

Особенно искусным в создании таких двусмысленностей, которые можно было стратегически использовать позже, был Баранов. Прибыв на остров Ситка в 1799 году и хорошо зная о настоятельной необходимости добрососедских отношений с индейцами, имевшими огнестрельное оружие, приобретенное у британцев и американцев, он уделил особое внимание местным тлинкитским вождям. Приобретая у тлинкитов земельный участок, на котором впоследствии была построена Михайловская крепость, Баранов разыграл спектакль. По словам историка Андрея Гринева, это была самая первая «покупка» такого рода у коренного населения в истории русского колониализма³. Как видно из поведения и действий Баранова, он знал, что тлинкиты понимают условия этой «покупки» земли на Ситке иначе, чем русские, и считают сделку временной, а не постоянной. Сознывая преимущество сохранения условий соглашения в туманном виде, он решил пока не навязывать аборигенам интерпретацию договора, выгодную русской стороне, и продолжил задабривать местных тлинкитских вождей подарками и угощениями. Между тем последние подозревали обман и продолжали высказывать неудовольствие в связи с перспективой поселения русских на их землях. Зимой 1799—1800 годов произошло несколько случаев, когда группы индейцев проникали в поселение

¹ Анализируя более ранний период, историк Майкл Ходарковский заметил, что «покорение Сибири Россией происходило в атмосфере взаимных заблуждений. С самого начала Москва считала аборигенов подданными царя, в то время как сами аборигены видели в русских всего лишь еще одного военного и коммерческого партнера» (*Khodarkovsky M. «Ignoble Savages and Unfaithful Subjects»: Constructing Non-Christian Identities in Early Modern Russia // Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700—1917 / Eds. D.R. Brower and E.J. Lazzarini. Bloomington: Indiana University Press, 1997. P. 11).*

² Тактика преднамеренного обмана в колониальном контексте, разумеется, не была уникально русской — наоборот, подобная тактика присутствовала везде и всегда. Аналогичный обман — в гораздо большем масштабе — постоянно совершался Соединенными Штатами в сделках с индейцами, что легко можно проследить по длинному перечню нарушенных договоров (см.: *Native American Testimony: An Anthology of the Indian and White Relations: First Encounter to Dispossession / Ed. P. Nabokov. New York: Harper and Row, 1978. P. 147—181*). См. также: *Limerick P.N. The Legacy of Conquest: The Unbroken Past of the American West. New York: W.W. Norton, 1987.*

³ *Гринева А.В. Русские колонии на Аляске. С. 40.*

русских, имея при себе ножи, проносить которые было запрещено. По счастью, оружие обнаруживали прежде, чем происходило насилие.

Все это время Баранова беспокоила неубедительность русских претензий на ситкинскую землю¹. В апреле 1800 года, покидая остров, чтобы позаботиться о других делах в пределах вверенной ему колонии, он оставил инструкции своему заместителю на Ситке бдительно держать оборону и обращаться с вождями тлинкитов с особой щепетильностью, так как «занятие нами мест их требует и от нашей стороны немалой благодарности»². Зная о непрочности русского колониального присутствия на Аляске и о степени зависимости русских от коренных жителей, Баранов рекомендовал своим заместителям старательно демонстрировать уважение по отношению к аборигенным элитам как зависимых, так и независимых племен. Предложенная им стратегия состояла в обособлении элиты и постоянной демонстрации благосклонности к ней. Покидая в 1800 году Ситку, Баранов оставил своим подчиненным инструкции о том, что «особливо почетных» из алеутов, которые оставались в Михайловской крепости, следует «при всяких случаях отличать, а по праздникам и за стол с русскими иногда сажать»³. Стоит отметить, что преемники Баранова усвоили этот урок и продолжили активно оказывать знаки внимания аборигенным элитам. Однако в этом конкретном случае наказ Баранова оказался напрасным: в 1802 году тлинкиты разрушили Михайловскую крепость.

Стиль руководства Баранова, основанный на личном подходе, контрастировал с более сухими и официальными манерами его преемников из числа морских офицеров. Стараясь произвести незабываемое впечатление и на русских, и на аборигенов, Баранов использовал личную харизму и проявлял бесстрашие. Он стал легендой благодаря демонстрациям своей смелости, как, например, в случае посещения им хорошо укрепленного поселения тлинкитов в 1800 году — в сопровождении только горстки русских и с требованием принести извинения за грубое обращение с его переводчицей. Напряжение спало, когда

¹ Хлебников К.Т. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова. С. 53—54.

² Наставление А.А. Баранова В.Г. Медведникову о необходимости укрепления экономического и политического положения компании и о «ласковом» отношении к туземному населению. 19 апреля 1800 г. // К истории Российско-Американской компании: Сборник документальных материалов / Ред. А.И. Блинов, И.М. Кураев, О.Н. Мухина и др. Красноярск: Красноярский государственный педагогический институт, 1957. С. 97.

³ Там же. С. 101.

обе стороны обменялись подарками и произнесли клятву дружбы. По общему мнению, этот инцидент существенно повысил престиж Баранова среди индейцев. После смерти Баранова так называемые старожилы Русской Америки рассказывали, как тот, чтобы убедить аборигенов в своих сверхчеловеческих качествах, однажды дал пленным тлинкитам лук и приказал стрелять ему прямо в сердце. Поскольку под рубашкой Баранов носил кольчугу, стрелы от его груди отскакивали. Увиденное произвело на тлинкитов сильное впечатление¹. Используя метафору, которая скорее ассоциировалась с Сибирью, чем с Америкой, исследователь Лаврентий Загоскин называл Баранова атаманом². Премники Баранова не обладали должной харизмой, чтобы продолжать подобный стиль управления, оставшийся, таким образом, особенностью переходного периода управления колонией, который завершился с отъездом Баранова.

Хотя морские офицеры и не могли сымитировать стиль его управления, методы Баранова все же оставили значительный отпечаток на том, какую тактику выбирала РАК, выстраивая отношения с тлинкитами и другими аборигенами. Можно предположить, что на отношение Баранова к коренным народам Русской Америки, особенно в первые годы его правления, влияли уроки, которые он извлек из своего трудного опыта работы в торговле в Поморье (Баранов родился в городе Каргополе) и других частях России. Особенно значимым мог быть его злополучный опыт работы в пушном промысле на реке Анадырь в Сибири, где он со своим братом учредил в 1788—1789 годах торговый пост. Тогда чукчи, разозленные мошенничеством продавцов, нанятых Барановым, разрушили пост, убили всех работников и разграбили склады, что сделало братьев банкротами. Позже, в Русской Америке, как до, так и после волнений и столкновений 1802—1805 годов, Баранов активно и последовательно проводил политику «ухаживания» за тлинкитскими вождями. Из его взаимодействия с индейцами видно, что он относительно хорошо разбирался в их социальных и властных структурах³. Однако эффективность его инициатив была подорвана экспансионистскими целями русских в этом регионе, шедшими вразрез с интересами тлинкитов.

¹ Марков А. Русские на Восточном океане. С. 51—52.

² [Загоскин Л.А.] Статья IV [без названия] // Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг. М.: Государственное издательство географической литературы, 1956. С. 365.

³ Kap S. Memory Eternal. P. 57.

ТИТУЛЫ, ЦЕРЕМОНИИ И ЛЕСТЬ

Верный курсу на сближение с тлинкитами, Этолин отличился тем, что по-новому подошел к выстраиванию отношений с ними. Он инициировал обычай назначать одного из тлинкитских вождей «главным ситкинским колошенским тойоном». Император Николай I утвердил эту должность к концу 1842 года, и с того времени она стала частью русского стратегического репертуара при взаимодействии с независимыми аборигенами¹. ГП РАК сообщало Министерству финансов, что основанием для учреждения этого титула является «укрощение зверских нравов» тлинкитов².

Во время первой торжественной церемонии присвоения титула, которая совершилась в ново-архангельском соборе в присутствии русских колониальных чиновников и тлинкитских аристократов, вождь Михаил Кухкан обещал служить верно и честно и повиноваться русскому императору во всем, не щадя своей жизни³. Но сама идея учреждения титула, так же как и кандидат, выбранный на эту должность, были не вполне удачными. Авторитет Михаила Кухкана был ограниченным даже в его собственном клане. Он был относительно небогат, а для тлинкитов богатство и положение в обществе были тесно связаны. Кухкану недоставало престижа даже после того, как русские для упрочения его положения одарили его деньгами и имуществом⁴. Еще более существенным затруднением было то, что начиная с самого раннего периода установления контакта русские при попытке кооптировать тлинкитов столкнулись со структурной проблемой: тлинкитские деревни и кланы не возглавлялись одним беспорным старейшиной⁵. Даже если бы русские выбрали самого богатого и уважаемого тлинкита всего края, он все равно обладал бы лишь ограниченным авторитетом вне и даже внутри своего клана. Таким образом, децентрализованная структура тлинкитского общества не позволяла российским чиновникам, привыкшим к более авторитарным иерархиям, находить подходящих партнеров среди тлинкитских вождей.

¹ Окунь С.Б. Российско-американская компания. С. 197.

² РГИА. Ф. 18. Оп. 5. Д. 1312. Л. 1 об. — 2.

³ Там же. Д. 1306. Л. 10—11; Там же. Д. 1312. Л. 11 об. — 13 об.

⁴ АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 1010. Л. 213; Гринев А.В. Расцвет Русской Америки. С. 71.

⁵ Laguna F. de. Aboriginal Tlingit Sociopolitical Organization // The Development of Political Organization in Native North America / Ed. E. Tooker. Washington, D.C.: American Ethnological Society, 1983. P. 80.

Учреждение титулов «главный ситкинский колошенский тойон» и «главный стикинский колошенский тойон», а также упрочение привилегированного статуса вождей, которые этими титулами обладали, представляли собой попытку изменить традиционную иерархию общества тлинкитов с целью возможного влияния на них. В Михаиле Кухкане Этолина привлекла его последовательная лояльность по отношению к русским. Этот вождь, пользовавшийся расположением РАК, обещал показывать пример остальным тлинкитам своим достойным поведением и выполнять все приказы колониального начальства честно и старательно¹. На средства, которые Кухкан получил от русских, он купил шесть рабов, однако другие вожди были более состоятельными, а Кухкану продолжало не хватать авторитета среди тлинкитов Ситки и тем более — других племен². Таким образом, стратегия назначения избранного русскими главного тойона, преследовавшая цель увеличения русского авторитета в сообществе тлинкитов Ситки, не дала желаемого результата.

Для «главного вождя» тлинкитов-стикинцев Фуругельм определил годовую зарплату в 350 рублей и подарил ему российский флаг³. Русские хорошо понимали, что в тлинкитском сообществе с богатством к человеку приходило уважение и что вожди, не имевшие надлежащего состояния, не могли заслужить доверия. Что касается флагов, то в Русской Америке они выполняли легитимизирующую функцию. РАК стремилась визуализировать выражение лояльности и символической связи между кооптированными вождями и русскими. Как сообщил один обозреватель, путешествовавший по острову Ситка в 1860-х годах, каждый тлинкитский тойон, преданный компании, вывешивал ее флаг на шесте около своего жилища⁴. Лояльным тлинкитским тойонам компания выдавала военную форму и серебряные медали с надписью «Союзные России» на одной стороне и русским двуглавым орлом на другой⁵.

¹ АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 1009. Л. 540 об. — 541.

² Там же. Д. 1013. Л. 279 об.

³ *Гринев А.В.* Индейцы тлинкиты в период Русской Америки. С. 171.

⁴ *Зеленой И.* Из записок о кругосветном плавании, 1861—1864 годы // Морской сборник. 1865. Т. 80. № 9. Неофициальный отдел. С. 59.

⁵ Там же. Компания вручала медали с надписью «Союзные России» и другим независимым аборигенам. См. пример из 1820-х годов: *Тихменев П.А.* Историческое обозрение образования Российско-американской компании. Т. 1. С. 274—276.

Русские кругосветные путешественники использовали аборигенов, которых встречали во время путешествий по миру, в качестве посредников как на их собственных территориях, так и в Русской Америке. В конце 1810-х годов, по возвращении на один из южных тихоокеанских островов после нескольких месяцев путешествия в северных водах на борту русского корабля под командованием Отто Коцебу, островитянин по имени Каду использовал свой новый статус доверенного лица русских, чтобы завоевать репутацию среди соплеменников. Опыт пребывания на русском корабле сделал из него посредника между русскими и аборигенами¹. Новое отношение Каду к его сотоварищам-островитянам было встречено русскими с одобрением. «За девятимесячное пребывание у нас он до такой степени развился, — писал капитан корабля, — что должен был чувствовать свое превосходство [по отношению к другим островитянам]»². По словам Коцебу, когда соплеменники Каду не пожелали пить вино, которым их угостили русские, тот «назвал их дураками, не знающими, что хорошо; он советовал следовать его примеру, поскольку он человек с большой опытностью, и выпил целый стакан вина одним духом»³.

К изумлению и удовольствию русских, во время путешествия с ними на Алеутские острова и в Берингово море Каду приходил в восторг при виде снега. Капитан Коцебу и натуралист Адельберт фон Шамиссо красочно описывали этого аборигена в своих путевых журналах. В обоих случаях Каду служил как модель для сравнения при описании коренного населения Аляски⁴. В Русской Америке бывали похожие случаи: молодых аборигенов на время забирали из их обществ, чтобы, проводя время с русскими, они учились от них, после чего аборигенов возвращали в родные края.

После столкновения 1804 года на Ситке и последующего заключения с тлинкитами мирного соглашения Катлиан, влиятельный

¹ *Kotzebue O. von. A Voyage of Discovery into the South Sea and Beering's Straits... Under the Command of the Lieutenant in the Russian Imperial Navy, Otto von Kotzebue: 3 vols. London: Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1821. Vol. 2. P. 140, 211. Об имперских посредниках см.: Burbank J., Cooper F. Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton: Princeton University Press, 2010. P. 13—14.*

² *Kotzebue O. von. A Voyage of Discovery into the South Sea and Beering's Straits. P. 213.*

³ *Ibidem. P. 214.*

⁴ См.: *Chamisso A. von. A Voyage Around the World with the Romanzov Expedition in the Years 1815—1818 in the Brig Rurik, Captain Otto von Kotzebue. Honolulu: University of Hawaii Press, 1986.*

тлинкитский вождь, являвшийся противником русских, нанес им визит. Русские воспользовались этой возможностью осыпать вождя подарками с целью завоевать его благосклонность. «Г. Баранов отдарил его табаком и синим капотом с горностояями», — сообщил Лисянский, который и сам угостил индейцев, сопровождавших Катлиана, табаком¹. Лисянский полагал, что причина визита Катлиана к русским именно в это время крылась в его желании быть принятым с такой же честью и помпой, как был принят другой тлинкитский вождь, незадолго до этого гостивший у русских². Наблюдение капитана «Невы» демонстрирует, как, подобно другим колонизаторам, русские играли на зависти представителей аборигенных элит к их же соплеменникам. Понимание мотивов, двигавших поступками аборигенных вождей, давало русским стратегическое преимущество в манипулировании вождями при помощи лести.

Заметив, что аборигенные элиты склонны к помпезности, русские пытались извлекать выгоду из проведения различных церемоний. «Хотя здешние народы живут в самом глубоком невежестве, но в честолюбии не уступят никому», — комментировал Лисянский³. В обращении с аборигенами колонизаторы Русской Америки использовали не только методы, привезенные из Евразии, — некоторые подходы они заимствовали у своих конкурентов. Например, еще в июне 1798 года Баранов испрашивал разрешения у иркутского губернатора выдать тлинкитам украшения с русской печатью — после того, как увидел, что британцы раздают аналогичные подарки⁴. Вместе с тем русские колонизаторы продолжали использовать проверенные временем сибирские практики кооптации. В течение многих лет после противостояния 1804 года русские старательно ублажали Катлиана — он даже получил от РАК серебряную медаль. В то же время, чтобы гарантировать поддержку со стороны этого вождя, русские предусмотрительно держали его брата в качестве заложника (аманата)⁵.

¹ Лисянский Ю. Путешествие вокруг света. Ч. 2. С. 128.

² Там же.

³ Там же. С. 115.

⁴ АВПРИ. Ф. Сношение России с Англией. Оп. 35/6. Д. 507. Л. 13 об.

⁵ *Golovnin V.M.* Around the World on the Kamchatka, 1817—1819. Honolulu: University of Hawaii Press, 1979. P. 123.

АМАНАТЫ И КУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Практика брать и удерживать заложников (так называемых аманатов) фигурировала как элемент умиротворения в Русской Америке с самого начала установления контакта между русскими и аборигенами. Заложники-аманаты из числа элиты служили гарантией мира, а также использовались в качестве рычага давления для достижения кооптации. Обмен заложниками был распространен в Сибири и до прибытия русских, а с их приходом эта практика продолжилась. Аборигенные сообщества Алеутских островов и Северной Америки тоже были хорошо знакомы с этой практикой до того, как вступили в контакт с русскими. Правда, стоит отметить, что в практике Русской Америки удержание заложников носило односторонний характер: русские требовали и получали аманатов от аборигенов, но не предоставляли им взамен русских.

РАК унаследовала эту практику от своих предшественников, компаний промышленников, и продолжила ее, сделав особый упор на уважительное обращение с заложниками-аманатами. Она рассматривала последних, которые обычно были сыновьями видных вождей-аристократов, как потенциальных проводников русского влияния среди аборигенов и стремилась произвести на них благоприятное впечатление. Аманаты, жившие продолжительное время в русских селениях, обучались русскому языку; впоследствии они иногда становились ценными переводчиками. Некоторых заложников даже обращали в христианскую веру и крестили. Крещеные молодые люди знатного происхождения в будущем часто становились вождями. При крещении они получали не только русские имена, которые использовали в дальнейшем при общении с русскими, но и русского крестного отца, а потому символически становились членами русских семей. Разумеется, крещение сыновей вождей было актом не только религиозным, но и политическим: оно играло немаловажную роль как в кратковременном поддержании мира, так и, в более продолжительной перспективе, в обрусении коренного населения.

Практика удержания заложников-аманатов была более широко распространена в XVIII веке, когда за северо-тихоокеанский рынок боролись конкурирующие купеческие компании. Но и с возникновением РАК она не исчезла. «Где только компания заведет новое селение, или крепостцу, — писал наблюдатель в первое десятилетие XIX века, — всегда берет у жителей того места Аманатов, которые и служат залогом верности. В Аманаты выбирают обыкновенно детей начальников

и людей имеющих доверенность по уму или предприимчивости»¹. Главной целью удержания аманатов была гарантия безопасности, но в долгосрочном плане эта практика преследовала более амбициозные культурные цели.

В то время как чиновники РАК считали, что вышеописанное обращение с аманатами являлось для них, аманатов, благом (своего рода «стажировкой» аборигенных элит в среде русских), сами аборигены не всегда соглашались с такой оценкой. В этом разногласии иногда играло роль непонимание культурных различий. Например, в самом начале века русские взяли в аманаты нескольких детей якутатских тлинкитов и отправили их учиться в школу на Кадьяке. Во время пребывания этих детей в кадьякской школе к ним время от времени обращались с просьбой оказать помощь в выполнении различных легких работ. Русские считали такой труд делом случая и в целом не придавали этому значения, но тлинкиты интерпретировали данные факты как введение рабства. Существует мнение, что привлечение к работе, воспринятое индейскими аристократами как унижение их детей и оскорбление их чести, было одним из мотивов тлинкитского нападения на русских в Якутате в 1805 году².

Действительно, для эффективного функционирования практики удержания аманатов требовалась определенная степень культурного взаимопонимания. Такое взаимопонимание присутствовало не везде — в частности, русские столкнулись с этой проблемой в районе поселения Росс. В письме от 1824 года чиновник РАК жаловался, что калифорнийские индейцы, проживавшие в районе Росса, не могли удерживаться в качестве аманатов, так как в их сообществе отсутствовало «уважение» между поколениями³. По мнению этого чиновника, родители калифорнийского индейца-аманата относились к его судьбе практически безразлично, так что держать аманатов русским становилось бессмысленно.

Ближе к середине XIX века практика удержания заложников-аманатов в Русской Америке оставалась лишь в отношениях с тлинкитами. Причем заложников из числа тлинкитов русские брали только в те периоды, когда напряженность между ними и индейцами особенно

¹ Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку. Ч. 1. С. 198—199.

² Гринев А.В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки. С. 132.

³ Письмо от 3 ноября 1824 года. См.: [Khlebnikov K.T.] The Khlebnikov Archive: Unpublished Journal (1800—1837) and Travel Notes (1820, 1822, and 1824). Fairbanks: University of Alaska Press, 1990. P. 193—194.

усиливалась. В конце 1850-х годов тлинкиты Ситки сами предложили своим трем уважаемым соотечественникам жить с русскими в Ново-Архангельске, чтобы гарантировать мир между соседними поселениями¹. Удержание заложников в русских селениях постепенно закладывало основы ассимиляции аборигенных сообществ.

КООПТАЦИЯ И СОПРОТИВЛЕНИЕ

Кооптация и умиротворение приносили русским желаемые плоды и работали гораздо лучше на Алеутских островах и на Кадьяке, чем в Юго-Восточной Аляске. В Русской Америке, как и по всей территории Северной Америки, те коренные народы, которые умели настроить друг против друга конкурирующие колонии, компании или страны, имели значительное преимущество в сохранении своей независимости². Так, связи с американскими и британскими торговцами, готовыми продавать им оружие, способствовали тлинкитскому сопротивлению русским. В Русской Америке тлинкиты имели заслуженную репутацию превосходных стрелков — приобретение индейцами огнестрельного оружия было веской причиной для озабоченности русских³. Подобное сопротивление было невозможно для алеутов и кадьякцев, с которыми русские вошли в контакт в XVIII веке и которых впоследствии покорили.

Тлинкиты сыграли важную роль в остановке запланированного колониального продвижения русских по западному побережью Северной Америки, удерживая их в районе Ново-Архангельска с 1804 по 1867 год и поставив таким образом в геополитический тупик. В ранние годы

¹ *Гринев А.В.* Русская Америка в 1850-е гг. // ИРА. Т. 3. С. 332.

² Как отмечал историк Джеймс Меррелл, «усилия индейцев по сохранению независимости» приобретали существенную поддержку в тех случаях, когда у них были контакты с соперничавшими между собой колонистами. Это наблюдение является верным как в отношении аборигенов Русской Америки, так и в отношении индейцев восточной части Соединенных Штатов, о которых писал Меррелл. См.: *Merrell J.H.* The Indians' New World: Catawbas and Their Neighbors from European Contact through the Era of Removal. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1989. P. 160.

³ Историк Скотт Кук, который изучал роль доступа к таким технологическим новшествам, как пистолеты, в колониальных контекстах, отмечал, что в конечном счете пистолет одинаково хорошо служит любому меткому стрелку: *Cook S.B.* Colonial Encounters in the Age of High Imperialism. New York: HarperCollins, 1995. P. 68.

существования РАК тлинкиты неоднократно преследовали русские охотничьи экспедиции на калана в водах Юго-Восточной Аляски¹. Воспрепятствовать проникновению РАК в их воды индейцы пытались в значительной степени потому, что мех калана имел для них самих огромную ценность². Тлинкиты не ошибались в восприятии русских, а также зависимых от них алеутов и кадьякцев как опасных конкурентов в борьбе за наиболее ценный ресурс региона.

В 1809—1810 годах вторжения в тлинкитские воды аборигенных охотников на калана, посланных русскими, нередко заканчивались применением насилия³. Индейцы противостояли этим спонсированным русскими экспедициям вплоть до 1820-х годов. Сопrotивление тлинкитов заставило Баранова пересмотреть частоту охотничьих экспедиций на архипелаг островов Александра, а с 1822 года РАК практически прекратила добычу калана в водах тлинкитов. Хотя главную роль в таком решении компании сыграло снижение численности популяции калана, сопротивление, оказанное тлинкитами, также было значимым фактором⁴. Едва ли является случайным совпадением то, что в 1820-х годах, когда охота на калана перестала быть яблоком раздора, наступил период улучшения отношений между русскими и тлинкитами. Большинство исследователей связывают потепление в этих отношениях с отставкой Баранова и приходом на пост главного правителя череды морских офицеров, но не стоит недооценивать и значение резкого сокращения популяции калана. Компания продолжала вести добычу калана вплоть до 1850-х годов только в районах заливов Якутат и Лытуа. Коренные жители этих территорий хотя и были недовольны тем, что РАК продолжает охоту, но не имели достаточных сил помешать ей⁵.

Русские понимали, что в отношениях с более сильными независимыми аборигенами нельзя пренебрегать дипломатией. Так, прежде чем начать охоту на калана около острова Ситка, где эти животные вновь появились в 1840-х годах, РАК получила разрешение у местных

¹ В качестве примера служащий РАК Хлебников указывал на случай подобного преследования, произошедший летом 1807 года в проливе Чатам: [Хлебников К.Т.] Русская Америка в записках. С. 45.

² Кап S. Memory Eternal. P. 59.

³ Головнин В.Н. Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта Головнина в 1807—1811 годах. М.: Государственное издательство географической литературы, 1961. С. 336.

⁴ АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 989. Л. 290 об.

⁵ Гринев А.В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки. С. 145.

вождей. Соблюдая осторожность, компания впоследствии направляла небольшие партии охотников-алеутов только в места, указанные тлинкитскими проводниками¹.

Чиновники компании, часто подчеркивавшие роль британцев и американцев в раздувании вражды между тлинкитами и русскими, недооценивали тот факт, что глубокий конфликт интересов существовал с самого начала вторжения русских в юго-восточные воды Аляски. Так как в отличие от русских британцы и американцы не пользовались услугами подвластных им алеутских и кадьякских охотников, они были вынуждены покупать шкурки калана у тлинкитских посредников, обеспечивая им хорошую прибыль. Поэтому тлинкитов особенно огорчала та скорость, с какой русские истребляли наиболее драгоценный торговый ресурс их территориальных вод — калана². Сами русские признавали, что деятельность флотилий алеутов и кадьякцев в Юго-Восточной Аляске приводила к необратимым экологическим изменениям. По словам Лисянского,

Ситкинские жители в промыслах не могут равняться с нашими байдарочными промышленниками; ибо они бьют морских зверей из ружей по большей части сонных. Впрочем таковой род ловли для них выгоден, потому что морские бобры не переводятся; напротив того в тех местах, где поживут наши ловцы, оные приметным образом уменьшаются, а напоследок и совсем пропадают. Примером тому служит берег от залива Кенайского до входа Креста где ныне и ста из сих дорогих зверей промыслить не можно, хотя в прежния времена партии в один выезд более сего числа доставали³.

Тлинкиты понимали, сколь высоки были ставки в конфликте с русскими из-за калана, что и показывает преследование ими охотничьих экспедиций русских.

¹ Отчет Российско-Американской компании главного правления за один год, по 1-ое января 1848 года. СПб., 1849. С. 39—40.

² О конфликте интересов русских и тлинкитов см.: Зорин А.В. Индейская война в Русской Америке: русско-тлинкитское военное противоборство. Курск, 2002. С. 120—121.

³ Лисянский Ю. Путешествие вокруг света. Ч. 2. С. 150.

НАЛАЖИВАНИЕ КООПТАЦИИ

Начиная с 1804 года русские в Америке все отчетливее видели свой колониальный проект в перспективе общеевропейской колониальной политики. Разрабатывая стратегии взаимодействия с аборигенами, русские колониальные чиновники учитывали опыт колонизаторов-конкурентов. Расположение небольшого русского поселения в непосредственной близости от колоний испанцев в испанской (позже — мексиканской) Калифорнии позволило русским наблюдать за поведением испанских колонизаторов, давать ему оценки и даже делать выводы для собственного колониального проекта. Наблюдение за тем, как их конкуренты обращались с местными индейцами, оказало свое влияние на техники кооптации, применявшиеся русскими в Калифорнии.

Очевидец 1810-х годов отметил, как грубые поступки испанцев отталкивали от них местных индейцев. Дружелюбное отношение к тем же индейцам со стороны русских располагало обе группы к сближению¹. Автор этого наблюдения, капитан Василий Головнин, подчеркивал преимущества русско-аборигенного альянса в Калифорнии, который позволил бы, как он надеялся, противостоять испанским колонистам, а в конечном счете и побороть их. В краткосрочной перспективе он хотел, чтобы обращение русских с калифорнийскими индейцами продолжало контрастировать с репрессивными методами испанских миссий. По заявлению другого морского офицера, русское поселение Росс вообще могло существовать только благодаря ненависти индейцев Калифорнии к испанцам².

В период существования Форт-Росса (1812—1841) русские колонизаторы были особенно щепетильны в обращении с местными индейцами. Еще до основания селения Баранов инструктировал и убеждал своего помощника Кускова, чтобы тот старался завоевать симпатии калифорнийских индейцев:

¹ *Golovnin V.N. Around the World on the Kamchatka. P. 167—168.*

² Это заявление принадлежало Федору Матюшкину — см.: К берегам Нового Света: Из неопубликованных записок русских путешественников начала XIX века / Ред. Л.А. Шур. М.: Наука, 1989. С. 68. Ознакомление с тем, каково было положение индейцев Калифорнии в католических миссиях, можно начать с работ историка Джеймса Сандоса: *Sandos J.A. Junipero Serra's Canonization and the Historical Record // American Historical Review. 1988. Vol. 93. No. 5 (December). P. 1253—1269; Idem. Converting California: Indians and Franciscans in the Missions. New Haven: Yale University Press, 2004.*

...строго воспретить взыскивать малейшие противу туземных обитателей своим — русским и партовщикам — дерзости и обиды, и стараться всячески, как вам самим, так и всем подчиненным, снискать дружбу и любовь, и не страхом преимущества, во огнестрельных орудиях состоящего, какового те не имеют народы, но разными благосклонными от человеколюбия производимыми приманками вежливости, а иногда и соразмерными подарками, не жалея в таком случае, где будущих выгод виды замечены будут¹.

Ободренный тем, что индейцы Северной Калифорнии вовсе не походили на хорошо вооруженных и настроенных против россиян тлинкитов Юго-Восточной Аляски, Баранов убеждал относиться к ним терпеливо и ласково: «Даже в слабостях их натуральных: пристрастие к воровству и обманам, маловажные извинять скотоподобною бессмысленностью, каковыми оных описывают нравы и понятия»². Чтобы добиться расположения калифорнийских индейцев, русские намеревались воспользоваться стратегическими промахами испанцев. В свою очередь, некоторые индейцы были рады видеть, что русские создают в Калифорнии хоть какой-то противовес испанцам.

В сентябре 1817 года, через пять лет после основания Форт-Росса, после того как Мадрид отклонил прошение русских о легитимизации этого поселения, представители российской власти обратились к местным индейцам. Морской офицер Леонтий фон Гагемейстер провел церемонию подписания договора с калифорнийскими индейцами племени кашая-помо, вождь которых получил во время церемонии серебряную медаль с надписью «Союзные России»³. С точки зрения старейшин племени кашая-помо, союз с русскими помогал обеспечить оборону от возможного нападения других индейцев. Со своей стороны, русские понимали шаткость собственного положения в Калифорнии и знали, что испанцы пристально наблюдают за ними, подозревая русских в вынашивании планов, идущих дальше, чем образование крошечного поселения Росс и нескольких ферм вокруг него. После того как русские не смогли получить согласие испанцев на узаконивание существования Форт-Росса, получение земельного участка от племени

¹ Инструкция А.А. Баранова своему помощнику И.А. Кускову // Россия и США: становление отношений, 1765—1815 / Сост. И.Н. Башкина, Н.Н. Болховитинов, Дж.Х. Браун и др. М.: Наука, 1980. С. 344—347.

² Там же.

³ АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 308.

кашая-помо представлялось им необходимой мерой. Церемония по случаю перехода этого участка земли в распоряжение русских прошла успешно, но тем не менее их присутствие в Северной Калифорнии оставалось слабым.

Известная русская поговорка гласит: «До Бога высоко, до царя далеко». До 1804 года царь как символ имперской метрополии и власти находился действительно далеко от Русской Америки. Однако после того, как в заморскую колонию стали ходить кругосветные экспедиции, власть царя, представленная офицерами его флота и чиновниками его правительства, не говоря уже о посредниках, нанятых РАК на работу, стала в большей степени ощущаться как колонистами, так и коренным населением. Стремясь придать своей колонии более современный облик, россияне все больше обращались к аборигенам с целью до определенной степени интегрировать их в социальную иерархию империи. Накануне создания РАК Наталья Алексеевна Шелихова, матриарх «клана Шелиховых», заявила, что если русские воздержатся от попыток аккультурации аляскинских аборигенов через установление торговых и социальных отношений, альтернативой будет то, что «захватывающая торговля нации, часто в тот край заплывающая... могут совратить их, как людей легковверных, и вдохнуть дух республиканский»¹. Ее замечание по поводу торговых наций «более всего относиться должно соседственных нам Агличан в Нутке и Гудзоне поселившихся и тайно принадлежностям нашим в Америке завистующих»².

От начала и до конца своего существования русская колониальная система в Северной Америке зависела от сотрудничества коренного населения. Русско-аборигенная торговля была не просто обменом товарами между двумя сторонами — она гарантировала продолжающееся умиротворение независимых аборигенов, превращая их в более податливый материал для русского политического и культурного влияния. Также торговля служила инструментом кооптации аборигенных элит и простого населения.

В этом далеком крае, где товары, привозимые британцами и американцами, составляли конкуренцию русским товарам, часто не в пользу последних, русские колонизаторы рассматривали поддержание мира с коренными жителями как важное условие для выживания своей малонаселенной колонии. Россияне остро ощущали уязвимость колонии

¹ Там же. Д. 127. Л. 2.

² Там же.

и пытались разработать стратегию для завоевания лояльности аборигенов. Для РАК стратегия состояла во введении ряда обязательств, которые должны были выполняться коренными жителями, и в разделении власти с местными тойонами. С точки зрения отстаивавших свою независимость тлинкитов, это означало их попытку удержать равновесие между желанием сохранить собственную политическую и культурную автономию и извлечь выгоду из участия в торговле и культурном обмене. Фактором, сделавшим торговлю с аборигенами и кооптацию элит эффективными в качестве колониальной стратегии русских, была аккультурация. Развивающиеся торговые отношения и кооптация населения играли роль предвестников христианизации и обрусения.

После отставки Баранова колониальное управление приняло форму профессиональной бюрократии, в связи с чем стратегия, применяемая РАК, претерпела значительные изменения. Торговые и культурные связи с тлинкитами укрепились и стали более разносторонними. Кооптация происходила посредством более изощренных ритуалов. Учрежденная должность тойонов и другие инициативы русских давали элитам независимых и зависимых аборигенов все больше мотивов к сотрудничеству с РАК. «Игрушка» — ярмарка, инициированная в 1840-х годах, — стала институциональным выражением развивающейся торговли и взаимного сотрудничества между русскими и тлинкитами. Культурное сближение русских и аборигенов в 1840-х годах было бы немыслимым без крепнущих торговых отношений. Но будущее этой торговли, в которой все большую роль играли меха сухопутных пушных животных, поставляемых РАК тлинкитами, было предрешено экологическими изменениями: к 1820-м годам численность калана в водах тлинкитов резко упала, что практически поставило этих животных на грань исчезновения.

Глава 6

ЗАВИСИМОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ОБРУСЕНИЕ

Российско-Американская компания стремилась к тому, чтобы аборигены Русской Америки сохраняли равновесие между поддержанием уклада доконтактного периода и адаптацией к русской культуре. Слишком выраженный «примитивизм» аборигенов страшил европеизированных чиновников и наблюдателей и угрожал бы колониальному порядку; слишком сильная ассимиляция подорвала бы промысловую деятельность РАК. Поэтому, стремясь изменить некоторые аспекты аборигенной культуры, россияне не торопились менять другие. Они хотели сохранить, хотя бы на какое-то время, те элементы уклада жизни коренного населения, которые способствовали российским колониальным и коммерческим интересам. Хороший пример такой позиции — внимание, уделявшееся россиянами сохранению у алеутов и кадьякцев навыков охоты на калана¹. К середине XIX века русские наблюдатели часто высказывали опасения, что традиционный образ жизни коренного населения Аляски может подвергнуться полному разрушению. «Несмотря на грамоту, — писал в 1840-х годах Лаврентий Загоскин, — алеуты Уналашкинского отдела прежде своих собратий утратят народность». Знаменитый первопроходец наблюдал, что в более крупных поселениях колонии «тип народности сглажен. Алеуты ходят в куртках и сюртуках, жены их и дочери в ситцевых платьях и камлеях»².

Загоскин был обеспокоен процессом, который можно назвать избыточным обрусением коренного населения. Россияне стремились к такой степени обрусения коренных жителей, которая не делала бы

¹ См.: *Can S. Russian Orthodox Missionaries at Home and Abroad: The Case of Siberian and Alaskan Indigenous Peoples // Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia / Eds. R.P. Geraci and M. Khodarkovsky. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2001. P. 187.*

² [Загоскин Л.А.] Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Лаврентием Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 гг. // Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг. М.: Государственное издательство географической литературы, 1956. С. 54.

их идентичными русским, а лишь гарантировала бы заимствование у русских определенных качеств, ценных с точки зрения российских колониальных и духовных чиновников¹. Другими словами, они желали реализовать ограниченную, но тем не менее существенную аккультурацию. Такая аккультурация была процессом, а точнее, совокупностью процессов, направленных на приближение аборигенных культур к русской. Россияне XIX века иногда говорили о таком обрусении как о «сближении». Этот термин относился к различным практикам, которые они использовали для того, чтобы сделать «чужих» (так называемых *инородцев*) более понятными и знакомыми, например, постановке их в зависимость и привитию модели «русских» семейных отношений, распространению православного христианства и патернализма и привлечению коренного населения к работе на благо Российской империи².

Стоит отметить, что в реальности контакт между русскими и аборигенами Северотихоокеанского края оказывал культурное влияние на обе стороны — русские тоже менялись под воздействием аборигенов. С течением времени образ жизни русских мужчин, особенно сибиряков-старожилов, селившихся в отдаленных частях американской колонии и женившихся на аборигенных женщинах, неизбежно менялся. Процесс обрусения коренного населения шел параллельно с процессом «американизации» поселенцев из Евразии³.

¹ О генезисе и способах применения термина «обрусение» см.: *Pearson R. Privileges, Rights, and Russification // Civil Rights in Imperial Russia / Eds. O. Crisp and L. Edmondson. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 89—90; Brower D. Turkestan and the Fate of the Russian Empire. London: Routledge Curzon, 2003. P. 65—75.*

² Вопрос о соотношении этих практик удостоился лишь беглого взгляда исследователей Русской Америки. Больше внимания уделено проблеме изменяющегося понятия русскости в масштабе всей империи — см., например: *Hosking G. Russia: People and Empire. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997; Idem. Russia and the Russians: A History. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 2001; Kappeler A. Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. Munich: C.H. Beck, 1992; Khodarkovsky M. «Ignoble Savages and Unfaithful Subjects»: Constructing Non-Christian Identities in Early Modern Russia // *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700—1917 / Eds. D.R. Brower and E.J. Lazzerini. Bloomington: Indiana University Press, 1997. P. 9—26; Miller A. The Romanov Empire and Nationalism: Essays in the Methodology of Historical Research. Budapest: Central European University Press, 2008.**

³ О процессах ассимиляции в Сибири см.: *Sunderland W. Russians into Yakuts? «Going Native» and Problems of Russian National Identity in the Siberian North, 1870s — 1914 // Slavic Review. 1996. Vol. 55. No. 4 (Winter). P. 806—825; Вахтин Н., Головки Е., Швайццер П. Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания. М.: Новое издательство, 2004.*

Итак, стремясь адаптировать аборигенов к имперскому порядку, колониальные власти поощряли определенные изменения в культурах коренных народов. Эти изменения выходили за рамки кооптации элит и ведения торговых отношений, описанных в предыдущей главе. Колонизаторы хотели видеть достоверные признаки того, что аборигены принимают русскую культуру и на более глубинном уровне. Например, в 1850 году архиепископ Иннокентий (выдающийся миссионер, известный до конца 1841 года как священник Иоанн Евсеевич Вениаминов, в епархии которого состояли и Аляска, и обширная территория Восточной Евразии) с очевидным удовлетворением описывал генерал-губернатору Восточной Сибири Николаю Муравьеву гиляков, только что вступивших в контакт с русскими, утверждая, что «при первом почти слове с начальником Порта один из них сказал, что он хочет быть совсем русским и креститься»¹. Отмечая такое желание этого коренного жителя Дальнего Востока, архиепископ подчеркивал именно его культурное обращение, что простиралось, конечно, гораздо дальше желания принять крещение и выражения солидарности с колонизаторами². С точки зрения имперских деятелей, стремление гиляка, алеута или тлинкита «быть совсем русским» являлось безусловно желательным в смысле принятия им православной веры, а вместе с ней — элементов русской и общеевропейской культур и преданности российскому императору. В то же время россияне отнюдь не стремились превратить сибирского или американского аборигена в русского мужика. Они хотели видеть его признавшим превосходство русской культуры, но не забывшим навыков своей исконной культуры, которые помогли бы россиянам в «освоении» нового региона.

В заокеанской колонии представители континентальной империи особенно остро ощущали необходимость импровизировать и адаптировать стратегии культурной интеграции к местным условиям. РАК, как подрядчик империи, была создана как раз для того, чтобы разрабатывать и претворять в жизнь новые для России подходы.

¹ Письмо Николаю Н. Муравьеву, Аянский порт, 6 июля 1850 г. //Административные документы и письма высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа Камчатского по управлению Камчатской епархией и местными духовно-учебными заведениями за 1846—1868 гг. / Ред. В. Крылов. Казань: Центральная типография, 1908. С. 16.

² Таково было желание русских. То, как интерпретировали те же самые поступки аборигены, относится к области догадок. О разном понимании одних и тех же действий русскими и нерусскими участниками см.: *Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500—1800*. Bloomington: Indiana University Press, 2002. P. 39—45.

Закономерным итогом было то, что стратегии социальной интеграции в Америке часто выглядели по-другому, чем в Евразии. Вдобавок к разнородности применяемых стратегий, представители империи тоже отличались большим разнообразием. После начала эры кругосветных путешествий все большее количество доверенных лиц империи, прибывавших на побережье Тихого океана, было подвержено непосредственному влиянию европейской культуры. Между европеизированными вновь прибывшими и старожилами-сибиряками существовали значительные различия как в плане психологии, так и в культурном смысле. С начала XIX века европеизированные россияне приобретали все возрастающее влияние на культурную политику Русской Америки, в то время как старожилы-сибиряки теряли его.

Европеизированные приезжие в Русскую Америку, имея больше опыта взаимодействия с западноевропейской культурой по сравнению с сибиряками, придавали важное значение идеям «цивилизации» и «просвещения» и, как правило, считали себя более цивилизованными и просвещенными, чем аборигены и даже сибиряки. С точки зрения европеизированных колониальных чиновников, «просвещение» коренных жителей являлось важнейшим элементом их обрусения. Подобно многим другим европейским колонизаторам по всему миру, они обдумывали стратегии просвещения населения Русской Америки. В этой главе в центре нашего внимания будут методы и инструменты, которые они использовали для осуществления этих намерений.

Обсуждение культурного сближения и обрусения невозможно без упоминания взаимовлияния и синкретизма. Например, алеуты, развившие методы использования байдарок и охоты на калана задолго до контакта с русскими, обладали в этом отношении более развитой технологией, чем русские, прибывшие на их острова в середине XVIII века. Завоеватели с готовностью признали превосходство алеутов в этой области и активно заимствовали аборигенное ноу-хау. В то же время пришельцы, прибывшие из России на судах, «привезли» с собой спрос мирового рынка на меха морских зверей Алеутской губы. Спрос мирового рынка, революционизировавший и модернизировавший жизнь коренных народов, мотивировал русских колонизаторов использовать традиционные технологии алеутов радикально новым способом. В конечном итоге этот спрос привел к созданию огромных байдарочных флотилий охотников из числа алеутов и кадьякцев, что поменяло экологический баланс всего Северного Тихого океана. Условием для создания такого охотничьего флота было объединение русских и аборигенных технологий, что являлось доказательством слияния элементов различных культур.

ОБРУСЕНИЕ ОСТРОВИТАН

Несмотря на заботу о сохранении аборигенных культур, которую проявляли и чиновники РАК, и европеизированные обозреватели, прибывавшие в Русскую Америку, россияне все-таки рассматривали эти культуры как обреченные на постепенное исчезновение. В этом смысле колониальные власти относились к коренному населению Русской Америки как к однородной группе. Россияне, конечно, понимали, что существуют «племенная» и «культурная» составляющие аборигенной идентичности, и изучали их. Тем не менее в более далекой перспективе русские наблюдатели рассматривали все население колонии как потенциальных русских, считая, что с течением времени культурные особенности коренного населения тем или иным способом сотрутся, а родные языки аборигенов исчезнут¹. Предполагалось, что, если Аляска останется российской колонией, потомки коренных жителей смешаются с русскими и будут говорить на русском языке². Даже глиняные, на тот момент независимые, в будущем могли обрусеть³. В случае же с алеутами и кадьякцами аккультурация уже продвигалась быстрыми темпами.

Россияне часто называли зависимых аборигенов «вольные алеуты», «островитяне» или просто «алеуты» — независимо от их этнического происхождения. Как видно из такого бытового употребления термина «алеут», он был своего рода общим обозначением всех зависимых аборигенов, проживавших в Русской Америке. Поскольку россияне, безусловно, осознавали этнические различия между, например, унаганцами и кадьякцами, подобная практика обобщения показывает, что в повседневной жизни Русской Америки эти различия не имели принципиального значения. Использование термина «алеут» для такого обобщения напоминает то, как в других частях Российской империи мусульман иногда называли татарами, независимо от их этнической принадлежности. Применяемый в Русской Америке термин «островитянин» также напоминал понятие «горец», которым русские XIX века нарекали мусульман Северного Кавказа — аварцев, чеченцев, абхазцев

¹ [Вениаминов И.Е.] Опыт грамматики Алеутско-Лисьевского языка. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1846. С. i, xv.

² [Загоскин Л.А.] Пешеходная опись части русских владений в Америке. С. 54.

³ Вениаминов И.Е. Записки об островах Уналашкинского отдела: В 3 т. СПб.: Типография Императорской Российской Академии, 1840. Т. 3. С. 113.

и др.¹ В формальном, юридическом смысле термин «островитянин» служил синонимом для обозначения коренного населения, которое находилось под политическим и культурным влиянием России. С 1821 года зависимые аборигены Русской Америки были классифицированы как члены особого сословия «островитян», безотносительно к тому, проживали они действительно на островах или нет. Более того, правление РАК предоставляло возможность отдельным членам аборигенных племен, не находившихся под контролем россиян, перебираться в русские селения и числиться островитянами. Это решение было юридически кодифицировано: согласно 59-й статье устава компании от 1821 года, независимые природные жители, если те «изъявили бы желание переселиться в Российские колонии, то Компания может и сие дозволить, ежели от сего колонии наши не подвергаются опасности. Новые переселенцы приняты быть имеют в число островитян и пользуются правами и преимуществами, сословию сему дарованными»². Таким образом, аборигены Русской Америки часто рассматривались колониальными властями как однородная группа, которой суждено было постепенно исчезнуть, после того как коренное население смешается с русским.

СТРЕМЛЕНИЕ К СОЗДАНИЮ ЗАВИСИМОСТИ

Российско-Американская компания делила коренных жителей Русской Америки на «зависимых», «полузависимых» и «независимых»³. Такая классификация отражала практические цели колониального правления. С экономической точки зрения РАК было значительно легче эксплуатировать труд умиротворенного и подчиненного коренного населения, чем аборигенов, которые сопротивлялись установлению гегемонии русских. За выполнение одних и тех же работ компания платила алеутам и креолам меньше, чем тлинкитам или русским и якутам⁴. Что

¹ См.: *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: РОССПЭН, 2000. С. 70—71, 114—115.

² Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб.: Типография II Отделения, 1830. Т. 37. С. 852; РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 838.

³ Историк Андрей Гринев справедливо утверждает, что с формальной точки зрения такой промежуточной категории, как «полузависимые» аборигены, не существовало. Тем не менее русские источники часто неформально ссылались на «полузависимых туземцев»: эта промежуточная категория неплохо отражала отношения русских с племенами денаина и чугач.

⁴ [*Khlebnikov K.T.*] The Khlebnikov Archive: Unpublished Journal (1800—1837) and Travel Notes (1820, 1822, and 1824). Fairbanks: University of Alaska Press, 1990. P. 64.

касается «независимых» тлинкитов, то они представляли явную угрозу не столько торговой деятельности компании, сколько самой претензии Российской империи на господство над территорией и населением заморской колонии. С политической точки зрения правительственные чиновники рассматривали присутствие большого числа «совершенно независимых» аборигенов в Русской Америке как важный стратегический компромисс, достигнутый на тот момент. Однако такое же их присутствие в дальнейшем представлялось недопустимым, так как показало бы несовершенство колониального порядка и уязвимость колонии.

Исходя из этих соображений, РАК сообщала правительству империи, что в перспективе желает видеть всех аборигенов, проживавших в пределах ее владений, зависимыми. Чиновники компании понимали, что установление власти над гордыми и свободолюбивыми аборигенами потребует усилий и времени. Учитывая расклад сил и осознавая, что на пути к умиротворению тлинкитов, не говоря уже об их окончательном подчинении, остаются серьезные препятствия, колонизаторы выбрали долгосрочный подход к достижению этой цели. На бытовом уровне данная стратегия включала прежде всего развитие торговых отношений, что, казалось бы, не воспринималось аборигенами в качестве посягательства на их границы или свободу. Как докладывала РАК, «отмены с туземцами происходило с ними сближение, приобретались их доверие и дружба, ускорявшие обращение их в туземцев зависимых от Компании»¹.

В документах компании «независимые туземцы» фигурировали отдельно от других жителей колонии. По подсчетам РАК, в 1820-е и 1830-е годы их было «до 36 тысяч душ обоего пола»; в это число не входили индейцы Калифорнии, жившие в районе селения Росс². В публикации 1861 года, в которой приводилась эта статистика, на той же самой странице как бы в качестве объяснения было указано, что с «независимыми» аборигенами «Компания имеет одни торговые сношения»³. В «исчислениях народонаселения» 1822 и 1841 годов, касавшихся количества «независимых туземцев», в особые группы выделены также «Европейцы» (категория, объединявшая русских и финнов)

¹ Краткое историческое обозрение образования и действий Российско-Американской Компании с самого начала учреждения оной, и до настоящего времени. СПб.: Литография Н. Диле, 1861. С. 20.

² Там же. С. 43.

³ Там же.

и туземное население, «состоящее в зависимости от Компании». Численность «зависимых» аборигенов оценивалась в 8286 человек в 1822 году и в 7580 в 1841-м. Причиной ее сокращения считались эпидемии¹.

Разделение аборигенного населения колонии на «зависимых» подданных и «независимых» туземцев показывало, что русские колониальные и имперские чиновники уравнивали зависимость с политической лояльностью. Чтобы иметь лояльное население, необходимо было внедрять стратегию по созданию зависимости. Политический стимул для обращения независимых аборигенов в зависимых был весьма убедительным, но существовал также и экономический стимул: в пушном промысле, основанном на обмене товарами с индейцами, РАК проигрывала в конкуренции с британскими и американскими торговцами. Однако при использовании принудительного труда зависимых от нее аборигенов дела РАК шли намного лучше². Следовательно, с точки зрения интересов компании вовлечение в зависимость «независимых» аборигенов — в особенности тлинкитов — преследовало как политические, так и экономические интересы.

В 1840-х годах главный правитель Адольф Этолин сообщал в Петербург, что тлинкиты «ныне до того сблизилась» с русскими, что считают их своими друзьями и благодетелями. По словам Этолина, тлинкиты поняли преимущества, проистекающие от соседства с русскими, которыми не смогут пользоваться, если не станут полностью другими людьми по сравнению с тем, какими были прежде³. Такая риторика демонстрировала желание РАК не просто умиротворить тлинкитов, но и трансформировать их культуру. Установление торговых связей было лишь первым шагом на пути к тому, что такие имперские деятели, как Этолин, Литке и Вениаминов, представляли в качестве постепенного, но в конечном счете необратимого сближения между тлинкитами и русскими. Преследуя эту цель, РАК даже отправила небольшое число индейцев в Евразию, чтобы по возвращении они распространили идеи русской культуры и просвещения в обществе тлинкитов. Впрочем, эта инициатива не дала ожидаемого результата, так как многие из отправленных в Россию тлинкитов не перенесли переезда и погибли во время своего временного пребывания там⁴.

¹ Краткое историческое обозрение образования и действий Российско-Американской Компании с самого начала учреждения оной, и до настоящего времени. СПб.: Литография Н. Диле, 1861. С. 41—42.

² Crowell A.L. *Archaeology and the Capitalist World System: A Study from Russian America*. New York: Plenum Press, 1997. P. 15.

³ АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 1010. Л. 27 об.

⁴ Там же. Д. 988. Л. 52 об.

Стремясь преобразовать свои отношения с тлинкитами, русские предпринимали многие другие инициативы с целью поставить индейцев в зависимое положение. Со своей стороны, индейцы рассматривали подобные инициативы с подозрением и бдительно оберегали свою независимость. Вениаминов, ключевая фигура в кампании привлечения тлинкитов на сторону русских (в первую очередь — с помощью обращения их в православие), проницательно отметил причину их подозрений:

Впрочем я думаю, что и при совершенном и всеобщем убеждении калош [тлинкитов] в необходимости просвещения религиею христианскою, они не скоро согласятся принять ее; потому что (по словам одного очень не глупого колоши) они думают, что с принятием христианства они сделаются под таким же влиянием и властью русских, как и алеуты, которых они считают не иначе как калгами или невольными служителями русских¹.

Тлинкиты успешно оказывали упорное сопротивление попыткам навязать им российские нормы социальных и политических отношений. «Не было примера, — сообщало ГП РАК в 1861 году, — чтобы кто-нибудь из них сознал пользу и необходимость управления, или возможность добровольной подчиненности»². Представители РАК уверяли, что компанией было сделано все возможное, «чтобы привести их [тлинкитов] к этому сознанию», но все инициативы оказывались безрезультатными³. Сопротивление тлинкитов резко контрастировало с позицией покоренных «зависимых» коренных жителей. Главный правитель Леонтий Гагемейстер отмечал еще в 1821 году, что последние «уже привыкли повиноваться русским, и их прежние дикие нравы несколько смягчились»⁴. Его утверждение еще раз показывает связь, которую колониальные власти видели между повиновением, зависимостью и культурной трансформацией.

Один из парадоксов понятия «зависимость» в том виде, в каком оно существовало в Русской Америке, состоял в том, что в то время как тлинкиты оставались независимыми от компании, жители Ново-Архангельска в некоторых отношениях были вынуждены полагаться на

¹ Вениаминов И.Е. Записки об островах Уналашкинского отдела. Т. 3. С. 136—137.

² АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 181 (№ 5). Л. 26 об.

³ Там же.

⁴ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 838. Л. 1 об.

них. Даже в начале 1860-х годов, когда русская колонизация на острове Ситка подходила к концу, правительственный ревизор подчеркивал зависимость жителей столицы Русской Америки от их соседей-тлинкитов. По его словам, тлинкиты

ни в каком отношении, не могут считаться зависимыми от Компании; скорее можно сказать, что сами компанейския заселения на американском берегу завясят от них; достаточно последним, как там выражаются, зашуметь, чтоб Ново-Архангельский порт, со всем населением его, лишит всякаго свежего продовольствия и возможности показаться даже на несколько сажен за укрепления¹.

ПАГУБНЫЕ ПРИВЫЧКИ, ЗАВИСИМОСТЬ, ПАТЕРНАЛИЗМ

Как и во многих других заморских колониях европейских империй XIX века, в Русской Америке табак и алкоголь играли важную роль в качестве средства манипуляции населением. РАК использовала зависимость от этих субстанций для осуществления определенных функций социального контроля.

Русские наблюдатели быстро заметили, что среди зависимых аборигенов распространилось пристрастие к табаку. «Островитяне чрезвычайно пристрастились к табаку», — писал в начале века Гавриил Давыдов о кадьякцах, отмечая, что табак жевали как мужчины, так и женщины². Без табака «почти быть не могут и живущие по далее, не имея возможности получать оный, всегда бранят Русских, за чем они их к тому пристрастили»³. Вениаминов, находясь на острове Уналашка, описывал чрезмерное пристрастие алеутов к табаку. Священник отмечал, что алеут, лишенный табака, «уныл и скучен, и более недеятелен»; при наличии же табака в избытии алеуты «беспрерывно употребляют его»⁴.

¹ Костливец С.А. Отчет по обозрению Российско-Американских колоний, произведенному по распоряжению Господина Министра Финансов. СПб.: Типография департамента внешней торговли, 1863. С. 66.

² Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним: В 2 ч. СПб.: Морская типография, 1810—1812. Ч. 2. С. 75.

³ Там же.

⁴ Вениаминов И.Е. Записки об островах Уналашкинского отдела. Т. 2. С. 53—54.

Неудивительно, что к 1820-м годам (а возможно, даже раньше) РАК оплачивала труд охотников из числа алеутов и кадьякцев главным образом листьями жевательного табака. Табак мотивировал алеутских и кадьякских охотников гораздо эффективнее, чем большинство товаров по завышенным ценам, которые предлагала им компания в обмен на меха¹. Главное правление РАК доказывало, что оплата табаком была безукоризненным методом стимулировать труд алеутов². Этот способ оплаты оказался выгоден компании, так как приобретение и доставка жевательного табака были для нее относительно дешевы. Чем больше мехов поставлял компании охотник, тем больше табака он получал. РАК давала аборигенам табак также в качестве платы за выполнение других заданий. Например, работники, занятые на строительстве Михайловской крепости, получали листья табака за осуществление различных строительных работ³. Важную роль табак играл и в отношениях русских с независимыми аборигенами — это был один из самых предпочитаемых глинокитами товаров среди тех, что предлагались на рынке в Ново-Архангельске⁴. Учитывая свойство табака вызывать зависимость, а также удобство использования его в качестве компенсации и как предмета торговли, не стоит удивляться тому, что он оказался наиболее эффективным инструментом из всех имевшихся в распоряжении колониального начальства Русской Америки⁵.

Более сложно и противоречиво обстояло дело с алкоголем. Его употребление не было полностью чуждо аборигенам Русской Америки доконтактного периода: некоторые племена задолго до прихода европейцев пили сброженный сок малины и черники. Тем не менее доступ к такому алкоголю, как ром, не требовавшему трудоемкого процесса изготовления, подвинул аборигенов «чрезвычайно пристращаться к горячим напиткам»⁶.

¹ NARS-RRAC. CS. Roll 27. Folios 9, 306—307.

² Ibidem. CR. Roll 2. Folios 147—148.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 99. Д. 39. Л. 1—11.

⁴ Загоскин Л.А. Статья IV [без названия] // Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке. С. 372.

⁵ О культурной истории табака и об использовании его в качестве имперского оружия см.: *Gately I. Tobacco: A Cultural History of How an Exotic Plant Seduced Civilization*. New York: Grove Press, 2001.

⁶ Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку. Ч. 2. С. 75. По его словам, «Коняги и до приду [до прихода] Русских до пьяна напивались, закусавшим соком малины и черники. Русские же из сего двоят [так] очень хорошую водку».

Злоупотребление алкоголем стало эндемической проблемой Русской Америки. «Кроме шуток, — писал посетитель Ново-Архангельска в 1840-х годах, — без рома нельзя существовать в Ситхе, — это единственная монета, за которую можно что-либо купить за сходную цену»¹. Около пятнадцати лет спустя, во время посещения колонии ревизорами Костливым и Головиным, положение не изменилось. Ром, писал Костливцов, был наиболее желанным предметом обмена в Русской Америке, где все старались его заполучить. В магазинах РАК ром продавался по высоким ценам. Среди колонистов также была распространена нелегальная торговля алкоголем, главным образом потому, что некоторые работы в колонии были бы просто невыполнимы, если бы не оплата ромом².

Регламентирование продажи алкоголя являлось сложным вопросом для колониального начальства. По мнению ревизоров, свободная продажа рома привела бы к всеобщему безнадежному пьянству населения Ново-Архангельска, особенно креолов³. Последние, докладывая в начале 1860-х годов морской офицер, были в полной зависимости от рома и при любой возможности пытались перекупать алкоголь у русских поселенцев, каждому из которых разрешалось получать со складов РАК большое его количество. Но, по мнению наблюдателей, алкоголизм существовал не только среди креолов. Практически все колонисты были склонны к чрезмерному употреблению спиртных напитков⁴. «Таким образом, — пояснял Головин, — несмотря на запрещение, всякий труд здесь ценится на водку. Сапожник, например, за одну работу, просит за пару сапогов 25 или 35 рублей ассигнац.[иями], а если вместо денег дать ему рому, то за ту же работу довольствуется одной бутылкой, стоящей в магазине 3 р. 50 коп. ассигн[ациями]. Понятно, что всякий кто может, платит за работу не деньгами, а водкой»⁵. Исходя из такого положения вещей, РАК считала необходимым иметь запас алкоголя для поддержания боевого настроения своих рабочих. Но также она была вынуждена строго контролировать этот запас, чтобы удерживать колонистов от

Из бочки ягод, выходит одно только ведро оной» (Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку. Ч. 2. С. 75—76).

¹ Загоскин Л.А. Статья IV. С. 372.

² Костливцов С.А. Отчет по обозрению Российско-Американских колоний. С. 59.

³ Там же. С. 60.

⁴ Из путевых писем П.Н. Головина // Морской сборник. 1863. Т. 66. № 6. Неофициальный отдел. С. 299.

⁵ Там же.

повального пьянства, которое повышало риск насилия и приводило к резкому падению продуктивности труда. Для решения этой проблемы РАК применяла классический патерналистский подход: ее работники в Ново-Архангельске получали еженедельную норму рома, размер которой менялся в зависимости от того, что главный правитель колонии считал целесообразным, а также от погоды¹.

Уже на раннем этапе русские осознали, насколько алкоголь привлекателен для коренных жителей. Давыдов, который и сам был известен затяжными запоями, писал в 1800-х годах, что кадьякцы «начинают чрезвычайно пристращаться к горячим напиткам»². Вениаминов в своем исследовании отмечал, что алеуты были склонны к пьянству и легко превращались в алкоголиков, если обстоятельства сопутствовали этому³. Он настаивал, что доступ аборигенов к спиртным напиткам должен строго регулироваться компанией. «Характер и ум туземцев, утверждал Вениаминов, слабее, чем у «природных русских»⁴. Касательно аборигенных охотников на калана, живущих в Ново-Архангельске, Федор фон Литке писал: «Привыкнув в общении с русскими к их пище, к чаю и особенно пристрастившись без меры к горячим напиткам, употребляют они все средства, хотя бы и не позволенные, к удовлетворению этих новых потребностей»⁵.

В отличие от табака, РАК редко использовала алкоголь для мотивирования работников. Время от времени компания поощряла охотников-аборигенов стаканом-другим водки или рома — в виде угощения либо награды за успешную охоту⁶. Однако, как правило, РАК не оплачивала их труд алкоголем, опасаясь, что это приведет к их недееспособности⁷. В 1830-х годах главный правитель колонии Фердинанд фон Врангель провел политику резкого сокращения доступа к алкоголю для сотрудников компании, включая аборигенов.

¹ [Костливецов С.А.] Ведомость о настоящем положении Российско-Американских колоний. СПб., 1860. С. 3.

² Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку. Ч. 2. С. 75—76.

³ Вениаминов И.Е. Записки об островах Уналашкинского отдела. Т. 2. С. 52.

⁴ Барсуков И.П. Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский. М.: Синодальная Типография, 1883. С. 266.

⁵ Литке Ф.П. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин» в 1826—1829 годах. СПб.: Типография III Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1835. С. 345.

⁶ Костливецов С.А. Отчет по обозрению Российско-Американских колоний. С. 104.

⁷ Головин П.Н. Обзор русских колоний в Северной Америке // Морской сборник. 1862. Т. 57. № 3. Современное обозрение. С. 59.

В результате работники начали использовать большую часть своих доходов для покрытия основных нужд и некоторые из них даже смогли погасить хроническую задолженность. Согласно Загоскину, благодаря установленным ограничениям материальное положение зависимых аборигенных работников заметно улучшилось, а их задолженности были либо уменьшены, либо вовсе ликвидированы¹.

Продажа алкоголя независимым аборигенам могла приносить большую прибыль, но также и большой риск. Официально она была разрешена только между 1832 и 1842 годами, но нелегально существовала как до, так и после этого — русские продавали аборигенам ром даже тогда, когда такая торговля была запрещена². Оплата ромом была выгодна русским, необычайно высокий спрос на алкоголь делал его особенно экономически привлекательным и рентабельным продуктом³. В 1830-х годах, когда общий объем торговли между русскими и тлинкитами вырос, русские расширили и продажу рома. Этот шаг был предпринят для того, чтобы снизить цены на шкурки зверей (за алкоголь индейцы были готовы отдавать их значительно дешевле), а также для борьбы с конкуренцией со стороны британцев и американцев, которые тоже продавали индейцам алкоголь⁴.

Возле Ново-Архангельска русские регулировали торговлю ромом строже, чем в более отдаленных районах, таких как река Стикин⁵. Похожие предосторожности принимались и другими североамериканскими компаниями, занимавшимися пушным промыслом. Например, Гудзонбейская компания также предпочитала, чтобы аборигены около ее торговых постов были как можно более трезвыми, что было важно для поддержания мира и стабильности. А тем индейцам, которые проживали в удалении от постов и потому меньше угрожали безопасности работников и складов с пушниной, КГЗ продавала алкоголь гораздо более свободно⁶. В торговле между русскими и тлинкитами алкоголь, обычно ром, являлся наиболее предпочтительной формой валюты. Единственным другим подобным товаром был табак⁷.

¹ Загоскин Л.А. Статья IV. С. 367.

² Гринев А.В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки, 1741—1867. Новосибирск: Наука, 1991. С. 205.

³ Он же. Торгово-промысловая деятельность Российско-американской компании в 1825—1840 гг. // ИРА. Т. 3. С. 49.

⁴ Там же. С. 24.

⁵ АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 1004. Л. 76.

⁶ Hill D. The Opening of the Canadian West. London: William Hienemann, 1967. P. 11.

⁷ Загоскин Л.А. Статья IV. С. 372; Костлицов С.А. Отчет по обозрению Российско-Американских колоний. С. 59.

Сэр Джордж Симпсон, главный правитель КГЗ в Северной Америке, описывал происшествие возле Ново-Архангельска в 1841 году, когда тлинкитский тойон, находившийся под воздействием алкоголя, убил своего соотечественника. Симпсон писал, что только решительное вмешательство со стороны администрации РАК предотвратило дальнейшее кровопролитие. Благодаря дипломатическим усилиям РАК семья убитого приняла компенсацию от родственников убийцы¹. Этот инцидент убедил Симпсона в том, что запрет на торговлю алкоголем с тлинкитами являлся принципиальной для безопасности мерой и служил интересам как РАК, так и КГЗ². Чиновники обеих компаний сошлись во мнении, что запрет (или, точнее, жесткое ограничение) продажи алкоголя тлинкитам, хотя и означал сокращение немедленных доходов, в целом был к лучшему³.

Со стороны РАК регламентирование торговли алкоголем означало поиск хрупкого равновесия между разными соображениями, такими как безопасность колонии, зависимость населения, получение компанией выгоды и необходимость уважительно относиться к аборигенам. Все эти соображения были обусловлены патерналистской и прагматической точкой зрения. За патернализмом зачастую скрывались вполне благие намерения, хотя иногда они граничили с наивностью. Так, предложенное ревизором Костливым решение проблемы алкоголизма в колонии можно с полным правом назвать наивным — он требовал от колониальной администрации наладить эффективную поставку свежего и засоленного мяса⁴. Начиная с 1830-х годов, когда жены главных правителей колонии начали селиться со своими мужьями в Ново-Архангельске, администрация Русской Америки использовала их в качестве ролевых моделей, чтобы улучшать нравы жителей колонии. Например, Загоскин превозносил образцовое поведение Елизаветы Врангель и подчеркивал ее роль в кампании против злоупотребления алкоголем: «Супруга барона Врангеля, первая образованная дама, обрекшая себя на пятилетнее заточение на северо-западном берегу Америки, собственным примером старалась остановить развившуюся роскошь»⁵.

¹ *Simpson G. Narrative of a Journey Round the World in the Years 1841 and 1842: 2 vols. London: H. Colburn, 1847. Vol. 2. P. 204—206.*

² См.: РГИА. Ф. 18. Оп. 5. Д. 1291.

³ Краткое историческое обозрение образования и действий Российско-Американской Компании. С. 104—105.

⁴ *Костликов С.А. Отчет по обозрению Российско-Американских колоний. С. 60.*

⁵ *Загоскин Л.А. Статья IV. С. 367.*

Чиновники РАК знали о негативном воздействии алкоголя на здоровье коренных жителей, как и на поддержание мира и порядка в колонии. Они видели, что злоупотребление горячительными напитками часто приводило к недееспособности работников не только коренного, но и европейского происхождения¹. По всем этим причинам руководство пыталось сократить и регламентировать потребление алкоголя в колонии.

Спрос на алкоголь и табак среди аборигенов был проявлением их физической зависимости. В то же время для колонизаторов — как русских, так и британцев и американцев — он стал высокоэффективным и разрушительным орудием общественного контроля².

СЕМЬЯ

В полемике начала 1860-х годов Этолин страстно оспаривал предложение Сергея Костливого о реорганизации правления колонии³. Высказывая свои возражения против уменьшения роли компании в управлении Русской Америкой, бывший главный правитель прямо обращался к образу семьи:

Скорее Алеут можно назвать членами семейства, в коем Американская Компания есть глава. Как глава, или заботливый опекун, Компания обязана, и держится постоянно того правила, что на ней лежит попечение о благосостоянии и улучшении быта туземцев, а также в нравственном и умственном их развитии, по мере способов, коими она может располагать. Но с другой стороны Алеуты, по природе своей в полном смысле слова, есть дети, вовсе не помышляющие о своей будущности; они крайне легкомысленны, беззаботны и ленивы. Дать каждому пришлецу право селиться между ими, и увлекать их своими товарами, или крепкими напитками, и т.п., значит неминуемо вести их к совершенному разорению. Единственное их достояние — меха,

¹ Головин П.Н. Обзор русских колоний в Северной Америке // Морской сборник. С. 59.

² РАК периодически жаловалась правительству империи на американских и британских торговцев, которые продавали тлинкитам алкоголь. См.: АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 351. Л. 3 об.

³ Отдельная записка Члена Главного Правления Контр-Адмирала Этолина // Доклад комитета об устройстве русских американских колоний. СПб.: Типография департамента внешней торговли, 1863. С. 374—384.

которые, благодаря попечительности и систематическому компанейскому управлению, по сие время не истощаются около Алеутских островов, — тогда исчезнут и истребятся, а затем последует нищета, голод и конечная гибель, так как Алеутам поздно уже будет переходить в первобытное состояние¹.

Метафора семьи использовалась долгое время для того, чтобы создать чувство единства среди различных народов. Задолго до появления в русском языке термина «обрусение» строители Российской империи усердно внедряли в массы понимание ее как семьи. В подобной модели роль главы семьи принадлежала монарху («царю-батюшке»), который якобы принимал интересы всех народов империи — своих «детей» — близко к сердцу². Инаковость монарха и его обособленность от подданных были не препятствием, а ценным качеством, обеспечивавшим ему политическое и культурное превосходство³. Создание эквивалента семейных связей, объединявших подданных империи, помогало объединять государство.

Эта общеимперская «семейная» модель переносилась и в другие сферы. Она действовала на губернском уровне континентальной России и не менее ярко была выражена в условиях заморской колонии. Главные правители Русской Америки охотно входили в роль отца, заботящегося о своих детях — жителях колонии. На начало 1840-х годов пришелся пик развития этой модели: главный правитель Этолин и епископ Иннокентий (Вениаминов) часто представляли коренных жителей Русской Америки как детей, а себя в качестве отцов, однако сама модель вошла в обиход значительно раньше. В этом отношении переход должности главного правителя от Баранова к морским офицерам не прервал традиции — купец также позиционировал себя в качестве отца. Баранов был, пожалуй, довольно строгим и иногда даже суровым «отцом», в то время как морские офицеры — «отцами» более гуманными.

Отношение к авторитетному лицу как к отцу превалировало также в российской армии и на флоте⁴. Адельберт фон Шамиссо, европейский

¹ Там же. С. 377—378.

² Эта модель была достаточно гибкой и разрешала также наличие монарха женского пола: в XVIII веке Екатерину II прославляли как мать империи.

³ Wortman R.S. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*: 2 vols. Princeton: Princeton University Press, 1995. Vol. 1. P. 6.

⁴ Историк Элиз Кимерлинг Виртшафтер, анализируя российскую армию дореформенного периода, сделала заключение о том, что «в своих делах с военизированным сообществом правительство вкладывало во властные

естествоиспытатель, которому посчастливилось участвовать в российской кругосветной экспедиции 1815—1818 годов, с любопытством наблюдал взаимоотношения команды брига «Рюрик», основанные на патерналистской модели, отметив, что матросы называли капитана «папушкой» (т.е. батюшкой)¹. Шамиссо считал социальные отношения на борту русского корабля резко отличавшимися от западных норм. «Однако мне кажется, что отношение простого русского к своим господам, будь то капитан, барин или император, — писал он, — можно назвать скорее детским, чем рабским. Хотя он и подчиняется палке, но способен отстаивать свои детские свободы»². Неудивительно, что морские офицеры, привыкшие к таким отношениям на тех кораблях, где они командовали, переносили их и в Русскую Америку, когда приходили на должность главного правителя. Более того, поскольку Ново-Архангельск играл для российского флота роль форпоста, патернализм в том виде, в каком он практиковался колониальным начальством в Русской Америке, может рассматриваться в качестве элемента последовательной военной стратегии.

Крещение аборигенов служило еще одним механизмом внедрения патерналистской модели. В то время как креолы были биологическими детьми русских в буквальном смысле, аборигены, принятые в русские семьи через крещение, становились в определенном смысле духовными «приемными» детьми русских. Отношения между крестными отцами — русскими — и их крестными детьми — аборигенами — напоминали семейные: к моменту крещения новообращенный коренной житель колонии устанавливал со своим крестным отцом символическую связь «отпрыск — отец». Русские брали на себя обязательства прежде всего заботиться о потребностях своих аборигенных «детей», при этом они надеялись, что крещеные работники будут проявлять больше послушания и более усердно заниматься охотой³. Однако на

отношения набор ценностей, который лучше всего мог быть описан как патерналистский. Проще говоря, это означало, что лица, облеченные властью, играли роль отца своих подчиненных, которые, в свою очередь, рассматривались как дети своих наставников». См.: *Wirtschafter E.K. The Ideal of Paternalism in the Prereform Army // Imperial Russia, 1700—1917: Opposition, Society, Reform / Eds. E. Mendelsohn and M.S. Shatz. DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 1988. P. 95.*

¹ *Chamisso A. von. A Voyage Around the World with the Romanzov Expedition in the Years 1815—1818 in the Brig Rurik, Captain Otto von Kotzebue. Honolulu: University of Hawaii Press, 1986. P. 61.*

² *Ibidem. P. 75.*

³ *Kovach M.G. The Russian Orthodox Church in Russian America: PhD diss. University of Pittsburgh, 1957. P. 50.*

кону стояло больше, чем промысел. Русские ожидали, что крещеный абориген будет считать себя в долгу перед крестным отцом и усердно служить своему новоиспеченному родственнику¹. В то же время, становясь крестным отцом для коренных жителей, промышленник повышал свой социальный престиж. Такая связь между русскими «отцами» и аборигенными крестными детьми приводила к их социальному сплочению и культурному сближению, т.е. способствовала обрусению.

Аборигены также обеспечивали себе некоторые преимущества в результате крещения. Тлинкит-аристократ, получая русское имя от высокопоставленного русского крестного отца, «устанавливал с ним особые отношения, которые использовал для того, чтобы получать дополнительные подарки, приглашения на частные праздники и другие знаки особого уважения»². Личность крестного отца имела большое значение для тлинкитов. Соглашаясь на крещение, абориген выдвигал некоторые условия и часто упорствовал до тех пор, пока ему не предлагали крестного отца, обладавшего самым большим престижем из всех возможных³.

Стоит отметить, что патернализм в Русской Америке отличался от того, который проявлялся в отношениях между белыми и индейцами в Соединенных Штатах. Распространение на аборигенов разновидности «семейных» отношений было общим для русских и американских колонизаторов XIX века, но принимало разные формы в американском либеральном и русском имперском контекстах. В Соединенных Штатах инфантилизация аборигена выражалась в присвоении ему постоянного статуса «ребенка» в обществе, в котором со времен Джона Локка бунт против отцовской власти рассматривался как предпосылка взросления⁴. Аборигены, вечные «дети природы», рассматривались как люди, которые отказались «отлучаться от груди» и потому обречены оставаться недоразвитыми и социально неинтегрированными⁵. Либеральная традиция Локка не имела значительного влияния на русскую концепцию семьи.

¹ «The Condition of the Orthodox Church in Russian America»: Innokentii Veniaminov's History of the Russian Church in Alaska / Trans. and Eds. R.N. and R. Croskey // Pacific Northwest Quarterly. 1972. Vol. 2. P. 42.

² Kan S. Memory Eternal: Tlingit Culture and Russian Orthodox Christianity through Two Centuries. Seattle: University of Washington Press, 1999. P. 83.

³ Костливицов С.А. Отчет по обозрению Российско-Американских колоний. С. 115—116.

⁴ Mehta U.S. Liberal Policies of Exclusion // Tensions of Empire: Colonial Cultures in a Bourgeois World / Eds. F. Cooper and A.L. Stoler. Berkeley: University of California Press, 1997. P. 67—69.

⁵ Rogin M.P. Fathers and Children: Andrew Jackson and the Subjugation of the American Indian. New York: Knopf, 1975. P. 115—116.

В отличие от США, в Российской империи все население уподоблялось детям — аборигены в этом отношении не выделялись из общей массы подданных империи. Монарх («царь-батюшка») был единственным полноценным «взрослым». Таким образом, в контексте Российской империи статус «ребенка» не сопровождался стигмой и отчуждением. С одной стороны, этот статус был постоянным, так как все подданные оставались «детьми». Но, с другой стороны, была и возможность его изменения — менее европеизированные подданные имели возможность «эволюционировать» и стать более «зрелыми» посредством образования и аккультурации. Разница между аборигенными «детьми» и другими подданными состояла в том, что европеизация аборигенов была более длительной, но тем не менее необратимой. Несмотря на предрассудки и снисходительность по отношению к аборигенам, архитекторы русской политики желали видеть этих «детей» социально интегрированными и позволяли им развиваться — разумеется, в пределах имперского общества. Таким образом, русская имперская «семья» включала и принимала всех своих членов, в то время как американская либеральная «семья» исключала аборигенов. Соответственно, русская политика касательно коренного населения имела целью социальную интеграцию и поглощение, в то время как американская вела к социальному разделению и исключению.

ЖЕНЩИНЫ

В Русской Америке практически не было русских женщин, и колониальные власти приветствовали заключение браков между колонистами и женщинами аборигенного и креольского происхождения. Соответственно, роль матери в колониальной семье досталась именно этим женщинам. В ранние годы существования колонии власти имели планы по приглашению сюда русских женщин, но эти инициативы оказались малорезультативными. Нескольким русским женщинам-простолюдинкам, приехавшим в колонию в 1790-х годах, купцом Шелиховым было поручено научить многочисленных женщин-аборигенок вести домашнее хозяйство на русский лад. Чтобы поощрить это начинание, Шелихов распорядился прислать в колонию предметы одежды для аборигенных жен русских мужчин, которые надлежало дарить им при заключении брака¹.

¹ Федорова С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии: конец XVIII века — 1867 год. М.: Наука, 1971. С. 187.

Русские женщины более знатного происхождения тоже участвовали в развитии культурной жизни колонии. Купеческая дочка, позднее возведенная в дворянство, Наталья Шелихова, жена Григория Шелихова, продолжавшая играть важную роль в делах компании мужа и после его смерти, стала первой образованной женщиной, прибывшей в Русскую Америку в 1780-х годах, во время посещения острова Кадьяк со своим мужем. Еще более значительное влияние на жизнь колонии оказали жены морских офицеров, поочередно занимавших должность главного правителя. Эти дамы вступили на колониальную сцену Русской Америки в 1830-х годах, примерно в то же время, когда «наличие жены британского происхождения стало главной отличительной чертой настоящего мужчины, занимавшегося пушным промыслом», среди «джентльменов», занятых им в Канаде¹.

Жена барона Фердинанда Петровича фон Врангеля, Елизавета Васильевна фон Врангель, была первой женщиной, которая жила со своим супругом в Русской Америке в период, когда тот занимал должность главного правителя (1830—1835). Как объяснял Петр Тихменев, пребывание баронессы в колонии имело важные последствия, потому что «пример этот отразился на прочих семействах лиц, вступающих в службу компании в колониях. С тех пор, начала семейственного порядка незаметно стали укореняться среди людей, заброшенных так далеко судьбою, и общественная жизнь получила более нравственное направление»². Баронесса Врангель заслужила всеобщее уважение среди колонистов за ее роль в развитии в Ново-Архангельске светского общества, а также за участие в благотворительности и просвещении жителей колонии. Несмотря на свое высокое дворянское положение, она уделяла много внимания людям, стоявшим на более низкой социальной ступени, чем произвела сильное впечатление на колонистов и аборигенов³. Последующие главные правители тоже привозили в колонию своих жен, которые, продолжая вплоть до 1867 года традицию, начатую баронессой Врангель, активно участвовали в общественной жизни Русской Америки.

¹ *Vibert E. Real Men Hunt Buffalo: Masculinity, Race, and Class in British Fur Traders' Narratives // Cultures of Empire: Colonizers in Britain and the Empire in the Nineteenth and Twentieth Centuries / Ed. C. Hall. New York: Routledge, 2000. P. 285.*

² *Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ея до настоящего времени. СПб.: Типография Э. Веймара, 1861—1863. Т. 1. С. iv.*

³ Там же.

В общих чертах основными задачами жены главного правителя было поддерживать атмосферу высшего света для высокопоставленных лиц колонии и давать достойный пример поведения, присущего европеизированной православной женщине из высшего общества, для простых колонистов¹.

Понятно, что существовал огромный социальный разрыв между женами главных правителей и подавляющим большинством женщин, живших в колонии. Однако аборигенки и креолки играли важнейшую роль в функционировании компании и колонии. Браки между ними и русскими мужчинами способствовали развитию деловой деятельности компании и общественной жизни колонии. К немалому облегчению РАК, для которой набор и обучение компетентных работников были сложным и дорогостоящим делом, русские мужчины, обзаводясь в колонии женами и детьми, реже склонялись к возвращению в Евразию.

С самого начала существования колонии подразумевалось, что колонисты будут вступать в близкие отношения с местными женщинами. Баранов и Шелихов поддерживали установление интимных связей между русскими мужчинами и женщинами аборигенного или креольского происхождения. Допуская и даже поощряя эти связи, они одновременно пытались регулировать их, чтобы предотвратить возникновение возможных межличностных конфликтов среди русских, а также между русскими и аборигенами. Так, Баранов старался убедить русских мужчин хранить верность аборигенкам, с которыми они жили, независимо от того, состояли они в браке или нет. С точки зрения чиновников компании, моногамные отношения среди населения колонии способствовали социальной стабильности и положительно сказывались на нравственном облике общества колонии. В 1820-х годах главный правитель Матвей Муравьев поощрял связи работников РАК с женщинами из племени тлинкитов² — присутствие этих женщин в русских селениях способствовало улучшению отношений между русскими и тлинкитами. Заключение брака было выгодно и тлинкитским родственникам женщин, так как они получали ряд социальных и материальных преимуществ от установления родственных связей с русскими. По мере того как эти

¹ Об ожиданиях касательно роли, которую должна была играть жена главного правителя Русской Америки, см.: *Letters from the Governor's Wife: A View of Russian Alaska, 1859—1862* / Ed. A.C. Christensen. Aarhus, Denmark: Aarhus University Press, 2005.

² *Kan S. Clan Mothers and Godmothers: Tlingit Women and Russian Orthodox Christianity, 1840—1940* // *Ethnohistory*. 1996. Vol. 43. No. 4 (Fall). P. 613—641.

женщины осваивали русский язык, они начинали играть роль переводчиков и облегчать общение между русскими и индейцами¹.

Некоторые аборигенные семьи, со своей стороны, также стремились породниться с русскими, выдавая замуж своих дочерей. Василий Головнин отмечал, что индейцы Калифорнии, проживавшие около поселения Росс, в 1810-х годах охотно отдавали своих дочерей за русских и алеутов. В результате в селении Росс было много индейских жен. Это способствовало установлению не только дружеских, но и семейных связей². Однако бывало и так, что подобные связи устанавливались без согласия аборигенной стороны. Как докладывал тот же самый офицер, при Баранове чиновники РАК иногда насильственно забирали у местных жителей жен и дочерей³. После отставки Баранова количество подобных злоупотреблений уменьшилось.

У аборигенных женщин из низших социальных слоев были свои стимулы для вхождения в колониальное общество. Выходя замуж за русского или креола, аборигенка повышала свой социальный престиж и материальное благосостояние. Вступая в связь с мужчиной неаборигенного происхождения, она получала гарантию, что ее дети смогут избежать участи зависимых аборигенов. Более того, если в аборигенном обществе она была рабыней, брак с русским или креолом означал, что она выйдет из этой категории. (Но решение о вступлении в брак далеко не всегда оставалось за женщиной — например, есть свидетельства, что тлинкиты продавали женщин-рабынь русским мужчинам как на ограниченный срок, так и навсегда⁴.) Кроме всего прочего, для русского жениха родословная невесты из коренного населения не имела такого значения, как для мужчины аборигенного происхождения. Таким об-

¹ Литке Ф.П. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин» в 1826—1829 годах. С. 331; *Kan S. Memory Eternal*. С. 75—76.

² *Golovnin V.M. Around the World on the Kamchatka, 1817—1819*. Honolulu: University of Hawaii Press, 1979. P. 163.

³ [Головнин В.М.] Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана // Приложение к Морскому сборнику. СПб.: Типография Морского министерства, 1861. № 1. С. 117.

⁴ [Хлебников К.Т.] Русская Америка в записках К.Т. Хлебникова: Ново-Архангельск. М.: Наука, 1985. С. 139. Эта практика «покупок» женщин не ограничивалась только племенем тлинкитов — подобное происходило и в других частях Русской Америки, и в Сибири. См.: Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку. Ч. 2. С. 52—53; *Slezkine Y. Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1994. P. 44; *Stephan J.J. The Russian Far East: A History*. Stanford: Stanford University Press, 1994. P. 23—24.

разом, вступая в брак вне аборигенного сообщества, женщина могла избежать диктата аборигенных общественных норм.

В общем и целом, иногда интересы русского колониального государства, части колонизаторов и некоторых женщин совпадали. Загоскин отмечал, что все алеутские женщины, не только бедные, стремились к одному и тому же: «Сильнейшая страсть алеутских девушек, — писал исследователь, — выйти замуж за русского или даже за креола, или, иными словами, выйти из родового своего сословия»¹. Разумеется, такое желание имело место и в других краях обширной Российской империи: женщины, особенно в случаях, когда у них не было других возможностей подняться по социальной лестнице, могли рассматривать брак как средство повышения социального статуса². Как бы то ни было, за неимением источников нет возможности достоверно узнать, какие именно соображения (насилие, принуждение, расчет, надежда или даже любовь) подталкивали отдельных аборигенных женщин вступить в отношения с русскими мужчинами.

КРЕОЛЫ

В результате интимных отношений между туземными женщинами и русскими мужчинами в колонии появлялось все больше детей, чей социальный статус не вписывался в традиционные рамки Российской империи. Выделение категории креолов сначала в нечетко определенную социальную группу, а позже — в «особое сословие» лишь частично уменьшило неоднозначность их статуса. И по сей день ученые продолжают спорить: считались ли креолы русскими? являлись ли они полноправным сословием³? составляли ли привилегированную группу?

В Российской империи существование категории креолов ограничивалось Русской Америкой. Эта категория вошла в обиход после начала русских кругосветных путешествий, в результате которых были установлены прямые контакты с портами Калифорнии и другими испанскими

¹ [Загоскин Л.А.] Пешеходная опись части русских владений в Америке. С. 54.

² *Wirtschaftler E.K. Social Identity in Imperial Russia*. DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 1997. P. 10.

³ О сословиях см.: *Freeze G.L. The Soslovie (Estate) Paradigm in Russian Social History // American Historical Review*. 1986. Vol. 91. P. 11—36; *Smith A.K. For the Common Good and Their Own Well-Being: Social Estates in Imperial Russia*. New York: Oxford University Press, 2014.

колониями Нового Света, где также использовался термин «criollo». Как говорилось во второй главе, впервые слово «креол» в письменном русском языке в контексте Русской Америки использовал, возможно, Николай Резанов (участник первого русского кругосветного путешествия и чиновник самого высокого ранга среди всех когда-либо посещавших колонию), когда во второй половине 1800-х годов упоминал детей от связей русских мужчин с аборигенными женщинами¹. К тому времени слово «креол» уже могло употребляться в устном обиходе в колонии, но документального подтверждения этому нет. Как бы то ни было, термин не использовался в официальных государственных документах до второй половины 1810-х годов, когда категория креолов была кодифицирована и вошла в инструментарий государственного управления.

В других регионах Российской империи законнорожденные дети смешанного, русского и аборигенного происхождения обычно классифицировались как русские. Самый близкий аналог ситуации, сложившейся в Русской Америке, существовал в Сибири, где государство относилось к детям смешанного русско-аборигенного происхождения как к русским, если их родители состояли в православном браке². Такие межкультурные браки укрепляли социальные связи между русскими и аборигенами Сибири, одновременно снижая на бумаге численность коренного населения и увеличивая численность русских, что способствовало русификации Сибири³.

Почему такая практика не была перенесена в Русскую Америку? (Или, если вначале она имела место, почему позже от нее отказались?) Четкого ответа на этот вопрос пока нет. Тем не менее можно предположить, что установившаяся в Русской Америке практика имела

¹ АВПРИ. Ф. 341. Оп. 888. Д. 277. Л. 1—3.

² Костликов С.А. Отчет по обозрению Российско-Американских колоний. С. 22—23.

³ О креолах Русской Америки см.: Luehrmann S. Alutiiq Villages under Russian and U.S. Rule. Fairbanks: University of Alaska Press, 2008; Питерская Е.С. Креолы Аляски в свете процессов межкультурного взаимодействия // Этнографическое обозрение. 2007. № 6. С. 94—104; Smith-Peter S. «A Class of People Admitted to Better Ranks»: The First Generation of Creoles in Russian America, 1810s—1820s // Ethnohistory. 2013. Vol. 60. No. 3 (Summer). P. 363—384. Другие точки зрения представлены в работах: Black L.T. Creoles in Russian America // Pacifica. 1990. Vol. 2. No. 2 (November). P. 142—155; Eadem. Russians in Alaska, 1732—1867. Fairbanks: University of Alaska Press, 2004. P. 209—220; Oleksa M.I. The Creoles and their Contributions to the Development of Alaska // Russian America: The Forgotten Frontier / Eds. B. Sweetland Smith and R.J. Barnett. Tacoma, Wash.: Washington State Historical Society, 1990. P. 185—195.

отношение к демографическим трудностям заселения колонии¹. Как уже отмечалось в четвертой главе, чиновники РАК хорошо осознавали масштаб препятствий и расходов, возникавших в связи с привлечением в Русскую Америку мигрантов из Евразии². Одновременно они видели, что число потенциальных работников из местного населения, уже приспособленных к климатическим и социальным условиям колонии, росло на глазах. Объединение этих людей в единую социальную категорию и создание юридической основы для контроля над ней предоставляли государству и компании возможность извлекать из данной ситуации выгоду. Выделение креолов как социальной категории позволило РАК и российскому правительству разработать для них особые правила, которые среди прочего усложняли выезд из колонии для этих потенциальных работников. В то же время причисление детей русских мужчин к новому сословию избавляло их от каких-либо повинностей, связанных с сословием отцов. Таким образом, и сами креолы получали некоторые преимущества от введения этой классификации.

В ранние годы существования колонии все дети-креолы происходили от русских отцов. Вырастая, мужчины-креолы женились на аборигенных и креольских женщинах и также становились отцами детей-креолов. Вениаминов отмечал, что в 1830-х годах мужчины-креолы на острове Уналашка женились в основном на алеутках, креолки же в колонии чаще всего выходили замуж за русских или креолов³. Таким образом, существование категории креолов способствовало переходу аборигенных женщин из аборигенных домохозяйств в креольские.

С годами численность креолов росла, и параллельно увеличению их доли среди колониального населения росло и их значение для экономики. В 1843 году пропорция креолов к русским составляла два к одному, а в 1860-м — три к одному. В 1818 году креолов в колонии было лишь 200 человек, а в январе 1861-го — уже 1896, из них 783 мужчины трудоспособного возраста⁴. Особенно быстро население креолов росло в столице,

¹ Такого мнения о происхождении категории креолов придерживался ревизор Головин — см: *Головин П.Н. Обзор русских колоний в Северной Америке*. СПб.: Типография Морского министерства, 1862. С. 18.

² РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 838.

³ *Вениаминов И.Е. Записки об островах Уналашкинского отдела*. Т. 2. С. 181; *Федорова С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии*. С. 189.

⁴ *Gibson J.R. Russian Dependence upon the Natives of Alaska // Russia's American Colony / Ed. S.F. Starr. Durham, N.C.: Duke University Press, 1987. P. 103, 202; Окунь С.Б. Российско-американская компания. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. С. 201; Отчет Российско-Американской компании за 1860 год. СПб., 1861. Приложение 5.*

где также проживало много русских мужчин: уже в 1817 году численность креолов и русских была в Ново-Архангельске почти одинаковой. В 1833 году при общем населении города 822 человека креолами были 307 человек. К 1862 году из 988 жителей Ново-Архангельска 485 были креолами — и это без учета большого числа тех, кто к тому времени переехал из столицы в другие районы, особенно на остров Кадьяк¹.

Еще до того, как креолы официально (уставом РАК от 1821 года) были выделены в особое сословие, дети русских работников рассматривались компанией в качестве потенциального трудового ресурса. Вместе с тем роль креолов в пушном промысле Русской Америки была, безусловно, гораздо менее существенна, чем роль метисов в пушном промысле Канады². Причина этого крылась в том, что аборигенным работникам в экономике Русской Америки отводилась особая, узкоспециализированная роль, в то время как креолы были заняты на должностях, обычно занимаемых русскими. Такое разделение между креольскими и аборигенными работниками существовало с самого начала. Из-за малочисленности аборигенных охотников в более поздний период существования РАК чиновники пытались убедить родителей-креолов отдавать детей учиться охоте на калана у родственников-аборигенов. Было понятно, однако, что большинство родителей-креолов будут упорно сопротивляться такой инициативе. По мнению Костливецова, креолы считали принудительный труд «зависимых» аборигенов недостойным для людей их социального статуса, а материальную компенсацию — неадекватной³.

Креолами проживали в русских и/или креольских общинах и домохозяйствах, в которых основным разговорным языком обычно был русский. Другим отличием креолов от аборигенов была предоставленная первым возможность получать образование в русских школах и училищах. РАК поощряла образование креолов и выделяла на это ресурсы. В начале XIX века, в годы, последовавшие за открытием кругосветного маршрута, ГП РАК даже дало возможность самым

¹ *Gibson J.R.* Imperial Russia in Frontier America: The Changing Geography of Russian America, 1784—1867. New York: Oxford University Press, 1976. P. 10.

² О метисах см.: *Morton W.L.* The North West Company Pedlars Extraordinary // Aspects of the Fur Trade: Selected Papers of the 1965 North American Fur Trade Conference. St. Paul: Minnesota Historical Society, 1967. P. 14—15; *Brown J.S.H.* Strangers in Blood: Fur Trade Company Families in Indian Country. Vancouver: University of British Columbia Press, 1980.

³ *Костлицев С.А.* Отчет по обозрению Российско-Американских колоний. С. 160. См. также: *Головин П.Н.* Обзор русских колоний в Северной Америке. С. 20—21.

способным из детей русских мужчин и аборигенных женщин (которые тогда еще не назывались креолами) обучаться различным ремеслам в Петербурге — чтобы они могли приносить компании больше пользы¹. Получив образование и вернувшись в колонию, эти люди становились ролевыми моделями для других креолов, а также служили показательным примером заботливого покровительства со стороны компании, на который ее чиновники могли сослаться в переписке с правительством империи. Образованные креолы поощрялись наградами и оделялись вниманием властей, отчасти для того, чтобы заинтересовать других креолов в получении образования и работе на компанию².

В 1817 году ГП РАК известило Баранова о креоле, который возвращался через Сибирь в Русскую Америку по окончании учебы в Петербурге. Компания инструктировала главного правителя о необходимости использовать этот случай в целях пропаганды. Этот молодой человек, Кондратий Иванович Бурцев, был одним из четырех креолов, которые еще детьми прибыли в Петербург на «Неве» в 1806 году, по завершении первой кругосветной экспедиции. В дальнейшем все четверо вернулись в Америку и поступили на службу в компанию; один из них, Андрей Климовский, командовал судами РАК, а двое других, Иван Чернов и Герасим Кондаков, стали помощниками командиров судов³. На обратном пути в Америку двадцатилетнего Бурцева сопровождала его шестнадцатилетняя невеста-креолка Матрена, единственная выжившая из другой экспериментальной группы юных креолов, в 1808 году отправленных в Петербург для получения образования. Бурцев прошел обучение плотницкому делу и кораблестроению на Охтинской верфи, а его невеста, жившая в Петербурге с восьми лет, обучалась там управлению домохозяйством. ГП РАК сообщало главному правителю колонии, что нужно устроить их наилучшим образом, потому что Бурцев заслуживал доверия⁴. Несмотря на эти надежды, судя по отзыву главного правителя Муравьева, Бурцев оказался абсолютно неспособным работником. Тем не менее значительно позже РАК заявляла о своем общем удовлетворении возвращением инвестиций, вложенных в образование креолов в России: «Из обучавшихся в России Креолов

¹ NARS-RRAC. CR. Roll 1. Folio 52.

² Ibidem.

³ Гринев А.В. Битвы за Ситху и падение Якутата // ИРА. Т. 2. С. 76—77.

⁴ Instructions from the Main Administration of the Russian American Company to Aleksandr A. Baranov concerning education for creoles. March 12, 1817 // To Siberia and Russian America: Three Centuries of Russian Expansion / Eds. B. Dmytryshyn, E.A.P. Crownhart-Vaughan and T. Vaughan: 3 vols. Portland, Oreg.: Oregon Historical Society Press, 1988—1989. Vol. 3. P. 244.

поступали на службу в колониях несколько искусных мореходов, равно оружейных и инструментальных мастеров, оправдавших на опыте попечения о них Компании»¹.

Впрочем, не во всех случаях дело шло гладко. Например, в 1817 году ГП РАК выразило неудовольствие креолом, который, получив образование за счет компании, намеревался остаться в Евразии: директора компании писали, что тот показал себя не в лучшем виде, попросив, чтобы его назначили на должность в Охотске и выдали паспорт, в чем ему было отказано². Вскоре после этого случая были введены ограничения на передвижение креолов.

В ноябре 1818 года РАК представила в Министерство внутренних дел предложение, якобы разработанное Резановым за несколько лет до этого, «оставить [креолов] свободными гражданами тех мест, где они родились»³. План предлагал «за малостию русских промышленных, иметь в Колониях гарнизон из способных креолов, приуча их фронтовой службе, мастерствам и хлебопашеству, для приведения тамошняго края в лучшее против ныняшняго состояние»⁴. Эта идея не была полностью претворена в жизнь, однако стала одним из элементов стратегии РАК по установлению контроля над растущей группой креолов. В 1810-х годах Баранов озвучил ожидание, которое в те времена, скорее всего, казалось всем обоснованным, — что креолы вскоре будут классифицироваться как русские. Однако ГП РАК в Петербурге успешно лоббировало выделение их в особое, не регулировавшееся существовавшими нормами сословие⁵.

Охраняя свое исключительное право посредника между государством и населением колонии, Российско-Американская компания ратовала за удержание креолов под своей юрисдикцией. В послании колониальной администрации от 1817 года ГП РАК заявляло, что будет стремиться упрочить юридический статус креолов и гарантировать этому новому классу независимость от всех, кроме местного правления⁶. Члены ГП РАК, несомненно, осознавали, что удержание креолов под властью администрации Русской Америки предоставляло компа-

¹ Краткое историческое обозрение образования и действий Российско-Американской Компании. С. 45. О замечании Муравьева см.: *Гринев А.В.* Кто есть кто в истории Русской Америки. М.: Academia, 2009. С. 82.

² Instructions from the Main Administration of the Russian American Company to Aleksandr A. Baranov. P. 245.

³ АВПИР. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 277. Л. 2 об.

⁴ Там же. Л. 2 об. — 3.

⁵ NARS-RRAC. CR. Roll 1. Folios 52—53.

⁶ NARS-RRAC. CR. Roll 1. Folio 52.

нии дополнительные выгоды: в колонии, где РАК была единственным законным работодателем, у нее появилась возможность создать резерв местной рабочей силы.

Согласно условиям устава компании от 1821 года, креолы стали «особым сословием», на которое распространялось действие беспрецедентного свода правил. Они провозглашались подданными России, но освобождались на неопределенное время от обязанности платить государственные налоги. Имперское правительство для защиты прав креолов указывало главному правителю, «чтоб он с подведомственными ему конторами и в них определенными правителями, имел бдительный надзор и попечение как об них самих, так и о их имуществе»¹. Креолам разрешалось получать образование в России за счет РАК, но, принимая это предложение, они обязывались в дальнейшем работать на компанию в течение не менее десяти лет. Те из креолов, кто отличался на службе РАК своими способностями и добросовестным трудом (усердием), получали привилегии (но только после соответствующего рассмотрения их кандидатур колониальным начальством), эквивалентные привилегиям русскоподданных работников компании, принадлежавших к мещанскому сословию².

За четыре года до утверждения этого устава ГП РАК инструктировало главного правителя колонии о том, что следует оповестить креолов, чтобы те не беспокоились о своем положении: решения по подобным вопросам, как добавлялось в покровительственном тоне, будут приняты в свое время³. Они действительно были приняты, хотя правительство и компания сохранили долю неопределенности касательно статуса креолов. В конечном итоге по имперским, если не по колониальным стандартам численность креолов была ничтожной

¹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 37. С. 350.

² Там же. Иными словами, если креол, получивший образование за счет компании, выполнял условия своего контракта и некоторые другие обязательства перед РАК, он имел возможность стать членом мещанского сословия. Теоретически мещане могли накопить значительные материальные средства благодаря торговле или, наоборот, обеднеть, но, так или иначе, на них не распространялись ограничения, наложенные на крестьян (как на крепостных, так и на свободных), составлявших значительную часть населения Российской империи. Таким образом, в юридическом отношении креолы, которые входили в мещанское сословие, располагали в Российской империи более широкими возможностями и имели более высокий социальный статус, чем большинство русских.

³ Instructions from the Main Administration of the Russian American Company to Aleksandr A. Baranov. P. 245.

и они не были определены как полноценное «податное» сословие. В результате креолы оставались свободными от формального налогообложения. Удерживая правительство от инкорпорирования креолов в структуру налогооблагаемых сословий империи, РАК избегала затрат, с которыми столкнулась бы, если бы креолы приписывались к сословию своих отцов. (Компания была обязана платить местные налоги по всей империи за своих работников, пока удерживала их у себя на службе.) Только очень немногие креолы, которые каким-то образом смогли покинуть колонию и переехать в Россию, официально переходили в сословие своих отцов и вместе с тем приобретали соответствующие обязательства и привилегии. Другой причиной того, что правительство противилось обложению креолов региональными налогами, мог быть тот факт, что, судя по данным, приведенным этнографом Светланой Федоровой, многие креолы являлись незаконнорожденными, а некоторые — сиротами. Приписывание таких детей к сословию их отцов, которое требовало вступления в контакт с местными юрисдикциями в России, было сложным процессом, сопряженным с неловкостью как для компании, так и для отцов этих детей¹.

Компания брала на себя обязанность присматривать за нравственностью креолов и «не допускать их обращаться в дикое состояние»². Для нее было необходимо, чтобы «креолы, единожды уже познакомившиеся с образом жизни европейской, не оставляли оной»³. Чтобы выполнить эту миссию, были созданы колониальные школы РАК, главным образом для просвещения детей-креолов⁴. Дифференциация между креолами и аборигенами в колониальной школьной системе имела место с самого начала, но стала более выраженной в 1830-х годах, когда РАК проводила кампанию по удержанию креолов от принятия аборигенного образа жизни. РАК поощряла посещение школы мальчиками-креолами, в то время как мальчиков из коренного населения в школу практически не допускала⁵. В послании 1836 года в контору РАК на остров Кадьяк главный правитель колонии Иван Купреянов инструктировал правление отдела о необходимости способствовать тому, чтобы дети алеутов ни-

¹ Федорова С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии. С. 190—191.

² [Хлебников К.Т.] Русская Америка в записках. С. 100.

³ Там же.

⁴ Состояние Компании к 1819 году // Архив графов Мордвиновых / Ред. В.А. Бильбасов. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1901—1902. С. 634.

⁵ Существовали школы и для девочек-креолок. Первая из этих школ была основана на Кадьяке в 1805 году. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 102. Д. 421.

каким образом не были отвлечены от своего природного образа жизни. В противном случае компания лишалась бы охотников¹. Одновременно главный правитель настаивал: чиновники острова Кадьяк должны заботиться о том, чтобы дети-креолы обоих полов получали школьное образование в соответствии со своими способностями. Для лучшей организации обучения он приказал правителю Кадьякской конторы РАК составить перечень всех детей-креолов². Многие креолы были сиротами и не имели другого выбора, кроме как посещать школы компании. Но и для детей-креолов, имевших родителей, эти школы обычно представляли единственную возможность получить образование. Загоскин сообщал, что во время его пребывания на островах Уналашка и Атка в 1840-х годах он не видел в школах компании ни одного алеута. Те немногие алеуты, которые получали какое-то неформальное образование, обучались священниками. В то же время, вспомнил Загоскин, школа Ново-Архангельска была наполнена креолами³.

Компания использовала школьное образование для вовлечения креолов в состав своих рабочих кадров. Устав компании от 1844 года, подобно уставу 1821 года, обязывал всех креолов, которые посещали школу, работать на РАК как минимум десять лет⁴. Ревизор Костливец выразил негодование по поводу навязывания креолам подобного обязательства: «Неужели за обучение читать и писать или работать топором, как простой дровосек, он [креол] должен выслуживать этот же длинный срок?»⁵ Принимая во внимание подобную критику, правительство империи планировало снизить обязательный срок службы креолов до пяти лет и отразить это в уставе, который намеревалось предоставить РАК в 1860-х годах.

Задолженности перед РАК являлись для креолов источником постоянного беспокойства. Долговое бремя креолов не было облегчено в 1836 году, когда долги алеутов и кадьякцев были списаны. Возможно, причина такого различия — в том, что креолы не были обязаны служить РАК и компания хотела сохранить за собой способ принуждения их к работе. Креолам платили меньше, чем русским, за выполнение

¹ NARS-RRAC. CS. Roll 39. Folios 280 ob. — 281.

² Ibidem. Folio 395.

³ [Загоскин Л.А.] Пешеходная опись части русских владений в Америке. С. 54.

⁴ Окунь С.Б. Российско-американская компания. С. 202.

⁵ Костливец С.А. Отчет по обозрению Российско-Американских колоний. С. 35.

такой же работы¹, однако русские часто завидовали освобождению креолов от обременительного налогообложения, а также их праву держать в колонии собственное хозяйство².

Пользуясь доступными им преимуществами получения образования и продвижения карьеры, отдельные креолы достигали высоких позиций в колонии, особенно в последние десятилетия правления РАК, но в целом они оставались в экономически невыгодном положении по сравнению с мигрантами из Евразии. Ограниченная вертикальная мобильность большинства креолов в колониальном сообществе опровергает мнение о том, что они представляли собой привилегированную группу. Креолы получали более низкую заработную плату по сравнению с русскими, а их продвижение по карьерной лестнице происходило более медленно. И все же, несмотря на дискриминацию в вопросах оплаты труда, они жили и работали в одной среде с русскими. Они посещали православные церкви и свободно передвигались в пределах русских поселений колонии. Мальчики-креолы обучались в русских школах наравне с русскими детьми. В целом в социальном, культурном и экономическом отношениях положение креолов в колониальной системе было гораздо ближе к положению русских, чем к месту, отведенному аборигенам. Имперская бюрократия так и не дала «сословию» креолов точного определения. Указывая на эту амбивалентность, ревизор Костликов призывал в 1860-х годах к полному упразднению категории креолов и внедрению на Аляске сибирской традиции, по которой креолы считались бы русскими и принадлежали бы к тому же сословию, что и их отцы³.

Историки часто пишут о креолах как об однородной группе. Но в действительности дети русских мужчин сильно отличались друг от друга и некоторые креолы были значительно более обрусевшими, чем другие. Социальный статус креола и степень его обрусения зависели от статуса его отца: сын высокопоставленного чиновника имел очевидные преимущества по сравнению с сыном простолюдина или сиротой.

¹ [Khlebnikov K. T.] The Khlebnikov Archive. P. 64.

² Окунь С.Б. Российско-американская компания. С. 201.

³ Костликов С.А. Отчет по обозрению Российско-Американских колоний. С. 22—23. Статистический анализ социальной мобильности креолов можно найти в статье: Гринев А.В. Специфика вертикальной социальной мобильности креольского населения Русской Америки // Этнографическое обозрение. 2011. № 2. С. 74—89. Касательно утверждения, что креолы были привилегированной группой (по отношению к русским колонистам, а также к зависимому аборигенному населению) в пределах Русской Америки, см.: Питерская Е.С. Креолы Аляски. С. 102.

Креолы, жившие в более крупных поселениях колонии, особенно в Ново-Архангельске или Павловской Гавани — главном русском селении на острове Кадьяк, в котором было больше креолов, чем русских, — являлись, как правило, более интегрированными в русское общество, чем проживавшие в отдаленных редутах¹. Дети креолов, которые, вырастая, вступали в брак с аборигенными женщинами, имели, скорее всего, более тесные связи с аборигенными сообществами, чем креолы, вступавшие в брак с креолками. Эти и другие различия приводят к несостоятельности обобщений, основанных на представлении о единой креольской идентичности. Тем не менее креолов действительно объединяли некоторые общие черты: они говорили на русском языке и носили русскую одежду, а их быт и род занятий делали этих людей более похожими на русских, чем на коренных жителей. И стратегии компании, и во многих случаях личные предпочтения отдаляли креолов от коренного населения и приближали их к русским.

Важно отметить, что само понятие «креол» использовалось разными наблюдателями по-разному и с течением времени его значение менялось. С одной стороны, термин «креол» определял в контексте Русской Америки сословную и территориальную идентичность. С другой стороны, этот термин имел явную расовую окраску, которая, хотя и оставалась обычно второстепенной, иногда все же выходила на передний план. Европеизированные русские обозреватели, описывая креолов Русской Америки, произвольно смешивали природные, социальные и наследственные обоснования и часто рассуждали о физических и нравственных качествах креолов как потомков межрасовых союзов. Подобные факты опровергают предположение о том, что в Российской империи XIX века существовало резкое разделение между социальными и расовыми категориями и что социальные различия последовательно преобладали². В «исчислениях народонаселения» 1822 и 1841 годов креолы описывались как «дети от русских и природных жителей»³. Однако не все

¹ Загоскин вспоминал спектакли и музыкальные концерты, на которых он присутствовал в Ново-Архангельске в 1840-х годах и в которых участвовали музыканты, актеры, танцоры и певцы из числа креолов (Загоскин Л.А. Статья IV. С. 370—371). Креолы, участвовавшие в этих мероприятиях, принимали и продвигали русскую культуру в колонии.

² *Luehrmann S. Alutiiq Villages under Russian and U.S. Rule. P. 142.*

³ В этих «исчислениях народонаселения» не было отдельного перечня для «русских» — они входили в общую категорию «европейцев». Интересно, что креолов тем не менее характеризовали как детей именно русских, а не европейцев в целом. См.: Краткое историческое обозрение образования и действий Российско-Американской Компании. С. 42.

креолы происходили от русских отцов — например, отцом креолов Ивана и Алексея Скоттов был английский матрос¹. Этот случай доказывает, что от русских сибиряков, рожденных аборигенными матерями, креолов отличало нечто большее, чем просто рождение на другом континенте. Поддержку находит и предположение о том, что креолы рассматривались колониальными чиновниками как бирасовая группа.

На практике ребенка, рожденного в колонии, делало креолом скорее американское (аборигенное или креольское) происхождение матери, чем неамериканское происхождение отца. Эта любопытная «матрилинейность» представляла собой значительное отличие от установленной системы сословий, которая существовала в континентальной России, где принадлежность к тому или иному сословию передавалась ребенку от отца и определялась по мужской линии. При этом не стоит забывать, что дети *русских* матерей, рожденные в Русской Америке, числились русскими. Для детей, рожденных в Русской Америке русскими, европейскими матерями и даже сибирскими аборигенками, существовали другие правила, чем для детей местных аборигенов и креолов².

Однако в иных случаях расовая интерпретация статуса креолов оказывалась под вопросом. Есть сведения о русско-аборигенных парах, которые по жизненным обстоятельствам мигрировали между Евразией и Америкой. Те из их детей, кто родился в Америке, были отнесены к креолам, а рожденные в Евразии назывались русскими определенного сословия³. Вероятно, в этих случаях решающее значение имела не расовая принадлежность матери, а место рождения ребенка: ребенок матери-аборигенки (или креолки), родившийся в Америке, числился креолом, но если бы тот же ребенок родился в Евразии, то наследовал бы сословную принадлежность своего отца. Все это свидетельствует о том, что определение расовой категории в России XIX века оставалось

¹ Список креолам РАК на 1816 г. // АВПРИ. Ф. РАК. Д. 251. Л. 9 об.-10

² Как отмечалось в 40-й статье регламента от 1821 года, «если в числе состоящих в службе Компании Российских подданных находятся в колониях или других отдаленных местах женатые на русских, то Компания, получая ежегодно донесения, обязывается извещать, кого следует, по принадлежности о числе родившихся от них, и принадлежащих к сословию отцов своих, также и о умерших до выезда из колоний; оставшиеся же в живых из законнорожденных детей должны беспрепятственно возвратиться в Россию вместе с родителями» (Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 37. С. 350).

³ Pierce R.A. Russian America: A Biographical Dictionary. Kingston, Ont.: Limestone Press, 1990. P. 448.

размытым. Указывая на эту размытость, некоторые современные исследователи подчеркивают культурную основу для выделения креольской идентичности. Тем не менее не следует забывать и то, что именно бирасовое происхождение креолов привлекало немало внимания как русских, так и иностранных посетителей колонии.

Опираясь на свои наблюдения, эти посетители приписывали креолам черты, которые они, посетители, связывали с бирасовой родословной. «Креолы оправдывают замечание, сделанное о многосторонних способностях мулатов в колониях других народов», — писал в 1830-х годах Федор Литке, сообщая, что «они [креолы] составляют красивую, проворную и способную породу людей»¹. Этот опытный путешественник с одобрением отмечал, что креолы «являются настоящими гражданами колоний, теперь уже полезными и обещающими со временем решительное влияние на судьбу этого края»². Но не все смотрели на креолов столь положительно. Например, русские наблюдатели придавали особое значение тому, что даже на своей родине, не говоря уже о Евразии, креолы гораздо сильнее страдали от эпидемий, чем русские. Так было в случае с эпидемией кори, которая разразилась в Ново-Архангельске в начале 1848 года и продолжалась до середины лета: все алеуты и креолы, проживавшие там, переболели, в то время как среди русских подверженными кори оказались только дети. Любопытно, что почти никто из тлинкитов, проживавших в поселении рядом с Ново-Архангельском, не умер во время этой эпидемии, тогда как среди алеутов и (в большей степени) креолов смертные исходы были — пятьдесят семь погибших, что составило почти 10% от общего числа заболевших³. Такая подверженность заболеваниям подпитывала сложившиеся стереотипные представления о креолах.

Также креолов часто обвиняли в пьянстве, и ГП РАК публично признавало остроту этой проблемы⁴. Судя по некоторым данным, продолжительность жизни креолов была низкой — они редко доживали до тридцати

¹ Литке Ф.П. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин» в 1826—1829 годах. С. 340.

² Там же.

³ Отчет Российско-Американской компании главного правления за один год, по 1-ое января 1849 года. СПб., 1849. С. 30—31. Эпидемия кори позже переместилась в Уналашкинский отдел, где умерло примерно на сто человек больше, главным образом женщины и дети нерусского происхождения.

⁴ См.: Замечания главного правления Российско-Американской компании // Морской сборник. 1862. Т. 59. № 6. Приложения. С. 2.

пяти лет¹. Адмиралтейский ревизор в начале 1860-х годов озвучил бытовавшее в колонии мнение о склонности креолов к «разгульной жизни» и быстром их старении. Слабость креолов он объяснял аборигенной «кровью их матерей»: по его словам, «кровь матерей выказывается в детях наклонностью к разврату, какой-то дикостью, беспечностью, ленью»². Вениаминов тоже отмечал, что креолы-семинаристы «к прохождению высших наук малоспособны. Риторика для них есть пробный камень их способностей и вместе камень преткновения на пути наук»³.

Свидетельства очевидцев дают основание думать, что в глазах многих русских колонизаторов креолы стояли на промежуточной ступени между русскими и аборигенами (как в биологическом, так и в культурном смысле). Эта «промежуточность», по мнению колонизаторов, несла в себе и полезные, и вредные черты. Однако, все чаще позиционируя себя в качестве благодетелей «природных» аборигенов, которых они рассматривали как исчезающий вид (см. вторую главу), европеизированные русские нередко относились к растущему населению «промежуточных» креолов с раздражением и не считали его признаком успеха политики обрусения⁴. Павел Головин был особенно суров в своей оценке опыта РАК по общему развитию креолов: «... недостаточно заселить край, — писал он в начале 1860-х годов, — необходимо, чтобы население было к чему-нибудь полезно, содействовало развитию промышленности, обогащению края, а от креолов до сего времени еще не видно никакой пользы, и если они останутся в том же положении, то и в будущем нельзя ожидать ничего доброго»⁵.

Несмотря на предрассудки наблюдателей, описывавших жизнь колонии, очевидно, что креолы выполняли все больше и больше работ, которые до этого делали русские, а рост их численности позволял

¹ Зеленой И. Из записок о кругосветном плавании, 1861—1864 годы: Окончание // Там же. 1865. Т. 80. № 9. Неофициальный отдел. С. 55.

² Головин П.Н. Обзор русских колоний в Северной Америке. С. 19.

³ Записка о перенесении Камчатского Епархиального Управления в Аян. 9 июля 1847 г. // Административные документы и письма высокопреосвященного Иннокентия. С. 12.

⁴ Подобные представления русских о креолах соответствовали модели «колониальной мимикрии», которая неоднократно проявлялась во многих уголках колониального мира. Майкл Харкин описал это явление как «самую большую иронию проекта колонизации. В то время как желаемой целью была трансформация “гуземцев” в цивилизованных подданных, появление промежуточных форм воспринималось в качестве нелепой пародии» (Harkin M. From Totems to Derrida: Postmodernism and Northwest Coast Ethnology // Ethnohistory. 1999. Vol. 46. No. 4 (Fall). P. 823).

⁵ Головин П.Н. Обзор русских колоний в Северной Америке. С. 18.

колониальным властям Русской Америки братья за проекты, без участия креолов не выполнимые. В общем и целом РАК поощряла культурную ассимиляцию креолов русскими и стремилась к тому, чтобы первые полностью заменили вторых на их рабочих местах¹. Креолы исследовали отдаленные районы, особенно во внутренних частях Аляски, до которых русские никогда не добирались, и находили там для компании новые территории, пригодные для охоты на пушных животных. Креолы управляли редутами РАК и служили на кораблях компании, иногда даже в качестве капитанов и навигаторов. Они пополняли ряды духовенства и становились переводчиками. В целом креолы принимали русскую культуру, адаптировали ее к местным условиям и играли важнейшую роль в создании местной культуры Русской Америки.

В ПОИСКАХ БОЛЕЕ БЛАГОРОДНОГО ДИКАРЯ

Подобно креолам, зависимое аборигенное население Русской Америки классифицировалось уставом РАК 1821 года как особое словие. Зависимые аборигены назывались островитянами и считались подданными Российской империи. Таким образом, с юридической точки зрения они были частью населения России. Реформа 1822 года, проходившая под руководством Михаила Сперанского, приравнивала статус зависимого аборигенного населения Русской Америки к статусу коренных жителей Сибири, называемых инородцами². РАК была обязана собирать точные данные обо всех островитянах и регулярно передавать их правительству империи. Хотя у аборигенов Русской Америки было нечто общее как с аборигенным населением Сибири, так и с креолами заморской колонии, в умах русских обозревателей островитяне занимали особое место. В представлении русских эти «усыновленные дети» Америки были отделены от них более широкой пропастью, чем креолы или даже сибирские аборигены, и, как и подобает экзотическому незнакомцу, требовали к себе особого подхода.

Таким образом, алеуты и индейцы Америки вызывали у россиян патерналистские чувства. Принимая это в расчет, не следует

¹ *Гринев А.В.* Российские колонии на Аляске (1806—1818) // ИРА. Т. 2. С. 148; *Федорова С.Г.* Русское население Аляски и Калифорнии. С. 186, 190—191.

² О категории инородцев см.: *Slocum J.W.* Who, and When, Were the *Inorodtsy*? The Evolution of the Category of «Aliens» in Imperial Russia // *Russian Review*. 1998. Vol. 57. No. 2 (April). P. 173—190.

удивляться тому, что европеизированные обозреватели считали присутствие в Русской Америке неотесанных сибиряков-старожилов препятствием для обретения алеутами и индейцами подходящего для них места в колониальном строе. Занятие такого места предполагало достижение равновесия между пережитками аборигенных культур, выгодными колонизаторам, и элементами русской культуры и просвещения, которые являлись, с их точки зрения, необходимыми. Сибиряки не оказывали культурного воздействия на аборигенов, а, напротив, воспринимались как источник развращающего влияния на коренных жителей Русской Америки. Все чаще звучало мнение, что РАК должна набирать для колонизации Аляски более перспективных поселенцев из Евразии. Смысл этой идеи был в том, что следовало заменить тех поселенцев, которые уже находились в американской колонии, на более нравственно стойких. Сторонники данного предложения, начиная с Резанова (в начале века) и Василия Головнина (в 1810-х годах), полагали, что наличие контингента колонистов с более высокими моральными устоями могло бы обеспечить лучший пример для просвещения аборигенов¹. В 1840-х годах, после четверти века исполнения должности главного правителя то одним, то другим из череды морских офицеров, Загоскин настаивал, что «в настоящее время» для того, «чтоб пользоваться и новыми подданными и произведениями страны по тем условиям, которые раскрыты современным просвещением, торгош должен замениться человеком образованным, который пользовался бы доверенностью колониального начальства»². В 1826 году по настоянию главного правителя Петра Чистякова при наборе служащих компания начала отдавать предпочтение шведам и финнам из Финляндии — вместо этнических русских. Предполагалось, что привлечение на службу выходцев из Финляндии обеспечит колонию более надежными трудовыми кадрами³.

Чистяков, управлявший Русской Америкой в период между 1825 и 1830 годами, вел политику, направленную на снижение в колонии численности и влияния старожилов-сибиряков. Он рассматривал себя как благодетеля алеутов и кадьякцев и стремился улучшить условия труда зависимых охотников. Именно при Чистякове РАК расширила практику

¹ [Головнин В.М.] Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. С. 86.

² [Загоскин Л.А.] Пешеходная опись части русских владений в Америке. С. 79.

³ NARS-RRAC. CS. Roll 30. Folios 37—38.

транспортировки аборигенных охотников и их байдарок ближе к месту охоты на калана — с тем, чтобы уменьшить риск их гибели в открытом море. Однако социальная политика этого главного правителя привела к тому, что некоторые сибиряки были изгнаны из колонии, что привело к драматическим разрывам в смешанных русско-аборигенных семьях. По всей видимости, Чистяков презирал русских мужчин, живших в не санкционированных церковью отношениях с аборигенными и креольскими женщинами, хотя и сам имел подобные отношения с молодой креолкой, которая родила ему двоих сыновей. Когда в 1830 году истек срок его службы, он вернулся в Евразию, а свою жену и детей оставил в колонии¹. Контраст между, с одной стороны, публичной риторикой и политикой Чистякова, а с другой — его поведением в личной жизни прекрасно иллюстрирует дилеммы колониального патернализма.

ОБРУСЕНИЕ РУССКИХ

Колониализм трансформировал идентичность как колонизируемых, так и колонизаторов. В начале XIX века «ощущение места» для большинства европейцев, в том числе и русских, умещалось в пределах пространства, ограниченного одной деревней. Русские простолюдины идентифицировали себя с сообществами, из которых были родом. Выраженное чувство местной идентичности препятствовало развитию идентичности национальной. По мнению некоторых ученых, приоритет местной идентичности был более выражен среди простолюдинов России, чем среди простолюдинов Западной и Центральной Европы². Тем не менее в разных местах он был выражен в разной степени: ситуация на востоке Российской империи резко контрастировала с той, что сложилась в центральных губерниях³. На восточной периферии империи, где собирались мигранты из различных сообществ страны, формировались новые, комбинированные идентичности. Русские, оказавшиеся на восточной периферии, были более привычны к переездам на большие расстояния, чем их западные соотечественники.

¹ *Pierce R.A.* Russian America. P. 90—91.

² *Kaiser R.J.* The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 16.

³ О формировании местной идентичности в Восточной Сибири см.: *Ерунов И.* Русские старожилы низовьев Колымы: история формирования // Российский этнограф. 1993. № 12. С. 108—125.

В результате обстоятельств их «ощущение места» было гораздо шире, чем у деревенских жителей Европейской России.

Работники РАК, пересекавшие Тихий океан, происходили из разных регионов и социальных сословий континентальной России. Отделенные значительным расстоянием от родных деревень и городов, они приобретали новое ощущение общинной идентичности, которая объединяла их с другими мигрантами из континентальной России. Независимо от социального положения и региона происхождения, эти колонисты идентифицировали себя, а также неоднократно идентифицировались государством и чиновниками компании как русские. Чиновники также поддерживали противопоставление русских коренному населению Аляски и различным европейским, азиатским, полинезийским и евро-американским народам, с которыми они периодически сталкивались. Таким образом, играя роль, сходную со службой в имперской армии, служба в РАК способствовала развитию панрусской национальной идентичности.

Жизнь на рубеже новых территорий обычно стирает традиционные социальные различия. В Русской Америке осознание общей угрозы как на острове Ситка, так и в других частях колонии способствовало формированию у колонистов русской идентичности. Осознание этой общей идентичности объединяло русских и противопоставляло их «другим» — аборигенным инородцам, а также иностранцам из конкурирующих держав. Колониальные условия сделали более острым восприятие русскими своего сообщества как единого целого, которому противопоставлялась собирательная категория, включавшая «нерусских». Одновременно, осознавая собственную малочисленность в новом краю, русские искали пути к инкорпорированию аборигенов в свою социальную структуру.

Вместе с тем нужно заметить, что развитие русской национальной идентичности на американских берегах шло умеренными темпами, так как колонистов из Евразии было мало. Кроме того, даже те русские поселенцы, которые оставались в Америке на длительное время или на всю жизнь, продолжали идентифицироваться в записях РАК по месту рождения в России и по принадлежности к определенному сословию, что усиливало ощущение ими своей исконной идентичности и связи с родиной. Тот факт, что в колонию прибывало так мало русских женщин, делал невозможным выделение русских поселенцев из прочих колонистов на основе этничности или расы. В 1819 году соотношение русских мужчин и женщин составляло двадцать девять к одной, в 1820-м — четырнадцать к одной, в 1833-м — девять к одной,

а в 1836 и 1860 годах — восемь к одной¹. Формированию национальной идентичности мешало также то, что дети русских мужчин и аборигенных женщин рассматривались скорее как креолы, чем как русские.

Аборигены и, в меньшей степени, креолы были для русских своего рода «зеркалом», помогавшим их размышлениям о самих себе². При этом публичный имидж имел не меньшее значение, чем внутренняя суть: в колониальные «зеркала» смотрели не только россияне, но и другие обозреватели. Россияне особенно стремились к тому, чтобы обитатели Западной Европы считали их столь же цивилизованными и просвещенными, как и самих себя, а потому старались демонстрировать Европе, насколько гуманно они обращаются с коренным населением своей заокеанской колонии³. Такое желание было выражено в письме, которое ГП РАК направило Баранову в 1802 году:

Ванкувер описывает обхождения россиян с американцами [речь идет о туземцах] с отличною похвалою, говоря, что приобрели они над дикими народами владычество не победами, но сыскав путь к сердцам их. Отзыв сих иностранных мореходов делает вам особливую честь и, утверждая справедливость кротких и благоразумных ваших способов, поставил имя ваше [на] особливом замечании у государя императора⁴.

Примечательно, что именно мнение прославленного иностранного путешественника привлекло внимание императора России к управляющему американской колонией, которого он одарил похвалой и наградами. Мнения западноевропейских обозревателей в целом имели особое значение для имперских деятелей России, которые часто сравнивали свой колониальный опыт с опытом конкурентов. С этой точки зрения обращение россиян с коренным населением колонии играло большую роль, поскольку давало представление о русских как о колонизаторах остальной Европе.

¹ Gibson J.R. Russian Dependence upon the Natives of Alaska. P. 102.

² См.: Slezkine Y. Arctic Mirrors; Bassin M. Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840—1865. New York: Cambridge University Press, 1999. P. 274.

³ Это стремление подробно рассматривается в: Bassin M. Imperial Visions. P. 53—54, 192.

⁴ Наставление Главного правления РАК А.А. Баранову о соответствии его действий в Русской Америке изменениям международной политики. 18 апреля 1802 г. // Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799—1815: Сборник документов. М.: Наука, 1994. С. 35.

Вместе с тем европеизированные русские обозреватели все чаще подчеркивали культурный разрыв между собой и аборигенами:

Характер туземцев ложно оценивается по их первоначальным поступкам с чужестранцами. Добродетели их и пороки никак не могут быть сравниваемы с пороками и добродетелями просвещенных народов, христиан. Дикарь, как человек, сотворенный по образу и подобию божию, — добр; дикарь, как человек падший, — зол. Но и добродетели его и злоба младенческие¹.

В то время как аборигены представлялись более инфантильными, русские все более «взрослели». «Детскость» аборигенов делала благородной миссию тех, кто старался привести их в цивилизованное состояние². Более того, поскольку Русская Америка находилась на интенсивно оспариваемой территории Нового Света, любые признаки успешного приведения североамериканских аборигенов к сближению с общеевропейской культурой служили для российских «цивилизаторов» поводом для особого триумфа.

Прибыв на Алеутские острова, русские промышленники привезли с собой и знания о современном мире, которые до тех пор были алеутам недоступны. Естественно, что понимание этого мира российскими подданными несколько отличалось от общеевропейского толкования современности. (Аналогичным образом подданные других европейских держав также имели свое толкование современности и распространяли его по миру.) Итак, пришельцы из Евразии привезли в Северотихоокеанский край видение современности русскими глазами. Впоследствии, построив там колониальную систему, чиновники пытались произвести фундаментальные изменения в аборигенных культурах, чтобы сделать коренное население более полезным для РАК и лояльным империи. Для внедрения этих изменений они задействовали целый ряд патерналистских и прагматичных подходов, которые основывались как на российском опыте колонизации Евразии, так и на опыте других колонизаторов по всему миру.

¹ [Загоскин Л.А.] Пешеходная опись части русских владений в Америке. С. 84.

² См.: Bassin M. *Imperial Visions*. P. 37—68.

Глава 7

СОЗДАНИЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЕПАРХИИ

Христианская вера сблизила алеутов по духу с нами; наши обычаи с жадностью перенимаются ими; введение обучения русскому языку доставило бы им более источников к образованности и облегчило бы непосредственные с ними сношения колониального начальства.

Лаврентий Загоскин. «Пешийходная опись части русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Лаврентием Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 гг.» (1848)

Состоявшаяся 15 декабря 1840 года в Казанском соборе Петербурга церемония отметила новый этап в жизни Иннокентия, известного до принятия пострига как Иоанн Евсеевич Вениаминов (1797—1879)¹. Вступление Иннокентия в должность епископа новообразованной епархии, в создании которой он сыграл ключевую роль, увенчало весьма бурный этап его жизни: в течение предыдущего года сорокадвухлетний священник с острова Ситка похоронил жену и младшего сына и принял монашеский постриг. Вениаминов, коренной сибиряк, проживший всю жизнь в Азии и Северной Америке, во время этого первого визита в Петербург и Москву сумел создать в умах представителей как духовных, так и светских властей метрополии новый образ аборигенного населения Русской Америки. Своими взглядами, сформированными четырнадцатилетним опытом проживания

¹ Иоанн Евсеевич Вениаминов стал известен как священнослужитель и писатель именно под этим именем, которым он и называется в настоящей книге. Вениаминов родился в семье пономаря Попова в селе Ангинском Иркутской губернии и носил имя Иван Попов до 1814 года, пока во время учебы в Иркутской семинарии не получил новую фамилию — в честь недавно скончавшегося епископа Иркутского Вениамина.

в Русской Америке и подкрепленными очевидным успехом в обращении алеутов в православную веру, он делился с Синодом Русской православной церкви (РПЦ), Главным правлением РАК, митрополитом Москвы Филаретом и даже с императором Николаем I, который пожелал лично встретиться с ним¹. Филарет (Дроздов), влиятельный митрополит Московский, ставший покровителем Вениаминова, сразу отметил, что видит в нем «что-то апостольское»². Впоследствии Иннокентий продвигается до самой вершины церковной иерархии: будет архиепископом и в 1868 году займет пост митрополита Московского. Тем не менее 1840 год навсегда останется ключевым моментом его карьеры — как год, когда его взгляды стали доступны широкой общественности в результате публикации «Записок об островах Уналашкинского отдела», изданных на финансовые средства РАК и отпечатанных в типографии Императорской Российской академии наук³.

Из трех томов «Записок» два полностью посвящались рассуждениям автора об алеутах и тлинкитах. Вениаминов детально и обстоятельно описывал и анализировал внешность, особенности строения, традиционные верования, обычаи и «черты характера» этих людей. Особое внимание автор уделял вопросу о перспективах распространения православия среди этих народов, намекая на те выгоды, которые христианизация могла принести не только аборигенам, но и русским. Он подчеркивал значимость привития аборигенам православных ценностей

¹ Вениаминов прибыл в Кронштадт из Ново-Архангельска на корабле «Николай» 22 июня 1839 года, а двумя днями позже был в Петербурге. Его жена, которая находилась в Иркутске со своими родителями в ожидании возвращения мужа из Петербурга в Ново-Архангельск через Сибирь, умерла 25 ноября 1839 года, а вскоре за ней последовал и младший сын Вениаминова. 29 ноября 1840 года Вениаминов постригся в монахи. На следующий день митрополит Филарет (Дроздов) возвел его в сан архимандрита. 1 декабря 1840 года Вениаминов, теперь уже Иннокентий, посетил императора Николая I. См.: Барсуков И.П. Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский, по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М.: Синодальная типография, 1883. С. 106, 111, 121, 123, 126. Барсуков является автором самой полной биографии Вениаминова. См также англоязычную брошюру: *Barsukov I.P. The Life and Work of Innocent, the Archbishop of Kamchatka, the Kuriles, and the Aleutian Islands, and Later the Metropolitan of Moscow.* San Francisco: Cubery and Co., Printers, 1897. P. 14—15. Англоязычная библиография: *Garret P.D. St. Innocent: Apostle to America.* Crestwood, N.Y.: St. Vladimir's Press, 1979.

² Барсуков И.П. Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский. С. 108.

³ Вениаминов И.Е. Записки об островах Уналашкинского отдела: В 3 т. СПб.: Типография Императорской Российской Академии, 1840. Т. 1. Обшивочный лист; Отчет Российско-Американской компании главного правления за два года, по 1-ое января 1842 года. СПб., 1843. С. 15.

и русской культуры для самого выживания российской колонии. Весо-мость его аргументов и интерес, вызванный им в Москве и Петербурге, были таковы, что, вернувшись в сентябре 1841 года в Ново-Архангельск в роли новопосвященного епископа, Вениаминов имел все полномочия для проведения коренной реформы православной миссии. После нескольких десятилетий неудачных попыток РПЦ наконец могла гордиться своим ставленником на Аляске — успешным, энергичным и деятельным миссионером, а также выдающимся организатором, который сумел про-извести сильное впечатление на чиновников Петербурга. Пребывание Вениаминова в Центральной России в 1839—1841 годах положило нача-ло более тесному сотрудничеству церкви и РАК в Русской Америке, что привело к гармоничной и согласованной кампании по распространению православия среди коренного населения.

Деятельность РПЦ на Аляске можно рассматривать с разных сторон. В настоящей главе христианизация рассматривается как часть процес-са культурного сближения аборигенов и русских. РПЦ и РАК играли важные роли в данном процессе, и отношения между ними не всегда были однозначными. Представляя разные, нередко противоположные интересы, в американской колонии эти учреждения иногда способство-вали, а иногда, напротив, препятствовали деятельности друг друга.

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ В ИМПЕРСКОМ КОНТЕКСТЕ

В период до 1867 года распространение православия на Аляске было тесно связано с процессом обрусения. РПЦ достигла таких успехов в трансформации религиозных верований аборигенов Русской Амери-ки, что новая вера не исчезла даже с передачей Аляски Соединенным Штатам. На момент продажи Аляски православная церковь уже была во многом адаптирована к аборигенным традициям, а подавляющее число ее прихожан составляли аборигены и креолы¹. Среди некоторых групп индейцев и эскимосов Аляски православие остается доминирующей религией и сегодня. Оно настолько укрепило свои позиции, что корен-ные народы считают православное христианство своей *аборигенной*

¹ После продажи Аляски Русская православная церковь продолжала там активную деятельность, перечисляя туда средства и отправляя миссионеров. Эта деятельность завершилась только в 1917 году. См.: Gregory [Afonsky], *bishop*. *History of the Orthodox Church in Alaska, 1794—1917*. Kodiak: St. Herman's Seminary Press, 1977; Митрополит Климент [Капалин]. *Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года*. М.: ОЛМА, 2009. С. 221—479.

(native) верой, противопоставляя его религиозным верованиям «белых» американцев¹. Для представителей коренного населения быть православным (Orthodox) христианином часто означает быть *ортодоксальным* индейцем, т.е. следовать традициям своего народа и сопротивляться ассимиляции в общую американскую культуру, которая ассоциируется среди них в основном с разными видами протестантизма. Что особенно любопытно, значительная часть аборигенных народов (среди них подавляющее большинство индейцев тлинкитов и денаина) приняла православие *после* 1867 года, ближе к концу XIX века, т.е. уже после того, как Россия уступила Аляску Соединенным Штатам². И в XX, и в XXI веке православие в Америке было и остается неразрывно связано с идентичностью аборигенов Аляски, при том что как аляскинская разновидность православия, так и идентичность коренных народов претерпели за последние сто пятьдесят лет значительные трансформации.

Однако события последующих времен не должны заслонять для нас историческое развитие в более ранний период, до 1867 года. В эпоху Русской Америки основной целью миссионерства и образовательной деятельности в Америке было не развитие автономной аборигенной православной культуры, а интеграция коренного населения в социальную структуру колонии и, в более широком смысле, в социальную структуру Российской империи. Чиновники (как государственные, так и церковные) рассматривали обращение в православие в качестве важнейшего инструмента, с помощью которого аборигенное население получало доступ к духовному миру русских. Крещение аборигена они воспринимали как укрепление его преданности императору и демонстрацию этой преданности, а также как необходимый шаг для вступления аборигена в общеимперское общество России³. Конечно, не все верные подданные империи были православными и не все православные были верны

¹ См.: Kan S. *Symbolic Immortality: The Tlingit Potlatch of the Nineteenth Century*. Washington: Smithsonian Institution Press, 1989; Oleksa M. *Orthodox Alaska: A Theology of Mission*. Crestwood, N.Y.: St. Vladimir's Seminary Press, 1992. P. 207.

² О христианизации индейцев денаина см.: Znamenski A. *Shamanism and Christianity: Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820—1917*. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1999. P. 95—137. Касательно тлинкитов см.: Kan S. *Memory Eternal: Tlingit Culture and Russian Christianity, 1794—1994*. Seattle: University of Washington Press, 1999. P. 245—277.

³ Khodarkovsky M. «Ignoble Savages and Unfaithful Subjects»: Constructing Non-Christian Identities in Early Modern Russia // *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700—1917* / Eds. D.R. Brower and E.J. Lazzarini. Bloomington: Indiana University Press, 1997. P. 18.

имперскому режиму. Тем не менее сам акт обращения в православие воспринимался представителями власти в качестве важнейшего символического шага, который связывал судьбы новообращенных подданных с российским императором¹. Подобное наблюдение относится не только к Русской Америке, но и ко всей Российской империи.

В отличие от миллионов мусульман, католиков и иудеев, проживавших в империи, «язычники» Русской Америки воспринимались чиновниками как очевидные кандидаты для обращения в православие. Немонотеистические религиозные верования воспринимались ими как дохристианские (русские сами когда-то прошли по этому пути от язычества до православия). Таким образом, в глазах доверенных лиц империи народы Аляски находились в нетронутном состоянии и были готовы стать объектом миссионерской деятельности и обращения.

ВЕНИАМИНОВ: ЧЕЛОВЕК, ОТВЕЧАВШИЙ ЗАПРОСАМ ВРЕМЕНИ

Поездка Вениаминова в Петербург в 1840 году привела не только к изменениям организационной структуры православной церкви в Америке, но и к переменам в подходе к проведению миссионерской деятельности среди коренного населения. Главным достижением Вениаминова было то, что он вовлек РПЦ в тесное сотрудничество с РАК. В результате под его руководством церковь значительно расширила свою деятельность в Русской Америке².

Успех Вениаминова как колониального миссионера и убежденного сторонника империи основывался на том, что он воплощал собой как раз тот тип церковного служителя, который был востребован империей в царствование Николая I (1825—1855). В те годы правительство Российской империи желало реформировать приходское православное духовенство. Православным священникам следовало уделять больше

¹ *Kappeler A.* Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. Munich: C.H. Beck, 1992. S. 135.

² О распространении православия на Аляске см.: *Nordlander D.* Innokentii Veniaminov and the Expansion of Orthodoxy in Russian America // *Pacific Historical Review*. 1995. Vol. 64. No. 1. P. 19—36. Конечно, у Вениаминова было немало помощников. Например, один из них, алеутский тойон Иван Паньков, помогал ему с переводом на алеутско-лисьевский язык. См.: *Ivanov V.* The Russian Orthodox Church of Alaska and the Aleutian Islands and Its Relation to Native American Traditions: An Attempt at a Multicultural Society, 1794—1912. Washington, D.C.: Library of Congress, 1997. P. 5—19; *Black L.T.* Ivan Pan'kov, an Architect of Aleut Literacy // *Arctic Anthropology*. 1977. Vol. 1. P. 94—107.

внимания проповедованию и, таким образом, стать в этом отношении ближе к протестантским пасторам. Проповеди должны были преследовать как духовные, так и политические цели и вдохновлять верующих на усердное служение империи. Кроме того, правительство возлагало на духовенство дополнительные административные функции: по сбору статистических данных, составлению отчетов о деятельности схизматиков, а также зачитыванию вслух государственных законов для прихожан¹. Вениаминов отлично справлялся с новыми административными обязанностями: он регулярно сообщал государственным чиновникам о раскольниках, проживавших в колонии, и о прихожанах, которые пропускали исповеди². Гораздо более впечатляющим, однако, было то, как блестяще Вениаминов справлялся с исполнением дидактической роли пастора, которую имперское правительство стремилось возложить на приходское духовенство всей страны. Он неоднократно демонстрировал красноречие как в устных выступлениях, так и в письменных текстах. Примером может служить его прославленная проповедь 1833 года, обращенная к алеутам, в которой он призывал аборигенов подчиниться российской власти³. Призыв к усердному послушанию был постоянной темой проповедей Вениаминова. И именно в этом призыве заключался тот посыл, который империя хотела донести до всех подданных. Вениаминов же обладал настоящим талантом и проявлял искренний энтузиазм в выражении этого посыла, что делало его образцовым слугой империи и идеальным партнером для РАК, ее колониального поставщика.

ЦЕРКОВЬ В УСЛОВИЯХ ИМПЕРИИ

Итак, в 1840-х годах империя и церковь были готовы воспринять и оценить по достоинству идеи Вениаминова. Более того, они были готовы к более интенсивному сотрудничеству в заморской колонии. Чтобы понять, почему это произошло именно в те годы, необходимо обратиться к эволюции отношений между церковью и государством. В период наивысшего расцвета империи единство церкви и государства

¹ Freeze G.L. *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter Reform*. Princeton: Princeton University Press, 1983. P. 6—7.

² Archive of the Russian Church in America. Container D 418. On reel 266. Folios 715—716, 718—719.

³ Вениаминов И.Е. Указание пути в царство небесное: поучение на Алеутско-Лисьевском языке сочиненное Священником Иоанном Вениаминовым 1833 года. СПб.: Синодальная типография, 1841.

находило символическое выражение в образе царя, который после отмены патриаршества при Петре I возглавлял, по крайней мере теоретически, и государство, и церковь. Историк Грегори Фриз проанализировал отношения между религиозной и светской бюрократией послепетровского периода и показал, что церковная реформа 1720 года вылилась в возникновение двух параллельных сфер влияния, синодальной и светской, но отношения между ними остались неопределенными. Синод как центральный орган духовной сферы был параллелен Сенату в сфере мирской, так же как на губернском уровне деятельность епископов была аналогична деятельности губернаторов. Когда интересы церкви прямо не противоречили интересам государства, гражданское правительство предоставляло ей автономию в решении повседневных вопросов. Царь обладал правом вмешиваться в дела обеих сфер и разрешать разногласия и споры между ними¹.

Хотя формально царь находился на самом верху церковной иерархии, можно вполне уверенно утверждать, что после упразднения патриаршества РПЦ являлась учреждением *без* настоящего руководителя. Царь, безусловно, занимал важнейшее положение в религиозной сфере, однако его роль как правителя обширной многокультурной империи обязывала его также стремиться к завоеванию преданности со стороны миллионов иноверных подданных. Поддержание мира и порядка на территории империи было для него более важной задачей, чем продвижение православия. Революционный переворот прежнего порядка, совершенный Петром I, оскорбил многих православных верующих, не говоря уже о духовных чиновниках, которые чувствовали себя притесненными в результате его реформ². Действия Петра подорвали его авторитет как духовного лидера. Его преемники на троне продолжали накладывать все новые ограничения на власть и благосостояние церкви, в то время как сторонники церкви вспоминали упраздненное патриаршество с растущим чувством ностальгии.

Так как интересы церкви и государства далеко не всегда находились в гармонии, позиция российского императора во главе церкви иногда ставила его в затруднительное положение. Разногласия могли вызываться достаточно повседневными вопросами институциональной конкуренции и приоритетов финансирования, однако корень

¹ Freeze G.L. The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1977. P. 16.

² Wortman R.S. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy: 2 vols. Princeton: Princeton University Press. 1995. Vol. 1. P. 44—45, 49.

противоречий между государственным и церковным аппаратами крылся в другом. Стабильность империи основывалась в первую очередь на принципах преданности династическому самодержавию и на сословной системе, но, как показывает Андреас Каппелер, эти принципы совсем не способствовали ярому продвижению единой веры¹. Чрезмерное потакание интересам одной религиозной деноминации могло спровоцировать гнев миллионов подданных и разрушить хрупкую мозаику многорелигиозной империи. По сути, российским императорам было необходимо сдерживать религиозный мессианиззм для решения мирских задач империи².

В течение XVIII и XIX столетий влияние государства в религиозной сфере продолжало неуклонно расти, хотя этот рост и не был равномерным. Тем не менее вопрос о том, кто именно принимал текущие решения и определял долгосрочную стратегию деятельности РПЦ в XIX веке, не настолько прост и однозначен, как может казаться. С формальной точки зрения этими вопросами распоряжался Синод как высший орган управления церкви, однако не всегда было очевидно, кто именно принимал решения³. Пределы власти обер-прокурора, представителя императора в Синоде, менялись в зависимости от данных ему императором полномочий, личных качеств конкретного обер-прокурора и уважения и авторитета, которыми он пользовался у членов Синода. В целом в XVIII и XIX веках значимость должности обер-прокурора росла, а коллективная власть членов Синода уменьшалась. Тем не менее, хотя обер-прокурор и являлся уполномоченным представителем самого императора, он оставался светским лицом, внедренным в аппарат власти религиозного ведомства, тайно или явно старавшегося воспрепятствовать установлению светского контроля в религиозной сфере. Епископы, входившие в Синод, обладали обширным опытом в церковных делах. Посвятив много десятилетий

¹ *Kappeler A. Russland als Vielvölkerreich. S. 135—136.*

² См.: *Starr S.F. Tsarist Government: The Imperial Dimension // Soviet Nationality Policies and Practices / Ed. J.R. Azrael. New York: Praeger, 1978. P. 17—18; Werth P.W. The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia. Oxford, Eng.; New York: Oxford University Press, 2014.*

³ Святейший Синод, центральный орган Русской православной церкви в имперский период истории России, располагался в Петербурге. В его состав входили Московский митрополит и несколько епископов и архиепископов из епархий европейской части России. Обер-прокурор принимал участие в заседаниях Синода в качестве личного представителя императора. Синод содержал немалый штат, который образовывал его внутриведомственную бюрократию.

служению церкви и накопив немало практических знаний, эти люди располагали большим авторитетом и говорили и действовали как профессионалы. Когда они высказывались единогласно по какому-либо вопросу, их мнение имело значительный вес. Также епископы — члены Синода составляли указания православному духовенству по всей империи или по крайней мере одобряли указания извне. Отвечал Синод и за поддержание отношений с православными церквями за пределами Российской империи¹. В послепетровский период отсутствие единой фигуры во главе РПЦ (патриарха) уравнивалось в системе власти тем, что сразу несколько деятелей могли продвигать интересы церкви, в то время как светский чиновник был один — пусть даже и являлся представителем абсолютного монарха. В некоторых случаях подобная структура могла даже усиливать институциональный авторитет церкви, поскольку ее отношения с правительством страны больше не зависели от личности индивида, который церковь возглавлял². Таково было положение вещей на тот момент, несмотря на то что Петр I создал Синод с целью подчинить церковь государственному аппарату. Безусловно, в целом власть и влияние церкви в обществе были значительно более сильными и ощутимыми в допетровское время. Однако и в XIX веке высшие чины церкви, входившие в Синод, обладали существенным авторитетом — как представители идеологии, признанной государством священной. Выражался ли этот авторитет в проявлении власти в реальности, зависело от конкретной ситуации. Тем не менее отношения между императором и церковью строились на основе переговоров, а не приказов. Таким образом, вопреки установившемуся в историографии мнению, «коллективный патриарх», т.е. совокупность нескольких деятелей РПЦ, представлявших различные точки зрения на текущую политику, все же оставался обособленным органом внутри машины имперского правительства.

При Николае I государство стало вмешиваться в церковные дела еще более прямо и настойчиво, чем раньше. До вступления этого императора на трон его предшественники в значительной мере контролировали состав Синода, регулярно вмешиваясь в назначение и смещение архиепископов и епископов. При вступлении в должность

¹ Алексеева С.И. Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России, 1856—1904 гг. СПб.: Наука, 2003. С. 25—70.

² Синод иногда называли «коллективным патриархом». См.: Барсов Т.В. Святейший Синод в его прошлом. СПб.: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1896. С. 444.

члены Синода приносили клятву верности монарху¹. Во время правления Николая I жандармы тайно следили за архиереями РПЦ, в том числе и за митрополитом Филаретом². В 1836 году в аппарате Синода появилась новая контора — канцелярия обер-прокурора, которая подчинялась только ему самому, вследствие чего его власть усилилась в ущерб власти иерархов церкви. Бюрократия новой канцелярии быстро разрослась и принялась осуществлять административный контроль над делами Синода³. В результате во второй половине правления Николая I обер-прокурор стал действовать в Синоде скорее как распорядитель, чем как наблюдатель. (Впрочем, распорядительская функция обер-прокурора присутствовала и раньше, но после 1836 года она существенно усилилась.) Ввиду этих изменений естественным кажется тот факт, что Николай Протасов, который занимал пост обер-прокурора как раз с 1836 по 1855 год и при котором обер-прокурорские должностные полномочия многократно усилились, был бывшим военным служащим⁴. При нем РПЦ в большей степени, чем прежде, превратилась в неотъемлемую часть государственной машины империи⁵. Эти изменения отражали рост вовлеченности государства в дела церкви и его стремление заставить церковь служить имперским интересам более непосредственно и эффективно.

Прибыв из Ново-Архангельска в Кронштадт после плавания на корабле «Николай», продолжавшегося семь с половиной месяцев, в конце июня 1839 года, Вениаминов оказался в столице как раз тогда, когда описанные перемены воплощались в жизнь⁶. Энергичный проповедник, явившийся из-за дальних морей, воплощал именно те

¹ *Florovsky G. Ways of Russian Theology.* Belmont, Mass.: Nordland Publishing Company, 1979. Vol. 1. P. 121.

² *Верховской П.В.* Очерки по истории Русской церкви в XVIII и XIX столетиях. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1912. С. 138. См. также: *Благовидов Ф.В.* Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и в первой половине XIX столетия. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1899. С. 390—392.

³ *Верховской П.В.* Очерки по истории Русской церкви. С. 138.

⁴ *Freeze G.L.* The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. P. 17—18.

⁵ *Буганов В.И., Зырянов П.Н.* История России: конец XVII — XIX век. М.: Просвещение, 1995. С. 198; *Freeze G.L.* Handmaiden of the State? The Church in Imperial Russia Reconsidered // *Journal of Ecclesiastical History.* 1985. Vol. 36. No. 1 (January). P. 92.

⁶ По пути из Ново-Архангельска в Кронштадт корабль посетил порты Гонолулу, Рио-де-Жанейро и Копенгагена. Более того, Вениаминов провел несколько дней на одном из островов Таити (см.: *Барсуков И.П.* Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский. С. 105—106).

качества, которые правительство Николая I стремилось привить в те времена духовенству империи. Познакомившись с Вениаминовым, представители имперских и духовных властей по достоинству оценили, какой подарок преподнесла им судьба. Благоприятное впечатление, произведенное ситкинским священником на обер-прокурора Протасова и митрополита Филарета, расположило к нему этих влиятельных особ и способствовало установлению его длительных плодотворных связей с ними, что не только помогло развитию церковной карьеры Вениаминова, но и привлекло интерес российских элит к Русской Америке. Начиная с 1839—1841 годов Вениаминов — уже как епископ Иннокентий — занимался формированием новых отношений между церковью и РАК, основанных на взаимном сотрудничестве. Ввиду взаимопонимания между Вениаминовым и Протасовым не похоже на случайность то, что промежуток времени, когда РПЦ наиболее заметно укрепилась в Русской Америке (1840-е и начало 1850-х годов), как раз совпал с периодом расцвета влияния обер-прокурора в Синоде. Учитывая расклад власти в Петербурге к середине правления Николая I, кажется логичным ожидать более близкого сотрудничества на местах между церковью и государством в тот период. И события, происходившие в Русской Америке, оправдывают подобные ожидания.

Пребывание Вениаминова в Петербурге совпало по времени с несколькими важными событиями. На тот момент уже началась первая «опиумная» война (1840—1842) между Великобританией и Китаем, вскоре разрушившая миф о неуязвимости Поднебесной. Так как Россия давно стремилась расширить торговые отношения с Китаем, эти события затрагивали и ее интересы, которые в этом случае совпадали с интересами РАК¹. Акционеры компании долгое время мечтали об использовании кораблей РАК для установления прямого торгового пути между Аляской и Китаем. Торговля в китайских портах и прямой экспорт китайских товаров морским путем в порты Петербурга могли бы значительно увеличить прибыль РАК, одновременно вдохнув новую жизнь в экономику изолированной американской колонии. Другой заманчивой перспективой как для правительства, так и для РАК была река Амур и ее долина. Установление контроля над Амуром обещало облегчить сухопутный путь между внутренней Сибирью и побережьем

¹ *Bassin M. Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840—1865.* New York: Cambridge University Press, 1999. P. 102.

Тихого океана¹. С точки зрения российского правительства, растущая роль Дальнего Востока увеличивала необходимость умиротворения и обрусения населения этого обширного фронта. Сенсационный миссионерский успех Вениаминова среди алеутов давал надежду, что аналогичные мероприятия среди народов Восточной Сибири и Дальнего Востока также будут способствовать консолидации имперского контроля.

Для выполнения этой задачи в конце 1840 года была образована новая обширная епархия², в которую вошли полуостров Камчатка, Курильские острова и территория всей Русской Америки, с епархиальным центром в Ново-Архангельске³. (Позднее в епархию была включена обширная территория Восточной Сибири.) Синод с большим пониманием отнесся к соображениям Вениаминова о духовных нуждах алеутов и тлинкитов, не забыв, однако, и о своих собственных институциональных интересах. Найдя поддержку у государства, Синод оказал давление на РАК, чтобы побудить компанию выделять больше средств на продвижение религии. Что касается руководителя новой епархии, то Вениаминов представлялся идеальным кандидатом на эту должность, однако занять ее немедленно не мог, поскольку был женатым приходским священником, в то время как должность требовала монашеского чина. После неожиданной смерти жены Вениаминов провел несколько недель, оплакивая ее и размышляя о своем будущем, а в конце ноября 1840 года члены Синода, и в первую очередь митрополит Филарет, убедили энергичного миссионера принять монашество. Вскоре после пострижения Вениаминова в монахи, 15 декабря того же года, Синод посвятил его в епископы⁴.

Создание новой епархии и назначение ее главой Иннокентия (Вениаминова) имели для Русской Америки важные последствия. Хотя православие появилось там с прибытием первых русских, а официальные миссионеры приехали еще в 1790-х годах, последовательное

¹ *Gibson J.R. Feeding the Russian Fur Trade: Provisionment of the Okhotsk Seaboard and the Kamchatka Peninsula, 1639—1856. Madison: University of Wisconsin Press, 1969. P. 150—151.* До того как россияне получили доступ к Амуру, они были вынуждены добираться до побережья Тихого океана по Якутско-Охотскому, а позже — по Якутско-Аянскому тракту.

² Создание новых епархий было обычным явлением во время царствования Николая I. За годы его правления число епархий выросло на треть (см.: *Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. P. 37—38.*)

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 121. Д. 162. Л. 144—161 об.

⁴ *Барсуков И.П.* Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский. С. 121—126.

сотрудничество церкви и РАК началось только после учреждения епархии. Новая институциональная структура стала предпосылкой для создания более тесных взаимоотношений между духовной властью и коммерческой компанией.

Учреждение епархии быстро дало результаты. Ранее церковь в Америке находилась под юрисдикцией архиепископа Иркутского, который отвечал за церковные дела всей Восточной Сибири. Понятно, что его внимания требовало множество проблем, которые зачастую оттесняли на задний план события в столь далекой Америке. Священники, служившие в отдаленных уголках Русской Америки, направляли свои отчеты в Ново-Архангельск, откуда их везли в Иркутск — сначала по морю, потом на конных экипажах и наконец на барже. Такое сообщение между отдаленными поселениями Америки и епархией в Иркутске занимало долгое время, являлось затруднительным и ненадежным: было много случаев возникновения непонимания. Кроме того, бумаги по наиболее важным вопросам направлялись из Иркутска на рассмотрение далее, в Петербург, что еще больше замедляло процесс. Все это тормозило принятие решений и приводило к тому, что церковные дела в Америке оставались на периферии внимания синодальных чиновников. Присутствие же епископа в Ново-Архангельске упрощало связь с центром и выстраивало собственную вертикаль духовной власти в американской колонии.

С образованием Ново-Архангельской епархии началось финансирование, были созданы консистория, семинария, появились новые церкви и увеличилась численность духовенства. Что самое важное — эта отдаленная территория стала *видимой* для Петербурга. Принимая во внимание бюрократический менталитет того времени и географическое расстояние между Ситкой и Петербургом, вопрос *видимости* играл особо важную роль. Начиная с 1847 года все епархии империи представляли Синоду детальные ежегодные отчеты, опираясь на которые Синод определял общие направления церковной политики. Такой порядок побуждал епархии бороться за ресурсы¹. Наличие нового епархиального центра в Ново-Архангельске означало, что американская колония могла претендовать на определенную долю финансовых ресурсов, которые были ей недоступны прежде, когда она подчинялась Иркутску.

Сам факт назначения первого епископа РПЦ в Америке был чрезвычайно важен. С появлением епископа в Ново-Архангельске

¹ Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. P. 38.

образовалась симметрия синодальной и светской власти, отсутствовавшая до 1840 года. Для жителей колонии епископ Америки и главный правитель РАК являлись авторитетными «отцовскими фигурами», дополнявшими друг друга. Представители светской и духовной власти империи в Русской Америке сотрудничали, содействуя «просвещению» жителей колонии, поощряя их повиновение царской власти и продвижение среди них русской культуры.

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

В 1840—1850-х годах были реализованы стратегии, превратившие существенное число аборигенов и креолов в активных подвижников православия. Семинария в Ново-Архангельске была укомплектована учениками-креолами, которые происходили из семей местных жителей и стали впоследствии главными проводниками православной веры на Аляске. Выпускники семинарии в роли священников и дьяконов проводили православные ритуалы в сообществах зависимых аборигенов. Более того, они принимали активное участие в миссионерской деятельности среди групп аборигенного населения, до тех пор не подвергшихся русскому влиянию¹. В своей работе по укреплению православия на Алеутских островах, Кадьяке и в Юго-Восточной Аляске и распространению его в долины рек Кукоквим, Юкон и далее священники-креолы вместе с аборигенными и креольскими миссионерами и верующими из числа местного населения сотрудничали с духовными служителями, откомандированными из России. Сами аборигены стали активными деятелями в сфере обращения других аборигенов в православие. Таким образом, распространение православия в этом регионе представляло собой не просто русско-аборигенный культурный обмен, а часть культурного взаимодействия, происходившего среди различных групп коренного населения. В ходе этого процесса православие стало восприниматься местным населением как истинно аборигенная религия.

Разумеется, среди некоторых групп коренного населения Аляски, и в особенности среди покоренных русскими алеутов и кадьякцев,

¹ См.: Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ея до настоящего времени. СПб.: Типография Э. Веймара, 1861—1863. Т. 2. С. 252—276; Денискевич Г.И. Православные миссионеры на Аляске // Русская Америка: по личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев / Ред. А.Д. Дриздо и Р.В. Кинжалов. М.: Мысль, 1994. С. 191—253.

православие распространилось задолго до 1840-х годов. Даже обучение священников из местного населения не было нововведением этого периода: в более ранние годы существования колонии несколько крепостей, самым знаменитым из которых был Яков Невцетов, совершили путешествие из Русской Америки в Евразию, где прошли обучение в Иркутской семинарии. Однако в то время более амбициозные планы воспитания приходского духовенства на местах, прямо в самой Русской Америке, остались нереализованными. В мае 1799 года викарий, который должен был руководить осуществлением этих планов, погиб в кораблекрушении на пути в Русскую Америку, и замену ему так и не нашли. В результате планы по возвращению духовенства из числа туземцев были отложены на четыре десятилетия.

Христианизация до 1840-х годов

Результативность миссии по христианизации коренного населения Аляски была до 1840 годов ограничена — главным образом потому, что в Русской Америке этого периода представители церкви часто находились в конфликте с представителями светской власти. До приезда Вениаминова деловые отношения между той и другой сторонами обычно были напряженными. Тем не менее с момента появления представителей РПЦ в Русской Америке церковь стремилась осуществить две последовательные цели: во-первых, обеспечить сохранение религиозной веры подданных, которые прибыли в Америку из Евразии, а во-вторых, обратить коренных жителей в православие. Первая цель являлась относительно достижимой, так как православные русские, жившие в поселениях, где имелись церкви или часовни, по закону были обязаны посещать церковные службы. Строительство новых церквей и часовен и назначение духовных служителей способствовали решению этой задачи. Что же касается второй цели, то она была гораздо более амбициозной.

Прибытие православного духовенства на территорию Русской Америки обычно датируется сентябрем 1794 года, когда несколько монахов в составе Духовной миссии в Америку (далее — Кадьякская миссия) прибыли на Кадьяк. К тому времени аборигены, в частности алеуты и кадьякцы, жившие на островах, уже посещавшихся русскими, были — благодаря промышленникам — в той или иной мере знакомы с православным христианством. В местах, которые русские часто посещали, многие коренные жители были крещены, и не священником, а простыми русскими мужиками. Подобная практика нередко

применялась и в других частях России при нехватке духовенства. Также русские увозили с собой в Евразию некоторых алеутов в качестве аманатов (заложников) или крестных сыновей, где те могли встречаться с местными священниками, хотя такие встречи и были маловероятны, поскольку в Восточной Сибири священников было мало. Самым ранним свидетельством крещения алеута православным священником является запись о крещении алеута Темнака, привезенного в 1747 году русскими на Камчатку с острова Атту и получившего после крещения русское имя — Павел Михайлович Неводчиков¹. Дошедшие до нас сообщения о такого рода событиях принадлежат только русским наблюдателям. То, как сами аборигены рассматривали обращение в новую веру, остается в области предположений.

Промышленники, прибывавшие в надежде получить выгоду от пушного промысла, привозили с собой иконы и священные книги и проводили церковные службы на борту своих судов и на Алеутских островах. Они следовали церковному календарю и обычно называли открываемые ими острова, заливы и бухты в честь святых. Промышленники крестили местных алеутов, стратегически выбирая в качестве крестных сыновей родственников влиятельных тойонов. Стать крестным отцом молодого представителя аборигенной элиты означало установить с местными жителями семейные связи, которые впоследствии могли использоваться для налаживания поставок меха². Несколько крестников-алеутов, выучив русский язык в тот ранний период, стали ценными посредниками между русскими и аборигенами, выполняя роль переводчиков и носителей русской православной культуры среди алеутов. Сам Григорий Шелихов стал крестным отцом для нескольких кадьякцев, когда в 1780-х годах его работники покоряли население острова Кадьяк. Иметь крестников из влиятельных аборигенных семей было выгодно для русских и по другой причине: обращение местных элит в православие делало религию русских более престижной и привлекательной в глазах рядовых аборигенов. В одном из своих писем в Евразию глава Кадьякской миссии отмечал, что встреченные миссионерами островитяне Уналашки давно были готовы принять крещение, так как проживали среди русских³.

¹ *Black L. Orthodoxy in Alaska*. Berkeley, Calif.: The Patriarch Athenagoras Orthodox Institute at the Graduate Theological Union, 1999. P. 9; ИРА. Т. 1. С. 71.

² См.: *Kovach M.G. The Russian Orthodox Church in Russian America*: PhD diss. University of Pittsburgh, 1957. P. 50.

³ Письмо архимандрита Иоасафа Назария, 19 мая 1795 г., Павловская Гавань, Кадьяк // *Little Russian Philokalia*. New Valaam Monastery, Alaska: St. Herman

Кадыякская духовная миссия была отправлена в Америку по приказу Екатерины II — в ответ на прошение компании, принадлежавшей Ивану Голикову и Григорию Шелихову¹. Вероятно, этим прошением купцы, преследовавшие прежде всего светские и коммерческие цели, пытались придать больший вес собственным планам по легитимизации постоянных русских поселений на Кадыяке и за его пределами и по экспансии и установлению своей монополии на Аляске. Шелихов, в частности, мечтал о постройке больших городов на североамериканском континенте. Подобные проекты невозможно было реализовать без строительства церквей и приглашения обслуживающего их духовенства². Стремясь получить монопольные привилегии для своей частной компании, Шелихов и его столичные советники пытались сформулировать прошение так, чтобы оно получило одобрение императрицы, которая, как известно, желала выглядеть просвещенной монархиней³. Какими бы ни были истинные мотивы императрицы и купцов, важно отметить, что снаряжение духовной миссии преследовало в первую очередь коммерческие и правительственные, а не церковные интересы.

Кадыякская миссия состояла из восьми монахов, живших до переезда в Тихоокеанский край в монастырях на Ладожском озере: шестеро монахов проживали в Валаамском монастыре, двое — в Коневском⁴. Стоит заметить, что в своем прошении Екатерине купцы просили при-

Press, 1989. Vol. 3. P. 157. В 1790 году камчадал Василий Сивцов, священник, участвовавший в морской экспедиции Биллингса и Сарычева, стал, вероятно, первым православным священником, посетившим Уналашку и Кадыяк. См.: *Black L. Orthodoxy in Alaska*. P. 12—13; *Львов А.* Краткие исторические сведения об учреждении в Северной Америке православной миссии, об основании Кадыякской епархии и о деятельности там первых миссионеров // Прибавления к Церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде: Ежегодное издание. 17 сентября 1894 года. С. 1318.

¹ Екатерина II утвердила запрос РАК императорским указом от 30 января 1793 года. См.: *Tikhmenev P.A. A History of the Russian-American Company*. Seattle: University of Washington Press, 1978. P. 36.

² *Окунь С.Б.* Российско-американская компания. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. С. 30—34; *Black L. Orthodoxy in Alaska*. P. 21.

³ *Kovach M.G. The Russian Orthodox Church in Russian America*. P. 32.

⁴ Участниками духовной миссии, в порядке старшинства, были: архимандрит Иоасаф (Болотов), иеромонахи Ювеналий, Макарий и Афанасий, иеродьяконы Стефан и Нектарий, монахи Герман и Иоасаф. Макарий и Стефан были из Коневского монастыря, остальные члены миссии — из Валаамского. Оба монастыря расположены на Ладожском озере. См.: *Русская Америка: по личным впечатлениям*. С. 32.

слать в Америку меньшее число церковных служителей, более того, они отдавали предпочтение представителям «белого» (приходского) духовенства, а не «черного» (монахов). Купцы понимали, что финансирование деятельности духовенства будет лежать на них¹.

Чтобы достичь Русской Америки, монахи, которые до тех пор были знакомы только с европейской частью России, должны были пересечь всю Российскую империю с запада на восток. Сухопутное путешествие через всю Евразию, как и затем морское — из Охотска на Кадьяк, — произвели на них большое впечатление.

Вероятность конфликта между духовенством и мирянами была высокой с самого момента их прибытия. К тому времени среди русских, проживавших на Кадьяке и в других частях Русской Америки, уже сложились определенные общественные нормы. Промышленники — причем и те, которые имели законных жен в Евразии, — обычно вступали в так называемые неформальные браки с аборигенными женщинами. Александр Баранов по-своему регулировал эти «браки», настаивая, например, что каждый русский мужчина, пока живет в Русской Америке, должен оставаться с той аборигенкой, которую выбрал². Высшие чины компании Голикова и Шелихова рассматривали такой порядок одобрительно, поскольку он помогал удерживать русских работников на островах даже по истечении срока их контракта. Но с точки зрения клириков, подобные рассуждения выглядели скандальными и аморальными. Напряжение еще больше усилилось из-за того, что члены миссии приехали на острова с подробными инструкциями от Синода, которыми им вменялось в обязанность крестить аборигенных женщин, проживавших с русскими мужчинами, и заключать между парами официальные церковные браки³.

¹ Компания Голикова и Шелихова просила прислать только двух священников и дьякона и предлагала выделить деньги на их содержание. См.: A report from Grigorii Shelikhov, requesting special privileges for his company in North America. May—November 1787 // To Siberia and Russian America: Three Centuries of Russian Expansion / Eds. B. Dmytryshyn, E.A.P. Crownhart Vaughan and T. Vaughan: 3 vols. Portland: Oregon Historical Society Press, 1988—1989. Vol. 2. P. 345.

² Григорий Шелихов, нанявший Баранова и пославший его на Кадьяк управлять делами своей компании, поощрял эти гражданские браки между сотрудниками РАК и аборигенными женщинами — на том основании, что подобные браки предотвращали распространение венерических заболеваний. См.: To Siberia and Russian America. Vol. 2. P. 377.

³ Наставление архимандриту Иоасафу // Львов А. Краткие исторические сведения об учреждении в Северной Америке православной миссии. С. 1324.

Подобно другим обитателям Европейской России, столь далекой от Тихого океана, монахи Кадьякской миссии до их прибытия в Америку были введены в заблуждение выдумками и преувеличениями, содержащимися в рекламных описаниях Русской Америки, составленных Шелиховым и его сторонниками. Даже конкретные обещания «русского Колумба» оказались ложными: «Ничего из того, что Шелихов обещал в Петербурге, на острове не нашли: ни часовни, ни церковных предметов богослужений не было»¹. Монахи ожидали, что остров Кадьяк и другие владения россиян в Тихоокеанском крае будут гораздо более благоустроенными, чем оказалось на самом деле. Вдобавок к этому, в их первую зиму пребывания на Кадьяке там наступил голод. В целом, прибыв к берегам Америки, монахи страдали от крушения своих иллюзий, унижения и многочисленных разочарований². Учитывая эти обстоятельства, легко понять, какие чувства они испытывали в отношении клана Шелиховых и их работников: компания Голикова и Шелихова, которая стремилась использовать духовную миссию для достижения собственных корпоративных целей, вряд ли могла им понравиться, и монахи не стали замалчивать увиденное.

В те годы компания была весьма незащищенной перед подобными жалобами. Эта ситуация сохранялась практически до конца 1790-х годов, когда компания, соединившись со своими конкурентами, получила впечатляющее новое название, монопольные права и покровительство императора³. До тех пор, однако, купеческая компания Голикова и Шелихова, представлявшая коммерческие интересы в обществе, где дворянство и духовенство смотрели на торговые круги сверху вниз, оставалась уязвимой перед жалобами церковников государственным чиновникам⁴. Даже в описанных выше обстоятельствах, отрезанные от

¹ *Митрополит Климент [Капалин]*. Русская Православная Церковь на Аляске. С. 51.

² *Oleksa M. Orthodox Alaska*. P. 109.

³ Летом 1798 года компания Голикова и Шелихова объединится с конкурентами, образовав таким образом Объединенную Американскую компанию. Объединенная Американская компания, в свою очередь, в июле 1799 года будет преобразована в РАК.

⁴ О политическом и социальном положении купеческого сословия в имперской России см.: *Rieber A.J. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982. P. xxii, 23—24. Об опасениях дворянства касательно благонадежности купечества см.: *Барсуков И.П.* Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский: По его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам: В 2 т. М.: Синодальная типография, 1891. Т. 1. С. 205—206.

материковой России географически и беззащитные перед произволом владельцев компании, монахи Кадьякской миссии могли по крайней мере призвать компанию к ответу перед имперским правительством за невыполнение данных ею обещаний. Монахам было особенно удобно использовать коренных жителей как предмет подобной риторики — в своих жалобах правительству духовные миссионеры могли занять позицию самоотверженных наблюдателей, отстаивавших интересы бесправных жертв произвола промышленников. Монахи имели полное право на составление таких жалоб, поскольку налаживание контактов с коренными жителями и забота о них являлись основными задачами порученной им миссии.

Стоит отметить, что особенно в те времена, когда использование труда аборигенов интенсифицировалось в погоне за ценными мехами, на которые также претендовали агрессивные отечественные и иностранные конкуренты, злоупотребления русских по отношению к коренным жителям не нужно было выдумывать — они действительно имели место. Прибытие на Кадьяк духовной миссии совпало по времени с введением более систематических мер по эксплуатации коренного населения. Соучастие торговых компаний в злоупотреблениях, безусловно, побуждало монахов защищать аборигенов. Но это намерение также подпитывалось разочарованием монахов повседневной жизнью в Америке и их недовольством деятелями, которые дурно с ними обходились.

Жалуясь на компанию Голикова и Шелихова, члены миссии получали поддержку со стороны представителей конкурирующих компаний, у которых были свои причины сдерживать амбиции семейства Шелиховых. Например, один из членов миссии, иеромонах Макарий, провел на Уналашке около года и был свидетелем того, как ужасающе русские работники компании Голикова и Шелихова обращались с коренными жителями острова. В результате иеромонах прибег к услугам конкурирующей компании братьев Киселевых, которые на своем судне доставили его и троих мужчин-алеутов — тойона и двух переводчиков — в Охотск. Алеуты в сопровождении Макария намеревались подать жалобу правительственным чиновникам на дурное обращение со стороны работников компании Голикова и Шелихова¹. В конечном итоге Макарию и его спутникам пришлось проехать через всю империю с целью получить аудиенцию у самой императрицы, однако предстать перед ней им так и не удалось. Екатерина умерла во время

¹ ИРА. Т. 1. С. 270.

их путешествия по Евразии, и на трон взошел ее сын. Новый монарх, Павел, относился к интересам клана Шелиховых более благосклонно, чем его мать, и не прислушался к призывам представителей коренного населения. Жалобы алеутов, спутников Макария, были отклонены, а самому иеромонаху объявили выговор за то, что он покинул вверенную ему территорию без разрешения главы Кадьякской миссии. Тем не менее даже после такого унижения Макарий продолжал защищать права алеутов и критиковать промышленников. Он отказался признать авторитет архимандрита Иоасафа, своего начальника по Кадьякской миссии, назначенного в апреле 1799 года викарным епископом (викарием) Кадьяка, — иеромонах обвинял викария в алчности и пренебрежении правами аборигенов¹. Интересно, что Макарий и Иоасаф погибли в одном и том же кораблекрушении по пути обратно, в Русскую Америку, из Иркутска в 1799 году на корабле «Феникс». Можно предположить, что, не случись этого крушения, произошедшего в том же году, когда император Павел утвердил формирование РАК, и приведшего к упразднению викариата и последующему дефициту миссионерских кадров, история христианизации Русской Америки в начале XIX века могла бы пойти совсем иначе.

Стоит описать один показательный конфликт между церковью и компанией, который имел место в период правления Баранова и был напрямую связан с новым императором. После того как до Кадьяка дошла весть о вступлении Павла на трон, монахи начали настаивать на организации торжественной церемонии принесения аборигенами клятвы верности новому императору. Однако время проведения этой церемонии стало причиной разногласия между Барановым и монахами. Монахи планировали собрать аборигенов в поселении Павловская Гавань на Кадьяке, оторвав их таким образом от работы на компанию, во время, которое Баранов считал для этого неподходящим. Кроме того, он возражал против церемонии на том основании, что в поселении отсутствуют запасы провизии и потому не будет возможности достойно накормить такое большое количество людей. С точки зрения Баранова, в данной ситуации монахи переходили границы отведенной им власти и принятие их плана привело бы к коммерческой неэффективности в работе компании и к социальной нестабильности. Баранов

¹ Подробная записка о Российской Миссии, в Российско-американских владениях находящейся // АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 125. Л. 274 об. По распоряжению Екатерины II викарный епископ именовался «епископ Кадьякский и прочих прилежащих к тому в Америке островов» (ИРА. Т. 1. С. 271).

предложил монахам назначить для проведения торжества более позднюю дату. В ответ иеромонах Афанасий, возглавлявший в то время Кадыякскую миссию, обвинил Баранова в измене царю¹.

Так как этот инцидент касался проявления уважения к самому императору, церковники, которые не преминули пожаловаться на преграды, чинимые Барановым в проведении церемонии, полагали, что их жалобам будет уделено соответствующее внимание. Одной из главных обязанностей миссионеров было привитие имперским подданным уважения к своему царю. Однако в этом случае, как и в некоторых других, Баранов вышел сухим из воды, потому что был именно тем энергичным деятелем, который лучше других справлялся с проблемами Русской Америки. Иными словами, Баранов был незаменимым человеком для ведения дел компании и продвижения интересов империи. Его покровители в Петербурге, которые имели выгоду от поставок меха, смогли успешно разрядить обстановку, представив ситуацию как провокацию со стороны некомпетентных миссионеров².

Тем не менее написанная в июле 1802 года жалоба монахов побудила Синод отправить в составе первого российского кругосветного путешествия ревизора, дав ему задачу представить отчет о состоянии миссии в Русской Америке. Этот ревизор, иеромонах Гедеон, за три года пребывания на Кадыяке составил объемный отчет³. В те же годы в Русской Америке находился Николай Резанов, также сделавший ряд наблюдений. В частности, Резанов упрекал монахов Кадыякской миссии в неэффективности их деятельности, сравнивая этих монахов с католическими конкурентами (иезуитами в Парагвае) и отдавая предпочтение последним: в отличие от иезуитов, члены Кадыякской миссии, на его взгляд, не имели понятия, как приносить настоящую пользу колониальному проекту россиян⁴. Резанов считал, что монахи

¹ A report to the Holy Governing Synod of the Russian Orthodox Church from missionaries in Russian America detailing complaints against Aleksandr A. Baranov. August 1, 1804 // *To Siberia and Russian America*. Vol. 2. P. 62—64; ИРА. Т. 2. С. 48—49; Письмо Баранова Е.Г. Ларионову, 22 июля 1801 г. // Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании. Т. 2. С. 158.

² См. также: *Tikhmenev P.A. A History of the Russian-American Company*. P. 67.

³ Записки иеромонаха Гедеона о Первом русском кругосветном путешествии и Русской Америке, 1803—1808 гг. // *Русская Америка: по личным впечатлениям*. С. 27—121.

⁴ A Letter from Nikolai P. Rezanov to the Directors of the Russian American Company regarding Russian Orthodox Missionaries in Alaska. November 6, 1805 // *To Siberia and Russian America*. Vol. 2. P. 102.

должны были организовать прикладное обучение для населения колонии, и винил их в том, что они постоянно вмешиваются в светские дела колониальной администрации, вместо того чтобы качественно выполнять обязанности порученной им миссии. Жестко критиковал он монахов и за то, что они оказались не в состоянии освоить языки коренных народов, тогда как, по мнению Резанова, это было необходимо для полноценного выполнения миссионерской работы¹.

Итак, члены Кадыякской миссии чувствовали враждебность как со стороны работников компании Голикова и Шелихова, так и со стороны чиновников РАК. Тем не менее некоторые из монахов демонстрировали настойчивость в осуществлении миссионерской деятельности даже в сложившихся трудных обстоятельствах. Они твердо отстаивали интересы аборигенов — по крайней мере так, как понимали их, — добившись этим уважения коренного населения. Однако в конечном итоге монахи Кадыякской миссии так и не смогли найти общий язык с чиновниками РАК, а нестабильность отношений между представителями духовной и светской сфер затрудняла реализацию их общих целей: обрусения и христианизации коренных жителей.

Препятствовало успешной миссионерской деятельности и уже упоминавшееся неадекватное освоение монахами языков коренного населения. Тем не менее нужно заметить, что эффективность духовной миссии трудно отразить в числах или выразить мирским языком. Показательно, что, по мнению многих, членом Кадыякской миссии, наиболее других преуспевшим в миссионерской деятельности, оказался монах Герман, затворник и аскет, проживший долгую жизнь (он умер в декабре 1836 года) на маленьком островке Еловый, в ските, известном как «Новый Валаам». Герман имел весьма ограниченное образование, а его миссионерский метод строился скорее на личном примере, чем на проповеди. Мистическая духовная традиция, основанная на созерцании, которой он придерживался, имеет долгую историю в православном мире². Старец Герман заслужил восхищение чиновников

¹ A Letter from Nikolai P. Rezanov to the Directors of the Russian American Company regarding Russian Orthodox Missionaries in Alaska. Vol. 2. P. 104.

² Образ Германа являлся тем примером самоотречения и смирения, который также превозносился в официальной доктрине церкви о монашестве. См.: *Znamenski A. Shamanism and Christianity*. P. 50. Та же традиция связана с Сергием Радонежским, одним из самых почитаемых в России святых. О дискуссии касательно святого Сергия Радонежского см.: *Fedotov G.P. The Russian Religious Mind: 2 vols. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1966. Vol. 2. P. 195—229; Ключевский В.О. Значение Преп. Сергия для русского народа и государства // Ключевский В.О. Очерки и речи. Пг.: Литературно-Издательский Отдел Комиссариата Народного Просвещения, 1918. С. 194—209.*

РАК, мореплавателей, а также коренных жителей. Он был причислен православной церковью к лику святых даже прежде, чем Вениаминов. И все же, несмотря на этот единичный случай, члены Кадьякской миссии в целом не сумели, с одной стороны, освоить языки коренных народов, а с другой — наладить деловые отношения с компанией, что препятствовало развитию православного миссионерства на Аляске.

Второй устав РАК, вступивший в силу в 1821 году, но обсуждавшийся до этого в течение нескольких лет, обязывал РАК выделять больше финансовых средств и уделять большее внимание религиозным вопросам. В результате в колонии начали работу три приходских священника: Иоанн Вениаминов, Алексей Соколов, прибывший в Ново-Архангельск еще в 1816 году, и Фрументий Мордовский, живший на Кадьяке с 1823 года¹. В отличие от монахов, деятельность этих священников финансировалась РАК в более прямом смысле — компания выплачивала им зарплату.

С самого начала Вениаминов резко выделялся в этой тройке как своими умственными и физическими способностями, так и нравственными качествами. Именно его поведение и весь образ соответствовали интересам РАК и располагали к нему ее чиновников. Например, в 1826 году Вениаминов выступил против Мордовского, настаивая, что священникам надлежит напроочь отказываться от каланьих шкур, преподносимых им кадьякцами в качестве подарков. Принятие столь дорогих подношений показывало дурной пример другим колонистам и могло привести к нежелательным конфликтам между церковью и представителями РАК, в то время как Вениаминов желал, чтобы священники «содействовали Компании, на счет коей содержатся»².

Отказ Вениаминова принимать ценную пушнину в подарок от прихожан был весьма закономерным. Священник выделялся среди своих предшественников и современников не только тем, что стремился сотрудничать с компанией, но и тем, что делал это чрезвычайно успешно. Находясь на Уналашке, Вениаминов провел ряд научных наблюдений, которые принесли прямую выгоду пушному промыслу РАК³. После своего «основательного исследования» священник «предложил главному правлению Российско-Американской компании наиболее разумные способы охоты за зверями, и такими указаниями не только предотвратил

¹ РГИА. Ф. 18. Оп. 5. Д. 1275.

² Там же.

³ Вениаминов И.Е. Записки об островах Уналашкинского отдела. Т. 1. С. 65—83.

заметно возрастающее год от году уменьшение количества зверей, особенно морских котиков, но и помог быстрому размножению последних, что сохранило и умножило на несколько сот тысяч доходы Компании, от промыслов за морскими зверями»¹. Вениаминов не просто освоил язык коренных жителей, но стал признанным ученым, изучавшим алеутский, а впоследствии и глинянский язык. Он также изобрел алеутскую письменность². Подобные достижения резко отличали его от монахов Кадьякской миссии, которые при общении с коренным населением полагались на переводчиков³. В годы служения на Уналашке молодой священник привлек внимание будущего адмирала Федора Литке, который в сентябре 1830 года писал о Вениаминове главному правителю Фердинанду Врангелю (из Кронштадта в Ново-Архангельск): «Как бы я желал, чтобы тебе удалось перевести его в Ситху... Я несказанно был бы рад, если бы ты его полюбил и мог бы удержать в том краю... Я твердо уверен, что он по всем отношениям мог бы быть полезнее всех своих собратьев, вместе сложенных и помноженных на десять»⁴.

АБОРИГЕНЫ ГЛАЗАМИ ВЕНИАМИНОВА

Почему взгляды Вениаминова, которые он донес до Петербурга, оказали такое влияние на ход христианизации и обрусения в Русской Америке? Приступив к работе над «Записками об островах Уналашкинского отдела», Вениаминов преследовал определенные цели. В предисловии к первому тому этого труда он стремился рассеять представление о том, что коренное население той части Северной Америки, на которую претендовала Российская империя, составляло, как тогда было принято считать, чуть ли не 400 тыс. человек. Вениаминов доказывал, что в действительности население не превышало 40 тыс. человек⁵. Представив на суд общественности этот более низкий

¹ Барсуков И.П. Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский. С. 46—47.

² Ivanov V. The Russian Orthodox Church of Alaska and the Aleutian Islands. P. 5—19.

³ Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним: В 2 ч. СПб.: Морская типография, 1810—1812. Ч. 2. С. 87.

⁴ Русская Америка: по личным впечатлениям. С. 155—157.

⁵ Вениаминов И.Е. Записки об островах Уналашкинского отдела. Т. 1. С. v—vi.

показатель численности коренного населения, он давал понять, что задача обращения коренных жителей Русской Америки в православие и приближения их к русской культуре была не столь тяжелой, как могло представляться столичным элитам. Весь трехтомный труд, в котором особый упор делался на описание естественных ресурсов Русской Америки, на ее политическую и экономическую организацию и пропаганду христианства, можно рассматривать как руководство к усовершенствованию колониальных усилий России. Совсем не случайно книга Вениаминова была опубликована на деньги РАК как раз в то время, когда правительство принимало решение, стоит ли продлевать полномочия компании, и если стоит, то на каких условиях. Публикацию «Записок» необходимо рассматривать как элемент политической стратегии Российско-Американской компании — стратегии, направленной на улучшение репутации РАК в столице империи и на приобретение третьего устава. Идея составления этого сочинения была подана Вениаминову Кириллом Хлебниковым, который до самой своей смерти, последовавшей в 1838 году, являлся одним из наиболее влиятельных деятелей РАК¹. Федор Литке и Фердинанд Врангель тоже поддерживали это начинание.

В чем же состояла особенность взглядов Вениаминова на коренное население? Почему они способствовали развитию новых взаимоотношений между РАК и церковью? Прежде всего, он упорно доказывал, что коренные жители заморской колонии являлись особенно ценными подданными Российской империи, так как были лучше приспособлены к тому, чтобы эксплуатировать ресурсы северо-западного побережья Северной Америки, чем колонисты из Европы и Азии. Иными словами, уникальные навыки коренного населения составляли особую ценность как для РАК, так и для империи в целом. По мнению Вениаминова, коренные жители этого края были одарены таким ценным качеством, как необычайная выносливость, помогавшая им приспособиваться к условиям жизни и работы в нелегких условиях.

В то же время Вениаминов преподносил стремление американских аборигенов к православию и русской культуре как нечто неизбежное и естественное. Подобное стремление было обусловлено, по его мнению, чертами характера этих народов. Все, что требовалось сделать российским чиновникам для усиления данной тенденции, считал

¹ Федорова С.Г. О Русской Америке и авторе «Записок» Кирилле Тимофеевиче Хлебникове // Русская Америка в записках К.Т. Хлебникова: Ново-Архангельск. М.: Наука, 1985. С. 16; Ляпунова Р.Г. Письма И. Вениаминова К.Т. Хлебникову // Русская Америка: по личным впечатлениям. С. 154.

автор, это предоставить соответствующие ресурсы и приложить усилия для ускорения уже начавшегося процесса. В подтверждение своей точки зрения Вениаминов описывал культуру аборигенов временами с поразительной пронизательностью. Однако нередко он следовал традиции европейской литературы того времени и представлял тех же аборигенов поверхностно, в грубых выражениях.

Этнографическое описание коренных жителей Русской Америки, которое Вениаминов привез в Петербург в 1839 году, было значительно более полным и богатым, чем сведения, которые просачивались в столицу прежде. Достижения Вениаминова в этнографической и миссионерской работе обеспечили ему высокий статус как в научных и церковных, так и в политических кругах. Освоив алеутский язык, автор смог сделать пронизательные наблюдения об алеутах Уналашки, среди которых провел десять лет (1824—1834). В эти годы он руководил строительством церкви, изучал культуру местных жителей и стремился разъяснить христианскую веру алеутам, читая им проповеди на их родном языке. Одной из причин путешествия Вениаминова в Петербург было его желание ходатайствовать перед Синодом о разрешении издать выполненный им перевод священных текстов на алеутско-лисьевский язык¹. В случае успеха Вениаминов хотел лично присутствовать при работе столичной типографии, чтобы убедиться в том, что сложная задача воссоздания алеутского текста в печатном виде выполняется качественно.

Вениаминов называл алеутов «примерными христианами»². Он писал, что когда иеромонах Макарий прибыл в 1795 году к жителям Уналашки, чтобы их окрестить, они охотно приняли православие и «тотчас оставили шаманство, и не только его, но и самые признаки онаго»³. В такой трактовке христианизация алеутов выглядит как совершавшаяся без какого-либо принуждения со стороны миссионеров⁴.

¹ У жителей Алеутских островов (алеутов-унанган) было два основных диалекта. Диалект населения Уналашки, где служил Вениаминов, был назван алеутско-лисьевским. Уналашка, наиболее густонаселенный из Алеутских островов, относится к цепи Лисьих островов, расположенных в восточной части Алеутского архипелага. См.: [Вениаминов И.Е.] Опыт грамматики Алеутско-Лисьевского языка. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1846. С. i—ii. Немного позднее другой священник, Яков Нецветов, специализировался на изучении алеутско-атхинского диалекта.

² Вениаминов И.Е. Записки об островах Уналашкинского отдела. Т. 2. С. 144.

³ Там же. См. также: [Вениаминов И.Е.] Опыт грамматики Алеутско-Лисьевского языка. С. vii.

⁴ Вениаминов И.Е. Записки об островах Уналашкинского отдела. Т. 2. С. 144.

С точки зрения Вениаминова, христианская вера пришла к алеутам естественным путем — так как соответствовала их образу жизни.

Важное, хотя и очевидное наблюдение, сделанное Вениаминовым, состояло в том, что алеуты на тот момент уже в значительной степени обрусели. Большая часть их культуры, а особенно религии, доконтактного периода исчезла и не подлежала восстановлению. Поскольку механизмы христианизации и обрусения уже были запущены, главной задачей РАК и церкви являлось поддерживать эти ранние достижения на должном уровне.

В отношении же тлинкитов, с которыми Вениаминов работал на острове Ситка в период с 1834 по 1838 год, его усилия были менее успешны. Как следует из книги Вениаминова, тлинкиты не только свирепо протестовали против влияния россиян, но и обладали, по сравнению с алеутами, гораздо более устойчивыми традиционными религиозными верованиями, а тлинкитские шаманы пользовались в народе огромным авторитетом¹. В то же время проповедник особенно высоко оценивал потенциал именно этого народа: тлинкиты, писал он, «могут быть и на верное со временем будут господствующим народом из всех Северо-Американцев, начиная от Берингова пролива и до Калифорнского залива, а может быть и далее. Потому что они и в теперешнем состоянии гораздо лучше всех по своим способностям»². Учитывая такую оценку, можно понять, почему Вениаминов считал, что обращение тлинкитов в православие совершенно необходимо для обеспечения успешного будущего российской колонии. Продвижение этой идеи являлось другим важным мотивом его поездки в Петербург.

Вениаминов признавал, что христианизация и аккультурация независимых тлинкитов долго будут представлять для россиян сложную задачу. Решать ее он предлагал демонстрацией доброты со стороны россиян (иначе говоря, своего рода отеческой заботы), а также эффективности современной науки и медицины. Исходя из этих соображений, Вениаминов видел в трагической эпидемии оспы, которая в 1835—1836 годах поразила тлинкитское население острова Ситка, положительную сторону³. Эпидемия выкосила почти половину населения

¹ Там же. Т. 3. С. 60—61.

² Там же. Т. 2. С. 114—115.

³ Эта эпидемия, которая в конце 1835 года свирепствовала около Ново-Архангельска, в 1836-м распространилась на большую часть территории тлинкитов и продолжалась до 1840 года. Кадьяк также был в числе территорий, затронутых эпидемией. См.: *Boyd R.T. Demographic History, 1774—1874 //*

тлинкитов на острове, но не затронула живших по соседству, в Ново-Архангельске, русских, которые были надлежащим образом привиты. Особенно подверженными болезни оказались старейшины — верная опора традиционных верований тлинкитов¹. Вениаминов, который сам был свидетелем эпидемии, подчеркивал, что отчаяние, вызванное ею, наконец сломило сопротивление тлинкитов перед медициной русских. По его словам, оспа убедила индейцев «самым лучшим образом в том, что русские знают более и лучше, чем они»². Некоторые тлинкиты предпочли быть привитыми от оспы русским доктором и таким образом отступили от шаманов, которым не под силу было справиться с этим кризисом их собственной способности контролировать эпидемию³. Вениаминов, приветствуя такое развитие событий, давал следующий комментарий:

И так появление оспы или 1835 год, по всей справедливости, должно считать важнейшей эпохой в истории Колош [тлинкитов]. Ибо это время для них есть рубеж, или грань, где окончилось владычество грубого невежества и дикости и начинается заря их просвещения и людскости. А потому и просвещение их светом христианства теперь гораздо возможнее, нежели прежде... И судя по всему этому, можно сказать, что весьма не далеко то время, когда и здесь будут поклоняться Великому имени Иисуса Христа⁴.

В каком-то смысле Вениаминов приветствовал вспышку заболевания, которая сломала волю тлинкитского народа, уничтожив значительную часть индейского населения и большинство его религиозных авторитетов, — ведь она привела к победе христианства и просвещения. Принимая во внимание его миссионерскую деятельность

Handbook of North American Indians. Washington: Smithsonian Institution, 1990. Vol. 7: Northwest Coast. P. 140; *Fortune R. Chills and Fever: Health and Disease in the Early History of Alaska*. Fairbanks: University of Alaska Press, 1989; РГИА. Ф. 18. Оп. 5. Д. 13476. Л. 14—14 об.

¹ Вениаминов И.Е. Записки об островах Уналашкинского отдела. Т. 3. С. 128, 130.

² Там же. С. 128.

³ Там же. С. 129. О роли шаманизма в традиционной тлинкитской медицине см.: *Hultkrantz A. Shamanic Healing and Ritual Drama: Health and Medicine in Native North American Traditions*. New York: The Crossroad Publishing Company, 1992. P. 54—61.

⁴ Вениаминов И.Е. Записки об островах Уналашкинского отдела. Т. 3. С. 129—130.

среди тлинкитов, в ходе которой Вениаминов убедил некоторых из них согласиться на прививки, нетрудно понять, что он ставил себе в заслугу закладывание основы для их последующего обращения в христианство¹. И действительно, в 1838 году он крестил от сорока до пятидесяти индейцев². Разумеется, в мировой истории колониализма Вениаминов был не первым и не последним христианским миссионером, использовавшим эпидемию как рычаг для культурной трансформации³. В своих «Записках» он писал, что эпидемия оспы 1835—1836 годов дала возможность РАК и обязала церковь провести среди тлинкитов культурные реформы, оказавшиеся результативными в установлении их зависимости от россиян.

Идеи Вениаминова о том, что было бы желательно сделать тлинкитов зависимыми от русских — и о пользе колониального правления для коренного населения в целом, — основывались не только на русском опыте. Во время путешествия в Северную Калифорнию в 1836 году молодой священник, которому до тех пор не приходилось бывать за пределами Российской империи, имел возможность лично наблюдать другую разновидность колониального правления над аборигенами. Выполнив свои обязанности в селении Росс, он совершил краткое путешествие по католическим миссиям в районе залива Сан-Франциско. Этот опыт оказался вдохновляющим не только для него самого, но и для его католических собеседников, которые впоследствии долго вспоминали о русском госте. Судя по его дневнику, Вениаминову было очень любопытно посмотреть на католические службы и побеседовать с монахами по-латыни. Оценивая положение францисканской миссии Святого Иосифа Гваделупского, он заметил, что «сия только миссия, и другая ближайшая к ней пользуется прежним правом владеть и распорядиться индейцами как своими рабами, — а от прочих Правительство Мексики отобрало индейцев, дав им свободу гражданства, или сказать справедливее свободу лениться»⁴. Итак, приняв точку зрения

¹ *Shenitz H.A. Alaska's «Good Father» // Alaska and its History / Ed. M.B. Sherwood. Seattle: University of Washington Press, 1967. P. 128.*

² *Gibson J.R. Russian Dependence upon the Natives of Alaska // Russia's American Colony / Ed. S.F. Starr. Durham, N.C.: Duke University Press, 1987. P. 98.*

³ Как отмечает историк Андрей Знаменский, показательные медицинские ритуалы были важным инструментом православных миссионеров в их конкуренции с шаманской медициной в Сибири и на Аляске (*Znamenski A. Shamanism and Christianity. P. 72—73*).

⁴ [Вениаминов И.Е.] Путевой журнал Священника Иоанна Вениаминова веденный во время путешествия его в Калифорнию и обратно, с 1 июля

своих францисканских собеседников, Вениаминов соглашался с ними в том, что аборигены, предоставленные собственной воле, действительно будут «лениться» и поступать безответственно, причиняя себе вред. (Нелишне отметить, что, вопреки романтическим стереотипам, сложившимся в популярной литературе XIX и XX веков, условия жизни для индейцев во францисканских миссиях Калифорнии были довольно жестокими, даже по меркам XIX века. Индейцев, которые казались их попечителям непослушными, рутинно пороли и сажали в кандалы. Беглецов ловили и возвращали в миссии¹.) Таким образом, Вениаминов представлял модель патерналистского правления как лучший способ соблюсти интересы самих аборигенов. Следуя подобной логике, он также считал, что алеуты Русской Америки, передав РАК попечительство над своими делами, получат только выгоду, поскольку

прежнее правление Алеутов было самое неопределенное, или, лучше сказать, у них не было ни правления, ни законов; ибо, тоэны или родоначальники их, были сильны только физической силою; а законом для них были их обычаи и мнения. Теперь же Алеуты, не участвуя нисколько ни в необходимых тягостях правления и почти не чувствуя подчиненности, только наслаждаются плодами правления, и живут, можно сказать, в совершенной свободе².

Превознося преимущества правления РАК над алеутами, Вениаминов еще раз опровергал критику в адрес компании, раздававшуюся со стороны ее недоброжелателей в столице империи.

Предпочтение, которое Вениаминов оказывал «просвещенному» управлению коренным населением, проистекало из его понимания исторического прогресса. Вениаминов видел просвещение «дикарей» как постепенный процесс, указывая, что «под именем просвещения я здесь буду разумеать перемену или переход из их прежнего, так называемого дикого состояния в нынешнее подходящее

по 13 октября 1836 года. 3 сентября 1836 г. // Bancroft Library. University of California, Berkeley.

¹ *Sandos J.A.* Junípero Serra's Canonization and the Historical Record // *The American Historical Review*. 1988. Vol. 93. No. 5 (December). P. 1256. См. также: *Cook S.F.* The Conflict between the California Indian and White Civilization. Berkeley: University of California Press, 1976; *Sandos J.A.* Converting California: Indians and Franciscans in the Missions. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2004.

² *Вениаминов И.Е.* Записки об островах Уналашкинского отдела. Т. 2. С. 325.

к нашему — Европейскому»¹. Подходящее, однако, не означало равное, так как Вениаминов недвусмысленно указывал, что тлинкиты, которых он считал наиболее способными из всех коренных народов северо-западного побережья Америки, «довольно не глупы и что они очень способны к среднему образованию, но не к высшему, так как и вообще все люди, выходящие из дикого состояния»². Таким образом, продвижение от дикости к просвещению представляло собой продолжительный процесс, который требовал попечительства и хлопот со стороны тех, кто уже достиг более высокой ступени развития. В случае Русской Америки роль таких попечителей должны были исполнять представители РАК и церкви. Учитывая взгляды Вениаминова, не стоит удивляться, что он описывал свою должность в Америке как «учитель младенцев и младенствующих в вере»³. Подобно многим своим современникам, в число которых входили и морские офицеры, поочередно занимавшие должность главного правителя Русской Америки, Вениаминов считал, что наиболее «просвещенные» представители русского и других европеизированных народов должны заботиться о потребностях менее «просвещенных» народов империи. Он старался представить роль православной церкви — и свою собственную роль — в Русской Америке в героическом свете борьбы за просвещение. Вениаминов использовал описание аборигенов для создания этого образа, а также для того, чтобы обеспечить церкви достойное место в будущем колонии.

МИССИЯ К ТЛИНКИТАМ

Вениаминов утверждал, что установление дружеских отношений с тлинкитами имеет особое значение для будущего Русской Америки, и чиновники РАК с этим соглашались. В течение 1840-х годов и церковь, и компания усердно работали над улучшением отношений с индейцами, жившими по соседству с русскими в Юго-Восточной Аляске. По мере того как контакты между русскими и тлинкитами учащались и отношения укреплялись, происходило и распространение христианского учения среди индейцев. Однако, несмотря на кратковременное увеличение в 1840-х годах количества тлинкитов,

¹ Там же. С. 314.

² Там же. Т. 3. С. 117.

³ Барсуков И.П. Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский. С. 394.

принявших православие, эти усилия не дали результатов, на которые надеялись русские. Тем не менее сближение с тлинкитами принесло некоторые плоды, так что в последние десятилетия русского колониализма в Америке тлинкиты и русские были в более теплых взаимоотношениях.

В отличие от христианизации алеутов и кадьякцев, начавшейся в XVIII веке и не оставившей достаточного объема письменных свидетельств, христианизация тлинкитов, происходившая в XIX веке, хорошо отражена в документах¹. Так получилось, поскольку появление РАК и развитие ее административной части способствовали увеличению в колонии числа грамотных россиян, которые вели заметки. Важным в процессе христианизации тлинкитов было постоянное присутствие православного духовенства на острове Ситка начиная с 1816 года. Учитывая ограниченность контактов между тлинкитами и мирскими людьми из числа русских по причине отсутствия последних в тлинкитских селениях, надо признать: духовенство играло гораздо более значительную роль в христианизации тлинкитов, чем в христианизации населения Алеутских островов или Кадьяка. Также, по крайней мере с момента прибытия Вениаминова на остров Ситка в 1834 году, представители церкви руководствовались последовательной стратегией в своей миссионерской деятельности, специфически направленной на тлинкитов.

Прибытие в 1816 году в Ново-Архангельск первого священника, Алексея Соколова, не стало переломным моментом в христианизации тлинкитов. Судя по всему, Соколов, который не обучил грамоте даже собственных дочерей, считал обращение индейцев в православие невозможным и прикладывал к этому мало усилий. Главный правитель Фердинанд Врангель считал его безнадежным пьяницей и освободил от обязанностей священника Ново-Архангельска в 1833 году, порекомендовав Вениаминова как подходящего кандидата на эту должность². Прибытие Вениаминова ознаменовало начало эпохи сознательных усилий, направлявшихся духовными чиновниками на христианизацию тлинкитов. В качестве приходского священника Ново-Архангельска Вениаминов активно общался с тлинкитами острова Ситка и нередко путешествовал по селениям тлинкитов всего региона.

¹ См.: *Kan S. Memory Eternal; Grinev A. V. The Tlingit Indians in Russian America, 1741—1867.* Lincoln, Neb.: University of Nebraska Press, 2005.

² Русская Америка: по личным впечатлениям. С. 155—157; *Pierce R. A. Russian America: A Biographical Dictionary.* Kingston, Ont.: Limestone Press, 1990. P. 476—477.

В 1841 году, вернувшись в Ново-Архангельск уже епископом, Иннокентий (Вениаминов) сделал христианизацию тлинкитов приоритетом епархии. При разработке общей стратегии проповедования он полагался на личные наблюдения. Вениаминов заметил, что тлинкиты не предпринимали попыток помешать своим соплеменникам креститься, в целом относились к христианству с уважением и внимательно слушали проповеди¹. Он предложил миссионерскую стратегию, подобную той, которую с успехом применял на Уналашке: «образовать или найти учителя», знающего язык тлинкитов, и «после того, составив грамоту их языка, перевести на их язык чтонибудь из святых книг, и потом вызывать желающих учиться»². Вениаминов считал, что русские уже успели произвести впечатление на многих индейцев, поэтому те отправляли бы своих детей обучаться в русские школы, если бы у них была такая возможность³. Он ожидал, что обращение в православие детей, обученных русскими, будет способствовать христианизации и обрусению тлинкитского народа в целом.

Внимание, которое епархия уделяла тлинкитам, привело к началу строительства церкви специально для них. Церковь Святой Троицы, которая часто упоминалась просто как «церковь колошей» или «колошенская церковь», была возведена прямо за частоколом Ново-Архангельска. В 1841 году для работы исключительно с тлинкитами был назначен монах-миссионер, деятельности которого на острове Ситка помогали епископ и священник, а также сотрудники Ново-Архангельской консистории. В апреле 1849 года церковь Святой Троицы была освящена. Но, к огорчению Вениаминова, создание «колошенской церкви» не привлекло значительного числа тлинкитов к православной вере⁴. Проблема отчасти состояла в том, что высокопоставленные тлинкиты-аристократы не желали посещать службы вместе с индейцами более низкого статуса, предпочитая присутствовать на праздничных службах в Михайловском соборе Ново-Архангельска — бок о бок с элитой РАК⁵. Недовольство тлинкитов таким разделением проявилось с особой остротой во время восстания в марте 1855 года, когда

¹ Вениаминов И.Е. Записки об островах Уналашкинского отдела. Т. 3. С. 130, 131, 134.

² Там же. С. 137—138.

³ Там же. С. 137.

⁴ Барсуков И.П. Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский. С. 238.

⁵ Kan S. Russian Orthodox Missionaries at Home and Abroad: The Case of Siberian and Alaskan Indigenous Peoples // Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia / Eds. R.P. Geraci and M. Khodarkovsky. Ithaca, N.Y.:

индейцы вторглись в церковь Святой Троицы, разграбили церковное имущество, включая ритуальные объекты и облачения, и использовали здание как прикрытие при обстреле позиции русских. В 1857 году церковь Святой Троицы была заново освящена, и с того времени русские стали ограничивать в нее доступ. Тлинкитским прихожанам разрешалось проходить в церковь Святой Троицы со стороны русского рынка группами по пятнадцать — двадцать человек¹.

Воспитание духовенства, говорящего на тлинкитском языке, и перевод на этот язык религиозных текстов были приоритетами для Вениаминова, но при отборе и обучении переводчиков и священников церковь столкнулась с многочисленными проблемами. Один за другим креольские юноши Емельян Молчанов, Иван Жуков и русский Иван Надеждин, считавшиеся перспективными кандидатами, хорошо начинали семинарию, но в результате были изгнаны с церковной службы². Разочарование, вызванное этими семинаристами, навело Вениаминова на мысль, что русским следовало бы купить у тлинкитов двух «малолетних калгов, и воспитывать их в семинарии»³, а Сергей Костливцов в начале 1860-х годов выражал надежду на появление кандидатов в священники из числа самих тлинкитов:

Я полагаю, что для действительного успеха в этом деле, независимо от проповедей миссионеров, необходимо готовить священников из детей инородцев, как это сделано между алеутами. Образование священников из самих калов [тлинкитов] принесет несомненную пользу: во-1-ых, тем, что такого рода лица, привыкшие с детства к образу жизни своих единоплеменников, будут переносить положение свое без всякого отягощения и не будут, подобно русским священникам, стремиться как бы скорее выехать в Россию, — и во 2-ых, тем, что зная русское и каловенное наречия, они успешнее миссионеров могут довершать, начатое последними, дело⁴.

Cornell University Press, 2001. P. 191; *Idem*. Memory Eternal. P. 143; Барсуков И.П. Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский. С. 204.

¹ *Кан* S. Memory Eternal. P. 142.

² Барсуков И.П. Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский. С. 283—284; *Кан* S. Memory Eternal. P. 130—133; Административные документы и письма высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа камчатского по управлению Камчатской епархией и местными духовно-учебными заведениями за 1846—1868 гг. Казань: Центральная типография, 1908. С. 379.

³ Барсуков И.П. Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский. С. 285.

⁴ Костливцов С.А. Отчет по обозрению Российско-Американских колоний, произведенному по распоряжению Господина Министра Финансов. СПб.: Типография департамента внешней торговли, 1863. С. 117—118.

Ревизор Костливец полагал, «что, получив воспитание в России и обеспеченные в жизни русским правительством, посредством жалованья и другого рода поощрений и пособий, пастыри эти будут лучшим правительственным органом для распространения между инородцами, как нравственно религиозного образования, так и понятий о покорности поставленным над ними властям, о выгоде оседлого общежития и хозяйства»¹. Однако плану Костливцова не суждено было осуществиться. Церкви не повезло также и с отцом Мисаилом, харизматичным миссионером, который работал с тлинкитами в период между 1841 и 1845 годами, но из-за серьезной болезни был вынужден вернуться в Евразию. После отъезда Мисаила число принявших христианство значительно сократилось: в том, что касалось организации миссионерской деятельности среди тлинкитов, Вениаминов так и не нашел подходящих кадров для осуществления своих амбициозных планов². В июне 1845 года он писал по поводу обращения тлинкитов в православие: «...иеромонах Мисаил, занимавшийся сим делом, по нездоровью своему, не мог действовать так, как бы хотелось; мне не приходится; а другие не могут, или не умеют»³. Были предприняты попытки переводов священных текстов, но они заняли больше времени, чем предполагалось, и не дали ожидаемого результата⁴. В целом усилия русских миссионеров среди тлинкитов остались напрасными вплоть до 1867 года.

ЕПАРХИЯ

Конечно, кроме тлинкитов, у епархии было много других забот. Прибытие епископа Иннокентия в сентябре 1841 года привело к интенсификации религиозной деятельности, которая продолжалась до середины 1850-х годов, когда Крымская война (1853—1856), нападение тлинкитов на Ново-Архангельск (1855) и перенос епархиального центра из Ново-Архангельска в Якутск (1858) поменяли приоритеты правительства, церкви и РАК. В 1840-х годах одним из приоритетов церкви являлось строительство. Сведения о более чем 10 тыс. христиан

¹ Там же. С. 118.

² *Кап S. Memory Eternal*. P. 124, 126.

³ *Барсуков И.П.* Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский. С. 221.

⁴ *Ivanov V. The Russian Orthodox Church of Alaska and the Aleutian Islands*. P. 19.

в Русской Америке, представленные Вениаминовым Синоду, давали епархии право возвести там восемь новых церквей¹. В программу строительства входили также жилье для епископа, здания консистории и семинарии (здание последней было готово в 1846 году) и довольно крупный собор Святого Михаила в Ново-Архангельске, освященный в мае 1850 года². Это строительство служило неоспоримым свидетельством важного положения церкви в колонии.

Другим приоритетом епархии было создание местного духовенства, священников, которые имели бы родственные связи с конкретными сообществами и регионом в целом. Подготовку и обучение будущих священников и диаконов предполагалось проводить в церковных училищах и семинариях. В конце 1841 года Вениаминов открыл в Ново-Архангельске духовное училище, набрав для начала двадцать три ученика из креолов и аборигенов³. В 1844 году это училище было объединено с духовным училищем Камчатки и послужило основой для Ново-Архангельской семинарии⁴.

Переводы проповедей Вениаминова на алеутско-лисьевский язык использовались в семинарии и распространялись в восточных поселениях алеутов. На Западных Алеутских островах использовались переводы Нецветова. Выполнялись переводы и на другие языки: среди прочих в 1848 году начали появляться книги на языке кадьякцев, а в 1850-х годах были начаты переводы священных книг на тлинкитский язык⁵. Процесс создания переводов, в котором аборигены принимали активное участие, способствовал их конверсии и аккультурации.

В учебной программе Ново-Архангельской семинарии изучению светских предметов уделялось значительно больше внимания, чем

¹ *Shalkop A.* The Russian Orthodox Church in America // *Russia's American Colony*. P. 198.

² *Arndt K.L., Pierce R.A.* A Construction History of Sitka, Alaska, as Documented in the Records of the Russian-American Company. 2nd ed. Sitka, Alaska: Sitka National Historical Park, 2003. P. 156, 186.

³ *Барсуков И.П.* Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский. С. 159.

⁴ *Okladnikova E.A.* Science and Education in Russian America // *Russia's American Colony*. P. 244—248; Административные документы и письма высокопреосвященного Иннокентия. С. 385.

⁵ Краткое историческое обозрение образования и действий Российско-Американской Компании с самого начала учреждения оной и до настоящего времени. СПб.: Литография Н. Диле, 1861. С. 99; *The Journals of Iakov Netsvetov: The Atkha Years, 1828—1844.* Kingston, Ont.: Limestone Press, 1980; *The Journals of Iakov Netsvetov: The Yukon Years, 1845—1863.* Kingston, Ont.: Limestone Press, 1984; *Ivanov V.* The Russian Orthodox Church of Alaska and the Aleutian Islands. P. 6—13.

в других православных семинариях России¹. Это было обусловлено тем, что церковь приспосабливалась к местным обстоятельствам и старалась сотрудничать с РАК. Колониальное начальство рассматривало семинарию как учреждение для образования не только духовенства, но и клерков, а также других специалистов, потому что в тот период это было единственное училище в колонии, в котором давалось среднее образование. Некоторые семинаристы даже не относились к православным — это были дети лютеранских работников РАК². Тем не менее *основная* задача семинарии все-таки заключалась в обучении священников из числа коренного населения. Так как Русская Америка являлась для России фронтиром, а российские колонисты желали продемонстрировать аборигенам преимущества европейской медицины и науки, креольские и аборигенные священнослужители получали медицинское образование, которое, впрочем, также носило миссионерский характер.

У самого Вениаминова сложилось двойственное впечатление о результатах работы Ново-Архангельской семинарии. С одной стороны, он неоднократно выражал озабоченность по поводу недостаточного уровня богословского образования, приобретенного даже самыми лучшими выпускниками семинарии. Уже весной 1848 года Вениаминов выражал тревогу относительно способностей учеников осваивать академическое содержание программы семинарии³. «Если судить по

¹ В учебный план Ново-Архангельской семинарии входили география, медицина, арифметика, а также богословие, катехизис и история церкви. Важную часть программы составляли языки: кроме языков коренных народов, преподавалась грамматика русского и (древне)славянского языков, а начиная с 1853 года — латынь и греческий. В программу также входили риторика и история. Об учебном плане Ново-Архангельской семинарии см.: *Arzhanukhin V. Russian Theological Schools in Alaska. Orthodox Research Institute*: http://www.orthodoxresearchinstitute.org/article/education/arzhanukhin_theological_schools.htm. Об учебной программе семинарий Российской империи см.: Проект Учреждения и Устава духовно-учебных заведений 1766 г. // Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII—XIX веках / Сост. С.В. Рождественский (Записки Историко-филологического факультета С.-Петербургского университета. Ч. ХСVI. Вып. I.) СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1910. С. 268—323.

² *Arzhanukhin V. Russian Theological Schools in Alaska.*

³ В мае 1848 года Вениаминов писал Протасову, что, за исключением детей духовенства, аборигены и креолы еще не готовы к обучению (см.: *Arzhanukhin V. Russian Theological Schools in Alaska*). В том же году Вениаминов отмечал: «...дети Камчатского духовенства, обучающиеся в нашей семинарии, хотя и надежны, но еще малы, а из туземцев и так называемых Креолов здешних, едва 50-й годится быть миссионером. Нет, чем дальше, тем виднее, что Креолы,

всей справедливости, и сравнительно с другими Семинариями, они не стоят первого разряда, — писал он пятью годами позже, — но не по поведению, а потому, что они не всему тому учились, чему учатся в прочих Семинариях»¹. Разочаровывающие академические показатели он связывал с трудностями привлечения хороших учителей из Евразии и с нехваткой среди коренного населения способных мальчиков, которые могли бы эффективно освоить учебную программу². Сам будучи человеком талантливым и образованным, Вениаминов, без сомнения, предъявлял к американским семинаристам высокие требования.

С другой стороны, Вениаминов был уверен, что выпускники Ново-Архангельской семинарии «практическую часть церковнослужения знают основательно» и «начав читать и говорить поучения в моей домово́й церкви каждодневно по очереди почти с самого вступления в третий класс и продолжая даже до ныне, они приобрели навык читать и говорить поучения внятно и хорошо... и, наконец, они медицину знают так, как полагаю ни в одной Семинарии не знают»³. «Например, — продолжал он, — анатомию они знают не только теоретически, но и практически, ибо не один раз вскрывали трупы, и если они дослушают весь курс медицины, предложенный г. преподавателем, то они в здешних местах весьма могут заменить посредственных лекарей»⁴. Принимая во внимание, насколько значимыми были на Аляске подобные навыки, это следует считать положительным результатом. Разумеется, такая практическая подготовка семинаристов приветствовалась РАК.

Как бы то ни было, в конце концов Ново-Архангельская семинария стала в каком-то смысле жертвой собственного успеха. Ново-Архангельск был центром огромной епархии, на сибирской территории которой проживало больше коренных жителей, чем на американской. Как ни парадоксально, внимание, оказанное Вениаминовым

по уму и характеру, далеко еще не то, что Русские. Они годятся только там, где требуется смышленность; и они могут действовать не иначе как *sub altera et bacula*, а самостоятельности в них еще долго дожидаться, и на поприще наук Риторика для них камень преткновения [преткновенения]» (см.: Барсуков И.П. Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский. С. 246—247).

¹ Письмо Иннокентия Н.А. Протасову, 23 мая 1853 г., Ново-Архангельск // Административные документы и письма высокопреосвященного Иннокентия. С. 379.

² См.: Вениаминов И.Е. Записки об островах Уналашкинского отдела. Т. 3. С. 117.

³ Там же.

⁴ Там же.

христианизации в Америке, вместе с финансированием РАК церковных проектов привело к тому, что христианизация американских аборигенов шла гораздо быстрее, чем восточносибирских. В конце 1850-х годов, когда Российская империя аннексировала Амурский край и значительно расширила и без того обширные территории епархии Вениаминова, это несоответствие еще более возросло. Имперское правительство попросило РПЦ бросить новые силы на миссионерскую деятельность в новоприобретенном крае. На Амуре проживало достаточно большое количество подданных-нехристиан, и эта территория, как и Приморье, в скором времени тоже вошедшее в состав Российской империи, относилась к культурному пространству, за которое Россия соперничала не только с Китаем, но и с другими империями — каждая из них стремилась увеличить свое влияние на Дальнем Востоке. Вениаминов, как и его начальство в Синоде, полагал, что перемещение семинарии с американского на азиатский берег Тихого океана будет прагматичным и полезным шагом. Небольшое количество церквей и миссий в Америке означало, что после того, как в 1840-е годы обучение прошло большое количество церковнослужителей, семинария там больше не требовалась. В сравнении с Америкой проблемы Сибири и Дальнего Востока — особенно только что аннексированного и нехристианизированного Амурского края — были гораздо более актуальными¹.

Вениаминов играл существенную роль в аннексии Амурского края. Николай Муравьев, генерал-губернатор Восточной Сибири и один из инициаторов присоединения Амура, считал архиепископа ценным политическим советником и не раз обращался к нему по вопросам общей стратегии. «Без преувеличения можно сказать, что два представителя духовной и светской власти вторично открыли не только Амур, но и весь северо-восточный край материка, — заметил один комментатор, — и в отношении последнего заслуги архиепископа даже превосходят заслуги генерал-губернатора»². В письме от 17 февраля 1851 года Муравьев просил Вениаминова, чтобы он направил своего сына, миссионера Гавриила Ивановича Вениаминова, работать среди «гиляков» (нивхов), так как «здесь дело христианское может много споспешествовать великой будущности России»³. «От меня отправля-

¹ Административные документы и письма высокопреосвященного Иннокентия. С. 37.

² Там же. С. ii—iii.

³ Там же. Примечание 17.

ется туда опять известный Вам Невельской, — добавлял Муравьев, — все еще под видом Американской Компании, которая впрочем ныне принимает там деятельное участие и возлагает на Невельского же все распоряжения и по своим делам»¹. В апреле 1853 года Гавриил Вениаминов был отправлен на Амур именно по решению своего отца². Итак, для достижения общей цели, заключающейся в присоединении Амурского края, строители империи на службе правительства, церкви и РАК работали сообща.

В письме от 11 сентября 1863 года Вениаминов описывал попытки католических миссионеров проникнуть на Амур и отмечал собственные усилия по увеличению числа православных миссионеров в этом регионе³. Вениаминов следил за политическими событиями в крае и сообщал о своем мнении: «Со всею вероятностью можно сказать, что лишь только мы оставим Амур (а мы должны будем оставить его, если китайцы не дозволят нам селиться на нем и плавать с большими ограничениями), то или американцы, или англичане немедленно завладеют им, — и уже не будут так вежливы с соседями нашими»⁴. Как для религиозных, так и для имперских чиновников нужды Амура стали в 1850-е и 1860-е годы гораздо более неотложными, чем нужды Русской Америки.

С учетом возраставшей важности Амура для империи неудивительно, что Вениаминов настаивал на перемещении центра епархии, семинарии и значительной части церковной деятельности из Америки в Евразию. В письме Протасову в июне 1853 года, задолго до того, как Россия аннексировала Амурский край, он указывал, что в Ново-Архангельске слишком мало учеников, стремящихся попасть в число духовенства, чтобы оправдать наличие там училища с исключительно богословской учебной программой. Принимая во внимание тот факт, что в столице Русской Америки еще не было училища для детей служащих в компании почетных лиц, Вениаминов отмечал: было бы более разумным учредить общее училище «для детей духовных и светских-почетных, вроде гимназии с 5-ю или 6-ю классами,

¹ Административные документы и письма высокопреосвященного Иннокентия. Примечание 18.

² Барсуков И.П. Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский. С. 322.

³ Административные документы и письма высокопреосвященного Иннокентия. С. 232—233.

⁴ Барсуков И.П. Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский. С. 322.

т.е. такое, из которого бы ученики по окончании учения в оном могли поступать — светские прямо в последний класс гимназии, например, в С.-Петербурге, а духовные — в семинарию в Якутске»¹. Он полагал, что предметы для программы этого училища должны были бы выбираться не духовно-учебным управлением, а ГП РАК в Петербурге:

Ибо как дом для училища, содержание его и учеников, так и жалование нескольким учителям должно быть не иначе, как на счет Компании и потому от нее предварительно зависит дать большее или меньшее значение сему училищу по числу и важности наук, какие в нем будут преподаваться и проч. И духовно-учебное Управление к соображениям по сему предмету приступить может, по мнению моему, не ранее, как когда вопрос этот будет решен Главным правлением или по крайней мере не иначе, как в одно и то же время и по общему согласию Вашего Сиятельства и Компании².

Соображения о том, что учебные заведения Русской Америки должны в первую очередь учитывать интересы РАК и давать ученикам практические навыки, которые будут полезными компании, многие десятилетия фигурировали в письмах светских чиновников колонии³. Позиция Вениаминова была примечательна тем, что церковный чиновник соглашался с мнением светских. Высказывая заботу о почетных служащих РАК, он отмечал, что те, не имея возможности обучать своих детей в Ново-Архангельске «по своему желанию, принуждены для того высылать их в Россию слишком в раннем возрасте или выезжать сами, что весьма невыгодно и для них, и для компании»⁴. В своих расчетах Вениаминов дипломатично учитывал интересы церкви, империи и компании и пытался гармонизировать их, насколько это было возможно.

В более отдаленных частях американской колонии Вениаминов предлагал «иметь небольшие училища при самых миссиях», чтобы ученики-аборигены не забывали свои родные языки⁵. Лучших из них

¹ Письмо Иннокентия Н.А. Протасову, 1 июня 1853 г., Ново-Архангельск // Административные документы и письма высокопреосвященного Иннокентия. С. 37.

² Там же. С. 38.

³ См., например: РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 838. Л. 3.

⁴ Письмо Иннокентия Н.А. Протасову, 1 июня 1853 г., Ново-Архангельск // Административные документы и письма высокопреосвященного Иннокентия. С. 37.

⁵ Там же. С. 40.

он предлагал по достижении ими шестнадцати- или семнадцатилетнего возраста отправлять в семинарию в Якутск «на два или на три года не более, для выслушания богословских наук... и потом возвращать на места их родины на службу при миссиях. Я сказал не более 2 или 3 лет потому, чтобы во-первых они не могли забыть своего родного языка и во-вторых не слишком привыкли к неродному им климату и пище, которой они на местах своей родины не в состоянии будут иметь, — а главное, чтобы не могли совсем потерять простоты своих нравов и принять обычаи и привычки чуждые им и вредные их краю»¹. Успешным примером надлежащего обучения коренного духовенства Вениаминов считал Якова Нецветова. Креол Нецветов получил начальное образование в колонии, а затем, выехав в Сибирь со своим отцом, провел несколько лет в Иркутской семинарии². Мнение Вениаминова, что аляскинских мальчиков, готовившихся к вступлению в духовенство, не стоило посылать в Евразию на более длительный срок, чем было необходимо, согласовывалось с его взглядами на цель и порядок проведения миссионерской деятельности.

Наставление, данное Вениаминовым в 1853 году русскому миссионеру, отправлявшемуся в Америку, показывает, что именно считал архиепископ необходимым для миссионера, желавшего обратиться аборигенов в православие³. Чтобы сделать идеи христианства понятными и привлекательными для потенциального новообращенного, а также чтобы убедить его и заставить прочувствовать, что христианство — это потребность и отрада, которая взывает главным образом к сердцу, необходимо, настаивал Вениаминов, соблюдать особый порядок презентации. Порядок обучения должен соответствовать порядку, данному в святых писаниях. Не случайно, толковал Вениаминов, до писаного закона Моисея и закона Евангелия Бог представил человечеству неписаное естественное право⁴.

Вениаминов заверял кандидата в миссионеры, что необращенные аборигены обладают врожденным пониманием этого естественного права. Итак, рассуждал архиепископ, если миссионер будет озвучивать истины естественного права, он, несомненно, заслужит уважение

¹ Письмо Иннокентия Н.А. Протасову, 1 июня 1853 г., Ново-Архангельск // Административные документы и письма высокопреосвященного Иннокентия. С. 40—41.

² Там же. С. 40.

³ Instructions from Bishop Innocent Veniaminov to Hieromonk Theophan, 1853 // *Alaskan Missionary Spirituality* / Ed. M. Oleksa. NY, 2010. P. 238—251.

⁴ Ibidem. P. 241.

аборигенной аудитории. Его задачей останется указать на несовершенное состояние мира, управляемого законами естественного права, и тем самым обосновать необходимость жертвоприношения Христа. Стремясь показать, таким образом, что христианство является логическим следствием естественного права, Вениаминов хотел, чтобы обращение выглядело для коренных жителей Аляски как естественный шаг. Его наставление говорит о том, как он понимал аборигенную аудиторию и как стремился мотивировать миссионеров под своим руководством.

После выделения особой епархии, в состав которой входила Русская Америка, финансовая поддержка церкви со стороны РАК увеличилась. Компания платила жалованье священникам, финансировала церковное строительство, брала на себя дорожные расходы чиновников церкви, перевозку материалов и корреспонденции в пределах колонии, а также между Русской Америкой и континентальной Россией¹. Вениаминов оценивал денежные затраты компании на церковные нужды в период между 1840 и 1859 годами в сумму более чем 230 тыс. рублей, или 12 тыс. рублей в год. Кроме того, РАК предоставляла семинаристам субсидированное питание, а церковным чиновникам — возможность путешествовать на борту своих судов². Финансировала РАК и перемещение семинарии из Ново-Архангельска в Якутск, выделив судно для путешествий между Ново-Архангельском и Аянм. После этого переезда РАК приобрела здание, в котором прежде размещалась семинария, за выгодную для церкви цену³. В свою очередь, церковь вложила в акционерную компанию некоторый капитал и получала от него доходы⁴. Таким образом, взаимное сотрудничество было выгодно обоим учреждениям. Церковь рассматривала колонию как пространство для обращения аборигенов-нехристиан. Компания же считала, что ее поддержка церкви важна, так как поможет убедить правительство империи продлить полномочия РАК в Русской Америке, т.е. оставить компанию своим подрядчиком.

¹ РГИА. Ф. 787. Оп. 96. Д. 56.

² Письмо Иннокентия С.Н. Урусову, 18 сентября 1859 г., Якутск // Административные документы и письма высокопреосвященного Иннокентия. С. 142.

³ Краткое историческое обозрение образования и действий Российско-Американской Компании. С. 81—82.

⁴ ARCA. Container D346. On reel 226. Folio 514; Письмо Иннокентия С.Н. Урусову, 18 сентября 1859 г., Якутск // Административные документы и письма высокопреосвященного Иннокентия. С. 142—143; Краткое историческое обозрение образования и действий Российско-Американской Компании. С. 92—97.

Но все же церковь и компания не всегда сотрудничали в период после 1840 года. Интересы учреждений иногда шли вразрез друг с другом, особенно в финансовых вопросах. Акционерная компания с неохотой оплачивала или субсидировала церковные проекты, когда они не приносили ей прямой выгоды. В 1846 году главный правитель Михаил Тебенков жаловался на приток церковных кадров в Ново-Архангельск, ссылаясь на трудности обеспечения их питанием. Он рекомендовал ГП РАК лоббировать перемещение семинарии и всего центра епархии на территорию Евразии¹. В 1850 году ГП РАК сообщало обер-прокурору, что, несмотря на запрос со стороны Вениаминова на образование новых миссий, некоторые части Аляски, где аборигены оставались «не только от Компании независимыми, но отчасти и враждебными», для этого не подходили². Компания ссылалась на вредное влияние со стороны британцев, проникавших на внутренние территории Аляски со стороны Юкона, и чукчей, пересекавших Берингов пролив, чтобы торговать с коренными жителями Аляски, как на причину враждебности со стороны некоторых индейцев по отношению к русским. Кроме того, компания сетовала на высокую стоимость содержания миссий. В заключение ГП РАК прямо предлагало обер-прокурору сосредоточить миссионерскую деятельность на Чукотке вместо Аляски, доказывая, что организация миссии среди чукчей окажет благоприятный эффект как там, так и в Америке³. В целом понятно, что РАК проявляла более выраженную готовность удовлетворять интересы церкви, когда они совпадали с ее собственными, как, например, в самом начале 1840-х годов, когда шли переговоры об уставе компании.

В письме обер-прокурору от 25 апреля 1844 года Вениаминов приносил главного правителя Этолина и РАК за то, что они построили в Ново-Архангельске архиерейский дом и обеспечивали отопление и освещение в нем, а также выделили епископу прислугу и снабжали питанием. Вениаминов отмечал, что «и на самое продовольствие мое здесь я очень много получаю из собственных его [Этолина] запасов»⁴. В данном случае Вениаминов еще раз демонстрировал свое мастерство по налаживанию связи между интересами церкви, компании

¹ NARS-RRAC. CS. Roll 26. Folios 430—432.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 19. Д. 42968. Л. 2 об.

³ Там же. Л. 3—3 об.

⁴ Барсуков И.П. Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский. С. 209—210.

и государства. Он отмечал, что, увидев дом епископа, посетители Ново-Архангельска, в том числе и иностранцы, несомненно, оценят благотворительность РАК и поймут, насколько компания предана целям государства и одновременно внимательна к продвижению христианской веры¹. Автор просил Синод представить Этолина к соответствующей награде за его содействие церковным делам².

Открытие семинарии, новых миссий и школ позволило церкви обучать духовенство из числа представителей коренного населения (преимущественно креолов, позже — аборигенов), тем самым закладывая основы для коренизации православия в последующие десятилетия. Но коренизация православной веры была все же следствием, а не непосредственной целью реформ 1840-х годов, которые были проведены русскими в первую очередь для того, чтобы колониальное население стало частью населения империи. Православная церковь на Аляске стала по-настоящему аборигенной, когда оказалась под управлением Соединенных Штатов и когда те члены православного духовенства, которых в Русской Америке называли креолами, были классифицированы американскими властями как аборигены. Со временем в некоторых аборигенных сообществах Аляски православная вера начала играть роль важной составляющей аборигенной идентичности и национализма.

Российские христианские миссионеры продолжали присутствовать на Аляске вплоть до 1917 года³. Однако после перехода Аляски под американскую юрисдикцию само значение их деятельности изменилось и аляскинские аборигены стали воспринимать их по-другому. Главное изменение было в том, что православным миссионерам из России больше не нужно было оправдывать тот колониальный строй, который обеспечивал их деятельность до 1867 года, — напротив, теперь они могли стать защитниками аборигенов Аляски от новых колонизаторов. Таким образом, после того как Аляска стала колонией Соединенных Штатов, русские миссионеры превратились в союзников аборигенного сопротивления против американского колониализма. Между 1867 и 1917 годами как деятельность, так и образ православной церкви на Аляске были трансформированы.

¹ О построении в Новоархангельске Архиерейского дома и об отпуске суммы на ремонтное содержание онаго дома. 20 января 1844 г., письмо Иннокентия Н.А. Протасову // РГИА. Ф. 796. Оп. 125. Д. 1271. Л. 2 об.

² Там же.

³ Русская Америка: по личным впечатлениям. С. 191—253.

Новейшие события всегда бросают тень на восприятие общественностью тех или иных предыдущих исторических событий. Однако приход на Аляску американского колониального правления не должен стереть память о той колониальной системе, которая имела там место до 1867 года. Когда Аляска принадлежала Российской империи, православное христианство было тесно связано не с коренизацией, а с обрусением. Вениаминов лично и церковь как учреждение ошутимо способствовали проекту ассимиляции аборигенов и креолов Аляски с принятием ими российских культурных и политических норм. Российская империя рассматривала в качестве своего приоритета задачу продвижения православия среди аборигенного населения на востоке — в тех областях, которые она считала стратегически важными и в то же время активно оспариваемыми ее имперскими соперниками. Сокращение ресурсов на церковное строительство и миссионерскую деятельность на Аляске в 1850-е и 1860-е годы сигнализировало об упадке интереса российских элит к американской колонии, что и увенчалось ее продажей Соединенным Штатам Америки.

Заключение

ЗНАЧЕНИЕ СОБЫТИЙ 1867 ГОДА

На краткой встрече с императором Александром II, состоявшейся 16 (28) декабря 1866 года в здании Министерства иностранных дел на Дворцовой площади, присутствовало пять чиновников: великий князь Константин, брат и близкий советник императора, руководивший в те годы военно-морским флотом; Александр Горчаков, министр иностранных дел; Михаил Рейтерн, министр финансов; Николай Краббе, исполнявший обязанности министра военно-морского флота, и Эдуард фон Стёкль, посланник России в Вашингтоне. Все они, хотя и с разной степенью уверенности, сходились во мнении, что Аляску следует продать Соединенным Штатам Америки. Наиболее горячие аргументы в пользу такого решения приводили великий князь и министр иностранных дел. Итоги дискуссии убедили Александра II приказать Стёклю начать тайные переговоры о продаже с государственным секретарем Соединенных Штатов. Хотя имперское правительство ранее проводило консультации на данную тему с ГП РАК, директора компании не были осведомлены об этой судьбоносной встрече¹.

Основным доводом в пользу продажи Русской Америки являлось осознание того, что заморская колония слишком уязвима. Петербург воспринимал российскую колонию в Америке как удаленный от Евразии субъект, который едва ли было бы возможно защитить в случае военного конфликта с Великобританией или Соединенными Штатами². Еще в 1830-х годах будущий адмирал Федор Литке писал (и эти

¹ *Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834—1867. М.: Наука, 1990. С. 188, 190, 192.

² Там же. С. 194, 316—319. Российские чиновники опасались потерять Аляску даже в мирное время — например, в случае, если бы там было найдено крупное месторождение золота и новости об этом открытии получили бы широкое распространение. Имперское правительство сомневалось, что РАК могла бы противостоять наплыву тысяч иностранных золотоискателей. Для подобных опасений существовали основания: в 1862 году распространившиеся в Британской Колумбии слухи о залежах золота на реке Стикин привели в ее устье суда с сотнями людей на борту: *Окин S.B.* The Russian-American Company. New York: Octagon Books, 1979 [original 1951]. P. 249; *Гринев А.В.* Россия, Великобритания и США на Тихоокеанском Севере в середине XIX в.: соперничество и сотрудничество // ИРА. Т. 3. С. 186.

слова в настоящей книге уже цитировались), что «Ново-Архангельск по положению своему, конечно, не может быть укреплен так, чтобы противостоять нападению сильного фрегата, если не будет иметь для своей защиты военного судна; но какое же другое место можно здесь укрепить так надежно средствами компании? Я думаю, что никакого»¹. Уязвимость Ново-Архангельска остро чувствовалась во время Крымской войны, когда северо-западное побережье Америки, в отличие от азиатского побережья России, избежало нападений вражеского флота благодаря секретному договору между РАК и Гудзонбейской компанией. Упорство тлинкитов, которые в течение десятилетий защищали свою независимость и противостояли гегемонии РАК в Юго-Восточной Аляске, тоже сыграло роль. Тлинкитская оппозиция замедляла ход колонизации и увеличивала расходы российского колониализма на побережье Северной Америки. Тлинкиты нанесли заметный урон амбициозным планам экспансии российского колониального проекта в самом начале XIX века, в правление Александра I, а тщетные усилия компании обратить тлинкитов в «союзников России» привели в конечном итоге к большим убыткам².

Стоит, однако, заметить, что с точки зрения обороны российская колония в Америке находилась в опасном положении с самого начала своего существования и временами это положение было гораздо более рискованным, чем в декабре 1866 года. Что же могло подтолкнуть императора к принятию решения о продаже именно в тот момент? Всерьез дискуссии между представителями высшего эшелона российской власти о возможном уходе России из Северной Америки начались в 1857 году, вскоре после завершения Крымской войны, хотя сама идея зародилась раньше. Конфиденциальные беседы на эту тему участились в конце 1859 и в 1860 году. В тот момент идея о возможной продаже Аляски Соединенным Штатам даже была озвучена в Вашингтоне российским послом, но вопрос отложили, так как внимание американской стороны сконцентрировалось на начавшейся длительной и изнурительной Гражданской войне (1861—1865) — идея о переходе Аляски в собственность США могла быть поставлена на повестку дня только после ее завершения³.

¹ Литке Ф.П. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин» в 1826—1829 годах. СПб.: Типография III Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1835. С. 330.

² Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. С. 141.

³ Там же. С. 116—118.

По завершении Гражданской войны отношения между Российской империей и Соединенными Штатами были особенно дружескими¹. Они основывались на общих интересах и общем противостоянии с Великобританией, основным геополитическим соперником России в Евразии и Соединенных Штатах в Северной Америке². Расположение России к Соединенным Штатам сопровождалось укреплением убеждения среди высших чиновников Российской империи, что с течением времени США, несомненно, распространят свою власть на всю территорию североамериканского континента. Это убеждение подкреплялось докладами, приходившими в Петербург из российского посольства в Вашингтоне. Таким образом, российские чиновники были уверены в эффективности популярной в то время доктрины «явного предназначения» (*Manifest Destiny*), сторонники которой предполагали, что Соединенные Штаты, восстановив силы после завершения Гражданской войны, быстрыми темпами займут территорию континента. Чиновники сделали соответствующий вывод о последствиях доктрины для малонаселенной и неадекватно защищенной североамериканской колонии России³. Они приходили к мысли, что лучше вовремя продать колонию, которая давно не являлась для российской казны прибыльной и представляла трудности с точки зрения организации ее обороны, чем позже потерять ее в результате военного захвата. Плюсом было и то, что Россия могла выбрать покупателя и получить в результате сделки хоть какую-то прибыль. Переход Аляски во владение Соединенных Штатов смещал геополитический баланс на североамериканском континенте, создавая для враждебной Великобритании неприятную дилемму касательно судьбы ее колоний в Канаде. В этом смысле сближение с США сопровождалось тактическим ходом против интересов Британской империи⁴. Кроме этого, Россия, избавляясь от потенциального бремени, получала возможность занять более выгодную позицию для укрепления своих владений на Дальнем Востоке⁵. Руководствуясь

¹ Там же. С. 170—172.

² *Окин S.B.* The Russian-American Company. P. 257.

³ *Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения и продажа Аляски. С. 111, 117, 202.

⁴ Там же. С. 114.

⁵ О том, как принималось решение о продаже Аляски, см.: *Gibson J.R.* The Sale of Russian America to the United States // *Russia's American Colony* / Ed. S.F. Starr. Durham, N.C.: Duke University Press, 1987. P. 271—294; *Гринеv A.B.* Российский политаризм как главная причина продажи Аляски // *Acta Slavica*

подобными соображениями, часть ведущих государственных деятелей Российской империи убедили себя, а главное императора, в том, что продажа Аляски — это здравое решение¹.

Таким образом, с точки зрения Российского государства, а точнее, его представителей, которые занимались вопросами строительства империи, решение продать Аляску выглядело логичным стратегическим шагом. Уход с североамериканского континента означал для этих людей скорее новое направление для имперских амбиций России, чем капитуляцию: они считали, что России необходимо направить силы на укрепление своих недавних территориальных приобретений на азиатском берегу Тихого океана. Укрепление позиции в Евразии более соответствовало долгосрочной стратегии России, чем продолжение эксперимента с заморским колониализмом. Как показал сам факт инициации продажи, Аляска, с точки зрения государственных деятелей России, не являлась неотъемлемой частью Российской империи — многие рассматривали заморскую колонию в качестве уязвимого и дорогостоящего предприятия. Прецедент продажи североамериканских земель, считавшихся невыгодными для колониальной эксплуатации, был создан еще в 1841 году, во времена правления Николая I, когда Российско-Американская компания (разумеется, предварительно уведомив имперское правительство и получив с его стороны полное одобрение) передала колонию Росс в руки частного покупателя². К 1860-м годам период ажиотажа вокруг пушного промысла на Аляске давно миновал, а империя в целом находилась в сложном финансовом положении. Хотя по сравнению с соображениями обороны и безопасности финансовый аспект играл в принятии решения по Аляске меньшую роль, все же и он был немаловажен: после Крымской войны Российская империя занялась полной переоценкой своих активов, а чиновники принялись сокращать расходы. Некоторые должностные лица, самым влиятельным из которых был великий князь Константин, рассматривали Аляску

Iaponica. 2006. Vol. 23. P. 171—202; *Vinkovetsky I.* Why Did Russia Sell Alaska? // *Ibidem*. P. 202—210.

¹ *Bolkhovitinov N.N.* The Sale of Alaska in the Context of Russo-American Relations in the Nineteenth Century // *Imperial Russian Foreign Policy* / Ed. and trans. by H. Ragsdale. New York: Woodrow Wilson Center Press and Cambridge University Press, 1993. P. 211.

² *Истомин А.А.* Россия и Калифорния: русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях, 1803—1850: В 2 т. М.: Наука, 2005. Т. 1. С. 103—108.

как источник не только политических, но и финансовых проблем¹. Желая видеть континентальную империю более последовательно организованной и модернизированной, они активно работали над тем, чтобы избавиться от ее «аномальной» заморской составляющей.

Продажа колонии была стратегическим решением, принятым чиновниками на высшем уровне, однако неправильно было бы воспринимать такой шаг как неизбежный и предопределенный. Без стечения некоторых обстоятельств — в их числе приезд посланника Эдуарда Стёкла в Петербург в конце 1866 года — продажа Аляски Соединенным Штатам могла бы и не состояться. РАК управляла колонией почти шесть десятилетий и могла бы продолжать это делать, если бы российское правительство втайне от компании не решило продать колонию. Даже в случае ликвидации Российско-Американской компании правительство могло принять решение сохранить колонию. Прибыль, получаемая империей благодаря заморскому колониализму — главным образом благодаря пушному промыслу, — с течением лет пошла на спад, но колония была способна предоставить метрополии и другие ресурсы. Аляска оставалась уязвимой перед лицом возможной атаки со стороны британцев или американцев, но то же самое можно было сказать и относительно всего российского Дальнего Востока — в декабре 1866 года подобная атака не была невозможной. Таким образом, с точки зрения петербургской элиты, продажа Аляски Соединенным Штатам, что обсуждалось в кулуарах власти в течение нескольких лет, являлась обдуманном решением.

Продажа Аляски представляла собой часть Великих реформ — наряду с военными, финансовыми и социальными преобразованиями в конце 1850-х и в 1860-х годах. Один из ключевых уроков, извлеченных ведущими государственными деятелями России из итогов Крымской войны, состоял в том, что слабость Российской империи была в ее излишней протяженности и недостаточной структурной согласованности. Укрепление империи проводилось посредством существенной реорганизации и модернизации. Как колониальное владение, отделенное водами океана от основной территории страны, Аляска едва ли могла избежать внимания реформаторов. Размер расходов на нетипичный для России заморский колониализм потряс их. Малонаселенная и, как им казалось, крайне уязвимая заморская колония, пушной промысел которой находился далеко не в лучшем

¹ Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. С. 105.

состоянии, являлась слабым и, главное, анахроничным звеном в цепи российской континентальной империи, которую они надеялись создать. С точки зрения правительства, Великие реформы 1860-х годов преследовали цель дать империи-государству более рациональную основу. В коридорах власти, на страницах журналов и газет заморская колония и колониальная компания, управляющая ею, все больше представлялись как анахронизм.

Широкое обсуждение деятельности Российско-Американской компании в конце 1850-х — начале 1860-х годов, которое частично было доступно публике, и решение продать Аляску в 1867 году — это два разных события, которые не следует путать. Кампания по дискредитации РАК, которая велась не только в коридорах правительственных органов, но и в петербургской прессе, заслуживает внимания, так как она подорвала заинтересованность государства в судьбе РАК, выявила ряд слабых сторон компании и привлекла внимание к уязвимости заморской колонии, что в итоге помогло создать условия для последующей продажи Аляски. Дискуссии об уставе РАК, проходившие в начале 1860-х годов, были гораздо более прозрачными и публичными, чем те, которые сопровождали формирование ее предыдущих уставов в 1810—1820-х и 1840-х годах. Так же как обсуждение ранних уставов отражало политические реалии правления Александра I и Николая I, дискуссии по поводу последнего устава РАК велись под влиянием событий правления Александра II. Эти дискуссии проходили в беспрецедентной атмосфере оживленности и открытости в российской прессе, когда газетным изданиям разрешили говорить о проблемах более откровенно, чем было возможно при прежних монархах. Конечно, у открытых дискуссий имелись известные пределы и любая критика правительства должна была быть конструктивной и сдержанной. И все же уровень общественного диалога в правление Александра II, когда впервые стал использоваться термин «гласность», сильно отличался от предшествующих и последующих эпох. Гласность XIX века, подобно ее варианту XX века, применялась избирательно, и некоторые заинтересованные лица умели использовать ее в своих целях лучше других. Многие ключевые решения, включая решение о продаже Аляски, были сделаны небольшой группой чиновников за закрытыми дверями. Тем не менее рамки допустимого диалога в эти годы были раздвинуты, и Российско-Американская компания атаковалась и защищалась публично, часто на страницах ведущих газетных и журнальных изданий того времени, прежде всего — на страницах журнала «Морской сборник».

«Морской сборник» инициировал значительную часть публичных дискуссий, которые сопровождали начало эпохи Великих реформ, и был одним из наиболее передовых и популярных журналов того времени¹. В годы, когда судьба устава РАК и будущее Русской Америки бурно обсуждались публикой, «Морской сборник» уделял компании и колонии особенно много внимания. Руководил журналом великий князь Константин, управлявший Морским министерством от имени своего брата-императора, так что журнал едва ли был непредвзятым. С одной стороны, «Морской сборник» печатал материалы, в которых показывались различные точки зрения на колонию и компанию, но с другой — делал обсуждение необъективным, представляя некоторые материалы в отцензуренной и сокращенной форме. Константин был активным сторонником как ликвидации Российско-Американской компании, так и продажи Аляски, и редакционная повестка дня отражала этот уклон².

Кампания по оспариванию права РАК на управление Аляской, несколько лет продолжавшаяся на страницах «Морского сборника» и других журналов, осуществлялась главным образом во имя экономического либерализма, а также мнимого гуманизма по отношению к коренному населению Аляски. При этом РАК изображалась как пережиток монополистических привилегий и крепостного права³. Эксклюзивное право Российско-Американской компании на колонию и ее ресурсы ставилось под вопрос и характеризовалось некоторыми комментаторами как экономически несостоятельное и социально несправедливое. Также доказывалось, что РАК шла не в ногу с реформами, происходившими в империи.

Особое внимание в этой полемике уделялось отношениям РАК с коренным населением колонии. Критики находили, что методы управления аборигенами, используемые Российско-Американской компанией, несут регрессивный характер: компания сравнивалась с перестроившимся помещиком дореформенного времени в эпоху, когда закрепощение стало в России неприемлемым⁴. Любопытно, что

¹ *Lincoln W.B.* The Great Reforms: Autocracy, Bureaucracy, and the Politics of Change in Imperial Russia. DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 1990. P. 46.

² *Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения и продажа Аляски. С. 104—105, 135—136.

³ *Головин П.Н.* Обзор русских колоний в Северной Америке // Морской сборник. 1862. Т. 57. № 3. Современное обозрение. С. 136.

⁴ *Зеленой И.* Из записок о кругосветном плавании, 1861—1864 годы: Окончание // Морской сборник. 1865. Т. 80. № 9. Неофициальный отдел. С. 56.

одновременно РАК предъявлялись претензии и в том, что ее правление носит слишком патерналистский характер, поскольку ее чиновники обращаются с алеутами как с детьми, неспособными принимать собственные решения¹.

Не менее опасная для РАК критика основывалась на утверждении, что компания ставит свои коммерческие интересы выше интересов империи. На страницах «Морского сборника» один из критиков РАК, креол Александр Кашеваров, капитан первого ранга, который ранее работал на компанию и был свидетелем условий жизни, сложившихся в колонии, обвинял компанию в том, что она рассматривала Русскую Америку скорее как свое частное владение, чем как составную часть империи². Поскольку заморская колония представляла собой уникальное для Российской империи явление, РАК была уязвима перед этой критикой и потому была вынуждена постоянно уверять правительство, что ее интересы всегда были согласованы с интересами империи.

Эти горячие дебаты в петербургской и московской прессе происходили в полном отрыве от реальности Русской Америки и часто — под влиянием местных, совсем не американских событий. Реальные условия жизни в колонии фигурировали в подобных дискуссиях только в опосредованной, а иногда и в чисто символической форме. Как хорошо известная монополия, РАК вызывала предсказуемую критику со стороны экономических либералов, которые находили злой умысел практически во всем, что она делала. В этих дискуссиях не имело особого значения, были ли алеуты действительно закрепощены или нет, — важным было мнение общественности об их закрепощении. Основной целью идеологических оппонентов монополии было ослабление Российско-Американской компании и восстановление в заморской колонии режима так называемой свободной торговли.

Публичные обвинения, выдвинутые против компании, а также предположения, что какой-либо другой способ управления лучше отвечал бы интересам империи, оказали заметное влияние на то, как РАК и колония начали восприниматься в Петербурге. Компания оказалась способна создать эффективную линию защиты и добилась утверждения правительством своего нового устава. Однако следствием

¹ Кашеваров А. Ф. Ответ на замечания главного правления Российско-Американской Ко. // Морской сборник. 1862. Т. 62. № 9. Неофициальный отдел. С. 167.

² Там же.

дебатов в начале 1860-х годов по поводу условий этого устава стала хорошая осведомленность петербургских чиновников о сложностях обороны отдаленной колонии в случае потенциального иностранного вторжения — и победа РАК вскоре была аннулирована решением правительства о продаже Аляски.

Внезапное завершение русского колониального проекта в Северной Америке в 1867 году затрудняет понимание как потенциала этого проекта, так и системы его функционирования. На первый взгляд, проданная колония была неудачным колониальным проектом, результатом эксцентричного эксперимента, не увенчавшегося успехом. Эта единственная заморская колония континентальной империи, связанная контрактом с полунезависимой компанией, с самого начала воспринималась как аномальный субъект. Российско-Американская компания, созданная специально для того, чтобы заимствовать западноевропейские модели, распространять российский империализм на заморские территории и создавать российскую версию заморского колониализма, представляла собой непростой альянс между торговыми кругами и правительством, который менялся с годами. Уставы РАК смещали баланс влияния между кланами вкладчиков и государственными чиновниками.

На протяжении многих лет контроль над управлением компанией все больше и больше концентрировался в руках правительственных бюрократов, в то время как торговые круги маргинализировались и вытеснялись. Хотя с годами РАК стала менее гибкой в качестве средства территориальной экспансии и коммерческого предпринимательства в Северной Америке, тем не менее в поздний период своего существования она оставалась эффективным представителем российского империализма на азиатском Дальнем Востоке. С азиатской стороны Тихого океана эффективность РАК как подрядчика имперского строительства и имперской эксплуатации была продемонстрирована ее краткосрочным участием в проектах экспансии на Сахалине и в Амурском крае, а также ее постоянной ролью в продвижении и представлении имперской власти во всей Северо-Восточной Азии.

В качестве подрядчика российского империализма РАК оказалась довольно благоразумной инвестицией. Парадоксально, что именно успешная деятельность этой компании в Азии облегчила правительству задачу решения судьбы Русской Америки и привела к ликвидации самой РАК. С самого начала как правительство Российской империи, так и РАК были более заинтересованы в получении торгового доступа в Китай и Японию, чем в колониализме на берегах Северной Америки.

После территориальных приобретений на азиатском Дальнем Востоке в 1858—1860 годах и благодаря растущему интересу России к Маньчжурии Русская Америка выглядела еще более периферийной и маргинальной, чем прежде. Понятно, что российская элита считала порт Владивостока стратегически более важным, чем порт Ново-Архангельска. Таким образом, в период после завершения «опиумных» войн в Китае РАК выполнила свою главную геополитическую задачу — по перенаправлению имперской экспансии России на азиатский Дальний Восток — и тем самым невольно помогла разрушить само основание для существования колонии в Северной Америке.

Заинтересованность Российской империи в заморском колониализме никогда не была значительной. Даже во времена успешной добычи меха морских животных сначала Григорию и Наталье Шелиховым, как и Николаю Резанову, а позже директорам РАК приходилось упорно отстаивать замыслы территориальной экспансии в Северной Америке, к которым в правительственных кабинетах столицы относились скептически. После периода золотой лихорадки в Калифорнии и Крымской войны политическая элита Российской империи сделала вывод, что заморская колония не стоит инвестиций и риска. Тем не менее, несмотря на негативное впечатление о колонии, произведенное ее внезапной продажей, заморская колониальная система России в годы ее функционирования была удивительно гибкой. Осознавая, что традиционные методы континентального империализма не подходят к заморскому краю, российские чиновники, ответственные за эту часть империи, выработали для нее новый набор колониальных стратегий. Некоторые из этих стратегий были заимствованы у соперников России, накопивших более обширный опыт колониальной деятельности в Новом Свете.

Заморская колониальная система России отличалась от систем имперского контроля на континентальных территориях страны не только потому, что была заморской, но и потому, что в ней действовали беспрецедентные для России механизмы, созданные специально для условий колонии. Эти механизмы касались административного управления, системы организации труда и безопасности. В результате была выработана гибридная форма колониализма: с набором практик, перенесенных из Евразии — и особенно из Восточной Сибири, — а также с рядом адаптаций и импровизаций, связанных с влиянием колониальных моделей Западной Европы.

Российско-Американская компания с ее сибирскими и купеческими корнями, сочетавшимися с инновациями, заимствованными

у иностранных колониальных компаний, была наиболее очевидным проявлением гибридности и избирательной адаптации. Роль, отведенная империей военно-морскому флоту в Русской Америке, тоже являлась важной адаптацией: ни в одном другом крае России морские офицеры не представляли государственную власть в местном правлении, в то время как в структуры РАК офицеры флота Российской империи были вовлечены. Благодаря той роли, которую империя возложила на Адмиралтейство, корабли российского флота стали регулярно совершать длительные кругосветные путешествия, по-новому соединяя запад и восток империи. Самым амбициозным морским офицерам страны, а также ученым и художникам маршрут от Кронштадта до Ново-Архангельска предоставлял возможность необходимой тренировки в проведении подобных путешествий, да и сам по себе этот маршрут был ареной для культурных и научных наблюдений. Но когда пришло время расстаться с Русской Америкой, Адмиралтейство не восприняло продажу Аляски как трагедию — напротив, сдача Ново-Архангельска высвобождала ресурсы для более интенсивного развития порта во Владивостоке. С точки зрения Адмиралтейства, эксперимент в Русской Америке был необходим для роста влияния российского флота на Дальнем Востоке России.

Североамериканская заморская колония начала XIX века, где русские колонисты, как предполагалось, должны были пребывать только на временной основе, определяемой условиями их контрактов с компанией, играла роль обособленной имперской лаборатории. Несмотря на то что в 1867 году эта лаборатория внезапно прекратила свое существование, эксперименты в области колониального управления, проведенные там, продолжали давать плоды для продвижения российского империализма.

Экологические и экономические особенности пушного промысла радикально отличали колониальную систему Русской Америки от тех, что были в континентальной Российской империи, с одной стороны, и в западноевропейских колониальных империях, с другой. Основой для постройки и функционирования этой системы были калан и морской котик. Если бы не капитал в виде меха этих морских животных, русские промышленники не предпринимали бы усилий для освоения Алеутских островов и Аляски, Российско-Американская компания не была бы образована, а работники алеуты и кадьякцы не были бы мобилизованы в охотничьи партии, которые произвели экологический

переворот в Тихом океане¹. Резкий спад численности этих животных заставил РАК реорганизовать колониальную систему, но не отказаться от нее.

Если в XVIII веке россияне *продвинули Сибирь* на Алеутские острова и на Аляску, то в XIX веке они перестроили заморские владения России в Новом Свете по образу более современного варианта колониализма. Подобное развитие было бы невозможно без кругосветных путешествий, которые поменяли организацию и структуру заморского колониализма России и изменили отношения между россиянами и коренным населением колонии. В более широком смысле опыт Русской Америки XIX века как жизнеспособной, но уязвимой заморской колонии способствовал превращению России из эксклюзивно континентально-династической империи-государства в более гибридно-колониальную. Последующее вторжение России в Туркестан, колониальный регион, отделенный от основной части Российской империи протяженным «заменителем океана», подтверждало, что подобное превращение завершилось. Таким образом, опыт российской заморской колонии, которая адаптировала стратегии, методы управления и экономические расчеты западноевропейского колониализма, соединив их с евразийской практикой, показывал, что русский империализм был способен к удивительной гибкости и изобретательности.

И сегодня, спустя много лет после ликвидации РАК и сокращения численности калана, Аляска продолжает занимать наше воображение как кладезь неисчерпаемых ресурсов — стратегическая «топливная цистерна» и территория возможностей для компаний и инвесторов. Аляска достаточно велика для того, чтобы поддерживать многие мифы, и русский миф о «потерянной колонии» сосуществует здесь с американским мифом о безграничном «последнем фронтире».

¹ См. об этом: Jones R.T. *Empire of Extinction: Russians and the North Pacific's Strange Beasts of the Sea, 1741—1867*. New York; Oxford, Eng.: Oxford University Press, 2014.

Избранная литература

Следующий ниже список представляет собой не библиографию, а перечень работ, на которые стоит, на мой взгляд, обратить особое внимание при изучении Русской Америки в историческом контексте. Все источники, использованные в этой книге, указаны в ссылках. Библиографию в более традиционном смысле читатель может найти в «Истории Русской Америки» (Т. 1. С. 377—435; Т. 3. С. 498—528) и в справочнике «Кто есть кто в истории Русской Америки», составленном Андреем Гриневым (С. 656—670).

Первый раздел списка включает вторичную литературу, причем здесь перечислены далеко не все, а лишь некоторые наиболее показательные работы специалистов, приложивших, особенно в недавнее время, усилия к переосмыслению истории Русской Америки и ее коренного и пришлого населения.

В следующем разделе представлены в основном недавние публикации, посвященные вопросам империи и колониализма, а также экологии и экономики. Здесь упоминаются исследования конкретных империй, например Британской и Испанской, а кроме того, работы, описывающие взаимодействие между колонизаторами и коренными жителями, особенно в Северной Америке и на Тихом океане.

Вслед за этим достаточно общим и широким списком приведены ссылки на ряд работ, освещающих указанные вопросы в контексте именно Российской империи. Перечисление таких работ могло бы быть очень длинным, однако моя цель — представить лишь короткую, выборочную библиографию тех исследований, которые так или иначе помогли мне сформировать подход к тематике этой книги.

В самом конце списка находится совсем уж небольшой перечень ключевых работ жанра так называемой новой истории североамериканского Запада — выше, в предисловии к книге, я упоминал об этом жанре. Моей задачей здесь является дать представление о таких ключевых историках западно-североамериканского колониализма, как Вильям Кронон, Патриция Лимерик и Ричард Уайт, чьи работы уже стали классическими.

О Русской Америке, американской Аляске и коренных народах

- Алексеева Е.В.* Русская Америка. Американская Россия? Екатеринбург: УрО РАН, 1998.
- Альперович М.С.* Россия и Новый Свет (последняя треть XVIII века). М.: Наука, 1993.
- Болховитинов Н.Н.* Становление русско-американских отношений. М.: Наука, 1966.
- Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения, 1815—1832. М.: Наука, 1975.
- Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834—1867. М.: Наука, 1990.
- Болховитинов Н.Н.* Россия открывает Америку, 1732—1799. М.: Международные отношения, 1991.
- Болховитинов Н.Н.* Континентальная колонизация Сибири и морская колонизация Аляски: сходство и различие // *Acta Slavica Iaponica*. 2003. Vol. 20. P. 109—125.
- Гринев А.В.* Индейцы тлинкиты в период Русской Америки (1741—1867 гг.). Новосибирск: Наука, 1991.
- Гринев А.В.* Некоторые тенденции в отечественной историографии и российской колонизации Аляски // *Вопросы истории*. 1994. № 11. С. 163—167.
- Гринев А.В.* Колониальный политаризм в Новом Свете // *Этнографическое обозрение*. 1996. № 4. С. 52—64.
- Гринев А.В.* Американская эпопея Александра Баранова // *Вопросы истории*. 2000. № 8. С. 153—159.
- Гринев А.В.* Роль государства в образовании Российско-Американской компании // *Русское открытие Америки: Сборник статей, посвященный 70-летию академика Н.Н. Болховитинова* / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: РОССПЭН, 2002. С. 437—450.
- Гринев А.В.* Великий князь Константин Николаевич и продажа Аляски // *Петербургская историческая школа*. СПб., 2004. № 3. С. 157—179.
- Гринев А.В.* Немцы в истории Русской Америки // *Американский ежегодник*, 2002. М.: Наука, 2004. С. 180—198.
- Гринев А.В.* Российский политаризм как главная причина продажи Аляски // *Acta Slavica Iaponica*. 2006. No. 23. P. 171—202.
- Гринев А.В.* Этнический состав пришлого населения Русской Америки // *Этнографическое обозрение*. 2007. № 3. С. 86—100.

- Гринев А.В.* Колониальные граждане Русской Америки: проблема формирования постоянного русского населения в Новом Свете // Американский ежегодник, 2006. М.: Наука, 2008. С. 179—210.
- Гринев А.В.* Кто есть кто в истории Русской Америки. М.: Академия, 2009.
- Ермолаев А.Н.* Временный комитет и особый совет Российско-американской компании: контролирующие или совещательные органы (1803—1844)? // Американский ежегодник, 2000. М.: Наука, 2002. С. 232—249.
- Ермолаев А.Н.* Главное правление Российско-американской компании: состав, функции, взаимоотношения с правительством, 1799—1871 // Американский ежегодник, 2003. М.: Наука, 2005. С. 271—292.
- Ермолаев А.Н.* Российско-американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке. Кемерово: Практика, 2013.
- Зорин А.В.* Российско-американская компания и тлинкиты в начале XIX века // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 170—172.
- Зорин А.В.* Индейская война в Русской Америке: русско-тлинкитское военное противостояние. Курск, 2002.
- Истомин А.А.* Начало создания «общих селений» на острове Кадьяк в Русской Америке (1839—1842 гг.) // Этнографическое обозрение. 1998. № 5. С. 108—123.
- Истомин А.А.* О колониальном политаризме, латиноамериканском «феодализме» и некоторых аспектах отношения к аборигенам в Русской Америке // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 89—109.
- История Русской Америки, 1732—1867 / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов: В 3 т. М.: Международные отношения, 1997—1999.
- Климент (Капалин), митрополит.* Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года. М.: OLMA, 2009.
- Ляпунова Р.Г.* Очерки этнографии алеутов. Л.: Наука, 1975.
- Ляпунова Р.Г.* Алеуты: очерки этнической истории. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1987.
- Макарова Р.В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968.
- Окунь С.Б.* Российско-Американская компания. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939.
- Петров А.Ю.* Образование Российско-американской компании. М.: Наука, 2000.
- Петров А.Ю.* Деятельность Российско-американской компании накануне продажи Аляски США, 1858—1867 гг. // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 31—50.
- Петров А.Ю.* Российско-американская компания: деятельность на отечественном и зарубежном рынках, 1799—1867. М.: ИВИ РАН, 2006.
- Петров А.Ю.* Наталия Шелихова у истоков Русской Америки. М.: Весь Мир, 2012.

- Питерская Е.С.* Креолы Аляски в свете процессов межкультурного взаимодействия // Этнографическое обозрение. 2007. № 6. С. 94—104.
- Постников А.В.* Русская Америка в географических описаниях и на картах, 1741—1867 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
- Россия в Калифорнии: русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях, 1803—1850 / Сост. А.А. Истомин, Дж.Р. Гибсон, В.А. Тишков: В 2 т. М.: Наука, 2005. Т. 1.
- Русская Америка и Дальний Восток: конец XVIII в. — 1867 г. / Ред. А.Р. Артемьев. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2001.
- Федорова С.Г.* Русское население Аляски и Калифорнии: конец XVIII века — 1867 год. М.: Наука, 1971.
- Anóoshi Lingít Aani Ká: Russians in Tlingit America: The Battles of Sitka, 1802 and 1804 / Eds. N.M. Dauenhauer, R. Dauenhauer and L.T. Black. Seattle: University of Washington Press, 2007.
- Arndt K.L., Pierce R.A.* A Construction History of Sitka, Alaska, as Documented in the Records of the Russian-American Company. 2nd ed. Sitka, Alas.: Sitka National Historical Park, 2003.
- Bancroft H.H.* History of Alaska. San Francisco: A.L. Bancroft, 1886.
- Black L.T.* Atka: An Ethnohistory of the Western Aleutians / Ed. R.A. Pierce. Kingston, Ont.: Limestone Press, 1984.
- Black L.T.* Russians in Alaska, 1732—1867. Fairbanks, Alas.: University of Alaska Press, 2004.
- Bolkhovitinov N.N.* The Beginnings of Russian-American Relations, 1775—1815 / Transl. E. Levin. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1975.
- Bolkhovitinov N.N.* The Sale of Alaska in the Context of Russo-American Relations in the Nineteenth Century // Imperial Russian Foreign Policy / Ed. and transl. H. Ragsdale. New York: Woodrow Wilson Center Press and Cambridge University Press, 1993. P. 193—215.
- Boyd R.T.* Demographic History, 1774—1874 // Handbook of North American Indians. Washington, D.C.: Smithsonian Institution, 1990. Vol. 7. Northwest Coast. P. 135—148.
- Boyd R.T.* Commentary on Early Contact-Era Smallpox in the Pacific Northwest // Ethnohistory. 1996. Vol. 43. No. 2 (Spring). P. 307—328.
- Crossroads of Continents: Cultures of Siberia and Alaska / Eds. W.W. Fitzhugh and A. Crowell. Washington, D.C.: Smithsonian Institution, 1988.
- Crowell A.L.* Archaeology and the Capitalist World System: A Study from Russian America. New York: Plenum Press, 1997.

- Dauenhauer N.M., Dauenhauer R.* Haa Shuká, Our Ancestors: Tlingit Oral Narratives. Seattle: University of Washington Press, 1987.
- Dean J.R.* «Uses of the Past» on the Northwest Coast: The Russian American Company and Tlingit Nobility, 1825—1867 // *Ethnohistory*. 1995. Vol. 42. No. 2 (Spring). P. 265—302.
- Dmytryshyn B.* The Administrative Apparatus of the Russian-American Company, 1798—1867 // *Canadian-American Slavic Studies*. 1994. Vol. 28. No. 1 (Spring). P. 1—52.
- Fortune R.* Chills and Fever: Health and Disease in the Early History of Alaska. Fairbanks: University of Alaska Press, 1989.
- Gibson J.R.* Imperial Russia in Frontier America: The Changing Geography of Russian America, 1784—1867. New York: Oxford University Press, 1976.
- Gibson J.R.* Tsarist Russia in Colonial America: Critical Constraints // *The History of Siberia: From Russian Conquest to Revolution* / Ed. A. Wood. London: Routledge, 1991. P. 92—116.
- Gibson J.R.* Otter Skins, Boston Ships, and China Goods: The Maritime Fur Trade of the Northwest Coast, 1785—1841. Seattle: University of Washington Press, 1992.
- Gough B.M.* Distant Dominion: Britain and the Northwest Coast of North America, 1579—1809. Vancouver: University of British Columbia Press, 1980.
- Gough B.M.* Gunboat Frontier: British Maritime Authority and Northwest Coast Indians, 1846—1890. Vancouver: University of British Columbia Press, 1984.
- Gregory [Afonsky], bishop.* History of the Orthodox Church in Alaska (1794—1917). Kodiak: St. Herman's Seminary Press, 1977.
- Grinev A.V.* Russian Award Medals for the Natives of Alaska // *Native American Studies*. 2004. Vol. 18. No. 2. P. 21—31.
- Grinev A.V.* The Tlingit Indians in Russian America, 1741—1867 / Transl. R.L. Bland and K.G. Solovjova. Lincoln: University of Nebraska Press, 2005.
- Gross J.J.* Ethnohistory of the Aleut. Anchorage: Alaska Historical Commission, 1980.
- Haycox S.* Alaska: An American Colony. Seattle: University of Alaska Press, 2002.
- Hinckley T.C.* The Americanization of Alaska, 1867—1897. Palo Alto, Calif.: Pacific Books, 1967.
- Ivanov V.* The Russian Orthodox Church of Alaska and the Aleutian Islands and Its Relation to Native American Traditions: An Attempt at a Multicultural Society, 1794—1912. Washington, D.C.: Library of Congress, 1997.
- Jackson C.I.* Fort Yukon: The Hudson's Bay Company in Russian America // *The Hakluyt Society Annual Lecture*. London: The Hakluyt Society, 2005.
- Jensen R.J.* The Alaska Purchase and Russian-American Relations. Seattle and London: University of Washington Press, 1975.

- Jones D.K.* A Century of Servitude: Pribilof Islands under U.S. Rule. Lanham, Md.: University Press of America, 1980.
- Jones R.T.* Empire of Extinction: Russians and the North Pacific's Strange Beasts of the Sea, 1741—1867. Oxford and New York: Oxford University Press, 2014.
- Kan S.* Symbolic Immortality: The Tlingit Potlatch of the Nineteenth Century. Washington, D.C.: Smithsonian Institution Press, 1989.
- Kan S.* The Sacred and the Secular: Tlingit Potlatch Songs Outside the Potlatch // American Indian Quarterly. 1990. Vol. 14. No. 4 (Fall). P. 355—367.
- Kan S.* Shamanism and Christianity: Modern-Day Tlingit Elders Look at the Past // Ethnohistory. 1991. Vol. 38. No. 4 (Fall). P. 363—388.
- Kan S.* Clan Mothers and Godmothers: Tlingit Women and Russian Orthodox Christianity, 1840—1940 // Ethnohistory. 1996. Vol. 43. No. 4 (Fall). P. 613—641.
- Kan S.* Memory Eternal: Tlingit Culture and Russian Orthodox Christianity through Two Centuries. Seattle: University of Washington Press, 1999.
- Laguna F. de.* The Story of a Tlingit Community: A Problem in the Relationship between Archeological, Ethnographical, and Historical Methods. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1960.
- Laguna F. de.* Under Mt. St. Elias: The History and Culture of the Yakutat Tlingit: 3 vols. Washington, D.C.: Smithsonian Institution Press, 1972.
- Luehrmann S.* Russian Colonialism and the Asiatic Mode of Production: (Post)Soviet Ethnography Goes to Alaska // Slavic Review. 2005. Vol. 64. No. 4 (Winter). P. 851—871.
- Luehrmann S.* Alutiiq Villages under Russian and U.S. Rule. Fairbanks: University of Alaska Press, 2008.
- Matthews O.* Glorious Misadventures: Nikolai Rezanov and the Dream of a Russian America. New York: Bloomsbury, 2013.
- O'Grady A.* From the Baltic to Russian America, 1829—1836: The Journey of Elisabeth von Wrangell / Ed. R.A. Pierce. Kingston, Ont.: Limestone Press, 2001.
- Olson W.M.* The Tlingit: An Introduction to Their Culture and History. Auke Bay, Alas.: Heritage Research, 1991.
- Pierce R.A.* Russia's Hawaiian Adventure, 1815—1817. Berkeley: University of California Press, 1965.
- Pierce R.A.* Builders of Alaska: The Russian Governors, 1818—1867. Kingston, Ont.: Limestone Press, 1986.
- Pierce R.A.* Russian America: A Biographical Dictionary. Kingston, Ont.: Limestone Press, 1990.
- Russia's American Colony / Ed. S.F. Starr. Durham: Duke University Press, 1987.
- Through Orthodox Eyes: Russian Missionary Narratives of Travels to the Dena'ina and Ahtna, 1850s — 1930s / Ed. A.A. Znamenski; transl. with an introduction by A.A. Znamenski. Fairbanks: University of Alaska Press, 2003.

- Townsend J.B.* Ranked Societies of the Alaskan Pacific Rim // *Senri Ethnological Studies*. 1980. Vol. 4. P. 123—156.
- Wheeler M.E.* The Origins of the Russian-American Company // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1966. B. 14. Nr. 4 (December). S. 485—494.
- Worl R.* Ethnohistory of Southeastern Alaska Indians: Tlingit, Haida, and Tsimshian. Anchorage: Alaska Historical Commission, 1980.
- Znamenski A.A.* Shamanism and Christianity: Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820—1917. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1999.
- Znamenski A.A.* History with an Attitude: Alaska in Modern Russian Patriotic Rhetoric // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2009. Nr. 57. S. 346—372.

О колониализме и империях

- Abernethy D.B.* The Dynamics of Global Dominance: European Overseas Empires, 1415—1980. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2000.
- Bayly C.A.* The British and Indigenous Peoples, 1760—1860: Power, Perception and Identity // *Empire and Others: British Encounters with Indigenous Peoples, 1600—1850* / Eds. M. Daunton, R. Halpern. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1999. P. 19—41.
- Bayly C.A.* The Birth of the Modern World, 1780—1914. Malden, Mass.: Blackwell Publishing, 2004.
- Berkhofer R.F., Jr.* The White Man's Indian: Images of the American Indian from Columbus to the Present. New York: Alfred A. Knopf, 1978.
- Betts R.F.* Europe Overseas: Phases of Imperialism. New York: Basic Books, 1968.
- Brown J.S.H.* Strangers in Blood: Fur Trade Company Families in Indian Country. Vancouver: University of British Columbia Press, 1980.
- Burbank J., Cooper F.* Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2010.
- Bush B.* Imperialism and Postcolonialism. Harlow, UK: Pearson Longman, 2006.
- Cain P.J., Hopkins A.G.* Gentlemanly Capitalism and British Expansion Overseas. I. The Old Colonial System, 1688—1850 // *The Economic History Review*. New Series. 1986. Vol. 39. No. 4 (November). P. 501—525.
- Colás A.* Empire. Cambridge: Polity Press, 2007.
- Cooper F.* Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History. Berkeley: University of California Press, 2005.
- Crosby A.W.* Ecological Imperialism: The Biological Expansion of Europe, 900—1900. 2nd ed. New York; Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Darwin J.* Unfinished Empire: The Global Expansion of Britain. London; New York: Allen Lane, 2012.

- Dening G.* Beach Crossings: Voyaging Across Times, Cultures, and Self. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2004.
- Doyle M.W.* Empires. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1986.
- Fisher R.* Contact and Conflict: Indian-European Relations in British Columbia, 1774—1890. 2nd ed. Vancouver: University of British Columbia Press, 1992.
- Galbraith J.S.* Hudson's Bay Company as an Imperial Factor, 1821—1869. Berkeley: University of California Press, 1957.
- Headrick D.R.* The Tools of Empire: Technology and European Imperialism in the Nineteenth Century. New York: Oxford University Press, 1981.
- Headrick D.R.* When Information Came of Age: Technologies of Knowledge in the Age of Reason and Revolution, 1700—1850. New York: Oxford University Press, 2000.
- Howe S.* Empire: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Hurtado A.L.* Indian Survival on the California Frontier. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1988.
- Hyam R.* Understanding the British Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Igler D.* The Great Ocean: Pacific Worlds from Captain Cook to the Gold Rush. Oxford; New York: Oxford University Press, 2013.
- Imperial Rule / Eds. A. Miller, A.J. Rieber. Budapest: Central European University Press, 2004.
- Innis H.A.* The Fur Trade in Canada: An Introduction to Canadian Economic History. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1930.
- Jones S.R.H., Ville S.P.* Efficient Transactors or Rent-Seeking Monopolists? The Rationale for Early Chartered Trading Companies // The Journal of Economic History. 1996. Vol. 56. No. 4 (December). P. 898—915.
- Kennedy P.* The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. New York: Random House, 1987.
- Mackie R.S.* Trading Beyond the Mountains: The British Fur Trade on the Pacific, 1793—1843. Vancouver: University of British Columbia Press, 1997.
- Martin C.* Keepers of the Game: Indian-Animal Relationships and the Fur Trade. Berkeley: University of California Press, 1978.
- Martin J.* Treasure of the Land of Darkness: The Fur Trade and Its Significance for Medieval Russia. New York: Cambridge University Press, 1986.
- Matsuda M.R.* Pacific Worlds: History of Seas, Peoples, and Cultures. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2012.
- Meinig D.W.* The Shaping of America: A Geographical Perspective on 500 Years of History. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1995. Vol. 2: Continental America, 1800—1867.

- Mignolo W.D.* The Darker Side of the Renaissance: Literacy, Territoriality, and Colonization. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1995.
- Miller A.* The Value and the Limits of a Comparative Approach to the History of Contiguous Empires on the European Periphery // *Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire* / Ed. K. Matsuzato. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2007. P. 19—32.
- Native American Testimony: An Anthology of the Indian and White Relations: First Encounter to Dispossession* / Ed. P. Nabokov. New York: Harper & Row, 1978.
- Osterhammel J.* Colonialism: A Theoretical Overview / Transl. S.L. Frisch. Princeton, N.J.: Markus Wiener Publishers, 1997.
- Osterhammel J.* The Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century / Transl. P. Camiller. Princeton: Princeton University Press, 2014.
- Perdue P.C.* China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press, 2005.
- Pomeranz K., Topik S.* The World That Trade Created: Society, Culture, and the World Economy, 1400 to the Present. 3rd ed. Armonk, N.Y.; London: M.E. Sharpe, 2013.
- Rawls J.J.* Indians of California: The Changing Image. Norman: University of Oklahoma Press, 1984.
- Ray A.J.* Indians in the Fur Trade: Their Role as Trappers, Hunters, and Middlemen in the Lands Southwest of Hudson Bay, 1660—1870. Toronto: University of Toronto Press, 1974.
- Richards J.F.* The Unending Frontier: An Environmental History of the Early Modern World. Berkeley: University of California Press, 2001.
- Rogin M.P.* Fathers and Children: Andrew Jackson and the Subjugation of the American Indian. New York: Knopf, 1975.
- Tensions of Empire: Colonial Cultures in a Bourgeois World* / Eds. F. Cooper and A. Stoler. Berkeley: University of California Press, 1997.
- Thomas N.* Colonialism's Culture: Anthropology, Travel, and Government. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1994.
- Thomas N.* Cook: The Extraordinary Voyages of Captain James Cook. Toronto: Viking Canada, 2003.
- Van Kirk S.* Many Tender Ties: Women in Fur-Trade Society, 1670—1870. Norman: University of Oklahoma Press, 1983.
- Walker B.L.* The Conquest of Ainu Lands: Ecology and Culture in Japanese Expansion, 1590—1800. Berkeley: University of California Press, 2001.
- Weber D.J.* Bárbaros: Spaniards and Their Savages in the Age of Enlightenment. New Haven: Yale University Press, 2006.
- Wolf E.R.* Europe and the People without History. Berkeley: University of California Press, 1982.

О Российской империи в контексте: имперская политика и мировоззрение, имперские окраины

- Ауст М., Вульпиус Р., Миллер А.* Предисловие: роль трансферов в формировании образа и функционировании Российской империи (1700—1917) // *Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700—1917)* / Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 5—13.
- Вахтин Н., Головкин Е., Швайцлер П.* Русские старожилы Сибири: социальные и символические аспекты самосознания. М.: Новое издательство, 2004.
- Вишленкова Е.* Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- Долбилов М.* Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
- История Сибири: В 3 т. Л.: Наука, 1968.*
- Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / Пер. с немецкого С. Червонной. М.: Прогресс-Традиция, 1997.
- Копелев Д.Н.* На службе Империи: немцы и Российский флот в первой половине XIX века. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Русские промышленные и торговые компании. СПб.: Типография В.С. Балашев и К°, 1899.
- Миллер А.* Империя Романовых и национализм. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Миронов Б.Н.* Социальная история России периода Империи (XVIII — начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.
- Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока: имперская география власти XIX — начала XX в. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2004.
- Ремнев А.В.* Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: колониализм без министерства колоний — русский «Sonderweg»? // *Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи*. С. 150—181.
- Сандерланд В.* Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // *Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи*. С. 105—149.
- Сибирь в составе Российской империи* / Сост. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

- Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия: современное положение Сибири, ея нужды и потребности, ея прошлое и будущее. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1882.
- Armstrong J.A.* Mobilized Diaspora in Tsarist Russia: The Case of the Baltic Germans // *Soviet Nationality Policies and Practices* / Ed. J.R. Azrael. New York: Praeger, 1978. С. 63—104.
- Barratt G.* Russia in Pacific Waters, 1715—1825: A Survey of the Origins of Russia's Naval Presence in the North and South Pacific. Vancouver: University of British Columbia Press, 1981.
- Barratt G.* Russian Shadows on the British Northwest Coast of North America. Vancouver: University of British Columbia Press, 1983.
- Barratt G.* Russia and the South Pacific: 3 vols. Vancouver: University of British Columbia Press, 1988.
- Bassin M.* Expansion and colonialism on the eastern frontier: views of Siberia and the Far East in pre-Petrine Russia // *Journal of Historical Geography*. 1988. Vol. 14. No. 1. P. 3—21.
- Bassin M.* Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century // *The American Historical Review*. 1991. Vol. 96. No. 3 (June). P. 763—794.
- Bassin M.* Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space // *Slavic Review*. 1991. Vol. 50. No. 1 (Spring). P. 1—17.
- Bassin M.* Turner, Solov'ev, and the «Frontier Hypothesis»: The Nationalist Signification of Open Spaces // *Journal of Modern History*. 1993. Vol. 65. No. 3 (September). P. 473—511.
- Bassin M.* Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840—1865. New York: Cambridge University Press, 1999.
- Brower D.R.* Turkestan and the Fate of the Russian Empire. London: Routledge, 2003.
- Burbank J.* An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire // *Kritika*. 2006. Vol. 7. No. 3 (Summer). P. 397—431.
- Demuth B.* More Things on Heaven and Earth: Modernism and Reindeer in Chukotka and Alaska // *Northscapes: History, Technology, and the Making of Northern Environments* / Eds. D. Jørgensen and S. Sörlin. Vancouver: UBC Press, 2013. P. 174—194.
- Geyer D.* Russian Imperialism: The Interaction of Domestic and Foreign Policy, 1860—1914 / Transl. B. Little. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1987.

- Gibson J.R.* Feeding the Russian Fur Trade: Provisionment of the Okhotsk Seaboard and the Kamchatka Peninsula, 1639—1856. Madison: University of Wisconsin Press, 1969.
- Gorizontov L.* The «Great Circle» of Interior Russia: Representations of the Imperial Center in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries // *Russian Empire /* Eds. J. Burbank, M. von Hagen and A. Remnev. P. 67—93.
- The History of Siberia: From Russian Conquest to Revolution /* Ed. A. Wood. London: Routledge, 1991.
- Hosking G.* Russia: People and Empire. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997. [Русский перевод: *Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552—1917) /* Пер. с англ. Смоленск: Русич, 2000.]
- Imperial Russia: New Histories for the Empire /* Eds. J. Burbank, D.L. Ransel. Bloomington: Indiana University Press, 1998.
- Imperial Russian Foreign Policy /* Ed. and trans. H. Ragsdale. New York: Woodrow Wilson Center Press and Cambridge University Press, 1993.
- Kaiser R.J.* The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1994.
- Kappeler A.* Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. Munich: C.H. Beck, 1992.
- Khodarkovsky M.* Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500—1800. Bloomington: Indiana University Press, 2002.
- Knight N.* Science, Empire, and Nationality: Ethnography in the Russian Geographical Society, 1845—1855 // *Imperial Russia /* Eds. J. Burbank and D.L. Ransel. P. 108—141.
- LeDonne J.P.* The Russian Empire and the World: The Geopolitics of Expansion and Containment. New York: Oxford University Press, 1997.
- Lieven D.* Empire: The Russian Empire and Its Rivals. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2000.
- Morrison A.* Russian Rule in Samarkand, 1868—1910: A Comparison with British India. New York: Oxford University Press, 2008.
- Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia /* Eds. R.P. Geraci, M. Khodarkovsky. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2001.
- Russian Empire: Space, People, Power, 1700—1930 /* Eds. J. Burbank, M. von Hagen, and A. Remnev. Bloomington: Indiana University Press, 2007.
- Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700—1917 /* Eds. D.R. Brower, E.J. Lazzarini. Bloomington: Indiana University Press, 1997.
- Sahadeo J.* Russian Colonial Society in Tashkent, 1865—1923. Bloomington: University of Indiana Press, 2007.

- Slezkine Y.* Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1994. [Русский перевод: *Слезкин Ю.* Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М., 2008.]
- Stephan J.J.* The Russian Far East: A History. Stanford: Stanford University Press, 1994.
- Sunderland W.* Russians into Yakuts? «Going Native» and Problems of Russian National Identity in the Siberian North, 1870s — 1914 // *Slavic Review*. 1996. Vol. 55. No. 4 (Winter). P. 806—825.
- Sunderland W.* Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2004.
- Sunderland W.* Imperial Space: Territorial Thought and Practice in the Eighteenth Century // *Russian Empire* / Eds. J. Burbank, M. von Hagen and A. Remnev. P. 33—66.
- Suny R.G.* The Empire Strikes Out: Imperial Russia, «National» Identity, and Theories of Empire // *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin* / Eds. R.G. Suny, T. Martin. New York: Oxford University Press, 2001. P. 23—66. [Русский перевод: *Суни Р.Г.* Империя как таковая: имперская Россия, «национальная» идентичность и теории империи // *Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина* / Ред. Р.Г. Суни, Т. Мартин. М., 2011. С. 31—87.]
- Vinkovetsky I.* Circumnavigation, Empire, Modernity, Race: The Impact of Round-the-World Voyages on Russia's Imperial Consciousness // *Ab Imperio*. 2001. Nos. 1—2. P. 191—210.
- Werth P.W.* From Resistance to Subversion: Imperial Power, Indigenous Opposition, and their Entanglement // *Kritika*. 2000. Vol. 1. No. 1 (Winter). P. 21—43.
- Werth P.W.* At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827—1905. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2002.
- Werth P.W.* The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia. Oxford; New York: Oxford University Press, 2014.
- Wortman R.* Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1995. Vol. 1: From Peter the Great to the Death of Nicholas I. [Русский перевод: *Уортман Р.* Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. Т. I. М., 2004.]
- Wortman R.* Texts of Exploration and Russia's European Identity // *Russia Engages the World, 1453—1825* / Ed. С.Н. Whittaker. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003. P. 90—117.

Новая история североамериканского запада

- Cronon W.* Changes in the Land: Indians, Colonists, and the Ecology of New England. Revised ed. New York: Hill and Wang, 2003.
- Hämäläinen P.* The Comanche Empire. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2008.
- Hyde A.F.* Empires, Nations and Families: A New History of the North American West, 1800—1860. Lincoln: University of Nebraska Press, 2011.
- Klein K.L.* Frontiers of Historical Imagination: Narrating the European Conquest of Native America, 1890—1990. Berkeley: University of California Press, 1997.
- Limerick P.* The Legacy of Conquest: The Unbroken Past of the American West. New York: W.W. Norton, 1987.
- Limerick P.* The Adventures of the Frontier in the Twentieth Century // The Frontier in American Culture / Ed. J.R. Grossman. Berkeley: University of California Press, 1994. P. 66—102.
- Merrell J.H.* The Indians' New World: Catawbas and Their Neighbors from European Contact through the Era of Removal. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1989.
- Nash G.D.* Creating the West: Historical Interpretations, 1890—1990. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1991.
- The Oxford History of the American West / Eds. C.A. Milner II, C.A. O'Connor, M.A. Sandweiss. New York: Oxford University Press, 1994.
- Phillips G.H.* Indians and Intruders in Central California, 1769—1849. Norman: University of Oklahoma Press, 1993.
- Podruchny C.* Making the Voyageur World: Travelers and Traders in the North American Fur Trade. Toronto: University of Toronto Press, 2006.
- Raibmon P.S.* Authentic Indians: Episodes of Encounter from the Late Nineteenth-Century Northwest Coast. Durham, N.C.: Duke University Press, 2005.
- Salisbury N.* Manitou and Providence: Indians, Europeans, and the Making of New England, 1500—1643. New York: Oxford University Press, 1982.
- Uncommon Ground: Rethinking the Human Place in Nature / Ed. W. Cronon. New York: W.W. Norton, 1995.
- Under an Open Sky: Rethinking America's Western Past / Eds. W. Cronon, G. Miles, J. Gitlin. New York: W.W. Norton, 1992.
- Usner D.H.* Indians, Settlers, and Slaves in a Frontier Exchange Economy: The Lower Mississippi Valley before 1783. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1992.
- White R.* The Roots of Dependency: Subsistence, Environment, and Social Change among the Choctaws, Pawnees, and Navajos. Lincoln: University of Nebraska Press, 1983.

White R. The Middle Ground: Indians, Empires, and Republics in the Great Lakes Region, 1650—1815. New York: Cambridge University Press, 1991.

Worster D. Rivers of Empire: Water, Aridity, and the Growth of the American West. New York; Oxford, UK: Oxford University Press, 1992.

Приложение

Директора Главного правления РАК (1799—1871)

- 1799—1827: купец 1-й гильдии, надворный советник М.М. Булдаков (первенствующий директор)
- 1799—1802: купец 1-й гильдии Д.Н. Мыльников
- 1799—1801: купец 1-й гильдии Я.Н. Мыльников
- 1799—1802: купец 2-й гильдии, коммерции советник С.А. Старцов
- 1802—1806: купец 2-й гильдии, коммерции советник Е.И. Деларов
- 1802—1807: купец (вероятно, 2-й гильдии) И.П. Шелихов
- 1804—1805: надворный советник М.А. Кусовников
- 1807—1824: купец 1-й гильдии, надворный советник В.В. Крамер
- 1812—1846: купец 1-й гильдии, коммерции советник А.И. Северин
- 1823—1844: купец 1-й гильдии, коммерции советник И.В. Прокофьев
- 1824—1856: купец 1-й гильдии, действительный статский советник Н.И. Кусов
- 1835—1838: купец 2-й гильдии, титулярный советник К.Т. Хлебников
- 1842—1850: контр-адмирал, затем вице-адмирал Ф.П. фон Врангель (с 1844 года — председатель ГП)
- 1844—1866: генерал-майор, затем генерал-лейтенант В.Г. Политковский (с 1850 года — председатель ГП)
- 1844—1865: генерал-лейтенант, затем генерал от кавалерии В.Ф. фон Клюпфель
- 1846—1865: контр-адмирал А.К. Этолин
- 1850—1858: действительный статский советник В.Е. фон Врангель
- 1856—1871: контр-адмирал, затем вице-адмирал М.Д. Тебеньков
- 1858—1865: контр-адмирал, затем вице-адмирал В.С. Завойко
- 1865—1870: тайный советник, затем действительный тайный советник Е.Е. фон Врангель (с 1866 года — председатель ГП)
- 1865—1871: генерал-майор Э.И. Тилло (с 1870 года — председатель ГП)
- 1865—1871: купец 1-й гильдии Н.И. Любавин
- 1867—1871: коллежский ассессор Н.Н. Анциферов

Главные правители Русской Америки (1802—1867)

- 1802—1818: коллежский советник А.А. Баранов
- 11 января 1818 — 24 октября 1818 года: капитан-лейтенант Л.А. фон Гаге-мейстер

1818—1820: лейтенант С.И. Яновский

1820—1825: капитан-лейтенант, затем капитан 2-го ранга М.И. Муравьев

1825—1830: лейтенант, затем капитан-лейтенант и капитан 2-го ранга П.Е. Чистяков

1830—1835: капитан 1-го ранга Ф.П. фон Врангель

1835—1840: капитан 1-го ранга И.А. Купреянов

1840—1845: капитан 2-го, затем капитан 1-го ранга А.К. Этолин

1845—1850: капитан 2-го, затем капитан 1-го ранга М.Д. Тебеньков

1850—1853: капитан 2-го ранга Н.Я. Розенберг

1853—1854: капитан 2-го ранга А.И. Рудаков

1854—1859: капитан 1-го ранга, затем контр-адмирал С.В. Воеводский

1859—1864: капитан 1-го ранга И.В. Фуругельм

1864—1867: капитан 2-го, затем капитан 1-го ранга Д.П. Максудов

Источник обоих списков: *Гринев А.В.* Кто есть кто в истории Русской Америки.

М.: Академия, 2009. С. 642.

Именной указатель

- Александр I, император 56, 73, 78, 81, 96, 130, 286, 290
Александр II, император 16, 103, 285, 290
Анциферов Н.Н. 312
Армстронг Дж. 171
Афанасий, иеромонах 254, 259
- Баранов А.А. 63, 76, 100, 101, 109, 110, 130—132, 134, 135, 155, 159, 170, 176, 177, 179—181, 185, 189, 191, 192, 194, 211, 216, 217, 222, 223, 236, 255, 258, 259, 312
Барратт Г. 23, 79
Барсуков И.П. 239
Барт Г. 13
Бассин М. 15, 28, 86
Беккер Ф. 15
Беринг В. 23, 43, 57, 59, 64, 80
Беттс Р. 32
Биллингс Дж.Дж. 23, 57, 254
Блэк Л. 15, 41
Болховитинов Н.Н. 8, 9, 14, 39, 44
Браун Дж. 75
Броуэр Д. 13, 33
Брюс Дж. 14
Бугенвиль Л.А. де 99
Булдаков М.М. 312
Бурбанк Дж. 10, 171
Бурцев К.И. 222
Бэнкрофт Х.Х. 42
- Ванкувер Дж. 13, 70, 80, 236
Вашингтон Дж. 67
Вейдемейер И.А. 56
Вениамин, епископ Иркутский 238
Вениаминов Г.И. 277, 278
Вениаминов И.Е. (Иннокентий (Вениаминов); Попов И.Е.) 38, 41, 46, 170, 197, 202—204, 207, 211, 220, 231, 238—240, 242, 243, 247—249, 252, 261—282, 284
Верт П. 10, 32
Виньковецкая Д. 14
Виртшафтер Э.К. 211
Воеводский С.В. 165, 313
Вольтер [Аруэ Ф.М. де] 70
Врангель В.Е. фон 312
Врангель Е.В. фон 209, 215
Врангель Е.Е. фон 312
Врангель Ф.П. фон 74, 80, 120, 121, 145, 158, 160, 161, 166, 178, 207, 262, 270, 312, 313
- Габсбурги, королевская династия 31, 32
Гагемейстер Л.А. фон 110, 111, 120, 192, 203, 312
Гедеон, иеромонах 259
Гейер Д. 28
Герман, монах 254, 260
Гибсон Дж.Р. 27, 66, 121, 141
Голдер Ф. 43
Голиков И. 46, 62, 254—257, 260
Головин П.Н. 137, 206, 220, 231
Головнин В.М. 191, 217, 233
Горчаков А.М. 285
Гринев А.В. 10, 14, 44, 179, 200, 297
- Давыдов Г.И. 69, 108, 117, 141, 204, 207
Деларов Е.И. 312
Демут Б. 10
Джефферсон Т. 17

- Джонс Р.Т.* 10
Джонсон Э. 16, 17
Дмитришин В. 43
Доул М. 27
Долбилов М. 10
Дуглас Дж. 109
Духовской С.М. 103
- Екатерина II, императрица* 63, 98, 106, 121, 211, 254, 257, 258
Ермак (Ермак Тимофеевич), казачий атаман, завоеватель Сибири 64
Ермолаев А.Н. 10
- Жуков И.* 272
- Завойко В.С.* 312
Загоскин Л.А. 10, 111, 181, 195, 208, 209, 218, 226, 228, 233
Знаменский А. 14, 267
Зельник Р. 13
- Иван (IV) Грозный, царь* 64
Иванов В. 41
Иннокентий (Вениаминов) — см. Вениаминов И.Е.
Иоасаф, монах 254, 258
Иоасаф (Болотов), архимандрит, викарный епископ 254
- Каду, аборигенный житель одного из островов Южного Тихого океана* 70, 184
Кампе И.Г. 69
Кан С. 13, 137
Каппелер А. 10, 35, 140, 245
Катлиан, вождь индейцев тлинкитов 184, 185
Кашеваров А.Ф. 292
Келм М.-Э. 15
- Кернер Р.* 43, 44
Кивельсон В. 15
Киселевы, братья, владельцы торгово-промышленной компании 257
Киттлиц Ф.-Г. фон 178
Клайн К. 13
Климовский А. 222
Клюпфель В.Ф. фон 312
Кондаков Г. 222
Константин Николаевич, вел. кн. 16, 83, 285, 288, 291
Костливцов С.А. 137, 206, 209, 210, 221, 226, 227, 272, 273
Костромитинов П.С. 101
Коцебу О.Е. 184
Краббе Н.К. 285
Крамер В.В. 312
Креницын П. 23, 57
Кронон В. 88, 297
Крузенштерн И.Ф. 69, 70, 96, 97—100
Кук Дж. 69, 70, 80, 99, 144, 170, 171
Кук С. 188
Купер Ф. 19
Купряев И.А. 145, 168, 225, 313
Кусков И.А. 134, 177, 191
Кусов Н.И. 312
Кусовников М.А. 312
Кухкан М. 182, 183
Кюн Т. 15
- Лангсдорф Г.Г. (Г.И.) фон* 74, 120
Лаперуз Ж.-Ф. де 70, 81
Левашев М. 23, 57
Либерман А. 15
Лимерик П. 297
Лисянский Ю.Ф. 67—69, 96, 120, 131, 132, 134, 175, 185, 190
Литке Ф.П. 80, 115, 135, 136, 202, 207, 230, 263, 285
Литтл Дж. 15

- Локк Дж. 213
 Любавин Н.И. 312
 Люрманн С. 10, 15, 128
 Ляпунова Р.Г. 45
- Макарий, иеромонах 254, 257, 258, 264
 Максутов Д.П. 167, 313
 Маласпина А. 81
 Мария Федоровна, императрица,
 жена Павла I 56
 Матрена, невеста К.И. Бурцева 222
 Матюшкин Ф. 191
 Мейсон А. 14
 Меррелл Дж. 188
 Мидлкофф Р. 13
 Миллер А. 10, 15
 Мисаил, иеромонах 273
 Молчанов Е. 272
 Монро Дж. 81
 Мордвинов Н.С. 56, 100, 113
 Мордовский Ф. 261
 Муравьев М.И. 135, 157—159, 216,
 222, 223, 313
 Муравьев (Муравьев-Амурский) Н.Н.
 197, 277, 278
 Мыльников Д.Н. 312
 Мыльников Я.Н. 312
- Надеждин И. 272
 Найт Н. 80
 Невельской, служащий Российско-
 Американской компании 278
 Неводчиков П.М. (Темнак) 253
 Нектарий, иеродьякон 254
 Нельсон Г. 99
 Нецветов Я. 252, 264, 274, 280
 Николай I, император 81, 103, 162,
 182, 239, 242, 246—249, 288
 Нордландер Д. 15
 Нортрон Д. 15
- Окунь С.Б. 39, 85, 112
 Османы, династия султанов 32
 Остерхаммель Ю. 29, 117
- Павел I, император 55, 63, 106, 258
 Паньков И. 242
 Паперно И. 15
 Перловский Л. 14
 Петр I (Великий), император 23, 64,
 97, 244, 246
 Петров А.Ю. 14
 Пирс Р. 15, 43
 Плампер Я. 13
 Полевой Б. 14
 Политковский В.Г. 312
 Попов Е. 238
 Попов И.Е. — см. *Вениаминов И.Е.*
Преснякова И. 15
 Прибылов Г. 122
 Прокофьев И.В. 312
 Протасов Н.А. 247, 248, 275, 278
- Рам Х. 15
 Резанов Н.П. 73, 74, 96, 134, 143, 219,
 223, 233, 259, 260, 294
 Рейтерн М.Х. 285
 Ремнев А.В. 10, 103
 Реналь [Рейналь Г.Т.Ф.] 69
 Розенберг Б. 15
 Розенберг Н.Я. фон 165, 166, 313
 Романовы, императорская династия
 32, 139, 171, 172
 Роулз Дж. 51
 Рудаков А.И. 313
 Румянцев Н.П. 56, 100
 Руссо Ж.-Ж. 70
 Рэндольф Дж. 14
 Рязановский Н. 13
- Сандерланд В. 10

- Сандос Дж.* 191
Сарычев Г. 23, 57, 254
Саттер Дж. 143
Северин А.И. 312
Семенов А. 10
Сергий Радонежский 260
Симмонс В. 15
Симпсон Дж. 209
Скотт А. 229
Скотт И. 229
Слезкин Ю. 13
Соколов А. 261, 270
Сперанский М.М. 124, 232
Старр С.Ф. 171
Старцов С.А. 312
Стефан, иеродьякон 254
Стёкль Э. фон 285, 289
Строгановы, купеческая династия
24, 64
Сунни Р.Г. 15
Сьюард У.Г. 16—18

Таунсенд Дж. 47, 48, 50
Тебеньков М.Д. 125, 164, 177, 282, 312,
313
Темнак — см. *Неводчиков П.М.*
Тернер Ф.Дж. 36
Тилло Э.И. 312
Тихменев П.А. 38, 215

Уайт Р. 156, 297
Уилер М. 60
Уортман Р. 9

Федорова С.Г. 14, 39, 116, 225
Фербер С. 15
*Филарет (Дроздов), митрополит Мо-
сковский* 239, 247—249
Фишер Р. 43
Фреде В. 14

Фрейзер С. 13
Фриз Г. 244
Фрузетта Дж. 15
Фуругельм И.В. 165, 166, 183, 313

Харкин М. 231
Хвостов Н. 108, 141
Хлебников К.Т. 91, 189, 263, 312
Ходарковский М. 34, 179
Хоув С. 32
Хьюсон Д. 13

Чернов И. 222
Чириков А.И. 57, 80
Чистяков П.Е. 125, 145, 233, 234, 313

Шамиссо А. фон 126, 184, 211, 212
Шевинье Г. 42
Шелихов Г.И. 46, 62, 63, 95, 96, 214—
216, 253—257, 260, 294
Шелихов И.П. 312
Шелихова Н.А. 154, 193, 215, 294
Шелиховы, купеческая династия 93,
107, 193, 256—258

Элиотт Ш. 14
Энг Дж. 14
Этолин А.К. 111, 160, 163, 164, 166,
175, 182, 183, 202, 210, 211, 282,
283, 312, 313

Ювеналий, иеромонах 254

Яновский С.И. 313

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
О терминологии.....	12
Благодарственное слово	13
Введение	16
<i>Глава 1</i>	
Заокеанский колониализм континентальной империи.....	22
ЧАСТЬ I	
СТРОИТЕЛЬСТВО КОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ	53
<i>Глава 2</i>	
Кругосветные путешествия и заморский колониализм.....	55
<i>Глава 3</i>	
Подрядчик империи	84
<i>Глава 4</i>	
Организация труда коренного населения и уязвимость колонии	115
ЧАСТЬ II	
ОБРУСЕНИЕ АБОРИГЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ	147
<i>Глава 5</i>	
Мена и кооптация	154
<i>Глава 6</i>	
Зависимое положение и обрусение	195
<i>Глава 7</i>	
Создание колониальной епархии.....	238
<i>Заключение</i>	
Значение событий 1867 года.....	285
Избранная литература.....	297
Приложение.....	312
Именной указатель	314

Илья Виньковецкий
РУССКАЯ АМЕРИКА:
ЗАОКЕАНСКАЯ КОЛОНИЯ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ,
1804—1867

Редактор *А. Абашина*
Дизайнер обложки *Д. Черногаев*
Корректор *О. Семченко*
Верстка *Л. Ланцова*

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес редакции:
123104, Москва,
Тверской бульвар 13, стр. 1
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
сайт: www.nlobooks.ru

Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1.
Офсетная печать. Печ. л. 20. Тираж 1000. Заказ №К-3931.

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Новое Литературное Обозрение

Интернет-магазин www.nlobooks.ru

Возможность купить книги НЛО по ценам издательства,
которые значительно ниже цен в книжных магазинах

Доставка в любой регион России

**Специальные сервисы
для покупателей интернет-магазина:**

Раздел «Раритеты»

Возможность оформить заказ на редкие книги
нашего издательства, тираж которых почти распродан.

Раздел «Print on demand»

Возможность купить книги «НЛО», которые уже давно
стали библиографической редкостью.

Мы специально издадим эти книги для Вас
по уникальной технологии «Print on Demand»,
которая позволяет напечатать любую книгу тиражом
всего в 1 экземпляр.

Раздел «Специальные предложения»

Возможность купить отдельные книги издательства
со значительными скидками

HISTORIA ROSSICA

РУССКАЯ АМЕРИКА

ЗАОКЕАНСКАЯ КОЛОНИЯ
КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ

1804—1867

Монография канадского профессора Ильи Виньковецкого (Ilya Vinkovetsky, Simon Fraser University, Burnaby), родившегося в России и выросшего в США, представляет собой фундаментальное исследование истории единственной заморской колонии Российской империи. На основе обширной источниковой базы автор раскрывает политические, экономические и социальные аспекты функционирования русско-американской колониальной системы, подводит итоги столетнего владения Аляской для Российской империи, для коренного населения и для экологии и объясняет, почему правительство Александра II в 1867 году неожиданно решило продать Русскую Америку США. По мнению автора, российский империализм продемонстрировал удивительную гибкость и адаптивность в Русской Америке, которая до момента продажи была хотя и уязвимой, но все же жизнеспособной колонией.

